

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

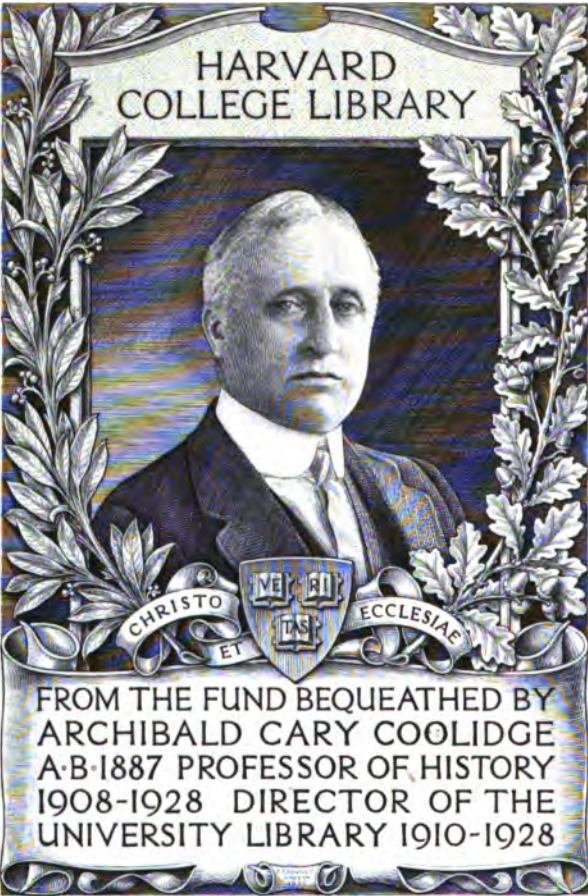
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 611.20

18817
~~1013~~
1891-111

Handwritten notes in the top left corner, possibly including the number '11' and some illegible characters.

Вышелъ 3-го марта.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

213'

ТОМЪ ДВѢСТИ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1891.

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. РУССКІЙ ГОРОДЪ ВЪ АВСТРИИ. II. Вс. Вл. Крестовскаго.
- II. ГИТАНА. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго.
- ✓ III. ЗАБОТА О БЛИЖНЕМЪ. I—VI. К. Н. Яроша.
- ✓ IV. НА ПЕПЕЛИЩѢ. Повѣсть. Н. И. Северина.
- V. ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯДЪ. (Изъ посмертн. замѣт.). Д. С. Нагловскаго.
- VI. ВСТРѢЧА. Разсказъ Д. М. Позняка.
- VII. „НА ТОРЖИЩАХЪ ВЛАЧА“. Стихотв. Я. П. Полонскаго.
- VIII. „ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМЪ ИНКВИЗИТОРѢ“, Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО. XI—XIV. Продолженіе. В. В. Розанова.
- IX. „Я НЕ ЗНАЮ, НЕ СКАЖУ Я“, „ВЕСЬ ВЕШНІЙ ДЕНЬ СРЕДИ СТРЕМЛЕНЬЯ“. Стихотв. А. А. Фета.
- X. КОММИСИИ ПО ОСВОБ. КРЕСТЬЯНЪ. I—II. А. А. Велицына.
- ✓ XI. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. III. В. М. Гаршинъ. Ю. Н. Елагина.
- XII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Очерки по исторіи русской земельной политикѣ въ XVIII и XIX вѣкахъ. Сочин. В. Якушкина. Выпускъ первый. Москва. 1891 г. — II. Любе. — Иллюстрированная исторія искусствъ. — Архитектура, скульптура, живопись, музыка. — Съ 140 рис. и портр. композиторовъ XIX вѣка. — Ѳ. Булгакова. Спб — III. Записки юнкера. — Повѣсть въ двухъ частяхъ. II. Райскаго (псевдонимъ). Спб. 1891 г.
- XIII. ПИСЬМА ИЗЪ ГУБЕРНІЙ. I. О сельско-хозяйственномъ винокурениі. Д. Н. Шишкова.

XIV. ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ. Сообщение „Правит. Вѣстн.“ —
Памяти А. Д. Пазухина. — Плоды финляндской автономіи. —
Борьба со штундою.

XV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Тейфенбахъ, въ Штирии, 17-го
февраля (1-го марта) 1891 г. С. С. Татищева.

XVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я:

I.

П А Р І Я.

Романъ въ шести частяхъ, Ф. Ансти. (Окончаніе).

II.

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ, И. Тасма. Часть 3-я.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

213'
ТОМЪ ДВѢСТИ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1891.

М а р т ь .

Москв. Центр. П. р. Публ.
Изд. системы "Paris"
№ 18912
П. кат. №
Пор. №

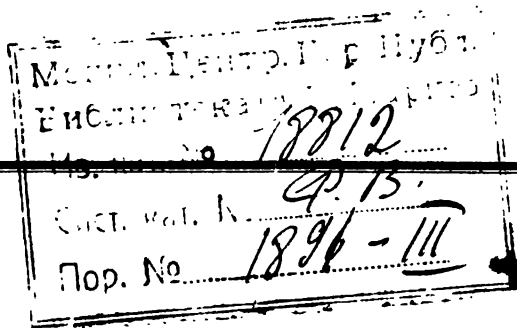
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1891.

Δ
P Slav 6/11/20
✓

MARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
5 May 1938

Русскій городъ подъ австрійской маркой ¹⁾.

II.

Садогоры и Жучка.—Казармы 8-го драгунскаго полка.—Нашъ взять въ офицерское казино.—Австрійскіе офицеры.—Манежъ и конюшни.—Лошади.—Полковой пейхгаузъ и мобилизаціонныя вещи.—Помѣщенія нижнихъ чиновъ.—Приспособленія для изученія приграничнаго района Россіи.—Кухня и столовая.—Солдатское казино.—Форма обмундированія драгунъ.—Племенной составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.—Солдатская пища и служба.—Мѣры дисциплинарныхъ взысканій.—Отношенія офицеровъ къ солдатамъ.—Послѣдствія этихъ отношеній.—Отношеніе австрійскихъ солдатъ и офицеровъ къ Россіи и къ вопросу о войнѣ съ нею.—„Черкесы пришли!“—Какковы бываютъ австрійскіе дезертиры.—Отношеніе къ войнѣ австро-русскаго населенія.—Поучительные примѣры.

Садогоры и Жучка—два подгородныя мѣстечка, верстахъ въ четырехъ или пяти отъ города, лежащія одно рядомъ съ другимъ въ красивой долинѣ Прута. Привлекательный видъ на оба эти селенія и на прилегающіе къ нимъ фруктовые сады, разбитые на покатосяхъ и вершинахъ сосѣднихъ холмовъ, открывается еще изъ самаго города, съ высокаго и длиннаго спуска къ желѣзному мосту, перекинутому черезъ рѣку Прутъ подъ самымъ городомъ. Прутъ здѣсь довольно широкъ, но мелокъ и пестрѣетъ хрящеватыми отмелями; тѣмъ не менѣе, постройка моста очень солидна, на каменныхъ устояхъ, потому что довѣряться этой капризной рѣкѣ нельзя: въ здѣшнихъ мѣстахъ она имѣетъ еще горный характеръ и каждый годъ пугаетъ населеніе своими разливами, которые иногда бываютъ очень значительны и причиняютъ не мало бѣдъ населенію лѣваго, низменнаго, берега. Обыкновенно, періодическія полно-

¹⁾ См. „Р. В.“ Январь 1891 г.

водія случаются три раза въ годъ: весною, при вскрытіи рѣки; лѣтомъ, когда таютъ снѣга на вершинахъ Карпатъ, откуда она беретъ свое начало, и позднею осенью, когда рѣка становится; но случаются и внезапныя, очень бурныя разливы, нерѣдко рвущіе берега и уносящіе съ собой и стоги сѣна, и хлѣбъ съ полей, и прибрежныя постройки, и людей, и животныхъ. Стоитъ лишь выпасть въ горахъ обильному и нѣсколько продолжительному ливню, какъ рѣка уже переполняется и шумно выходитъ изъ береговъ. Тутъ встрѣчается на Прутѣ не мало плавучихъ водяныхъ мельницъ на такъ-называемыхъ дубасахъ, или плоскодонныхъ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ дуба. Мельницы эти, по мѣрѣ надобности, переплываютъ отъ селенія къ селенію, гдѣ и мелютъ зерно для окрестныхъ поселянъ. Вверхъ, противъ теченія, двигаютъ ихъ посредствомъ людской или конской тяги, на лямкахъ, а внизъ плывутъ онѣ и сами, и такимъ образомъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, приносятъ хорошій доходъ своимъ хозяевамъ.

* * *

Дорога отъ Черновцовъ до Садогоръ и далѣе идетъ по шоссе, между воздѣланными полями и лежащими по близости усадьбами. Мѣстность весьма оживленная. Самыя мѣстечки Садогоры и Жучка довольно скученны и выглядятъ скорѣе городками, чѣмъ селеніями. Въ нихъ есть и лавки, и нѣсколько порядочныхъ каменныхъ домовъ, принадлежащихъ мѣстнымъ обывателямъ, есть и православныя церкви. Въ Садогорахъ, между прочимъ, существуетъ съ 1889 года русская народная читальня, открытая стараніями мѣстнаго духовенства. Въ члены этой читальни записалось много не только садогорскихъ и жучкинскихъ, но и окрестныхъ русскихъ жителей, и дѣла ея идутъ не дурно, подъ управленіемъ приходскихъ священниковъ въ Садогорѣ, Жучкѣ и Рогознѣ. Одна бѣда только: выписка книгъ и газетъ изъ Россіи затруднена коронною администраціею до крайности, не говоря уже о томъ, что каждое закордонное русское изданіе, прежде допуская его въ обращеніе, обязательно подвергается строжайшей цензурѣ, и чуть въ немъ почудится цензорамъ малѣйшій намекъ на австрійскіе порядки, или на воображаемый „панславизмъ“ и „панрусизмъ“,—сейчасъ же конфискація, и кончено. Что австрійское правительство само себя оберегаетъ, это вполне понятно,

и порицать его за это нечего; но тутъ дѣло въ томъ, что у страха глаза велики, а потому эти „ужасные“ панславизмъ съ панрусизмомъ мерещатся его усерднымъ чиновникамъ даже и тамъ, гдѣ ими и не пахнетъ,—напримѣръ, хоть бы въ Тургеневѣ.

* * *

Кавалерійскія казармы въ Жучкѣ выстроены на три эскадрона, съ прибавленіемъ помѣщеній для полковаго штаба и хозяйственной части; остальные же эскадроны расположены въ окрестныхъ селеніяхъ, ближе къ границѣ. Казармы эти представляютъ собою нѣсколько жилыхъ двухъэтажныхъ зданій среднихъ размѣровъ, выстроенныхъ въ одну линію изъ жженого кирпича, безъ излишнихъ затѣй, но основательно и удобно. Противъ этихъ домовъ, образуя вмѣстѣ съ ними одну продолжную улицу и нѣсколько поперечныхъ переулковъ, тянутся параллельно другъ другу каменный манежъ, полковой цейхаузъ и конюшни, позади которыхъ, вокругъ квадратнаго плаца разбиты постройки дѣловаго двора, гдѣ помѣщаются кузни, обозъ, различныя мастерскія и фуражные склады.

Мы подъѣхали къ крыльцу крайняго флигеля, въ нижнемъ этажѣ коего находятся съ одной стороны полковая канцелярія, съ другой—офицерское казино. Противъ ихъ оконъ разбитъ небольшой тѣнистый садикъ съ пестрыми цвѣтниками, содержимый, какъ и вообще все, что мы видимъ вокругъ, въ отмѣнной чистотѣ и аккуратномъ порядкѣ.

Мы послали съ дежурнымъ при канцеляріи вѣстовымъ наши карточки командиру полка,—и, минуто спустя, къ намъ вышелъ пожилой сивоусый штабъ-офицеръ, сразу располагавшій къ себѣ какъ своею добродушною наружностію, такъ и манерой держать себя. Онъ отрекомендовался намъ старшимъ штабъ-офицеромъ полка и съ истинно военнымъ простымъ радушіемъ пригласилъ насъ отъ имени командира и господъ офицеровъ въ казино. Здѣсь, въ небольшой столовой залѣ, мы застали на лицо почти все полковое офицерское общество, кончавшее свой обѣдъ. Тутъ же, на предѣдательскомъ мѣстѣ, въ серединѣ сидѣлъ и полковой командиръ, генеральнаго штаба полковникъ Вейсъ, человекъ еще молодой, на видъ лѣтъ тридцати-пяти, и очень представительной наружности, который поднялся намъ на встрѣчу, причемъ немедленно, во ис-

полненіе долга военной вѣжливости, встали съ мѣсть и всѣ офицеры. Сейчасъ же произошло взаимное представленіе; мы перезнакомились со всѣми присутствующими, и со стороны каждаго изъ нихъ, начиная съ самого командира, встрѣтили доброе рукопожатіе и радушную привѣтливость. Усадили насъ тотчасъ же за столъ и стали угощать десертомъ, кофе, бѣлымъ венгерскимъ виномъ и русскими папиросами, а вслѣдъ затѣмъ явилось и шампанское. Обстановка столовой очень проста, безъ всякихъ излишнихъ затѣй; единственнымъ ея украшеніемъ является прекрасный большой портретъ императора Франца-Иосифа, въ бѣломъ мундирѣ. Смежная комната представляетъ собою гостиную, съ солидною мягкою мебелью и роялемъ, подъ звуки котораго одинъ изъ офицеровъ прекрасно спѣлъ нѣсколько романсовъ. Бесѣда съ нами шла вѣ всякаго оффиціального характера, а просто какъ между военными—людьми, такъ сказать, одной профессіи. Говорили частію на французскомъ, а больше на нѣмецкомъ языкѣ. Противъ меня и рядомъ со мною сидѣли два офицера-поляка, изъ коихъ одинъ былъ командиромъ эскадрона, и съ ними разговорились мы по-польски, потому что на этомъ, родномъ для нихъ языкѣ, я говорю гораздо свободнѣе, чѣмъ по-нѣмецки. Мнѣ въ особенности пріятно засвидѣтельствовать, что со стороны этихъ двухъ моихъ собесѣдниковъ не проглянуло и тѣни какого бы то ни было предубѣжденно сдержаннаго чувства по отношенію ко мнѣ и моимъ спутникамъ, какъ „москалямъ“, которое невольнымъ образомъ, само собою, дало бы себя знать даже среди самыхъ любезныхъ формъ утонченнѣйшей вѣжливости, еслибъ оно дѣйствительно было у нихъ въ душѣ. Напротивъ, въ ихъ откровенно привѣтливомъ взорѣ, какимъ они глядѣли на меня, въ самомъ тонѣ ихъ бесѣды, простой и душевной, сказывалось скорѣе общеславянское радушіе, чѣмъ русско-польская ровнь и предубѣжденность. Одинъ изъ нихъ, протянувъ ко мнѣ бокаль, чокнулся со мной, примолвля самымъ сердечнымъ тономъ старо-польское „*koszajmy się!*“ на что я взаимно отвѣтилъ ему отъ души такимъ же пожеланіемъ. Былъ здѣсь одинъ офицеръ и изъ русскихъ, галичанинъ, съ которымъ разговорились мы по-русски, и по этому поводу я долженъ кстати замѣтить, вопреки гдѣ-то вычитанному мною, будто въ офицерскихъ казино австрійской арміи обязательно долженъ быть употребляемъ одинъ только нѣмецкій языкъ, что это не совсемъ справедливо. Не знаю, можетъ быть, исключеніе изъ

такого правила (если оно дѣйствительно существуетъ) было допущено на сей разъ изъ любезности къ намъ, какъ гостямъ, но—насколько мнѣ показалось—собесѣдники мои ни мало не стѣснялись употреблять свои родные языки въ разговорѣ съ нами, хотя въ общемъ преобладалъ все-таки языкъ нѣмецкій. Тема бесѣды и на сей разъ, т. е. въ разговорѣ съ нашимъ галицкимъ соплеменникомъ, касалась преимущественно военныхъ предметовъ и военного быта. Оказалось, что всѣ вообще собесѣдники наши имѣютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о нашихъ приграничныхъ войскахъ, о форменныхъ отличкахъ ихъ одежды, о ихъ вооруженіи, устройствѣ и даже расположеніи, ссылаясь при этомъ на свои военные журналы и листки, постоянно знакомящіе ихъ со всѣмъ, что касается чужестранныхъ и, въ особенности, сосѣднихъ армій. Было упомянуто также и объ особой книжкѣ, изданной въ Вѣнѣ около года тому назадъ, въ родѣ нашихъ, такъ называемыхъ „военныхъ переводчиковъ“, гдѣ, кромѣ краткаго руководства къ познанію русскаго языка и русскихъ діалоговъ на военно-разспросныя и, частію, этнографическія темы, находится еще особое приложеніе, объясняющее устройство нашихъ войскъ и формы ихъ обмундированія, снаряженія и вооруженія, которое, для большей наглядности, сопровождается соответственными раскрашенными рисунками. И надо отдать австрійскимъ офицерамъ справедливость,—изъ разговора ихъ видно, что они постоянно и очень внимательно слѣдятъ по своимъ военно-литературнымъ органамъ за всѣмъ, что дѣлается у насъ по военной части. Въ особенности интересовали ихъ наши линейные казаки, терцы и кубанцы, съ которыми познакомились они, по ближайшему сосѣдству къ Новоселицѣ, съ 1889 года. Они рассказывали намъ, что имѣли однажды случай видѣть на границѣ казачью джигитовку и отзывались съ большою похвалою объ изумительной ловкости и лихости кубанцевъ, какъ непримѣрныхъ военныхъ наѣздниковъ. „Это не люди, а просто черти какіе-то!“ съ увлеченіемъ выразился при этомъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Вообще, бесѣда наша носила военнотоварищескій характеръ, но съ большимъ тактомъ, при чемъ о войнѣ или о возможности ея въ будущемъ никто, конечно, и не заикнулся. Напротивъ, въ видѣ любезности, дано было понять, что русскіе съ австрійцами если и встрѣчались на поляхъ сраженій, то всегда какъ друзья и союзники, но никогда врагами, потому что никогда не воевали между собою. При

этомъ было кстати упомянуто про бой подъ Кульмомъ, 18-го августа 1813 года, гдѣ отличился въ атакѣ именно ихъ 8-й драгунскій (въ то время драгунскій эрцъ-герцога Іоанна) полкъ, сражаясь рука объ руку съ русскими полками, Татарскимъ уланскимъ и кирасирскимъ Ея Величества. Эпизодъ этого боя, относящійся до 8-го драгунскаго полка, изображенъ на литографической картинѣ, украшающей, въ числѣ прочихъ, не только офицерское казино, но и помѣщенія каждаго эскадрона.

Я уже рассказалъ, какъ пріятно было мнѣ мое разочарованіе при встрѣчѣ съ австрійскимъ генераломъ, котораго я воображалъ себѣ совсѣмъ не такимъ, какимъ оказался онъ въ дѣйствительности. Такъ точно и тутъ. Вдучи въ Жучку, я почему-то былъ увѣренъ, — каюсь, — совершенно предвзятымъ образомъ, — что при настоящихъ политическихъ условіяхъ и въ особенности подъ нравственнымъ влѣяніемъ австро-германскаго союза, идеаломъ для австрійскихъ офицеровъ должны быть пруссаки, что они, по всей вѣроятности, стараются подражать этимъ послѣднимъ во всемъ, даже во внѣшности, стараясь усвоивать себѣ и грудь колесомъ, и проборъ на затылкѣ, и манеры, и тонъ этихъ вѣчно натянутыхъ, надменно самодовольныхъ, самоувѣренныхъ и точно бы аршинъ проглотившихъ сыновъ нѣмецкаго Марса. И что же? — Ни чуть не бывало. Австрійскіе офицеры, напротивъ, держатъ себя совершенно естественно, скромно, просто, по-человѣчески, и въ этомъ отношеніи скорѣе всего напоминаютъ нашихъ русскихъ офицеровъ, но ужь никакъ не своихъ нынѣшнихъ союзниковъ. И это было для меня новымъ пріятнымъ разочарованіемъ. Вообще, изъ кратковременнаго знакомства съ ними я вынесъ наилучшее впечатлѣніе.

* * *

Послѣ бесѣды въ казино, продолжавшейся болѣе часа, полковникъ Вейсъ предложилъ намъ осмотрѣть полковныя помѣщенія и, въ сопровожденіи всего наличнаго общества офицеровъ, повелъ насъ прежде всего въ манежъ. Это — довольно обширное, свѣтлое и теплое помѣщеніе, наилучшимъ образомъ приспособленное для своего спеціальнаго назначенія, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Между прочимъ, намъ было указано на ту, достойную вниманія, особенность, что въ немъ никогда не

бываетъ ни пыли, ни промерзанія почвы. Достигается это тѣмъ, что въ смѣси песка и древесныхъ опилокъ, устилающей достаточнымъ слоемъ поле манежа, подбавляется небольшое количество соли, которая лѣтомъ сохраняетъ въ этомъ слое достаточную влажность, а зимою смягчитъ его. При этомъ получается еще и та выгода, что соль не даетъ загнивать опилкамъ, которые поэтому могутъ держаться безъ всякаго освѣженія и не давая ни малѣйшаго запаха несравненно дольше, чѣмъ обыкновенно.

Изъ манежа пошли мы по конюшнямъ. Всѣ онѣ устроены по одному и тому же плану и въ одинаковыхъ размѣрахъ, по одной на эскадронъ; каждая изъ нихъ представляетъ длинное, достаточной высоты зданіе изъ жженого кирпича, оштукатуренное внутри и снаружи и раздѣленное въ серединѣ широкимъ сквознымъ пролетомъ, какъ бы воротами, на двѣ равныя половины. Полъ въ конюшняхъ асфальтовый, съ надлежащимъ дренажемъ; вентиляція прекрасная, всегда поддерживающая воздухъ въ совершенной чистотѣ; достаточно широкія окна прорѣзаны горизонтально въ верхней части продольныхъ стѣнъ и даютъ много свѣта, а въ случаѣ надобности, прикрываются съ наружной стороны, вмѣсто соломенныхъ матъ, особыми завѣсами, сплетенными въ видѣ длинной бахромы изъ вѣтвистыхъ стеблей бурьяна и полыни. Это приспособленіе отлично прикрываетъ отъ горячихъ лучей лѣтняго солнца и, въ то же время, не отнимаетъ свѣта. Стойла достаточно просторны, столбы и перекладины оплетены соломенными жгутами, а подстилка дается въ такомъ изобиліи, что представляетъ собою какъ бы цѣлый тюфякъ фута въ полтора, если не больше, толщиною. Чистота при этомъ замѣчательная, можно сказать, идеальная, которая поддерживается очень оригинальнымъ и даже нѣсколько комическимъ способомъ, совершенно впрочемъ достигающимъ своей цѣли. Для этого въ каждомъ отдѣленіи конюшни, на всемъ его протяженіи разставлено достаточное количество деревянныхъ шпекъ съ длинными ручками и имѣется нѣсколько дневальныхъ (человѣкъ по пяти), обязанныхъ внимательно слѣдить за всѣми фізіологическими потребностями лошадей и своевременно предупреждать ихъ проявленія. Чуть что,—ближайшій дневальный мигомъ хватается ближайшую шайку и стремительно бросается съ нею къ лошади. Поэтому подстилка можетъ здѣсь не мѣняться по цѣлымъ мѣсяцамъ, оставаясь всегда достаточно свѣжею.

Лошади содержаны въ хорошемъ овсяномъ тѣлѣ, и сортъ ихъ намъ очень понравился. Всѣ онѣ двухвершковые, легкокавалерійскаго склада и принадлежать почти исключительно мѣстной галиційской, но отлично культивированной породѣ. Въ некультурномъ видѣ, представители этой породы, близко сродной вашей польской лошади, хотя и жидковаты, но благодаря постоянному, въ теченіе многихъ лѣтъ, влиянію нашего же знаменитаго Славутинскаго завода князя Сангушко и нѣкоторыхъ другихъ, обладающихъ хорошими породистыми производителями, въ эту расу настолько уже влило благородной арабской крови, что естественные недостатки ея почти сгладились, грудь, плечо и почки приняли надлежащій окрѣпленный видъ, и теперь въ комплектѣ строевыхъ лошадей 8-го драгунскаго полка, какъ вѣроятно и въ другихъ кавалерійскихъ частяхъ, расположенныхъ на восточномъ фронтѣ, находятся уже очень хорошіе полукровки, и при томъ въ немаломъ числѣ. Хотя австрійскіе ремонтеры все еще ежегодно выводятъ порядочное количество лошадей и отъ насъ, изъ Россіи, но здѣшніе офицеры сказывали намъ, что ихъ полкъ уже нѣсколько лѣтъ ремонтируется почти исключительно галиційскими и отчасти венгерскими заводами. Между офицерами есть нѣсколько любителей, которые держатъ собственныхъ породистыхъ верховыхъ лошадей, показанныхъ намъ частію въ стойлахъ, частію на выводкѣ; но большинство чуть-ли не довольствуется казенными,—по крайней мѣрѣ, намъ ихъ не показывали.

* * *

Осмотрѣвъ дѣловой дворъ и хорошо устроенную кузницу, мы отправились въ полковую цейхгаузъ, гдѣ хранятся вещи мобилизаціоннаго запаса. Любезные хозяева не постѣснились показать намъ и эту часть, тѣмъ болѣе, что они, по справедливости, могутъ гордиться ею. Большинство предметовъ снаряженія отличается превосходными качествами. Въ особенности хороши по своей практичности широкія, толстыя попоны изъ прочнаго бѣлаго войлока, совершенно защищающія не только спину и бока, но и грудь, и даже животъ лошади и, въ то же время, могущія служить отличнымъ одѣяломъ солдату, въ которое весь онъ закутывается со всѣхъ сторонъ, не стѣсняясь собственнымъ просторомъ. Складываются эти попоны четверо, квадратомъ, и въ походѣ кладутся подъ сѣдло. Хороши также по

своей отмѣнной прочности высокіе сапоги, хотя они черезъ-чуръ уже дубоваты; наши въ этомъ отношеніи лучше, потому что они мягче и легче. Кожанья вещи, всё вообще, тоже удовлетворительнаго качества; но стремѣна и мундштуки показались мнѣ тяжеловатыми. За то кострюльки походныя изъ тонкой бѣлой жести, смѣю думать, никуда не годятся, такъ какъ сдѣланы черезъ-чуръ уже деликатно, почти игрушечнымъ образомъ, и потому въ походѣ непременно помнутся и переломаются. По всей вѣроятности, за непрочностію, ихъ придется бросить послѣ первыхъ же дней бивуачной жизни. Такой же участи, безъ сомнѣнія, подвергнутся и каски, если только ихъ возьмутъ съ собою въ боевой походъ, но уже по другой причинѣ. Каски эти, очень красивыя на видъ, снабжены высокимъ мѣднымъ гребнемъ, чешуями, гербомъ и желѣзными козырьми, прикрѣпленными на винтахъ къ кожаной тульѣ; онѣ очень тяжелы и больно даютъ себя чувствовать головѣ своими винтами. Впрочемъ, для домашняго употребленія, у солдатъ имѣются очень удобныя, мягкія шапки изъ толстаго краповаго сукна, или войлока, по формѣ совершенно такія же, какъ сербскія „капы“, такъ что въ походѣ люди, вѣроятно, ими и обойдутся, не стѣсняя себя своими парадными касками. Показали намъ также и новаго образца сѣдло, присланное въ полкъ для испытанія. Особенность его въ томъ, что лавы у ленчика устроены подвижнымъ, какъ бы створчатымъ, образомъ, на шарнирахъ, и потому такое сѣдло можетъ свободно пригнаться на каждую лошадь, не нагнетая ей спину, каково бы ни было строеніе послѣдней. Идея сама по себѣ не дурна, но ленчикъ могъ бы быть легче.

* * *

По осмотрѣ цейхауза, насъ провели въ помѣщеніе одного изъ эскадроновъ. Дортуары просторны и свѣтлы, и люди размѣщены въ нихъ безъ скученности. У каждаго человѣка особая желѣзная кровать, съ сѣннымъ тюфякомъ и подушкою; но сѣнныя тюфяки, ничѣмъ, къ тому же, не покрытыя, не отличаются особенною чистотою и опрятностію. Остальная обстановка дортуаровъ не особенно казиста и далеко не полна. Такъ, напримѣръ, не говоря уже о междупостельныхъ шкафчикахъ-поставцахъ, гдѣ солдаты могли бы хранить свое бѣлье и кое-какія собственныя вещи, здѣсь мы не замѣтили даже

достаточнаго числа табуретовъ, рабочаго стола и вѣшалокъ. Вообще, внутренняя обстановка, на мой взглядъ, страдаетъ отсутствіемъ домовитости, такъ что наши русскія казарменныя помѣщенія, въ сравненіи съ этими, выглядятъ гораздо жилѣе, веселѣе и уютнѣе. А здѣсь, въ этой сухой и скучной оголенности, которую, если хотите, можно назвать въ высокомъ слогѣ спартанскою суровостію воинской обстановки, есть что-то непривѣтливое, черствое, напоминающее скорѣе арестантскую камеру, чѣмъ жилье солдата, и это, мнѣ кажется, невольно должно вліять угнетающимъ образомъ на духъ людей, обреченныхъ жить въ такихъ полу-кутузкахъ, гдѣ для полнаго сходства съ настоящею кутузкой не хватаетъ только желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ. У насъ, напримѣръ, заботливый ротный или эскадронный командиръ, кромѣ попеченій о гигиеническихъ удобствахъ солдатскаго помѣщенія, думаетъ еще и о томъ, чтобы солдату въ его казармѣ жилось веселѣе и уютнѣе, чтобы въ ней было что-нибудь ласкающее его глаза и говорящее сердечному чувству, что-нибудь красивое, „занятное“, въ родѣ пирамидъ изъ ружей, или военныхъ картинъ, иллюминированныхъ красками таблицъ и чертежей на стѣнахъ, не говоря уже о царскихъ портретахъ и объ украшенномъ кіотѣ съ ротнымъ образомъ, которые занимаютъ самыя видныя и почетныя мѣста въ казармѣ. Здѣсь же подобныя заботы, повидимому, не считаются необходимыми, лишь бы были соблюдены условія столькихъ-то кубическихъ футовъ воздуха, столькихъ-то градусовъ тепла и столько-то свѣта на человѣка.

Оружіе и аммуниція развѣшаны по стѣнамъ сѣней и проходныхъ корридоровъ. Карабины все еще остаются старыя, системы, кажется, Верндля. Великою они чуть-ли не короче нашихъ прежнихъ карабиновъ Бердана, бывшихъ въ употребленіи у гусаръ и уланъ до переформированія ихъ въ драгуны, но нѣсколько тяжелѣе, съ болѣе массивнымъ механизмомъ и не такъ прикладисты какъ наши. Новыхъ магазинныхъ карабиновъ Манлихера въ полеу еще не имѣется; прислано пока лишь нѣсколько штукъ, для предварительнаго ознакомленія съ ними людей. Сказать что-либо о достоинствѣ ихъ не могу, такъ какъ на этотъ вопросъ собесѣдники наши отвѣчали довольно неопредѣленно, ссылаясь на неполнѣе еще достаточное знакомство свое съ этимъ оружіемъ на практикѣ. Можно думать поэтому, что они, вѣроятно, не совсѣмъ-то имъ довольны,

тѣмъ болѣе, что недостатки системы Манлихера, насколько извѣстно изъ военныхъ и общихъ газетъ, уже успѣли обнаружить себя достаточнымъ образомъ. За то холодное оружіе (сабли) хорошо и содержится въ большомъ порядкѣ.

Въ казармѣ каждаго эскадрона есть особая небольшая комната, гдѣ помѣщается эскадронная канцелярія. Въ каждой изъ этихъ канцелярій содержится на виду карта приграничнаго пространства Россіи, смежнаго съ Буковиной, составленная австрійскимъ генеральнымъ штабомъ очень отчетливо и подробно. Эскадронный командиръ, замѣтивъ, что одинъ изъ моихъ сотоварищей обратилъ на нее особенное вниманіе, любезно объяснилъ, что подобныя карты обязательно имѣются во всѣхъ воинскихъ частяхъ, расположенныхъ не только на восточной, но и на всѣхъ вообще границахъ имперіи, что карта, данная той или другой части, непременно обнимаетъ собою въ ширь и въ глубь заграничный районъ, противуположающій мѣстамъ расположенія этой части, и что офицеры обязаны не только сами изучать такія карты „своихъ“ районовъ, но и обстоятельно знакомить съ ними людей. При этомъ, какъ бы въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, онъ выказалъ достаточное знакомство съ расположеніемъ постовъ нашей пограничной стражи, указавъ на картѣ, гдѣ находятся посты офицерскіе и вахмистерскіе и гдѣ расположены штабъ-квартиры отдѣловъ. Разсматривая карту, мой спутникъ замѣтилъ, что противъ каждаго нашего пограничнаго поста отмѣчена карандашемъ какая-то цифровая дробь, а разсмотрѣвъ эти дроби внимательнѣе, нашелъ, что въ ихъ числителяхъ совершенно точно обозначено количество людей, а въ знаменателяхъ число лошадей на каждомъ кордонѣ и что офицерскіе посты отмѣчены особыми значками. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, какъ о примѣрѣ, вполне достойномъ подражанія и съ нашей стороны по отношенію къ своимъ сосѣдямъ.

Кухня и столовая эскадрона помѣщаются въ нижнемъ этажѣ его казармы. Первая изъ нихъ устроена очень удобно съ большою варочною и хлѣбопекарною печью, плитою и четырьмя чугунными, вмazanными въ печь, котлами. Двое поваровъ, въ бѣлыхъ колпакахъ и очень чистыхъ фартухахъ, въ моментъ нашего появленія въ кухню, стояли самымъ форменнымъ образомъ на своихъ мѣстахъ, у печи. Предполагая, по времени и по этому ихъ костюму, что теперь должна бы вариться для

людей вечерняя пища, мы заглянули мелькомъ въ котлы, въ надеждѣ познакомиться съ родомъ этой пищи. Оказалось, однако, что котлы только отлично вычищены, но совершенно пусты, и печь даже не топится. Намъ объяснили, что люди, по положенію, получаютъ утромъ хлѣбъ, а горячую пищу только въ полдень, одинъ разъ въ сутки, и что если кому изъ нихъ угодно закусить сверхъ казеннаго положенія, тотъ въ свободное время можетъ отправиться въ солдатское казино и покушать тамъ по своему вкусу на собственные деньги. Но для того, чтобы солдату не обходилось это дорого, высшее начальство опредѣлило разъ на всегда очень умѣренную таксу на извѣстные, допускаемые въ подобныхъ казино, съѣстные продукты и на пиво.

* * *

Въ это-то солдатское казино, общее для всего полка, и пригласили насъ теперь любезные наши хозяева, давъ намъ „тонко“ почувствовать, что больше показывать имъ нечего и что, знакомясь съ этимъ послѣднимъ учрежденіемъ, мы уже будемъ имѣть достаточное понятіе обо всѣхъ сторонахъ домашняго быта австрійскаго солдата-кавалериста. На это пришлось, конечно, только кланяться и благодарить съ любезною улыбкой, хотя и мы, и они отлично, всякъ про-себя, понимали, относительно солдатскаго быта, что намъ показаны далеко не „всѣ“ его стороны. Хотѣлось бы, на примѣръ, видѣть полковую школу, учебную команду, офицерскую и солдатскую библіотеку, если таковая существуетъ, околотокъ, конскій лазаретъ, карцеръ и мало ли что еще, не говоря уже о ѣздѣ и хоть какомъ-нибудь строевомъ ученіи, еслибы только показъ сихъ послѣднихъ не нарушилъ опредѣленнаго хода дневныхъ занятій; но... докучать со своимъ непрошеннымъ любопытствомъ было бы неделикатно, да и бесполезно. Спасибо и за то, что показали!

Устроено солдатское казино въ особомъ помѣщеніи, состоящемъ изъ двухъ комнатъ. Первая изъ нихъ болѣе обширна и заключаетъ въ себѣ отдѣленный сквозною рѣшетчатою перегородкою буфетъ, съ пивною бочкой на козлахъ, и довольно просторную залу, съ нѣсколькими деревянными столами, скамьями и табуретами; вторая же, поменьше, отличается болѣе изысканною обстановкой, будучи украшена олеографическими поясными портретами императора и императрицы и омобли-

рована легкими буковыми диванчиками и грутыми вѣнскими стульями, разставленными вокругъ нѣсколькихъ бѣлыхъ столиковъ на желтыхъ желѣзныхъ ножкахъ. Первая комната предназначена для рядовыхъ, а вторая только для вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ. Иногда, впрочемъ, въ тѣ часы, когда нижнихъ чиновъ нѣтъ, заглядываютъ сюда и офицеры, если желаютъ выпить куфель холоднаго, пѣнистаго пива, прямо изъ подпольнаго погреба. По ихъ словамъ, оно здѣсь и дешевле, и лучше, чѣмъ въ мѣстечковыхъ кнейпахъ, такъ что даже для своего офицерскаго казино берутъ они его отсюда же. Пивная торговля и буфетъ въ солдатскомъ казино сдаются съ торговъ вольному маркитанту, который не смѣетъ, однако, подъ страхомъ большаго штрафа, держать водку и брать съ солдатъ выше установленной таксы. Куфель пива, если не ошибаюсь, стоить не болѣе полутора крейцера, и казна отпускаетъ даже въ извѣстныхъ размѣрахъ пивныя деньги для нижнихъ чиновъ, которыя они имѣютъ право употреблять по своему усмотрѣнiю, то-есть, пить или не пить; но болѣе одного куфеля въ день рядовому изъ буфета не отпускается (унтеръ-офицерамъ разрѣшается, кажется, больше). За буфетомъ солдаты могутъ получить себѣ бѣлый и пеклеванный хлѣбъ, шинку (ветчину), свиное сало, колбасу, яйца въ крутую, селедку, кислые огурцы, молдаванскiе сыры—качкавалъ и брынзу,—и тому подобныя простыя закуски. Отвѣдавъ по большому куфелю солдатскаго, дѣйствительно прекраснаго, пива, мы простились съ командиромъ и офицерами, отъ души поблагодаривъ ихъ за радушный прiемъ и за любезную готовность показать намъ столько интереснаго.

* * *

И такъ, намъ показали „все“—пусть будетъ по-ихнему!—все, за исключенiемъ... бездѣлицы. Кромѣ какъ двухъ вахмистровъ, двухъ поваровъ да дежурныхъ съ дневальными по конюшнямъ и по казармѣ,—остальныхъ солдатъ мы не видали. Даже показанная намъ жилая казарма, и та оказалась пустою. Куда и по какой причинѣ были убраны люди,—этого мы не знаемъ, а спрашивать было, конечно, неловко. Впрочемъ, судя по тѣмъ немногимъ солдатамъ, которыхъ мы видѣли, можно придти къ заключенiю, что при молодости своихъ лѣтъ, это, по большей части, народъ все жиденскiй, недостаточно рослый

и крѣпкій для кавалериста. Наши куда здоровѣе! У нѣкоторыхъ видъ совершенно тщедушный, недостаточно развитая или впалая грудь, узковатые плечи, а на желтоватыхъ или сѣрыхъ лицахъ явно сказываются признаки малокровія и переутомленія, точно бы имъ работы много, а питанія мало; но военная выправка у всѣхъ вообще не дурна, и они видимо старались держаться передъ начальствомъ бодрѣе, чтобы казаться молодцами.

Форма одежды у солдатъ этого полка—суконная черная тужурка со стоячимъ, узенькимъ воротникомъ, на которомъ нашита пара зеленыхъ петлицъ, суконные, толстые рейтузы, краповаго цвѣта, запущенные въ голенища высокихъ сапогъ со шпорами, и на головѣ краповая капа. Вооруженіе — сабля въ стальныхъ ножнахъ и короткій карабинъ. Офицеры носятъ тоже тужурки и, вмѣсто фуражекъ, легкія шапки извѣстнаго австрійскаго типа, а на нѣкоторыхъ мы видѣли, вмѣсто тужурокъ, черныя венгерки, въ родѣ французскихъ, съ черными нагрудными шнурами.

Племенной составъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ полка очень разнообразенъ, и это можно было сразу же замѣтить на дежурныхъ, которые въ каждой конюшнѣ и въ казармѣ, при нашемъ появленіи, подходили ко мнѣ съ рапортомъ ¹⁾. Здѣсь мнѣ пришлось выслушать рапорты на языкахъ нѣмецкомъ, польскомъ, русскомъ, молдаванскомъ и венгерскомъ, причемъ такое разнообразіе языковъ было объяснено намъ тѣмъ обстоятельствомъ, что это все люди послѣдняго призыва, не успѣвшіе еще ознакомиться въ достаточной мѣрѣ съ общев военнымъ языкомъ австрійской арміи. По поводу этого разнообразія мнѣ невольно припомнилось то, что писалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ моихъ писемъ съ австрійской границы ²⁾ и что, на мой взглядъ, не утратило своего значенія и теперь. Хотя нынѣшнія *личныя* мои впечатлѣнія и на много расходятся съ прежними, вынесенными только изъ заочныхъ разсказовъ, не всегда, къ тому же, и безпристрастныхъ, но, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что каждая медаль имѣетъ и свою обратную сторону. Прежнія свѣдѣнія мои были почерпаемы преимущественно изъ разсказовъ

¹⁾ Такая военная любезность, по указанію командира части, всегда оказывается гостю старшаго или равнаго съ начальникомъ части чина, при посѣщеніи имъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ полагаются дежурные.

²⁾ Газета „Свѣтъ.“ 1887 г. № 200.

и показаній австрійскихъ дезертировъ, которые и доселѣ не устаютъ перебѣгать на нашу сторону въ количествѣ никакъ не меньшемъ, если не большемъ, чѣмъ прежде, и въ числѣ мотивовъ своего побѣга продолжаютъ выставлять все однѣ и тѣ же причины. Если въ ихъ разсказахъ, по своей вѣроятности, много преувеличеннаго, то все же есть и такія жизненныя черты, которыхъ, не испытавъ самъ на себѣ, никакъ не выдумаешь, и съ этой стороны, мнѣ кажется, нѣкоторымъ ихъ разсказамъ можно дать вѣру. При томъ же лично я видѣлъ только то, что сочли удобнымъ и возможнымъ показать намъ, а въ данномъ случаѣ, со стороны нашихъ любезныхъ хозяевъ, конечно, не могло быть желанія обнаруживать предъ посторонними лицами большыя мѣста и отрицательныя стороны своего и, въ особенности, солдатскаго быта. Поэтому, для полноты картины, переворачивая медаль на другую сторону, я обращаюсь къ показаніямъ австрійскихъ дезертировъ. Не знаю, давно ли стоитъ въ Жучкѣ 8-й драгунскій полкъ, но изъ разсказовъ мнѣ извѣстно, что прежде, года три-четыре тому назадъ, въ этихъ мѣстахъ стояли гусары, которыхъ на нашей сторонѣ называли венгерскими, и изъ этого гусарскаго полка побѣги къ намъ случались гораздо чаще и больше, чѣмъ изъ другихъ приграничныхъ частей сосѣдней арміи. Мотивомъ своего побѣга—справедливо ли, нѣтъ ли,—но только всегда бѣглецы выставляли двѣ причины: плохое, недостаточное продовольствіе и жестокое обращеніе съ ними начальства. То же самое продолжаютъ говорить и нынѣшніе дезертиры, ссылаясь, впрочемъ, больше на голодъ и тягости службы. Они говорятъ, что супъ или борщъ съ мясомъ даютъ имъ только два раза въ недѣлю, и то мяса приходится не больше, какъ по четверти фунта на человѣка, а въ остальные дни кормятъ ихъ овсянкой, жидкимъ крупникомъ, вапустнякомъ (родъ пустыхъ щей) и горохомъ. Въ скоромные дни эта жидкая пища заправляется въ очень умѣренномъ количествѣ фритурой (въ родѣ маргарина) или свинымъ саломъ, а въ постные—*оливой*, то-есть деревяннымъ масломъ, и кормятъ ихъ такимъ варевомъ, какъ уже сказано, только одинъ разъ въ сутки. Понятно, что съ такой пищи силъ не наберешься. И дѣйствительно, когда австрійскій перебѣжчикъ является, всегда въ истощенномъ видѣ, на нашъ пограничный кордонъ,—онъ прежде всего проситъ покормить его и съ жадностью накидывается на нашъ солдатскій борщъ (всегда съ мясомъ, по полфунту на человѣка) и на пшеничную или гречне-

вую кашу. А когда, въ добавокъ къ этому, предложить ему наши пограничники еще и чаю съ сахаромъ да съ пшеничнымъ ситникомъ, онъ просто глазамъ своимъ не вѣрять: чай кажется ему уже просто неслыханною роскошью, о которой у нихъ и мечтать не смѣютъ. При этомъ обыкновенно самое отрадное впечатлѣнiе производитъ на дезертировъ и домовитая, зажиточная обстановка нашихъ кордоновъ. Что же касается до жестокаго обращенiя, то они увѣряютъ, будто ихъ за всякую малость бьютъ: фухтеляютъ и хлыстуютъ, и на это въ особенности жаловались гусары. Что вахмистерскiе и фельдфебельскiе фухтеля (ударъ плашмя обнаженною саблею) гуляютъ по солдатскимъ спинамъ во время домашнихъ строевыхъ учений, — это-де самое заурядное дѣло, безъ чего, по словамъ дезертировъ, будто-бы, не обходится ни одна экзерциция: фухтеляютъ даже на глазахъ офицеровъ, присутствующихъ, а то и производящихъ ученiе, не заботясь объ ихъ позволенiи, потому что таковое, какъ право, разъ на всегда уже будто-бы представлено командирами своимъ вахмистрамъ, фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. Фухтеляютъ и сами-де офицеры, собственноручно, за малѣйшую неисправность или оплошность во время учений. Обратиться къ солдату со словеснымъ внушенiемъ или разъясненiемъ, наставить и научить его, какъ и что надо дѣлать — большинство офицеровъ не задаетъ себѣ труда, полагая, что для этого есть достаточное число унтеръ-офицеровъ, а само довольствуется только тѣмъ, что можетъ взыскивать и наказывать. Говорятъ, что зачастую и внѣ служебныхъ занятiй, при встрѣчѣ съ солдатомъ на улицѣ, во время своей прогулки, офицеръ за малѣйшую оплошность взыскиваетъ съ него тутъ же, на мѣстѣ, ударомъ хлыста или трости по чемъ попало, а чаще всего по лицу. Увѣряютъ, будто это такъ уже вошло въ привычки военного обихода, что люди на такое съ ними обращенiе и не обижаются, а жалобы перебѣжчиковъ относятся собственно къ истязанiямъ. По ихъ словамъ, людей сильно бьютъ мокрыми канатными жгутами и ставятъ въ кольца.

* * *

„Кольца...“ „ставить въ кольца“, — что такое? На первый разъ даже совсѣмъ непонятно, а между тѣмъ, вѣтъ того австрiйскаго дезертира, который не упоминалъ бы о кольцахъ.

Оказывается, что это совершенно особый видъ „дисциплинарнаго“ наказанія, изобрѣтенный, какъ говорятъ, отцами іезуитами и отъ нихъ усвоенный себѣ австрійскими жандармами и войскамъ. Дѣло вотъ въ чемъ: берутся два стальные кольца такой величины, чтобъ они могли надѣваться на большой палецъ руки или ноги; иногда же кольца дѣлаются не глухія, безъ спайки, но каждое съ двумя бородками, которыя могутъ быть плотно свинчиваемы между собою на пальцѣ. Свинченное кольцо охватываетъ суставъ на столько тѣсно, что выдернуть изъ него палецъ нѣтъ никакой возможности. Пара такихъ колецъ соединяется между собой стальною цѣпкой или перемычкой, продѣтой въ особо придѣланныя къ нимъ наружныя ушки. Такимъ образомъ, какъ видите, это выходитъ родъ миниатюрныхъ кандаловъ, иногда очень изящно отполированныхъ, точно бы какіе брелоки, а главное, очень портативныхъ, такъ что каждый сельскій жандармъ, а въ войскахъ каждый фельдфебель и вахмистръ свободно и совершенно незамѣтно можетъ носить ихъ, на всякій случай, у себя въ карманѣ. Сельскіе жандармы употребляютъ кольца обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надо обуздать или отправить за нѣсколько верстъ подъ арестъ какого-нибудь не въ мѣру расходившагося драчуна, мазурика, или буйнаго бродягу; въ военныхъ же частяхъ инструментъ этотъ употребляется двойко, смотря по винѣ, и притомъ въ болѣе утонченной формѣ примѣненія. Здѣсь, по словамъ дезертировъ, первая степень дисциплинарнаго наказанія кольцами состоитъ въ томъ, что виновному заворачиваютъ руки на спину, къ лопаткамъ и зажимаютъ оба большіе пальца, оставляя человѣка въ такомъ положеніи въ карцерѣ отъ двухъ до шести часовъ времени. Вторая же степень еще утонченнѣе: тутъ уже кольцами соединяются большой палецъ правой руки съ большимъ пальцемъ лѣвой ноги, и въ такомъ положеніи оставляютъ наказаннаго солдата стоять на одной ногѣ въ карцерѣ отъ шести до двѣнадцати часовъ (просто невѣроятно!), и это будто-бы очень еще милостиво, потому что въ прежнее время заставляли-де людей выстаивать на морозѣ, либо на жестокомъ солнепекѣ, у конюшни или у гауптвахты, на полковомъ дворѣ, „для примѣра прочимъ“. Теперь это уже не дѣлается такъ откровенно, потому что законъ воспретилъ употребленіе колецъ, какъ мѣру наказанія, но это не мѣшаетъ будто-бы и до сихъ поръ употреблять ихъ келейнымъ образомъ. Такъ, по крайней

*

мѣрѣ, увѣряютъ всѣ перебѣжчики. Впрочемъ, за степень справедливости ихъ увѣреній, я, конечно, отвѣчать не берусь, а отмѣчаю лишь то, о чемъ говоритъ, съ ихъ словъ, все наше пограничное населеніе, для котораго въ этомъ нѣтъ и не бывало никакого секрета и сомнѣнія.

* * *

На первый взглядъ, четыре года тому назадъ, мнѣ казалось очень страннымъ, даже невѣроятнымъ подобное отношеніе офицеровъ,—людей, въ большинствѣ своемъ, все же порядочныхъ, развитыхъ и достаточно гуманизированныхъ своею европейскою культурой и воспитаніемъ,—къ своимъ собственнымъ солдатамъ. Не естественнѣе ли со стороны офицера было бы отнестись къ солдату, въ особенности новобранцу, какъ къ своему будущему боевому товарищу, вполне дружелюбно, съ полнымъ довѣріемъ, самому показать, научить, объяснить ему что слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы предоставить все дѣло его обученія въ руки вахмистровъ да унтеровъ, ограничиваясь со своей стороны лишь правомъ взыскацій и „воздѣйствій“, словно бы офицеръ являетъ собою для солдата какую-то карательную силу, и только карательную? Въ то время, четыре года назадъ, люди, достаточно знакомые съ положеніемъ вещей въ данной средѣ у нашихъ сосѣдей, отвѣчали мнѣ на это, что офицеры, можетъ быть, и рады были бы сдѣлать все такое, да бѣда въ томъ, что далеко не каждый изъ нихъ можетъ взять на себя подобную задачу. Почему?—Да просто потому, что языка не знаютъ. И вотъ, въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ мнѣ самому пришлось теперь убѣдиться, при осмотрѣ конюшенъ, когда одинъ офицеръ, желавшій показать намъ своего коня, долженъ былъ обратиться для этого по-нѣмецки къ вахмистру, чтобы тотъ перевелъ по-румынски молдавану-дневальному его приказаніе вывести лошадей. Тутъ-то мнѣ и вспомнились бѣглецы изъ прежде стоявшаго здѣсь гусарскаго полка, которые сказывали тогда, что въ ихъ полку въ составъ низшихъ чиновъ входятъ преимущественно люди трехъ народностей: русской, молдаванской и польской, а затѣмъ, въ меньшемъ числѣ, словаки, мадьяры и шеклеры (венгерскіе нѣмцы); офицеры же у нихъ были въ то время исключительно изъ мадьяръ, нѣмцевъ и поляковъ, изъ которыхъ почти никто не понималъ, да и не желалъ понимать

ни по-русски, ни по-молдавански. Какъ видно, и здѣсь то же самое. И если взять во вниманіе, что оффиціальнымъ и команднымъ языкомъ арміи является нѣмецкій, котораго, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не понимаютъ разноплеменные солдаты, то въ самомъ дѣлѣ, какъ же тутъ объясняться?! Не знаю, такъ ли у нашихъ знакомцевъ въ 8-мъ драгунскомъ полку, но у офицеровъ, ихъ предмѣстниковъ, гусарь, непременно являлась еще тенденція, смотря по своей національности, объясняться съ людьми даже и въ строю (въ командныхъ словъ, конечно) не иначе, какъ на своемъ родномъ языкѣ. Мадьярь, наприимѣръ, — рассказывали бѣглецы - гусары, — ни за что не станетъ говорить солдату что бы то ни было по-нѣмецки, полякъ точно также; а нѣмецъ на этотъ счетъ всѣхъ круче: этотъ уже ни съ кѣмъ, даже со своимъ братомъ-офицеромъ, ни на службѣ, ни въ службѣ не заговоритъ иначе, какъ по-нѣмецки. Поэтому, не говоря уже, что при такихъ условіяхъ, между офицерами - однополчанами едва-ли можетъ быть истинно товарищеская солидарность, что полякъ, дружа, наприимѣръ, съ мадыаромъ, вмѣстѣ ненавидать нѣмца или славянина, а нѣмецъ, въ свою очередь, ко всѣмъ имъ относится холодно и, быть можетъ, подозрительно; легко и нерѣдко выходитъ еще вотъ что: каждый офицеръ — положимъ, взводный командиръ, обращаетъ преимущественное вниманіе не на всѣхъ вообще людей порученной ему части, а лишь на своихъ земляковъ-единовѣрцевъ. По словамъ дезертировъ, это такъ и бываетъ. Съ этими земляками-единовѣрцами онъ и говорить на своемъ родномъ языкѣ, и занимается ими, естественнымъ образомъ симпатизируетъ имъ, отличаетъ, хорошо аттестуетъ, выдвигаетъ по службѣ и даже дѣлаетъ имъ подъ рукою разныя поблажки — вообще, сравнительно съ прочими, что называется, мирволить имъ. Отъ этого въ каждомъ взводѣ нѣсколько такихъ избранниковъ, имѣющихъ случайное счастье принадлежать къ одной національности со своимъ командиромъ (а еще чаще со своимъ вахмистромъ), чувствуютъ себя уже въ нѣкоторомъ привилегированномъ положеніи, лучше и выше остальныхъ своихъ товарищей: что можно-де намъ, того нельзя вамъ, прочимъ; что намъ легче сойdetъ съ рукъ, за то вамъ достанется гораздо строже. Тутъ уже прямо нарушается правомѣрность по отношенію къ своимъ людямъ, являются любимчики и „быдло“, овцы и козлища, вносятся во взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ націо-

нальная рознь, изъ чего уже естественно вытекають и зависть, и недовольство и, наконецъ, прямо взаимная враждебность и ненависть. Гдѣ же тутъ остается мѣсто братскому товариществу и солдатской солидарности?! И что ужъ говорить про цѣлый полкъ, если этихъ краеугольныхъ военныхъ чувствъ нѣтъ даже въ какомъ-нибудь одномъ взводѣ, даже въ одномъ отдѣленіи взвода, въ этой, такъ сказать, основной ячейкѣ военно-строевой организаціи!.. Но наиболѣе непригляднымъ и обиднымъ является при такихъ условіяхъ положеніе солдатъ изъ молдаванъ и буковинскихъ русскихъ, какъ людей православныхъ, то-есть, значить „схизматиковъ“. Въ гусарскомъ полку, напримѣръ, они уже прямо стояли на счету какихъ-то парій въ глазахъ и въ сердцахъ своего добро-католическаго начальства. Ну, и подумайте теперь, что можетъ сдѣлать подобный полкъ въ военное время!..

* * *

Видѣнные мною драгуны, какъ я уже сказалъ, не отличаются особенно здоровымъ и дѣйствительно бравымъ видомъ, такъ что наши пограничники, въ сравненіи съ ними, чуть не атлеты, въ особенности воронежскіе и херсонскіе ребята. Такъ же точно, судя по дезертирамъ и по словамъ нашихъ приграничныхъ жителей-очевидцевъ,—и въ стоявшихъ здѣсь гусарахъ народъ былъ все очень молодой и притомъ крайне „щуплый“. — „Не будь на ёму гусарскихъ причандальвъ, то и по вікъ не взнаты-бы, цо винъ войскóвнй, а такъ, мабудь щось такѣ неврѣчне, мотается собі, бродыть“. Такъ характеризовали этихъ воиновъ наши порубежные сельчане. Стало быть, эта „щуплость“ есть явленіе болѣе или менѣе общее въ австрійской арміи, зависящее не только отъ условій домашняго быта, въ какихъ росъ и воспитывался человекъ до поступления въ солдаты, но и отъ условій труда и питанія, въ какихъ протекаетъ его военная служба. У насъ нерѣдко поступаютъ новобранцы тоже жидковатые, съ недохватомъ въ объемѣ груди, съ признаками недостаточнаго питанія и т. п.; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ, съ переходомъ на солдатскіе хлѣба да на ежедневную полуфунтовую дачу мяса, ребята эти по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, то-есть, какъ разъ къ тому сроку, когда для нихъ кончается одиночная подготовка и начинается дѣйствительная служба, выравниваются

молодецъ къ молодцу, и затѣмъ, чѣмъ дольше служатъ, тѣмъ здоровѣе становятся. Значитъ, тутъ все дѣло именно въ соразмѣрности труда и питанія, равновѣсїе между коими у австрійцевъ, очевидно, нарушено не въ пользу послѣдняго.

* * *

На счетъ войны съ Россіей, судя опять-таки по словамъ дезертировъ, нижніе чины покинутыхъ ими рядовъ не строятъ себѣ никакихъ иллюзій. Правда, люди болѣе интеллигентные, имѣющіе случай приходитъ иногда въ соприкосновеніе съ офицерскою средою, говорили намъ, что многіе офицеры, въ особенности изъ мадьяръ и поляковъ, полны воинственнаго задора, что у нихъ, за пріятельскою кружкою пива, нерѣдко поднимаются разговоры на тему о будущей войнѣ, о побѣдахъ надъ ненавистнымъ москалемъ да объ окончательномъ разгромѣ и расчлененіи „пршеклѣнтей Мѡсквы“, и что при этомъ высказывается много розовыхъ мечтаній о томъ, какъ они черезъ недѣлю по объявленіи войны будутъ уже отплясывать мазурку во дворцѣ кievскаго генераль-губернатора; но увы!—солдаты ихъ совсѣмъ не раздѣляютъ подобныхъ увлеченій. Солдаты, которыхъ и въ мирное-то время держатъ впроголодь, думаютъ, по словамъ перебѣжчиковъ, что на войнѣ будетъ еще хуже, что даже и съ новымъ вооруженіемъ ничего имъ не подѣлать противъ москала. Въостѣ съ недоверіемъ къ непонимающимъ ихъ язва офицерамъ, въ нихъ уже заранѣе составилось несчастное убѣжденіе, что русскіе побѣдятъ ихъ непремѣнно. И нѣтъ ничего мудренаго, буде такое убѣжденіе дѣйствительно существуетъ: оно есть прямой результатъ взаимной розни и непониманія. Если предположить, что въ рассказахъ дезертировъ, всегда и вездѣ, какъ уже сказано, склонныхъ къ преувеличенію непріятныхъ сторонъ своего быта, находится хотя одна десятая доля правды, то и тогда, изъ рассказаннаго съ ихъ словъ, получается картина все-таки неприглядная, а именно: 1) внутренняя племенная рознь между людьми, съ которою ничего не подѣлаешь; 2) рознь религіозная между интолерантнымъ, по самому характеру своему, римско-католическимъ и православнымъ элементами, доходящая до полного непризнаванія даже наиболѣе чествуемыхъ праздничныхъ дней послѣдняго, тогда какъ, напримѣръ, солдатамъ еврейскаго закона предоставлена въ этомъ отношеніи полная льгота; 3) не-

достатокъ духовнаго общенія и единства людей со своими ближайшими начальниками, и 4) поддержаніе необходимой дисциплины только чисто внѣшними, формалистическими и довольно суровыми приѣмами. Значитъ, тутъ существуетъ одна только внѣшняя сплоченность, а внутренней связи—никакой. Такія войска, конечно, могутъ драться, какъ дрались нѣкогда кондотьери итальянскихъ республикъ, ландскнехты тридцатилѣтней войны, или вербовочная пѣхота Фридриха II, особенно если случайный успѣхъ будетъ сопровождать цѣлый рядъ ихъ дѣйствій. Ну, а при неуспѣхѣ?.. И въ особенности при первомъ же серьезномъ неуспѣхѣ противъ арміи, сильной сознаниемъ своего народнаго единства и духомъ патріотизма,—тогда что?.. Не говоря уже объ Ульмѣ, достаточно вспомнить болѣе близкія къ намъ по времени Сольферино и Садову, чтобы предугадать, чѣмъ иногда это можетъ кончиться.

* *
*
*

Жидовско-мадьярскія и польско-галицкія газеты то намеками, то напрямикъ считаютъ время отъ времени нужнымъ увѣрять „Европу“ и насъ, что австро-венгерская армія полна энтузіазма и страстнаго нетерпѣнія помѣряться съ русскими и что въ душѣ каждаго ея солдата кипитъ „святая ненависть“ къ варварскимъ ордамъ „москвитовъ“. Люди, достаточно знакомые съ положеніемъ дѣла, увѣряли меня, что это совершеннѣйшій вздоръ. По ихъ свидѣтельству, никакой такой ненависти къ намъ у австрійскихъ *солдатъ* нѣтъ и не бывало, даже въ томъ случаѣ, если они изъ мадьярскихъ и польскихъ простолудиновъ. У офицеровъ—другое дѣло. Между ними дѣйствительно встрѣчаются люди (преимущественно изъ мадьяръ, поляковъ и нѣмцевъ), ненавидящіе Россію всѣми силами души. Но это такъ понятно... Какой же, въ самомъ дѣлѣ, мадьярскій или польскій интеллигентъ, будь онъ во фракѣ или въ мундирѣ, относится къ намъ дружелюбно? Но даже и въ этомъ случаѣ нѣтъ правила безъ исключенія, какъ убѣдился я самъ въ Жучкѣ на первомъ же знакомствѣ своемъ съ офицерами польскаго происхожденія. И мнѣ кажется, что чѣмъ отчетливѣе въ сознаніи славянскихъ массъ назрѣваетъ роковой вопросъ о неизбежности въ будущемъ борьбы съ нѣмцемъ въ защиту своей духовной и расовой самости, а также и въ польское общество чѣмъ болѣе проникаетъ за послѣднее

время внутреннее сознание своего племенного сродства со славящиной вообще, тѣмъ скорѣе эта его ненависть къ Россіи и русскимъ должна будетъ уступить свое мѣсто чувству общеславянской солидарности, и подобныя примѣры, какъ тотъ, про который я говорю,—безъ сомнѣнія, будутъ встрѣчаться все чаще и чаще. Что же до солдатъ, то тутъ, если вѣрить людямъ свѣдущимъ (а не вѣрить имъ я не имѣю поводовъ), дѣло стоитъ несравненно проще, потому что Австрія никогда съ Россіей не воевала, тяжелой руки ея на себѣ не испытывала, военное самолюбіе ея солдатъ отъ насъ не страдало, какъ отъ ихъ вынѣшнихъ союзниковъ-нѣмцевъ, а потому не съ чего у нихъ и зарождаться „святой ненависти“ къ русскимъ. Правда, темный солдатскій людъ имѣетъ о Россіи и русскихъ довольно смутныя понятія, и армія наша болѣе представляется ему въ фантастическомъ образѣ звѣроподобныхъ казаковъ и черкесовъ, которые жрутъ дѣтей наряду съ поросятами и никому-де не даютъ пощады своими нагайками, вслѣдствіе чего тѣ же солдаты нерѣдко пугаютъ нами жиденатъ и шинкарей-евреевъ, — „вотъ, погодите, молъ, придуть ужъ москали съ казаками, будетъ вамъ!“ и изъ такой шуточной угрозы, года три тому назадъ, какъ было слышно, даже цѣлое кляузное дѣло возникло, съ обвиненіемъ въ „Hochverrath'ъ“, то-есть, ни болѣе ни менѣе, какъ въ государственной измѣнѣ, — но отсюда до „святой“ и „непримиримой“ ненависти очень еще далеко. Въ этомъ, повторяю, удостовѣряютъ насъ не одни только показанія дезертировъ, а и свидѣтельства болѣе солидныхъ закордонныхъ обывателей. Мы скорѣе возбуждаемъ въ нихъ любопытство, чѣмъ враждебность, которая всецѣло относится къ числу измышленій пештокихъ и краковскихъ борзописцевъ, основывающихъ свои заключенія на пламенныхъ діатрибахъ какихъ-нибудь юныхъ корнетовъ и лейтенантовъ изъ числа своихъ „родаковъ“.

* * *

А что мирные обыватели приграничныхъ провинцій Австріи войны съ нами вовсе не желаютъ и боятся ея, какъ величайшаго для себя бѣдствія, что они, въ то же время, не полагаются на стойкость австро-венгерскихъ войскъ, то это вѣрно, и лучшимъ доказательствомъ тому служить слѣдующій примѣръ. Въ 1889 году, когда въ Каменецъ-Подольскѣ былъ поставленъ

штабъ сводной казачьей дивизіи, при чемъ штабъ кубанскаго полка расположился въ Хотинѣ, а двѣ сотни сего полка стали въ Новоселицѣ, то на австрійской сторонѣ поднялся большой переполохъ, просто паника. Воплемъ пронеслось по всей прилежащей закордонной округѣ: „Черкесы пришли!“—и вслѣдъ затѣмъ, разные арендаторы, пань-поссессоры, корчмари и колонисты изъ евреевъ, армянъ и нѣмцевъ стали спѣшно складывать свои пожитки, распродавать излишнюю скотину и инвентарь, бросать свои хозяйства и удирать подальше отъ границы, а иные остроумно додумались даже до того, что предпочли свое добро и свои семьи переправить на нашу сторону: „у васъ-де сохранѣе будетъ“. Въ первую минуту наши даже понять не могли, въ чемъ тутъ дѣло, изъ-за чего такая паника?—Оказывается, что все изъ-за „черкесовъ“. — Какіе черкесы? гдѣ, что?

— Какъ, говорятъ, какіе? Въ Хотинѣ пришли и въ Новоселицу, а еще и въ другія мѣста, слышно, нагнали ихъ орды цѣлыя... жечь, рѣзать, грабить насъ будутъ, — у васъ намъ безопаснѣе.

— Полноте! разувѣряютъ ихъ наши:—никакихъ черкесовъ нѣтъ, это просто казаки.

Такъ нѣтъ,—куда тебѣ!—не вѣрять.

— Знаемъ мы этихъ казаковъ! Хороши казаки!.. У казаковъ у вашихъ совсѣмъ другая форма, у казаковъ пики, а у этихъ нѣтъ.

— Ну, такъ то донскіе, что съ пиками, а эти терскіе и кубанскіе.

— Какіе тамъ еще терскіе!.. Все это вы намъ, смиреннымъ людямъ, только глаза отводите! А зачѣмъ же у нихъ такія шапки и патроны на груди, и вся одежда черкесская?

— Затѣмъ, что форма такая, объясняютъ сомнѣвающимся.

— Нѣтъ,—говорятъ:—грѣхъ вамъ сосѣдей обманывать! Пропали теперь наши головы!..

И только тогда повѣрили, когда мѣстныя австрійскія власти убѣдили ихъ, что это дѣйствительно казаки. Паника кончилась, и пань поссессоры купно съ нѣмцами-колонистами благополучно возвратились на свои насиженные мѣста, пеняя за свои убытки не на собственную трусость и глупость, а на наше правительство,— за чѣмъ-де оно дозволяетъ носить крещенымъ людямъ такую азіатскую форму, которая только мирныхъ гражданъ пугаетъ и въ обманъ да въ убытки ихъ вводитъ! И замѣчательно, что во всемъ этомъ переполохѣ оста-

лось совершенно спокойнымъ одно только сельское, то-есть собственно крестьянское населеніе. Крестьяне были увѣрены, что если это даже и вѣзправду черкесы, то они имъ зла никакого не сдѣлаютъ, потому что „черкесы“ эти крестятся по-православному и говорятъ такимъ же точно малорусскимъ языкомъ, какъ и они сами.

“ * ”

Въ настоящемъ моемъ очеркѣ мнѣ не разъ приходилось ссылаться на австрійскихъ дезертировъ и ихъ рассказы. Чтобы показать, въ оправданіе этихъ ссылокъ, каковы иногда бываютъ эти дезертиры, расскажу, кстати, одинъ характерный случай. Года четыре тому назадъ, на одинъ изъ нашихъ офицерскихъ постовъ пограничной стражи явился австрійскій юнкеръ, кандидатъ, выдержавшій уже экзаменъ на производство въ офицеры, и заявилъ себя дезертиромъ. По разговору и манерамъ было видно, что это человѣкъ скромный, благовоспитанный и достаточно образованный. Онъ объяснилъ, что перебѣгаетъ къ намъ именно въ виду близкой войны (которая, вслѣдъ за извѣстными воинственными рѣчами г. Кальноки и покойнаго Тиссы въ делегаціяхъ 1886 года, всеѣмъ казалась у нихъ неизбежною), такъ какъ, будучи по происхожденію руснакомъ, не желаетъ сражаться, вопреки своей совѣсти и крови, противъ русскихъ. Пограничный офицеръ, не имѣя права долго держать перебѣжчика у себя на посту, отправилъ его въ ближайшій городъ, на распоряженіе подлежащей власти. Черезъ день или два явилось изъ-за кордона начальство юнкера убѣждать его возвратиться назадъ на службу, увѣряя, что все взысканіе за первый побѣгъ ограничится для него лишь непродолжительнымъ арестомъ въ карцерѣ. Тотъ не согласился, и начальство уѣхало ни съ чѣмъ. Но дѣло этимъ не кончилось. Закордонныя власти, вслѣдъ за тѣмъ, потребовали формальнымъ образомъ его выдачи для слѣдствія, на томъ-де основаніи, что онъ обвиняется въ кражѣ тридцати-двухъ гульденовъ, за которую, по международному договору, безусловно подлежитъ выдачѣ. При этомъ, въ подтвержденіе такого требованія, представлено было и постановленіе военной судебнослѣдственной власти. Юнкеръ съ негодованіемъ отвергнулъ это обвиненіе, какъ гнусную клевету, видя въ ней только іезуитскую уловку, съ цѣлью во что бы ни стало добиться его вы-

дачи, и объявилъ, что если его выдадутъ, онъ застрѣлится. Но дѣлать было нечего: законъ ясенъ, требуемая имъ формальность (т. е. судебно-слѣдственное постановление) исполнена; — и молодого человѣка пришлось вывести на переходный пунктъ, при полномъ съ нашей стороны внутреннемъ убѣжденіи въ его невиновности въ кражѣ. Австрійскій военный судъ приговорилъ его къ семилѣтнему одиночному заключенію, и онъ, по выслушаніи приговора, тутъ же пустилъ себя въ високъ пулю.

Стало быть, не всегда же гонить къ намъ людей изъ-за границы одинъ только страхъ возмездія за какой-нибудь содѣянный проступокъ, но и побужденія совсѣмъ инаго рода, заставляющія иногда человѣка пренебрегать болѣе или менѣе обезпеченнымъ положеніемъ и хорошею впереди карьерой, лишь бы только не оставаться въ несогласимомъ противорѣчій съ чувствомъ племеннаго сродства и собственной совѣстію.

А какъ вы думаете, наступи военное время, останется ли этотъ примѣръ единственнымъ?..

Достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить хотя бы слѣдующее обстоятельство. Весною 1887 года былъ проектъ, на случай войны съ Россіей, раздать населенію приграничныхъ округовъ оружіе, оказавшееся излишнимъ за перевооруженіемъ войскъ магазинною Манлихера, и бросить это населеніе бандами въ наши предѣлы. Проектъ, какъ слышно было изъ закордонныхъ же толковъ, исходилъ изъ высокопоставленныхъ польскихъ сферъ, и правительство на первыхъ порахъ отнеслось къ нему благосклоннымъ образомъ. Но австрійскіе руснаки стали открыто заявлять нашимъ, — а дѣлается это очень просто: разговоромъ черезъ Сбручъ, съ берега на берегъ, или въ Днѣстрѣ, во время водопоевъ и купаній, — что въ случаѣ, если будетъ война и начальство точно дастъ имъ ружья, то они всѣ поголовно перейдутъ на нашу сторону, только не за тѣмъ, чтобы драться. Такая тенденція дошла до начальства, — и господа австрійцы призадумались, вооружать ли имъ „рутѣновъ“...

Какъ мало, однако, согласно это съ нынѣшнею „самостійною“ программой господъ Романчука, Сѣчинскаго и К°, которые мыслятъ свое національно-политическое бытіе и развитіе только подъ Австріей и вмѣстѣ съ Австріей, въ единеніи съ польщианой, на почвѣ вѣрности Риму и Вѣнѣ и на полномъ отчужденіи отъ русскаго народа, да еще грозятъ намъ, въ слу-

чаѣ войны, перетянуть въ свой лагерь всю нашу Украину, Малороссію и весь югъ, до Чернаго моря, уповаю, что этотъ „двадцати пяти-милліонный народъ“ съ радостью пойдетъ вслѣдъ за ними подъ австріака и будетъ наилучшимъ буферомъ между европейскою цивилизаціей и нашимъ восточно-православнымъ варварствомъ!—Жизнь, однако, свидѣтельствуеть совершенно противное этимъ мертворожденнымъ вожделѣніямъ Романчуковъ и Сѣчинскихъ, и вотъ тому нѣсколько примѣровъ, которые сами собою напрашиваются сюда, вспоминая мнѣ еще изъ прежнихъ моихъ путешествій вдоль австро-русской границы.

Закордонные крестьяне, приходя иногда къ намъ, съ большимъ участіемъ и интересомъ разспрашиваютъ что дѣлается „у насъ“ въ Москвѣ и въ Кіевѣ? Иначе они и не выражаются, какъ „у насъ“ въ Россіи, и Царя называютъ „нашимъ“, т. е. своимъ царемъ. Когда же имъ при этомъ напоминають, что нашъ Царь не ихъ, что у нихъ есть свой цесарь въ Вѣнѣ, они, ухмыляясь, отвѣчаютъ, что это такъ только пока, до времени, а что истинный царь ихъ сидитъ въ Россіи, въ Москвѣ. Замѣчательно, что про Петербургъ никто изъ нихъ никогда не поминаетъ, какъ точно бы они и не знаютъ о его существованіи; но Кіевъ и Москву знаютъ рѣшительно воѣ и считаютъ послѣднюю своею истинною столицей. Когда въ одно изъ пограничныхъ нашихъ селеній пріѣхалъ однажды, въ 1886 году Каменецкій епископъ освящать новую церковь, изъ-за кордона привалило на торжество освященія тысячь пять разодѣтаго по-правдничному народа. Въ виду такого наплыва, администрація наша разрѣшила на сей день свободный пропускъ въ село, до предѣловъ его околицы, и когда нѣкоторыхъ изъ этихъ гостей спрашивали, зачѣмъ они пришли, тѣ объясняли, что пришли-де посмотреть на „нашего“ архіерея и послушать своего богослуженія во всемъ его великолѣпнн, какого „у насъ“, за кордономъ, не бываетъ, потому что цесарь-де не нашей вѣры и ему все равно, сіяеть она или пропадаетъ.—„Вотъ, говорили они,—кабы былъ у насъ свой царь „съ Москвы“, были бы и у насъ такіа хорошіа церкви“. Чтобы это послѣднее заявленіе стало болѣе понятнымъ, слѣдуетъ замѣтить, что на австрійской пограничной территоріи повсюду, за исключеніемъ мѣстечка Скалы, гдѣ прекрасная каменная уніатская церковь, является вамъ поразительный контрастъ, въ видѣ великолѣпнаго каменнаго костела и, ря-

домъ съ нимъ, убогой, покосившійся отъ ветхости, деревянной церковки, которую и ремонтировать нельзя прихожанамъ, даже на собственныя средства, безъ особаго разрѣшенія со стороны мѣстнаго пана-помѣщика и австрійской администраціи, что всегда сопряжено со всевозможными оттяжками и затрудненіями. Во всѣхъ этихъ затрудненіяхъ и волокитахъ, подъ какими бы предлогами онѣ ни являлись, всегда проскальзываетъ негласная задняя мысль, что пускай-де церковь ветшаетъ и заваливается: поскорѣе рухнетъ, а чѣмъ меньше ихъ будетъ, хотя бы и униатскихъ, тѣмъ лучше. И дѣйствительно, намъ указывали на много примѣровъ, что если въ какомъ селѣ погорить или разрушится униатская церковь, то тамъ уже очень трудно добиться разрѣшенія на постройку новой; но за то на ея мѣстѣ легче легкаго, при извѣстномъ стараніи богатаго пана-помѣщика и окружной польской шляхты, вырастаетъ хорошій, большею частію каменный, костелъ, и затѣмъ, самымъ фактомъ его появленія униатскій приходъ упраздняется, священникъ оставляется за штатомъ или переводится на другое вакантное мѣсто, а при костелѣ водворяется католическій ксендзъ.—И такимъ-то вотъ образомъ, мѣстные крестьяне волей-неволей должны обращаться къ нему за всѣми требамъ и начинаютъ, за неимѣніемъ или отдаленностію церкви, ходить въ костелъ, а мѣстная администрація въ отчетахъ своихъ регистрируетъ ихъ уже не униатами, а прямо католиками, хотя сами они зачастую и не подозрѣваютъ этого.

Но возвращаюсь къ своимъ примѣрамъ. Однажды весной 1887 года, къ одному изъ нашихъ пограничныхъ чиновниковъ является закордонный крестьянинъ, старикъ, и проситъ снабдить его пропускнымъ свидѣтельствомъ „ажъ до самой Москвы“,—хочу-де нашего Царя побачить“ (повидать).

— Зачѣмъ тебѣ? спрашиваютъ его въ таможнѣ.

— Треба! отвѣчаетъ онъ съ увѣренностію твердаго убѣжденія:—дуже треба! Хочу пасти ему въ ноги та сказаты, що вже годи! (довольно!). Чого винъ собі думає? Чого не вызволяє насъ спидъ австріяка?! Хиба жъ мы ему не таки сами крестьяны, якъ и свои? Годи вже, кажу! Бо намъ вже млѣстно (тошно) такъ бидовати... жидъ одоливъ, панъ одоливъ, посессоры, жандары, немці... та-й Боже жъ мой Господи!.. И не видкиль ни якои защиты!.. Може, полегчає, якъ доцаря пожуримосся... Нехай же знає винъ, що тутъ діється!

При дальнѣйшихъ объясненіяхъ относительно практической

сути предполагаемаго путешествія, то-есть чего собственно желаетъ старикъ добиться, оказалось, что еще дѣды, молъ, ждали, что „царь съ Москвы“ дастъ приказъ „приписать ихъ къ Россіи“, а намъ-де уже не въ-моготу, и дольше мы ждать „не согласны“, такъ вотъ и хотимъ отъ всей „громады“, отъ всѣхъ нашихъ сельчанъ просить царя, чтобы не откладывалъ дольше своего царскаго приказа на счетъ приписки. Грустно было разочаровывать старика, но нечего дѣлать, пришлось объяснить ему, что такая просьба принята быть не можетъ и что никакихъ пропускныхъ свидѣтельствъ ни до Москвы, ни до другихъ внутреннихъ мѣстъ у насъ не существуетъ и выдать ему таковое никто не имѣетъ права. Старикъ выслушалъ все это съ большимъ сомнѣніемъ и ушелъ, грустно понутивъ голову, очевидно убѣжденный, что ему не то-что *не могутъ*, а просто *не хотятъ* выдать свидѣтельство. Лицо, передававшее мнѣ этотъ случай, полагаетъ, что старикъ рано или поздно, такъ или иначе, непременно постарается пробраться до Москвы и исполнить свое завѣтное желаніе, — „бо такъ вся громада хоче“.

Еще одинъ примѣръ, маленькій, но очень характерный. Въ одномъ изъ пограничныхъ мѣстечекъ, въ базарный праздничный день, встрѣчается съ однимъ изъ нашихъ пограничныхъ офицеровъ закордонный священникъ, пріѣхавшій по легитимационному билету за какимъ-то своимъ дѣломъ. Встрѣтились они въ домѣ у мѣстнаго священника за закуской, познакомились и разговорились. Улучивъ минуту, закордонный гость отводитъ офицера къ окну и спрашиваетъ его нѣсколько пониженнымъ и многозначительнымъ тономъ:

— Ну, что, когда же къ намъ, наконецъ?.. Скоро ли?

Офицеръ вначалѣ даже не совсѣмъ понялъ этотъ вопросъ и, относя его къ самому себѣ, сказалъ, что скоро ли, — не знаетъ, такъ какъ быть за границей не имѣетъ пока надобности.

— Э, да я не о васъ собственно! возразилъ священникъ: — я разумѣю васъ вообще, то-есть русскихъ... Скоро ли *русскіе* къ намъ пожалуютъ?

Тотъ одно только и могъ отвѣтить, что это больше всего зависитъ отъ самихъ австрійцевъ: доведутъ насъ до войны, такъ пойдемъ, а сами зачинать ее, какіе, не намѣрены.

— Господи Боже мой! укоризненно покачалъ головою священникъ: — Ужели жъ опять ждать приходится?! Да доколѣ жъ, наконецъ?! Дѣды ждали, — не дождались, батькѣ ждали, — не дождались... Ужели жъ и мы не дождемся?.. И удивительное,

право, это дѣло! развелъ онъ руками:—берете вы себѣ разные Ахалъ-Текке, берете Мервы всякіе, чуть не всю Среднюю Азію покоряете, а тутъ вдругъ подъ бокомъ у васъ коренная русская земля, наслѣдіе святаго Владиміра, Русь Червлена, дѣдина ваша, и вы оставляете ее истлѣвать подъ чужеземцемъ... Зачѣмъ?.. Ну, подумайте, зачѣмъ это?.. Вѣдь не хорошо... право же, не хорошо!.. Нѣмцы, и тѣ на васъ удивляются!..

Въ этомъ, нѣсколько наивномъ и добродушномъ упрекѣ слышится, однако же, крикъ наболѣвшей души. Это упрекъ, посылаемый намъ всею *почвенною* Галицкою Русью, на которую давно уже со всѣхъ сторонъ напираетъ атака враждебныхъ силъ, гдѣ работаютъ за одно и свои хохломаны, и поляки, и жидаы, и нѣмцы, и мадьяры... До сихъ поръ за этотъ народъ только и стояли его попы, но увы!—есть уже и между ними священники подобныя о. Сѣчинскому, мечтающему о превращеніи малорусскаго народа въ политическій буферъ западной цивилизаціи противъ Россіи, или же такіе, которые въ своемъ домашнемъ быту иначе не говорятъ, какъ по-польски или по-нѣмецки, читаютъ исключительно польскія или нѣмецкія газеты, весь складъ своей жизни устроили либо на польскій, либо на нѣмецкій ладъ. Это все уже неадоровые признаки, показывающіе, что борьба за свою народность начинаетъ уступать шагъ за шагомъ дружному напору враговъ; но *почва* все еще держится, все еще ждетъ и надѣется; она еще сопротивляется своимъ упорнымъ, хотя и пассивнымъ терпѣніемъ, и съ упованіемъ смотритъ на одну только Россію. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, это чисто стихійное тяготѣніе *мужицкой* галицкой и буковинской Руси къ Россіи,—тяготѣніе, котораго цѣлыя вѣка не могутъ задушить въ ней всѣ ухищренія польской интриги и швабской культуры.

ВС. КРЕСТОВСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г и т а н а.

De la dulce mi enemiga
Nace un mal que al alma hiera

(Исп. пѣсня).

Вотъ, Гитана идетъ по базару,
И несетъ за плечомъ—за плечомъ,
Позолоченнымъ солнца лучемъ,—
На малиновой лентѣ гитару:
На гитарѣ струна порвалась;
На груди, какъ змѣя, черный локонь колыхается;
На ходу, тяжело ей, красавицѣ, дышется—
Чу!.. разносится звонъ... день погасъ...

Кто въ Сивильѣ не знаетъ Гитаны,
Съ влажнымъ блескомъ ея черныхъ глазъ!
Кто не слышалъ ее въ поздній часъ,
Когда блещутъ огни и фонтаны?
Въ тѣ далекіе дни, алтари
Воздвигались любви.—Каждый юноша,—каждая
Молодая невѣста, взаимности жажда,
Не должны были спать до зарп.

Чаще были ночныя свиданья,
 Было больше таинственныхъ чаръ,
 Звонче былъ по ночамъ гулъ гитаръ,
 Слаще шепотъ. Въ лампадномъ сіяньи
 Полнолуныя, душистыхъ кудрей
 Пряди длинныя, ниже, все ниже свлонялися...
 И капризныя цѣпи любви провѣрялися
 Прежде чѣмъ ихъ спаялъ Гименей,

Лишь Гитана могла бы едва-ли
 Звать счастливица къ балкону въ свой домъ —
 Домъ ея былъ почти шалашемъ,
 За оградой, гдѣ грады копали
 Да тянулись веревки съ бѣльемъ. —
 Но она веселѣе была и безпечнѣе
 Городскихъ щеголихъ, и быть можетъ, сердечнѣе, —
 Голосокъ ея былъ съ огонькомъ...

Она знала, что тамъ, подъ листвою,
 Гдѣ въ прохладѣ, съ закатомъ зари,
 У бассейна горять фонари,
 Гдѣ цвѣты дышатъ вѣчной весною,
 Гдѣ лохмотьямъ и сѣрымъ плащамъ
 Не мѣшаетъ и грандъ своей пышной одеждою,
 Безъ Гитаны съ гитарой—одною надеждою
 Меньше свѣтитъ наивнымъ сердцамаъ.

Отъ чего же съ обычной астрады
 Не слышать ее? Или больна?
 Или замужемъ? Или она
 Влюблена и не ищетъ услады
 Въ фиміамѣ горячихъ похвалъ? —
 Вдругъ, прошелъ странный слухъ, далеко не таинственный:
 У Гитаны—любовникъ, Донъ-Педро, единственный,
 Кому бѣсъ богатѣтъ помогаль—

Помогалъ и въ любви... Были слухи
 Что, въ дорогѣ, ребенкомъ, онъ былъ
 Взятъ бандитами въ плѣнъ; полюбилъ
 Удаля ихъ, воспитался въ ихъ духѣ
 Съ ихъ согласья въ Сивилью сбѣжалъ,
 Завладѣлъ, по наслѣдству отъ дяди, палатами,
 И нерѣдко, отъ банды снабженный дукатами,
 Въ тайнѣ ей помогалъ и спасалъ...

Такъ о немъ толковали въ народѣ;
 Но—красавецъ, богачъ, фантазеръ,
 Женскихъ, пылкихъ сердецъ милый воръ,
 Онъ, на зло молодежи, былъ въ модѣ
 У вдовицъ—у большихъ мастерицъ
 Прикрывать ложью то, что зовутъ въ свѣтѣ тайною,
 А Донъ-Педро, владѣя удачей случайно,
 Не щадилъ ни знакомства, ни лицъ...

Что-то дѣвственное и—вакхальное;
 То мгновенныя вспышки зарницъ
 Изъ-подъ длинныхъ какъ стрѣлы рѣсницъ,
 То порывъ,— то улыбка печальная,
 Все, что было отъ грубыхъ страстей
 Далеко, какъ отъ хрипа, воздушное пѣніе,
 Все, что было въ Гитанѣ и блескъ и затменіе
 Не давало ему спать ночей...

И конечно, Донъ-Педро влюбился,
 Какъ влюблялись сатиры, когда
 Имъ на свѣтѣ была чередъ
 Ликовать—(врядъ ли свѣтъ измѣнился!)...
 Онъ—добился свиданія съ ней
 И увлекъ ее. (Домъ ея нѣ былъ съ перилами)
 И нарушилъ соблазнъ чародѣйными силами
 Тишину ея свѣтлыхъ ночей.

*

Разлюбивъ, говорилъ онъ Гитанѣ:
 — Безъ ума я отъ женщины: грѣшно
 Ихъ щадить—клятвамъ вѣрить—смѣшно!—
 Кобылица и та на арканѣ
 Рвется въ степь. Какъ ее ни ласкай,
 Не желаетъ она, и за кормъ, быть послушною
 Злой уадѣ—такъ и ты, не кажись простодушною.
 И притворно—цѣпей не желай...

И Гитана во гнѣвѣ не стала
 Упрекать его.—Цѣпь порвалась...
 О! пусть думаютъ, что продалась...
 Все равно,—обаянье пропало...
 Красота ея стала цвѣткомъ,
 Ради прихоти сорваннымъ или подкошеннымъ,
 И, увы! добавляла молва, скоро брошеннымъ...
 Значить ей и позоръ ни почему...

Долго-долго Гитана блуждала,
 Какъ въ чаду,—наконецъ, поняла
 Что одна ея слава прошла—
 Что—приходить другая... И стало
 Ей и страшно и больно отъ ранъ,
 Наносимыхъ ей въ сердце:—никто соблазителя
 Не винилъ—честь ея не нашла себѣ мстителя—
 Значить, былъ обоюдный обманъ...

Такъ зачѣмъ же, голодная, злая,
 Загорѣлая,—словно несетъ
 Ее буря, Гитана идетъ
 На эстраду, впередъ сознавая
 Что она никому не нужна!?
 Но Гитану зовутъ и—Гитана рѣшается...
 А струна, по струнамъ задѣвая, мотается
 И ей чудится,—шепчетъ струна...

У тебя, она шепчетъ, ни брата,
 Ни отца нѣтъ... и вся-то семья,
 Все богатство—гитара твоя,
 Да теперь—рукоятка булата...
 О! Донъ-Педро! уже никому
 Ластить не будетъ онъ, ночью гуляя съ синѣрами,—
 Но утрамъ провожать ихъ влюбленными взорами,
 Чтобъ онѣ улыбались ему.

Думалъ онъ: ты уйдешь и забудешь
 Его клятвы, какъ онъ ихъ забылъ;
 Онъ тебя никогда не любилъ;
 А ты будешь любить—вѣчно будешь!..
 И вотъ, чудится ей, со струной
 Говорить она: это во снѣ мнѣ приснилось,
 И не знаю сама я, какъ это случилось...
 — Матерь Божія!—Ножъ былъ со мной..

Она бредить, а все жъ за безчестье
 Нанесла она страшный ударъ,
 Тотъ ударъ, что дворцы и базаръ
 Называютъ кровавою местию.
 — На пиру былъ Донъ-Педро,—домой
 Шель, посвистывая; на пути, ночью хмурю
 Не узналъ онъ Гитаны и назвалъ Лаурою —
 Но—едва сжалъ ей локоть рукой—

Отшатнувшись, очнулась Гитана
 И вонзила въ него лезвіе.
 Онъ безъ крика взглянулъ на нее,
 Страшнымъ взглядомъ—и грохнулся; рана
 Стала кровью пятнать мраморъ плить.
 Постоявъ, завернулась Гитана въ мантилію,
 И ушла;—а по утру цирюльни Сивилію
 Извѣстили: Донъ-Педро—убить...

Вотъ и новая ночь: отворяють
 Въ окнахъ ставни; изъ оконъ несетъ
 Ароматами,—скоро блеснетъ
 Серпъ луны; по аллеямъ блуждають
 Чьи-то тѣни... Чу! кто-то свистить...
 Шумъ шаговъ, голоса ей, встревоженной, слышатся;
 Пряди косъ, словно львиная грива, колыхаются—
 За плечами гитара дрожить.

Вотъ, пришла и встряхнула кудрями;
 Вотъ эстрада—Гитана идетъ.
 Что-за чудо!... Толпа вся встаетъ
 И ее осыпають цвѣтами,
 Рукоплещуть... восторженный вой
 Голосовъ... И стоитъ она, блѣдная, щупая
 Всѣ ли струны?!—Ужели толпа эта глупая
 Поняла, кѣмъ убить милый мой?!

Я. ПОЛОНСКІЙ.

1891 г. январь.

ЗАБОТА О БЛИЖНЕМЪ.

Очерки благотворительности.

I.

Между политическими идеями Монтескье есть одна, которая должна останавливать на себѣ особенное вниманіе изслѣдователя. Государство, — говоритъ Монтескье, — состоитъ изъ учрежденій, образующихъ своимъ взаимнымъ, стройнымъ сочетаніемъ такую или иную внѣшнюю фигуру политической жизни. Но государство не есть лишь эта *внѣшняя структура* учреждений. Въ немъ необходимо живетъ еще внутреннее животворящее начало, *нравственная движущая сила*, которая одухотворяетъ мертвое тѣло учреждений и пульсируетъ въ нихъ непрерывнымъ біеніемъ жизненнаго тока. Само собою разумѣется, что внѣшняя политическая структура должна находиться въ полномъ согласіи съ внутреннимъ нравственнымъ принципомъ. Дисгармонія между ними приводитъ къ бѣдствіямъ, подобно тому, какъ и въ человѣкѣ разногласіе между свойствами тѣла и свойствами души является причиной несчастья и трагической судьбы. Напрасно государство усвоило бы себѣ, напримѣръ, самый правильный демократическій строй учреждений; если духъ его населенія не исполненъ нравственнаго тяготѣнія къ равенству общественно политическаго положенія всѣхъ гражданъ, то демократическая оболочка не сохранится, разрываемая на части ровнью стремленій индивидовъ, партій или сословій.

Общая идея Монтескье можетъ быть перенесена и на отдѣльныя отрасли государственной жизни. Каждая изъ этихъ отраслей имѣетъ свое внѣшнее оформленіе въ соответственныхъ установленіяхъ и учрежденіяхъ; но и здѣсь внѣшняя организація не составляетъ всего дѣла. И здѣсь мы можемъ различить внутреннія, нравственныя пружины, которыя сообщаютъ отдѣльнымъ сторонамъ жизни присущую имъ душу. Богатая гамма человѣческихъ душевныхъ свойствъ и моральныхъ чувствъ разливается и распредѣляется по различнымъ вѣтвямъ общежитія, причемъ въ одной отрасли его премируетъ одно душевное свойство или чувство, въ другой—другое. Законы, давая наружную организацію этимъ отраслямъ жизни, не должны, конечно, игнорировать названные нравственные стимулы. Такъ, напримѣръ, если основное нравственное начало военнаго дѣла есть чувство твердой дисциплины, то, понятно, относящіяся къ этому дѣлу законы и учрежденія должны хранить и закалять эту центральную пружину. Если дѣло торговли и промышленности требуетъ стойкой энергіи, широкой предпримчивости и благоразумной честности, то было бы весьма нецѣлесообразно давать ему оболочку учреждений, толкающихъ человѣка на путь трусливаго прятанія капитала, сонной неподвижности и подрыванія кредита близорукою склонностью къ обману. Такихъ примѣровъ легко исчислить множество.

Обращаясь къ благотворительности, необходимо остановиться на разсмотрѣніи основнаго, присущаго этому дѣлу нравственнаго принципа. Моральный источникъ благотворительности лежитъ въ способности человѣческаго сердца болѣть чужою болью, страдать чужимъ страданіемъ. Истинное благотвореніе есть плодъ чистой, безпримѣсной любви къ ближнему. Гражданинъ, воинъ, политикъ, чиновникъ, торговецъ могутъ возбуждаться къ дѣятельности чувствомъ долга, честолюбіемъ, расчетомъ, предусмотрительностью, ожиданіемъ взаимныхъ выгодъ, благоразумнымъ балансированіемъ между дозволеннымъ и недозволеннымъ, — но истиннымъ благотворителемъ является человѣкъ лишь въ тотъ моментъ, когда въ его душѣ замолкаетъ все, что не есть голосъ чистаго альтруизма, когда жгучее ощущеніе чужой нужды исторгаетъ человѣка изъ эгоистической атмосферы его личной жизни, когда человѣкъ поспѣшно снимаетъ собственное платье, чтобы пригрѣть чужую ногу, когда онъ собственными руками омываетъ раны ближняго, и когда,

полагая такимъ образомъ предѣлъ чужому страданію, онъ чувствуетъ радость какъ бы личнаго освобожденія изъ-подъ гнета нависшей бѣды. Текущая, обыденная жизнь, говоря вообще, есть арена борьбы, — борьбы интересовъ, честолюбій, корыстей, талантовъ. Въ результатъ этой борьбы получается отдѣленіе сильныхъ отъ слабыхъ, счастливыхъ отъ несчастныхъ, побѣдителей отъ побѣжденныхъ. Люди облачаются въ различныя обличія, соответственно мѣрѣ своего жизненнаго успѣха, и размѣщаются по ступенямъ длинной лѣстницы общественнаго положенія. При этомъ они заботливо разставляютъ ограждающіе мѣста барьеры, такъ называемыя „нормы права“, и лишь изрѣдка возносятся мыслью къ высшимъ соображеніямъ справедливости, которая, впрочемъ, по большей части является не болѣе, какъ толкуемой вкривь и вкосъ формулой: „*visum est quae*“. Но есть въ человѣческой жизни область, куда люди вступаютъ, отрѣшившись отъ различія своихъ соціальныхъ „мѣстъ“ и оболочекъ. Это — область благотворительности.

Употребимъ сравненіе. Легко представить себѣ семейство, состоящее изъ членовъ весьма различнаго общественнаго положенія; есть въ немъ братья, заслуженные воины, крупные капиталисты и знаменитые таланты, есть въ немъ и братья, стоящіе на крайней степени безчиновности, безденежья и безизвѣстности. Предположимъ, что всѣ они сговорились устраивать, отъ времени до времени, искреннія, истинно семейныя свиданія. Само собою разумѣется, что на этихъ свиданіяхъ, куда богачъ пріѣзжаетъ въ каретѣ, а бѣднякъ плетется пѣшкомъ, они привѣтствуютъ другъ друга поцѣлуемъ, какъ дѣти одного отца, какъ лица, проникнутыя однимъ и тѣмъ же чувствомъ родственной пріязни. Здѣсь не будетъ мѣста превознесенію одного человѣка надъ другимъ, здѣсь не мыслимы унижительныя просьбы и горделивыя подачки, здѣсь будетъ естественная, сердечная складчина, куда одинъ внесетъ деньги, другой — участливый вздохъ, а третій — разумное, отрезвляющее слово. Точно такой характеръ носить на себѣ истинная благотворительность. Это также, въ своемъ родѣ, родственное свиданіе, это также поцѣлуй и рукопожатіе, связывающее сердечный узелъ между сильнымъ и слабымъ человѣкомъ. И эта область такъ же чутка ко всякой фальшивой нотѣ. Благотворящій и благотворимый всегда соединены весьма чувствительнымъ нервомъ, малѣйшая неладность на одномъ концѣ связующей нити тотчасъ отзывается и на другомъ. Малѣйшая муť источника

любви уничтожаетъ истинный смыслъ благотворительности, „доброе дѣло“ тотчасъ исчезаетъ, и остается нѣчто совсѣмъ иное, остается въ лучшемъ случаѣ „полезное дѣло“, или „цѣлесообразный поступокъ“, или „справедливое дѣйствіе“ и пр. Но эта замѣна отнюдь не равнозначаща.

Опредѣляя полезное и справедливое, человѣкъ неизбежно выступаетъ на скользкій путь. Арифметическая операція, необходимая при констатированіи полезнаго, колеблется въ борьбѣ съ многопричинностью и сложностью явленій человѣческаго міра. Что же касается справедливости, то вѣсь ея, какъ извѣстно, находятся въ зависимости отъ точки зрѣнія взвѣшивающаго, а чашка этихъ вѣсовъ раскачивается изъ стороны въ сторону толчками клубящихся повсюду личныхъ интересовъ. Наконецъ, здѣсь приходится считаться съ „градусами широты, меридіанами и Пиренеями“, о вліаніи которыхъ говорилъ еще Паскаль. Только любовь, съ ея плодомъ—„добрымъ дѣломъ“, свободна отъ колебаній между соображеніями pro и contra; она одна способна на подвигъ, идущій дальше всѣхъ условныхъ межъ и рубежей. Вотъ почему, не опасаясь впасть въ парадоксъ, мы можемъ сказать, что самое полезное и справедливое дѣйствіе, если оно стремится вытѣснить собою доброе дѣло, есть дурное и вредное дѣйствіе. Такое вытѣсненіе, пренебрегая источникомъ благодѣяній, иссушаетъ въ обществѣ струю дѣятельнаго альтруизма. Замѣна подвиговъ благотворенія „трезвыми началами права“ есть актъ моральнаго ограбленія общества, потому что сфера истинной благотворительности есть великая *нравственная школа*, въ которой человѣкъ проникается возвышенными мотивами и роднится съ благородными чувствами. Укрѣпившись въ дисциплинѣ этой школы, человѣкъ становится способнымъ внести приобрѣтенныя моральныя богатства въ другія отрасли жизни, сообщая общежитію драгоценный вкладъ гуманности, великодушія, безкорыстія и самопожертвованія, которыхъ нельзя добыть орудіемъ расчета, справедливости и права ¹⁾.

¹⁾ Ср. соч. Н. Х. Бунге „Полицейское право“, вып. 5: „Благотворительность составляетъ безспорно одно изъ самыхъ чистыхъ проявленій индивидуальной и общественной нравственности. Поэтому благотворительность несовмѣстна съ принужденіемъ и суетностью, и отвергаетъ, какъ юридическое, право нуждающихся на вспомошествованіе, право, обращающее достаточные классы въ данниковъ нищеты, такъ и безучастную раздачу подавій, напоминающую бѣднымъ объ обще-

II.

Утвердившись въ такомъ пониманіи благотворительности, мы получаемъ возможность видѣть, почему классическая древность была лишена ея чарующаго сіянія, несмотря на весь разносторонній блескъ своей цивилизаціи. Эллада и Римъ заботились только объ эстетической стройности и ви́шней справедливости уклада жизни. „Пусть будетъ въ общежитіи—говорилъ грекъ,—строгая соразмѣрность, т. е. давай тому, отъ кого получаешь, и не давай тому, кто самъ не даетъ (Гезіодъ)“.

Эту заповѣдь римлянинъ формулировалъ въ лаконическомъ афоризмѣ: „каждому по заслугамъ“. Понятно, что эта точка зрѣнія взаимнаго обмѣна благъ и вознагражденія заслугъ является, въ сущности, смертнымъ приговоромъ каждому, кто лишенъ возможности предложить людямъ что-либо съ своей стороны, каждому обездоленному, могущему вынести на жизненное торжище только явы своего больнаго тѣла или слезы своей удрученной души. И дѣйствительно, напрасно искали бы мы, подъ грандіозными классическими портиками, трогательную фигуру „нуждающагося брата“; нашъ взоръ находитъ здѣсь лишь Лазаря, которому позволялось оспаривать у псовъ отбросы со стола богачей, или паразита, который платилъ патрону за корзину съ объѣдками, за денежную подачку, уни-

ственнымъ и экономическомъ ихъ принижениі при преобладаніи богатаго меньшинства“. На Западѣ пытаются нерѣдко устанавливать принципиальное различіе между государственною благотворительностью и частною. Государственное призрѣніе, говорятъ тамъ, дѣйствуетъ въ виду политическихъ интересовъ, а не интересовъ гуманности и милосердія. Въ только-что вышедшемъ выпускѣ (6) „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ (Iena 1890) читаемъ, что „die öffentliche Unterstützung tritt ein aus staatlichem Interesse“, и что роль этого призрѣнія состоитъ не въ осуществленіи милосердія („nicht aber Mithlähigkeit geübt werden“). Но трудно понять, въ чемъ заключается „политическій интересъ“, преслѣдуемый государствомъ въ данномъ случаѣ. Нельзя же сводить его къ тому, что государство, заботясь о бѣдныхъ, хочетъ лишь парализовать опасность ихъ недовольства, или, поддерживая сиротъ, видитъ въ нихъ будущихъ солдатъ или плательщиковъ налоговъ. Думается, что государство, въ области призрѣнія, является лишь помощникомъ общества и отдѣльныхъ людей въ осуществленіи альтруистическихъ тенденцій, и что главный „интересъ“, преслѣдуемый здѣсь государствомъ, есть именно неугасаніе въ общежитіи свѣточа гуманности.

тельными поклонами, захлебывался подлымъ смѣхомъ, когда патронъ улыбался, или потѣлъ, когда патронъ говорилъ: „миѣ жарко“ (Ювеналъ). Была ли хотя бы тѣнь настоящей благотворительности въ этомъ сочетаніи тщеславія, презрѣнія къ человѣческому достоинству и животной жадности, сопряженной съ злобнымъ недовольствомъ? „Вы,—восклицалъ Тертуллианъ, обращаясь къ язычникамъ,—питаете своихъ паразитовъ, продавая имъ средства существованія за тысячи униженій“.

Конечно, даже въ періодъ упадка Рима случались моменты, когда опустошительный пожаръ или многочисленныя жертвы, раздавленные внезапно обрушившимся амфитеатромъ, вызвали дѣятельное состраданіе общества, и городъ,—говоря словами Тацита,—„становился похожъ на Римъ древнихъ, которые послѣ большихъ сраженій оказывали помощь раненымъ щедротами и попеченіемъ“. Но все это было только случайностью, минутнымъ исключеніемъ изъ обычнаго преклоненія предъ сплоской и презрѣнія къ слабости. Зрѣлища массоваго кормленія черни, государственныя угощенія народа хлѣбомъ и развлеченіями не придають смягчающаго колорита картинкѣ классической жизни, потому что въ этихъ фактахъ ясно сквозилъ холодный политическій расчетъ или просто едва замаскированный подкупъ, такъ часто служившій орудіемъ честолюбивыхъ цѣлей. Темный людъ убогихъ, больныхъ и нуждающихся считался бесполезнымъ бременемъ земли. Это былъ „inutile terrae pondus“, по жесткому опредѣленію 800-й юстиніановской новеллы, исполненной истинно-языческаго духа. Такимъ образомъ, бѣднякъ классической эпохи тщетно озирался вокругъ, нища опоры, помощи или сочувствія. Мерцающій, смутный свѣтъ надежды видѣлся ему лишь оттуда, гдѣ лодка Харона совершаетъ свои рейсы. И бѣднякъ стремился къ этой лодкѣ съ радостной поспѣшностью лукіановскаго Микилла, который весело рассказывалъ богинѣ Клотѣ объ обстоятельствахъ своей кончины: „При первомъ знакѣ миѣ Атропы, я вскочилъ въ восторгѣ и босикомъ помчался за нею или, вѣрнѣе, впереди нея. Здѣсь впервые я вздыхаю полною грудью, такъ какъ у васъ никто не выше своего сосѣда, никто не дрогнетъ отъ колода, не болѣетъ и не получаетъ затрепачинъ. У васъ дѣла идутъ на выворотъ: бѣднякъ безопасно скалитъ зубы, а сильныя міра стонуть и плачутъ“.

Нельзя сказать, чтобы ложь, заключавшаяся въ античной житейской морали, не ощущалась инстинктивно язычникомъ

и не вносила въ его сердце смутной тревоги. Его мысль не переставала кружиться вокругъ центрального пункта этики, близко касаясь истины, то въ теоріи „платонической любви“, то въ ученіи Аристотеля о „дружбѣ“, то въ эпикурейскомъ космополитизмѣ, то въ циническомъ и стоическомъ „мировомъ гражданствѣ“. Но совершить полную побѣду надъ недоразумѣніемъ и возжечь свѣтильникъ истиннаго „добраго дѣла“ не суждено было древнему міру. Напрасно философія стремилась въ высь, къ постиженію божественной правды; ея полетъ всегда уподоблялся полету Икара. Мысль философа не могла отрѣшиться отъ почвы своего времени, а это время было проникнуто привычкой увѣличивать побѣдителей и строго отличать господина отъ раба, богатаго отъ бѣднаго. Часто слова мыслителя кажутся тождественными съ языкомъ современной намъ морали, но, за этой внѣшней тождественностью, всегда лежитъ глубокая внутренняя рознь. Раскроемъ, напр., сочиненіе Сенеки о благотворительности (*De beneficiis*), сочиненіе, составляющее послѣднее слово языческой мудрости по интересующему насъ вопросу.

Прежде всего насъ поражаетъ здѣсь благородство и возвышенность мыслей: рѣчь языческаго писателя является какъ-бы отголоскомъ евангельскаго ученія. „Сущность добраго дѣла, — говоритъ Сенека, — не въ даваемомъ золотѣ или серебрѣ, а въ намѣреніи и желаніи дающаго. Благотворительность есть актъ благожелательности, порывъ сердца, самъ собою приносящій радость благотворителю. Милосердіе ни отъ кого не отворачивается, его святилище открыто для воѣхъ, оно охватываетъ весь міръ, не выбирая знатныхъ людей и не предъявляя требованій какого-либо ценза; оно довольствуется просто человѣкомъ. Благодѣянію противна гордость: доброе дѣло, исходящее изъ нея, не только теряетъ свое значеніе, но и становится ненавистнымъ. Чего ожидать отъ человѣка, котораго оскорбляютъ одолжая? Будьте довольны въ такомъ случаѣ, если вамъ прощаютъ ваши благодѣянія. Точно такъ же чужда благотворительность и всякаго расчета. Ты спрашиваешь, что соотвѣтствуетъ благодѣянію, чѣмъ оно вознаграждается? Но скажи мнѣ, что соотвѣтствуетъ справедливости, великодушію? Чѣмъ вознаграждается цѣломудріе? Добродѣтель цѣнна сама по себѣ, если ты ищешь еще чего-нибудь, кромѣ нея, ты ищешь не ее. Кто назоветъ добродѣтельной женщину, которая отталкиваетъ поклонника, чтобы тѣмъ больше воспламенить его, или

сберегаетъ честь изъ боязни мужа или закона?.. Будемъ давать, несмотря ни на что, будемъ давать, хотя бы часто давали напрасно и наши благодѣянiя не приносили хорошихъ плодовъ. Никогда крушенiе дома не помѣшаетъ возводить его снова; послѣ пожара, на пеплѣ, еще не остывшемъ, мы закладываемъ новый фундаментъ; города, много разъ уничтоженные, снова выстраиваются на томъ же мѣстѣ. Таково наше упорство въ надеждѣ на будущее! Безъ этой настойчивости, еслибы за неудачными попытками у насъ не разгоралось желанiе приниматься за дѣло сначала,—что бы стало со всей человѣческой дѣятельностью?"

Несмотря на благородство этихъ положенiй, ихъ возвышенная мелодiя не въ силахъ заглушить суровую основную тему разсужденiй Сенеки. Эта основная тема постоянно напоминаетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ язычникомъ эпохи, не могшей возвыситься надъ жестокостью нравственной заповѣди: „do ut des“ и „vultui sui que“. Въ каждой главѣ сочиненiя римскаго стоика просвѣчиваетъ взглядъ на благотворительность, какъ на взаимный обмѣнъ услугъ и благъ. „Неразумное благодѣянiе,—говоритъ философъ, противорѣча только-что цитированному,—не есть благодѣянiе. Наши добрыя дѣла дурно помѣщаются, мы не ищемъ достойныхъ, мы скорѣе бросаемъ наугадъ, чѣмъ даемъ. Что дается первому встрѣчному, то никому не дается“. Такъ думаетъ Сенека, не знакомый съ духомъ христіанскаго милосердiя, распаивающаго свои двери настежь. Весьма понятно отсюда, почему соображенiя о „благодарности“ постоянно сопутствуютъ его разсужденiямъ о милосердiи. „Вслѣдствiе нашего неумѣнiя давать,—замѣчаетъ эгегически стойкъ,—намъ не возвращаютъ нашихъ благодѣянiй, насъ не благодарятъ, все пропадаетъ въ тотъ моментъ, когда дано... Разумный благотворитель долженъ обладать извѣстнаго рода ловкостью. Никто не любитъ, чтобы его смѣшивали съ толпою, всякому прiятно чувствовать, что данное дается собственно ему. Поэтому благотворитель долженъ подражать куртизанкѣ, которая умѣетъ раздѣлять себя между многими поклонниками, давая каждому какое-нибудь отдѣльное доказательство своей благосклонности“. Не отрицая „разумности“ подобныхъ совѣтовъ, нельзя однако же не видѣть въ нихъ прискорбнаго смѣшенiя добраго дѣла съ подаркомъ и одолженiемъ.

„Плоды благотворительности,—говоритъ Сенека,—заклучаются въ чувствѣ удовлетворенности благотворителя, въ его

славѣ и въ томъ, что благодѣтельствованный въ свою очередь можетъ оказать взаимную услугу“. Этотъ элементъ двусторонности и обоюдности добраго дѣла постоянно ощущается подъ покровомъ реторики и софизмовъ римскаго стоика. „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—замѣчаетъ Сенека,—можно требовать отвѣтныхъ благодѣній. Не значить ли это, однако же, обращать доброе дѣло въ заемъ? Нисколько, я не требую вознаграженія, я прошу его, даже не то,—я извѣщаю о своей нуждѣ. Часто неблагодарность проистекаетъ изъ забывчивости или лѣности; тутъ напоминаніе есть новое благодѣніе, потому что отвращаетъ одолженнаго отъ неблагодарности“. Такія и подобныя разсужденія о вознагражденной благотворительности обличаютъ, какъ мы сказали, античнаго писателя, мыслителя древности, которая настолько цѣнила возмѣщеніе благодѣній, что часто помѣщала неблагодарность въ число преступленій, караемыхъ закономъ.

Читая трактатъ „De beneficiis“, мы поражаемся крайней казуистичностью его изложенія. Авторъ борется на каждомъ шагѣ съ безконечною сложностью житейскихъ комбинацій. Должно ли,—размышляетъ онъ,—благодарить за благодѣніе, которое мы не приняли бы, еслибы знали о немъ напередъ? Какъ быть въ томъ случаѣ, когда одно и то же лицо насъ одолжило, а потомъ оскорбило? Какъ взвѣсить здѣсь полученную выгоду и понесенный вредъ? Можетъ ли рабъ быть благодѣтелемъ своего господина? Если дурному человѣку все не въ пользу, то не слѣдуетъ ли отсюда, что такому человѣку нельзя оказать благодѣнія? Что дѣлать съ благодѣніемъ, которое оказано невольню? Какъ смотрѣть на совершителя благодѣнія изъ корыстныхъ побужденій? и т. д. Такая казуистичность разсужденій Сенеки обнаруживаетъ отсутствіе у него коренныхъ, руководящихъ принциповъ. И въ самомъ дѣлѣ, что лежитъ въ основаніи благотворительности? На этотъ вопросъ стоикъ отвѣчаетъ ссылкой на природу. Природа внушила людямъ чувство взаимной солидарности, природа освѣтила всѣ души свѣтомъ добродѣтели, природа — естественный мотивъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ. Но факты дѣйствительности часто противорѣчатъ этому положенію. Самъ Сенека говоритъ о существованіи множества людей, не склонныхъ ни къ благотворительности, ни къ благодарности; самъ онъ описываетъ многихъ, которые, „при одномъ подозрѣніи, что у нихъ попросятъ, наморщиваютъ лобъ, принимаютъ разсѣянный видъ и, подъ пред-

логомъ спѣшныхъ занятій или посредствомъ безконечныхъ рассказовъ, стараются отвести рѣчь, замятая угрожающую просьбу⁴. Слѣдовательно, предполагаемое велѣніе природы не представляетъ собою достаточно надежнаго фундамента для храма человѣческаго милосердія.

Такимъ образомъ, ученіе Сенеки, лишенное точки опоры въ видѣ опредѣленныхъ основныхъ началъ и твердыхъ идеаловъ, неминуемо должно было приводить къ морали, безсильной подняться выше хаоса пестрыхъ жизненныхъ отношеній и выше индивидуальныхъ свойствъ отдѣльныхъ личностей. „Дурно повимаетъ отецъ интересы дочери, — говоритъ Сенека, — когда онъ отдаетъ ее человѣку дурной репутаціи; нелѣпо дѣлать расточителя опекуномъ сына. Но не менѣе нелѣпо дѣлать предметомъ благотворительности неблагодарныхъ, у которыхъ должно пропасть все, что имъ дано. Если боги дѣлаютъ благодѣянія недостойнымъ, то лишь потому, что нельзя ихъ выдѣлать въ отдѣльный народъ, нельзя велѣть дождямъ не падать на земли дурныхъ людей... Не справедливо ли воздавать каждому должное, за благодѣянія благодарить, за оскорбленія мстить? Здѣсь нужно только вести осмотрительный счетъ: благодѣянія бываютъ разныя, смотря по времени, мѣсту, мотиву, свойства лицъ здѣсь также имѣютъ важное значеніе (Письма Сенеки къ Луцилію, LXXXI)⁴. Такова нравственность, утопающая въ суетлохѣ общежитія, „гдѣ толпятся господа и рабы, богатые и бѣдные, варвары и свободные граждане. Такова добродѣтель, принужденная ограничиваться совѣтомъ — „поступать, смотря по человѣку“.

Но этого мало. Узкая языческо-классическая мораль подрываетъ себя окончательно пессимистическимъ взглядомъ на сущность человѣческаго сердца. „Человѣку — говоритъ Сенека (Письмо къ Луцилію, СШ), — каждый день угрожаетъ опасность отъ человѣка. Отъ этой столь обыкновенной и упорной опасности нужно оберегаться со всею возможною бдительностью. Гроза оповѣщаетъ о себѣ громомъ, зданіе трещитъ прежде чѣмъ упасть, дымъ предупреждаетъ о пожарѣ, и только нападеніе человѣка всегда внезапно. Человѣкъ маскируетъ свой ударъ тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ онъ ближе. Ты глупъ, если довѣряешь выраженію лицъ, которыя видишь. Подъ человѣческимъ ликомъ таится дикій звѣрь. Но у звѣрей страшнѣе лишь первый скачекъ; разъ звѣрь ушелъ, онъ уже не ищетъ насъ, потому что ничто не побуждаетъ его

вредить, кромѣ необходимости. Для человѣка же погубить человека—есть дѣло каприза и наслажденія“. Обращаясь къ окружающему и ссылаясь на Овидія, Сенека замѣчаетъ:

„Хозяинъ боится гостя, тесть зятя, братья другъ друга, благодѣяніе рождаетъ преступленія, кинжалъ и ядъ служатъ отвѣтомъ на добрыя дѣла. Существуетъ ли гдѣ-либо сынъ, настолько умѣренный, что не ждетъ смерти отца, настолько любящій, что не желаетъ ея?.. И это,—подчеркиваетъ Сенека,—есть нѣчто временное: мы злы, мы были такими и, смѣю думать, мы будемъ такими. Часто говорятъ о безнравственности текущей эпохи, но то же говорили и наши предки; въ сущности, все остается и останется, какъ было и какъ есть“. Но если дѣйствительно таковъ человѣкъ вообще, по своей природѣ, то къ чему же сводится теорія Сенеки? Гдѣ почва ея примѣненія? Гдѣ существо, достойное благодѣянія?..

Изъ всего сказаннаго понятенъ общій характеръ эпохи. Рука античнаго благотворителя не могла не колебаться въ тяжкомъ сомнѣніи о предѣлахъ и формахъ приложимости добраго дѣла. Гостепримство того времени нерѣшительно выглядывало изъ полуотворенной двери, тщетно стараясь отличить достойныхъ людей отъ недостойныхъ. Человѣкъ еще не научился тогда чувствовать возлѣ себя своего ближняго.

III.

Евангельская проповѣдь о любви къ ближнему явилась истинной новостью ¹⁾. На эту проповѣдь мудрецы и законники того времени отвѣчали искреннимъ недоумѣніемъ: „Кто же“, спрашивали они, „изъ пестрой массы живущихъ людей,—нашъ ближній?“ Книжники и учителя божественнаго закона напрасно перерывали свои книги, отыскивая объясненіе новаго, загадочнаго слова. Исусъ Христосъ разсѣялъ печальное невѣдѣніе, создавъ передъ глазами человѣчества новый идеальный образъ, образъ—не человѣка вообще, съ которымъ была знакома и языческая древность, но человѣка-брата. Краткій разсказъ о самарянинахъ разбилъ узкія рамки античной морали и глубокими чертами указалъ направленіе дальнѣйшаго нравственнаго развитія человѣчества.

¹⁾ Ср. ст. Бинэ, въ „Христ. Чт.“ 1879 г.

Путникъ, изображенный въ притчѣ, проѣзжалъ по опасному мѣсту, которое пользовалось весьма дурной репутаціей и носило названіе „пути крови“, вслѣдствіе часто случавшихся здѣсь убійствъ и грабежей. Вдругъ онъ увидѣлъ на краю дороги тѣло раздѣтаго и израненнаго человѣка. Очевидно, это была жертва только-что совершеннаго преступленія. Казалось бы, внезапно открывшееся зрѣлище должно было напомнить путнику объ угрожающей ему опасности и заставить его ускорить шаги. Но самарянинъ, напротивъ, остановился и приступилъ къ перевязкѣ ранъ ограбленнаго. Видъ чужаго страданія вытѣснилъ въ немъ соображенія о томъ, что остановка можетъ угрожать его собственной жизни. Путникъ возложилъ раненаго на своего осла и медленно двинулся къ ближайшей гостинницѣ. Придя туда, онъ не спѣшилъ передать больнаго на руки хозяина гостинницы, онъ не старался навязать привезеннаго кому-нибудь, онъ не обращался съ патетическими воззваціями къ окружающимъ, онъ не навелъ справки о личности подобраннаго на дорогѣ человѣка, онъ не разузнавалъ о его общественномъ положеніи и о томъ, имѣются ли у него достаточные родственники, на которыхъ можно свалить уходъ и издержки. Путникъ все сдѣлалъ самъ, онъ самъ ухаживалъ за страдальцемъ и, уѣзжая, принялъ мѣры, чтобы тотъ не былъ лишенъ, на время его отсутствія, необходимыхъ услугъ. Самарянинъ не сказалъ своего имени, не оставилъ своего слѣда, по которому до него могла бы дойти слава за совершенное и благодарность отъ спасеннаго... Въ этомъ разказѣ вся программа христіанскаго милосердія. Здѣсь указанъ должный способъ дѣйствія по отношенію къ сотнямъ и тысячамъ несчастныхъ, лежащихъ на „кровавомъ пути“ человѣческаго поприща. Здѣсь, въ благородно-простыхъ образахъ, очерчена любовь къ ближнему, не какъ холодно-головная любовь къ человѣчеству, къ обществу и къ прочимъ неопредѣленнымъ, неосязаемымъ абстракціямъ, въ которыхъ исчезаютъ живыя личности, а какъ дѣятельный подвигъ сердечной любви къ дѣйствительнымъ, конкретнымъ людямъ, испытывающимъ дѣйствительныя нужды и страданія.

Заповѣдь, оказавшаяся трудной для пониманія книжниковъ и законниковъ, нашла себѣ богатую почву въ душѣ смиренныхъ исповѣдниковъ новой религіи. Первые вѣка христіанства сіяли непрерывнымъ и повсемѣстнымъ актомъ милосердія. Вѣрнѣйшимъ признакомъ принадлежности человѣка къ новой

церкви служила именно степень его благотворительнаго рвенія. Посѣщеніе больныхъ и увяковъ, забота о сиротахъ, вниманіе къ нуждамъ бѣдныхъ, пріемъ странниковъ и чужеземцевъ,— вотъ дѣятельность, которой отдавали свое сердце христіане, при помощи своихъ діаконовъ и діакониссъ. Каждое общественное бѣдствіе, голодъ или чума, встрѣчало передъ собою дружную рать сестеръ и братьевъ, сомкнувшихся подъ знаменемъ любви къ страдающему ближнему. Служители церкви были, конечно, въ первомъ ряду этой рати, подавая примѣръ благородной настойчивости въ добромъ дѣлѣ и неотступной энергіи личнаго самопожертвованія. Эта черта христіанской жизни была настолько рельефна, что ее не могли игнорировать сами язычники. Императоръ Юліанъ, даровитый консерваторъ, стремившійся поддержать своими руками распатанныя стѣны языческихъ храмовъ и снова оживить уже расплывавшіеся въ воздухѣ образы олимпійцевъ, даже этотъ принципиальный врагъ христіанства не могъ не признать очевидной истины. „Христіане,— говорилъ онъ,— помогаютъ не только своимъ бѣднымъ, но и нашимъ; у нихъ нѣтъ нищихъ, которыми полны наши города“. Благотворительность этой эпохи останется на вѣки образцомъ чистоты и искренности. Доброе дѣло являлось здѣсь исключительно плодомъ любвеобильнаго сердца, которое дѣйствовало внѣ оковъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній и внѣ всякаго гнета принужденія. Ап. Павелъ въ посланіяхъ (2 Кор. IX 5,7) энергично настаивалъ, чтобы пожертвованія для бѣдныхъ были добротны, а сборъ не становился поборомъ. И первые вѣка держались твердо такого истинно христіанскаго начала. „Были,— говоритъ св. Иринея,— жертвы и приношенія у народа іудейскаго, есть они и въ нашей церкви, но съ тою разницею, что тамъ приносившіе были рабы, а здѣсь— свободные. Іудеи были обязаны неизмѣнно платить десятину, христіане же, освобожденные Іисусомъ, даютъ отъ добраго сердца“. „Богатые у насъ даютъ, когда хотятъ и сколько хотятъ“, замѣчаетъ Іустинъ. „Каждый изъ насъ, свидѣтельствуешь Тертуліанъ, представляетъ свое скромное приношеніе разъ въ мѣсяцъ или когда захочетъ, если только захочетъ и можетъ, ибо у насъ никого не принуждаютъ; каждый дѣлаетъ это по доброй волѣ“. Чуждаясь насилія, помощь ближнему не могла относиться индифферентно и къ источнику жертвъ. Она отвращалась отъ дѣяній, не блиставшихъ безупречною чистотой. Бл. вгустинъ и др. не разъ отклоняли пожертвованія, если усма-

тривали какую-либо причастность ихъ несправедливости и пороку; законность „по человѣческому праву“ не служила при этомъ, въ глазахъ отцовъ церкви, замѣной законности „по праву божественному“. Такова была благотворительность первыхъ вѣковъ христіанства, благотворительность, согрѣтая искренней любовью къ ближнимъ, облеченная въ личный подвигъ добраго дѣла, чуждая элементовъ принужденія и возвышенно разборчивая въ средствахъ дѣйствія. Въ то время существовала непосредственная, сердечная связь между богатымъ и бѣднымъ, между счастливымъ и несчастнымъ. Между дающимъ и получающимъ тогда не было равнодушныхъ посредниковъ, и забота о братѣ не сводилась къ бездушнѣйшей цифрѣ денежной подачи. Чувство братской любви у помогающихъ росло и крѣпло въ непосредственномъ, личномъ подвигѣ милосердія, и радость, ими чувствуемая, сливалась съ радостью тѣхъ, которые получали помощь отъ родственно-любящей руки.

Къ сожалѣнію, первоначальная чистота христіанской благотворительности мало по малу потускнѣла на западѣ Европы. Сначала духовенство, въ качествѣ служителя религіи любви, естественно стояло ближе всѣхъ къ дѣлу заботы о нуждающихся людяхъ. Но его благородная роль постепенно измѣнилась. Люди церкви, отходя отъ идеала, даннаго Іисусомъ Христомъ, начали обнаруживать недостатки и слабости. Появился пурпуръ епископскихъ мантий, родились и зародились земныя вожделѣнія, жажда власти охватила сердца, и духовныя лица перестали быть слугами бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Западная Европа не могла расторгнуть связь съ своей античной древностью, и духъ этой древности началъ пробиваться сквозь священный покровъ, положенный на общежитіе евангельскимъ ученіемъ. Старыя земныя похоти, старая расудочность, довѣряющая только вычисленіямъ разума, эллинская холодная, но исполненная сладострастія эстетичность, древне-римская властность и вѣра въ силу вѣншихъ формулъ и формъ,—все это проснулось въ душахъ западно-европейцевъ и отразилось на характерѣ благотворительности. Число богоугодныхъ учрежденій все болѣе и болѣе увеличивается, но духъ любви отлетаетъ отъ дѣла помощи ближнимъ. Въ имущественномъ пожертвованіи, въ богадѣльнѣ, въ госпиталѣ, вырабатывается форма благотворенія, которое все больше и больше сосредоточивается въ механизмахъ, гдѣ дѣйствуетъ мертвенное исполненіе устава, гдѣ человѣческія нужды и страданія обра-

щаются какъ бы въ отвлеченныя понятія, гдѣ доброе дѣло становится мертвой денежной суммой, а получающій помощь видитъ передъ собою лишь сухой параграфъ регламентированныхъ правилъ. Нагроможденныя крупныя богатства пожертвованій становятся лакомою приманкой для человѣческой жадности. Злоупотребленія и хищничество, точно вороны надъ бездушнымъ тѣломъ, начинаютъ кружиться надъ „имуществомъ бѣдныхъ“.

Когда приврѣніе бѣдныхъ въ рукахъ духовенства обнаружило свои недостатки, въ дѣло вмѣшалась свѣтская власть. Съ Карла Великаго государство начинаетъ брать на себя роль руководителя благотворительностью. Но государство могло, конечно, дѣйствовать только тѣми орудіями, которыми оно располагаетъ, т. е. законами, повелѣніями, запрещеніями, уставами, наложеніемъ обязанностей. Каковы же результаты, достигнутые этими средствами?

Многіе исследователи указываютъ съ похвалою на старій нландскій законъ Грагаса, какъ на одинъ изъ начальныхъ пунктовъ западно-европейскаго урегулированія разсматриваемаго вопроса (ср. пр. Андреевскаго „О приврѣніи бѣдныхъ“ 1861). Въ этомъ законѣ мы находимъ цѣлую сѣть правилъ, устанавливающихъ отдѣленіе людей, не желающихъ работать, отъ неспособныхъ къ работѣ. Правила стремятся придать дѣлу приврѣнія характеръ не подаенія, а осуществленія общей обязанности гражданъ; этимъ имѣется въ виду оградить достоинство личности бѣднаго,—какъ будто обиднѣе получать помощь въ качествѣ брата во Христѣ и ближняго, чѣмъ въ качествѣ бесполезнаго общественнаго бремена. Далѣе, правила приравниваютъ къ бродягѣ каждаго человѣка, который проситъ помощи, имѣя способность работать, точно способность работать есть нѣчто, поддающееся точному опредѣленію, и будто способный къ работѣ не можетъ нуждаться въ помощи. Всѣмъ гражданамъ запрещается помогать „бродягѣ“ подъ угрозой отнесенія самого помогающаго къ разряду бродягъ,—какъ будто благородное по существу дѣло можетъ быть очернено какимъ-либо поворящимъ названіемъ. Вооружаясь противъ проявленій чувства милосердія, законъ Грагаса предписывалъ заботу о бѣдномъ возлагать на обязанность его родственниковъ,—какъ будто вынужденная забота можетъ имѣть дѣйствительное, желательное значеніе. Въ случаѣ несостоятельности родственниковъ, содержаніе бѣднаго возлагалось на общество, на деся-

тинный сборъ со всѣхъ обывателей. Такова система, которой бездушность можетъ сравниться лишь съ холодомъ и мертвенностью природы несчастнаго острова, бывшаго мѣстомъ ея рожденія. Тѣмъ не менѣе, вполне справедливо, что эта организація благотворительности явилась провозвѣстницей европейскихъ порядковъ.

IV.

Англія, тверже другихъ государствъ, съ половины XIV в., стала на путь легальнаго приурочиванія призрѣнія бѣдныхъ къ обязанностямъ обществъ, причемъ противъ нищенства былъ видвинутъ цѣлый рядъ угрозъ клеймами, розгами и другими карами. Съ XVI столѣтія добрая воля и личный подвигъ благотворителя отходятъ въ сторону, и забота о нуждающихся становится подневольной: прихожанинъ обязывается дѣлать доброе дѣло подъ страхомъ наказанія. Наконецъ, устанавливается особый налогъ для бѣдныхъ съ владѣльцевъ земли, домовъ, квартиръ и т. д. Бѣдные получаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, *право* на содержаніе, право, санкціонированное закономъ. Нуждающимся въ помощи дается возможность отстаивать свой интересъ посредствомъ суда. Такимъ образомъ, интересъ бѣднаго и страждущаго встаетъ во всеоружіи судебного иска противъ интересовъ общинъ или приходовъ, и мы незамѣтно переходимъ изъ сферы благотворительности, согрѣтой чувствомъ христіанскаго милосердія, изъ среды, составляющей единственный небесный уголокъ на землѣ,—въ область голаго столкновенія матеріальныхъ интересовъ и простой житейской борьбы. Не представляетъ ли логическаго послѣдствія такого положенія вещей—чувство тяготы и недовольства, которое проникаетъ англійское состоятельное населеніе, терпящее огромный матеріальный ущербъ, благодаря необходимости владѣть на себѣ тяжелое бремя содержанія неимущихъ? Когда вопросъ о помощи бѣднымъ сводится на почву ариметическаго сочетанія выгодъ и улаживанія интересовъ, тогда вполне понятны чувства и мысли, выраженныя, напр., Спенсеромъ въ одномъ изъ послѣднихъ его произведеній: „Зачѣмъ представлять себѣ бѣдныхъ невинными страдальцами? Быть можетъ, ихъ несчастья и лишенія составляютъ удѣлъ людей порочныхъ.“

Почему воображаютъ, что устраненіе человѣческихъ страданій составляетъ чью-то непремѣнную обязанность? Стараться отдѣлать страданіе отъ вызвавшей его дѣятельности не значитъ ли идти противъ самой сущности вещей? Съ какой, напр., стати, оказывая помощь дѣтямъ людей порочныхъ, наносить ущербъ дѣтямъ честныхъ родителей, увеличивая лежащую на послѣднихъ тяжесть налоговъ! Когда установлена была обязательная помощь тѣмъ, у кого много дѣтей, то женщины съ нѣсколькими незаконнорожденными дѣтьми, благодаря приданому, въ видѣ получаемой ими отъ приходовъ пенсіи, стали болѣе выгодными невѣстами, чѣмъ дѣвушки хорошаго поведенія"... Эта логика озвѣренія, предоставляющая людямъ испытывать „естественныя послѣдствія ихъ поведенія“ и отворачивающаяся отъ дѣтей „порочныхъ людей“, служитъ яркимъ примѣромъ того, къ чему можно придти, замѣняя евангельскую заповѣдь утилитарными соображеніями.

Исходя изъ такихъ соображеній, англійская благотворительность живетъ и движется разчетомъ. Она тратитъ, напр., большую сумму денегъ на содержаніе молодаго бродяги въ исправительномъ заведеніи, потому что,—по справедливому замѣчанію Тэна,—она вычислила, на сколько экономнѣе платить за бродягу въ „preventive institution“, чѣмъ дать ему вырости на свободѣ. Свойства внутреннихъ мотивовъ „благодѣній“ должны, конечно, проявляться въ соотвѣтственныхъ внѣшнихъ формахъ. И эти внѣшнія формы, строй и характеръ благотворительныхъ учрежденій Англій, дѣйствительно, поражаютъ безсердечіемъ. Въ нихъ ничто не умѣряетъ холода каменныхъ стѣнъ и жесткости желѣзныхъ рѣшетокъ; въ нихъ человѣкъ, существо мыслящее и чувствующее, обращается въ „номеръ“ и запирается въ стойло. „Съ давнихъ поръ,—говоритъ Брентано,—элементъ настоящей благотворительности исчезъ изъ назначенія этихъ учрежденій, и оно свелось къ общимъ условіямъ современнаго экономическаго соревнованія“. Напрасно раздаются у насъ иногда понынѣ хвалебныя рѣчи англійскому рабочему дому. Его истинная сущность достаточно извѣстна. Чуткое сердце Диккенса уже давно изобразило ее глубокими чертами. „Рабочій домъ?—говоритъ бѣдная старуха, въ одномъ изъ произведеній знаменитаго романиста.—Лучше убейте меня, чѣмъ сдать туда. Придите къ намъ, найдите насъ умирающими, подставьте свѣчу подъ постель, пусть лучше сгоримъ мы вмѣстѣ съ домомъ въ кучу воли, прежде чѣмъ тѣло наше бу-

детъ тамъ! Мнѣ идетъ восьмой десятокъ, я вѣкъ не просила милостыни, въ жизнь не брала ни одного пенни изъ кассы для бѣдныхъ. Платила всѣ подати, какъ только было чѣмъ платить, работала, когда могла, голодала, когда надо. И я молю Бога, чтобы мнѣ достало силы до конца вставать съ постели, идти на работу, на побѣгущки, и пусть лучше издохну въ какой-нибудь трупобѣ, чѣмъ попасть въ руки этихъ безжалостныхъ людей въ рабочемъ домѣ, которые дразнятъ, изнуряютъ, презираютъ и позорятъ честнаго бѣдняка“.

Удивительно ли, въ виду сказаннаго, что, несмотря на множество дорого стоящихъ учрежденій общественнаго приарѣнія, англійская нищета по-прежнему бьется въ конвульсіяхъ агоніи, и смерть отъ голода не перестаетъ собирать свою жатву?..¹⁾ Нельзя сказать, чтобы англійская мысль была чужда сознанія узкости основныхъ началъ отечественной благотворительности. Отъ времени до времени, съ разныхъ сторонъ, слышатся доводы обличенія и критики. Такъ, въ одномъ изъ годовыхъ отчетовъ общины „Убѣжища св. Магдалины“ мы читаемъ: „Предметы дѣятельности общины обнимаютъ тѣ же отрасли, на которыя простирается и дѣйствіе закона о бѣдныхъ, результаты котораго оказываются *такъ бесплодны*. Разница между дѣйствіемъ нашей общины и закона заключается въ томъ, что послѣдній есть продуктъ духа міра сего, духа глубоко вкоренившагося себялюбія и нравственнаго упадка, у насъ же—вѣяніе духа церкви Христовой. Законъ о бѣдныхъ есть искусственное построеніе правилъ и таблицъ, служеніе же членовъ „Убѣжища“ основано на свободномъ движеніи сердца, на безкорыстіи и самоотверженіи; живой инстинктъ любви помогаетъ здѣсь распознавать всѣ виды страданій человѣческихъ и оказывать имъ помощь со всею точностью и чуткостью нѣжнаго чувства“. Но подобныя взгляды составляютъ лишь случайное и побочное явленіе, главное же направленіе англійскихъ усилій тяготеетъ именно къ міру упомянутыхъ „правилъ и таблицъ“.

Такимъ образомъ, видя подъ оболочкой оффиціальной благотворительности скрытые элементы тайной вражды, видя озлобленное утомленіе со стороны помогающихъ и вѣчное недовольство, растущую требовательность тѣхъ, кому помогаютъ, видя

¹⁾ Въ прошломъ году въ Лондонѣ констатировано 27 случаевъ такой смерти.

раздраженіе приходоу, отгоняющихъ отъ своихъ околицъ захожаго бѣдняка суровыми толчками, видя мрачныя, тюрьмоподобныя рабочіе дома и другія, не менѣе жесткія „заведенія“, —наблюдатель не можетъ подавить въ себѣ тяжелаго чувства. Не могутъ утѣшить его и широкія предпріятія англійской псевдо-филантропіи. Роскошныя дворцы для увеселенія бѣдныхъ, общедоступныя, хитро-придуманныя, путешествующіе по странѣ „университеты“ и пр. производятъ на него впечатлѣніе крупныхъ, искусственно-выращенныхъ плодовъ, съ опаснымъ червякомъ въ срединѣ. Наблюдатель съ стѣсненнымъ сердцемъ замѣчаетъ, что дѣятели этихъ предпріятій гнушаются старыми приемами благотворенія, боятся произнести самое слово „милосердіе, милостыня“ и выражаютъ твердое намѣреніе обосноваться только на началахъ справедливости. Но окажутся ли въ силахъ эти начала вынести бремя, возлагаемое на нихъ? Составятъ ли велѣнія справедливости, обыкновенно ведущія лишь къ безконечно спорнымъ расчетамъ, надежную замѣну христіанской любви, способной вдохновлять на подвигъ? Среди такихъ сомнѣній, невольно вспоминаются слова знаменитаго нашего писателя: „Никогда люди никакимъ расчетомъ не сѣумѣютъ раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Мыслятъ устроиться справедливо, но, отвергнувъ Христа, кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью...“ Какъ бы то ни было, но если доброе дѣло еще имѣетъ мѣсто въ жизни, то это не потому, что люди будто-бы приходятъ къ сознанію обязанностей, налагаемыхъ справедливостію, и выражаютъ готовность исправить какія-то „историческія неправды“, а потому, что среди безконечныхъ споровъ о правахъ и обязанностяхъ лицъ, сословія и классовъ человѣкъ не утратилъ способность отзываться сочувственнымъ сжатіемъ сердца на боль чужаго страданія. Формулы новѣйшей, разумно-справедливой филантропіи обязаны проблесками своей жизненности лишь тому, что подъ ними еще теплится внутреннее тысячелѣтней нравственной школой уваженіе къ святости „братства во Христѣ“ и истекающей изъ него „спасительной милостыни“. Напрасно новѣйшіе утопическіе романы англійской литературы рисуютъ передъ нами идеалъ будущаго соціальнаго благополучія въ видѣ стройной промышленной арміи, при которой, какъ при войскѣ, будетъ состоять обозъ больныхъ и немощныхъ. Войско не покидаетъ больныхъ и раненыхъ, потому что между его знаменами высится и знамя

съ изображеніемъ креста; безъ этого, съ устраненіемъ стимуловъ состраданія, съ утратой сердечной связи съ идеаломъ евангельскаго самарянина, военная исторія тотчасъ же заперстрѣла бы фактами, въ родѣ поступка Наполеона I-го у Яффы. Незавидную участь можно было бы предсказать ветеранамъ „промышленной арміи“, еслибы люди дѣйствительно построили свой нравственный міръ на однихъ промышленныхъ, хотя бы самыхъ справедливыхъ, принципахъ.

Положеніе вещей, подобное наблюдаемому въ Англіи, встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ Западной Европы. Даже во Франціи, которую обыкновенно противопоставляютъ Англіи въ дѣлѣ призрѣнія, мы замѣчаемъ присутствіе и развитіе тѣхъ же тенденцій. Здѣсь съ давнихъ поръ королевская власть приступила съ большою самонадѣянностью къ излѣченію „соціальной явзы“ человѣческихъ нуждъ и страданій. Нося въ себѣ классическо-римскія традиціи, государственная власть возложила свое упованіе на внѣшнюю организацію дѣла. Она не замедлила распорядиться объ устройствѣ благотворительныхъ учрежденій и разразиться угрозами противъ нищенства. „Король-солнце“, Людовикъ XIV, задумалъ сразу осушить море бѣдности, которое въ то время разлилось широко и компрометтировало блескъ эпохи. По всѣмъ городамъ велѣно было выстроить госпитали, управленіе государственнымъ призрѣніемъ было централизовано. Но исторія свидѣтельствуетъ о полной безуспѣшности усилій всемогущаго короля: въ морѣ, которое должно было быстро иссякнуть, не убыло ни капли. То же самое приходится сказать и о послѣдовавшемъ царствованіи, которое вызвало у Кена элегическое восклицаніе: „бѣдный крестьянинъ, бѣдное королевство, бѣдный король“!

Когда коммиссія, снаряженная Людовикомъ XVI-мъ, приступила къ ревизіи положенія оффиціальной благотворительности, то она увидѣла передъ собою ужасныя картины. Она увидѣла въ Hôtel Dieu по четыре и болѣе беременныхъ женщинъ на одной кровати; больныхъ и умирающихъ рядомъ, на гнилой соломѣ. Она увидѣла, что въ Бисетрѣ мѣсто, назначенное для 25 человѣкъ, занимаютъ 200. Она увидѣла небрежность въ веденіи дѣла и варварское обращеніе. Она нашла въ такъ называемыхъ „dépôts de mendicité“ толпы мрачныхъ, голодныхъ и оборванныхъ страдальцевъ, которыхъ каждый выдохъ былъ болѣзненнымъ стономъ. Эти депо оказались свалочнымъ мѣстомъ, куда запералось все, что надобѣдало попрошайниче-

ствомъ обществу и могло придавать ему неопрятный видъ. Это было своеобразное кладбище, на которомъ погребалась заживо бѣдность.

И такъ, благотворительность „старой монархіи“ шла вѣрными шагами въ полному банкротству. Ея безсиліе обнаруживалось съ вопіющею очевидностію, особенно при сравненіи ея съ дѣятельностію слабыхъ, но проникнутыхъ христіанскимъ чувствомъ, единичныхъ людей, въ родѣ извѣстнаго Винцента де Поля. Въ то время, какъ оффиціальныя богадѣльни являлись источникомъ заразы для городовъ и провинцій, а несчастные, ввѣрившіеся попеченію всемогущаго государства, искали въ смерти избавленія отъ ужасовъ жизни, — Винцентъ нашель себѣ сотрудниковъ и сотрудницъ, съ которыми утолилъ не мало страданій и осушилъ не мало слезъ. Это былъ отрядъ неусыпныхъ, мужественныхъ борцовъ съ человѣческими бѣдствіями. Всегда готовые на помощь несчастнымъ, эти люди всюду являлись при постеляхъ больныхъ; они бодрствовали здѣсь безъ усталы, они искали голодныхъ и сирыхъ, не забывая душевныхъ нуждъ страдальцевъ, за которыми ухаживали, и не упуская случая успокоить ихъ словомъ любви. Благіе результаты этой дѣятельности обуславливались тѣмъ, что здѣсь не возлагали надеждъ на механическую силу мудро придуманныхъ уставовъ, а дѣлали дѣло, какъ личный подвигъ милосердія. Здѣсь христіанское чувство исповѣдывало свою вѣру словами Іеронима: „только благочестіе, оживленное добрыми дѣлами, угодно Богу“. Мертвое „призрѣніе“ тутъ воскресало отъ прикосновенія любящаго сердца Винцента, о нравственныхъ свойствахъ котораго дають наглядное понятіе хотя бы слѣдующія строки въ журналѣ, веденномъ его сотрудницами по пріюту брошенныхъ дѣтей: „22-го января. Г. Винцентъ вернулся около 11 часовъ и принесъ двухъ дѣтей, поднятыхъ на улицѣ. Имъ было нѣсколько дней отъ роду. Боже, какъ они плакали, бѣдныя дѣти! 25-го января. Улицы всё въ снѣгу, мы ждемъ г. Винцента. Онъ не возвращался сегодня вечеромъ съ своихъ поисковъ. 26 января. Бѣдный г. Винцентъ совсѣмъ оконченъ; онъ пришелъ съ ребенкомъ, который однако уже замерзъ. Нельзя безъ боли видѣть его! 7 февраля. Въ воздухѣ очень свѣжо. Г. Винцентъ пришелъ посѣтить насъ; этотъ святой человѣкъ всегда на ногахъ. Начальница предложила ему отдохнуть, но онъ послѣшилъ къ своимъ дѣтямъ. Нельзя хладнокровно слы-

шать его ласковыя слова, его утѣшенія! Эти несчастныя созданія слушаютъ его, какъ отца! Онъ заслуживаетъ этого.

Но примѣры такого служенія ближнимъ, какъ бы предназначенныя для указанія истинной дороги, ступевывались въ шумѣ и гамѣ могучей по виду и тщетной по существу государственной благотворительности. революція застала послѣднюю, какъ мы сказали, въ полномъ банкротствѣ. Съ рѣшительностью, присущею французамъ, и съ легкомысліемъ, свойственнымъ людямъ революціи, Учредительное собраніе и Конвентъ провозгласили помощь бѣднымъ—долгомъ государства. Сочинители „правъ человѣка“ создали эффектный силлогизмъ: люди имѣютъ право на существованіе, нищій есть человѣкъ, слѣдовательно — государство обязано дать ему возможность жить. Никто не хотѣлъ понять, что сведеніе дѣла помощи ближнимъ къ вопросу о правѣ вынимаетъ изъ этого дѣла истинную движущую силу; что объявленіе нуждающихся государственнымъ пенсіонерами обращаетъ благотворительность въ чисто политическое мѣропріятіе. Никто не хотѣлъ видѣть, что дѣйствовать такъ значитъ озлоблять состоятельныхъ людей, которымъ навязывается обязанность питать многочисленную армію „лишнихъ и бесполезныхъ въ жизни существъ“. Утверждаясь въ парадоксальной идеѣ, будто бѣдный имѣетъ какое-то право на помощь богатаго, дѣятели революціи не понимали, что осуществленіе этой идеи въ жизни неминуемо открываетъ бездну между богатыми и бѣдными, разрываетъ сердечную связь между людьми-братьями и раздѣляетъ этихъ братьевъ на два враждебные лагеря, въ одномъ изъ которыхъ скопляется ничѣмъ ненасытимое недовольство, а въ другомъ—ожесточенное желаніе сбросить съ себя тяготу подневольной добродѣтели. Напрасно депутат Делекруа тогда же внушалъ собранію: „Il sera très-impolitique de pousser le gouvernement à appeler avec éclat ses pauvres. Le pauvre n'a droit qu'à la commisération générale“.

Впрочемъ, громкія рѣчи и грандіозныя планы революціонной эры не привели ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ. На практикѣ усилилась, быть можетъ, только энергія, съ которой нищій людъ загонялся въ знаменитые „dépôts“. Управление дѣломъ призрѣнія бѣдныхъ централизовалось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, осуществляясь на мѣстахъ, главнымъ образомъ, префектами и мэрами. Такой порядокъ сохраняется понынѣ. Формальное, чиновническое „завѣдыва-

ніе"—само-собою разумѣется—дѣйствуетъ какъ-нибудь и ощупью, не утруждая себя особенными соображеніями о томъ, кто нуждается, въ чемъ нуждается, кому и чѣмъ помочь. Единственное сознательное и ловкое употребленіе крупныхъ благотворительныхъ суммъ составляютъ подачки изъ различныхъ политическихъ видовъ. Отсюда понятны отзывы исследователей и наблюдателей о государственныхъ филантропическихъ потугахъ во Франціи. Одинъ изъ этихъ исследователей замѣчаетъ, что всѣ „добрыя дѣла“ государства сводились и сводятся лишь къ охраненію общественнаго порядка, къ огражденію безопасности лицъ и имуществъ (De-Gérando); другіе, резюмируя свое изученіе, говорятъ: „обиліе законовъ о бѣдныхъ обратно пропорціонально ихъ пользѣ (Valleroux)“. Немногіе изъ наблюдателей обращаютъ, сверхъ того, вниманіе на причины такой бесполезности. „Въ наше время, замѣчаетъ г-жа Гизо, слишкомъ забываютъ любовь. Нами владѣетъ духъ науки и узаконенія; гордятся своимъ методическимъ искусствомъ, мы готовы думать, что можно все рассчитать, все упредить, и, посредствомъ печатныхъ таблицъ и отчетовъ, можно сдѣлать все то добро, какое нужно. Но для дѣлъ милосердія требуется нѣчто болѣе ума, нѣчто болѣе дѣятельности благоустроенной; для нихъ нужна любящая душа, которая печется не объ одномъ подаваніи вещественномъ, но старается дѣлать благодѣянія полезныя и вмѣстѣ отрадныя для страждущаго, старается, чтобы между благотворителемъ и несчастнымъ было взаимное довѣріе,—единственный залогъ дѣйствительности нравственныхъ отношеній“.

Отъ времени до времени, вопіющіе факты человѣческой безпомощности прорываются рѣзкимъ диссонансомъ среди самодовольнаго гомона жизни передовой европейской націи. Когда ремесленникъ Гайемъ, не справившись съ бѣдностью и не нашедши помощи во всемъ Парижѣ,—только-что давшемъ міру доказательство своего богатства и выставку современной ступени западной цивилизаціи,—убилъ своихъ шестерыхъ дѣтей и самого себя, то публика и пресса выразили наивное недоумѣніе и долго задавались вопросомъ: „что же дѣлаетъ Попечительство о бѣдныхъ, съ принадлежащими ему 40 милліонами франковъ“? Очевидно, успѣхъ благотворительности зависитъ не отъ одной только суммы капиталовъ, находящихся въ ея распоряженіи.

V.

Разочаровываясь въ силахъ общественнаго и государственнаго призрѣнія, многіе на Западѣ находятъ успокоеніе въ надеждѣ на самопомощь различныхъ союзовъ, трэд-юніоновъ, рабочихъ ассоціацій, промысловыхъ кооперацій и пр. Еще недавно эта надежда имѣла всю видимость основательности. Даже писатели, исполненные трезвомыслія, какъ напр. кн. Васильчиковъ („О самоуправленіи“), принимали ее близко къ сердцу. Но указанія позднѣйшаго времени и критика современныхъ изслѣдователей обнаружили ея иллюзію. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти союзы и ассоціаціи представляютъ собою лишь искусственныя формы общественной организаціи въ видахъ успѣшности житейской борьбы за существованіе. Это не болѣе, какъ вооруженные станы, въ которыхъ соединяются люди, не во имя взаимной любви, а ради того, чтобы сообща ненавидѣть и бороться. Военныя цѣли и боевыя соображенія лежатъ въ основаніи этихъ организацій и придаютъ имъ специфическій характеръ. Рабочіе, земледѣльцы, капиталисты и пр. сплочиваются въ тѣсные союзы, чтобы съ большимъ успѣхомъ защититься отъ враговъ или чтобы ударить на нихъ совокупными силами. Члены этихъ группъ поддерживаютъ другъ друга, какъ солдаты отряда на полѣ битвы, понимающіе, что гибель каждаго изъ нихъ приноситъ вредъ для всѣхъ, разстраивая боевыя ряды. Вступая въ ассоціацію, человекъ разсуждаетъ такъ: „Оставаясь изолированнымъ, я безсиленъ отстоять свое экономическое и социальное бытіе. Пожертвую частью своей свободы, труда, имущества, и *купаю* этой цѣною надежду на помощь въ трудныя минуты жизни“. Такимъ образомъ, здѣсь основаніемъ является корыстный мотивъ, а регуляторомъ—разсудочное балансированіе между сотнями и тысячами личныхъ интересовъ. Бытіе этихъ союзовъ обусловливается и поддерживается жаждой побѣды, которой пламенѣютъ общественные классы въ современномъ междуусобіи европейской жизни. Но уже самая зависимость отъ столь невысокаго въ нравственномъ смыслѣ мотива лишаетъ это бытіе надежныхъ элементовъ жизнеспособности. Эм. Лавеле („Современный социализмъ“) указываетъ на примѣры во Франціи, гдѣ

даже государственная помощь была не въ силахъ продолжить дни худосочнаго существованія многихъ изъ ассоціацій. Учредительное Собраніе 1848 года выдало имъ три милліона франковъ пособій, но изъ 30 союзовъ, возникшихъ въ Парижѣ, къ 1875 году оставался лишь одинъ.

Причины понятны. Плоды благородной энергіи не растутъ на тощей почвѣ эгоизма. Воинъ бросается въ огонь непріятельскихъ выстрѣловъ или даетъ себя изрубить у знамени, потому что въ его сердцѣ есть любовь къ отечеству, исторгающая его изъ узкихъ рамокъ его личности; сестра милосердія презираетъ опасность зараженія и смерти, потому что она любитъ ближняго, и эта любовь превышаетъ привязанность къ собственной жизни. Но какой героизмъ, какое мученичество можетъ быть вызвано сферой учета матеріальныхъ выгодъ и личныхъ интересовъ? Въ союзахъ, о которыхъ мы говоримъ, по замѣчанію Лавеле, возможны развѣ сначала вспышки энтузіазма, какъ къ нѣкоторой эффектной новинкѣ, но потомъ выступаютъ обыкновенно на первый планъ несходство характеровъ и распри; энергія долга быстро утомляется, и всякіе проблески самоотверженія остываютъ. Къ тому же, организація этихъ союзовъ, какъ боевыхъ отрядовъ, требуетъ самой суровой дисциплины, самой полной покорности вожакамъ. Чѣмъ шире союзъ, тѣмъ сильнѣе должна быть въ немъ руководящая власть. Новый видъ рабства служить здѣсь орудіемъ достиженія проблематичнаго благополучія. Для того, чтобы вынести узы этого рабства, чтобы стать не мудрствующими и не бунтующими колесами, винтами и гайками этихъ механизмовъ, предназначенныхъ для истребленія въ человѣчествѣ нищеты и страданій, — необходимы безличныя, безстрастные люди. Но дѣйствительность представляетъ собою, конечно, не то. Какими бы сложными или фантастическими цѣлями ни задавались „соціальные архитекторы“ Западной Европы, они должны оперировать надъ существующимъ матеріаломъ, т. е. надъ людьми, каковы они есть. Отсюда понятны результаты ихъ строительныхъ попытокъ.

Въ виду этихъ именно результатовъ, Спенсеръ вѣрно замѣчаетъ: „Напрасно надѣяться, что худо функціонирующее человѣчество можетъ быть вогнано въ формы отлично функціонирующихъ учрежденій. Нѣтъ такой политической алхиміи, посредствомъ которой можно бы было получить золотые поступки изъ свинцовыхъ инстинктовъ. Благоденствіе общества

и справедливость его учрежденій зависитъ отъ характера его членовъ". Единственный приемъ успешнаго реформирования общегитія заключается не въ насильственномъ вымоганіи желательныхъ дѣйствій, не въ пересадкѣ съ мѣста на мѣсто участниковъ житейскаго „концерта“, не въ разстановкѣ эффектныхъ социальнo-политическихъ декорацій,—а въ умѣннн заставить зазвучать полнымъ звукомъ нужныя струны челоѳческаго сердца. Достоинство этого приема, вполне объяснимое законами психологін, было доказано великимъ опытомъ евангельской проповѣди. Вѣрное пониманіе дѣла побудило Э. Лавеле, среди хаоса современной экономической и политической сутолоки, обратить свой взоръ на упомянутый великій опытъ и высказать мысли, столь же высокія, сколько и чуждыя господствующимъ западно-европейскимъ вѣніямъ: „Христіанство,—говоритъ онъ,—выше всѣхъ современныхъ социалистическихъ измышленій, въ которыхъ недостаетъ истинной любви къ ближнему. Въ Евангеліи царствуетъ вездѣ безконечная любовь къ неимущимъ. Существенная истина, которая выходитъ изъ всѣхъ ученій Христа, это та, что никакое улучшение невозможно, если челоѳкъ сперва самъ не усовершенствуется. Не критикою принциповъ экономической жизни, какъ бы ни была тонка эта критика, ни новою формою ассоціацій, будь то фаланстеры, или кооперативныя общества, уврачуются недуги общества“. Въ европейской жизни нашихъ дней мы замѣчаемъ какъ-будто нѣкоторыя попытки вернуться къ старымъ завѣтамъ религін любви. Духовенство католическое и протестантское какъ будто стремится воздвигнуть, среди цѣлаго лѣса знаменъ социалистическихъ, коммунистическихъ и иныхъ, знамя креста. Но къ сожалѣнію, эти попытки не внушаютъ довѣрія. Видя неразборчивость въ средствахъ со стороны служителей церкви, видя ихъ малую безгливность по отношенію къ житейской свалкѣ парламентскихъ распрей, видя отсутствіе должнаго благочестія, обнаруживающееся въ недостойныхъ сочетаніяхъ святыхъ, евангелескихъ истинъ съ ариеметическими истинами, носящими на себѣ всѣ признаки низменнаго происхожденія,—видя все это, зритель далеко отъ чувства радостнаго ожиданія какой-либо новой исторической эры.

Говоря о различныхъ формахъ западной „заботы о ближнемъ“, мы не можемъ пройти молчаніемъ мѣры, принимаемыя въ настоящее время въ Германіи. Мы подразумеваемъ новыя

германскіе законы о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни, старости и пр. ¹⁾.

Разсматривая эти мѣропріятія, мы видимъ прежде всего, что они выражаютъ собою разочарованіе въ силѣ дѣйствующихъ на Западѣ пріемовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности—съ одной стороны, и частныхъ союзовъ самопомощи—съ другой. Это двойное банкротство оффиціально констатировано въ правительственномъ проектѣ закона 13 іюля 1883 года, гдѣ говорится, во-первыхъ, что поддержка общественнаго призрѣнія обыкновенно, по своей ничтожности, совершенно не можетъ помочь человѣку, впавшему въ нужду по болѣзни или по какой-нибудь другой причинѣ; и во-вторыхъ, что исторія учрежденія кассъ, заведеній и иныхъ формъ самопомощи показываетъ весьма незначительную роль, которую играла въ ней собственная инициатива заинтересованныхъ лицъ. Въ виду именно немощи этихъ орудій борьбы съ человѣческими бѣдами, германское законодательство выдвинуло новыя средства, которымъ оффиціальные документы сообщаютъ слѣдующій смыслъ. „Тѣ, которые по причинѣ инвалидности или старости стали неспособными къ заработкамъ, — читаемъ въ императорскомъ посланіи 17 ноября 1881 г., — имѣютъ основательное право *требовать* отъ согражданъ большаго обезпеченія, чѣмъ оказываемое имъ нынѣ. Найти соответствующіе пути и средства къ ихъ обезпеченію представляется трудною, но и возвышеннѣйшею изъ задачъ общественности, покоящейся на *нравственныхъ началахъ христіанской жизни народа*“. Въ тронной рѣчи 25 іюня 1888 г. находимъ повтореніе той же мысли о заботѣ законодательства относительно „защиты рабочаго класса, какую оно въ состояніи оказывать въ силу *началъ христіанской морали* слабымъ и угнетеннымъ въ ихъ борьбѣ за существованіе“, и относительно „упроченія, путемъ органическихъ учрежденій возросшей на *почвѣ христіанства любви къ ближнему*“.

Такимъ образомъ, разсматриваемыя мѣры поставляются въ духовную связь съ христіанскимъ милосердіемъ. Но, вдумываясь въ существо ихъ, мы приходимъ къ сомнѣнію касательно внутренней непосредственности этой связи. Характеристическимъ признакомъ всѣхъ проектовъ и законовъ страхо-

¹⁾ Ср. „Соціальное законодательство Герм. имперіи“, г. Гольденвейзера, 1890 г.

ванія является элементъ принудительности. Здѣсь государство беретъ на себя дѣло выдачи пособій нуждающимся, добывая для этого средства изъ *обязательныхъ* взносовъ лицъ извѣстныхъ категорій и изъ казны, суммы которой образуются также обязательными платежами налоговъ. Обстоятельство такого рода не могло укрыться отъ вниманія депутатовъ рейхстага 1889 г., одинъ изъ которыхъ (Винтереръ) замѣтилъ: „Намъ говорили, что этотъ законъ знаменуетъ собою новое осуществленіе христіанскаго завѣта любви, но я не могу признавать исполненіе обязанности, требуемое путемъ принужденія и подъ страхомъ наказанія, за выраженіе долга этой любви“. Справедливость такого замѣчанія едва-ли можно оспаривать, ибо, дѣйствительно, сущность христіанскаго милосердія не мирится ни съ какою примѣсью насилія. „Были жертвы и приношенія у народа іудейскаго“, повторяемъ выразительныя слова св. Иринея, „есть они и у насъ, но іудеи были обязаны платить десятину, христіане же, освобожденные Иисусомъ, даютъ отъ добраго сердца“. Разсматриваемыя мѣры суть только „политическія“ мѣры; онѣ представляютъ собою логическій моментъ развитія европейскихъ политическихъ тенденцій, въ перспективѣ которыхъ очерчивается образъ „Левіафана“ Гоббеса.

Въ виду сказаннаго, германское страхованіе рабочихъ есть не болѣе, какъ опытъ улаживанія затруднительныхъ житейскихъ отношеній. Оно есть движеніе государства въ сторону извѣстной группы интересовъ и установленіе новаго налога на одинъ классъ населенія въ пользу другаго класса. Здѣсь государство пытается согласить „общественные контрасты“ и связать въ политическій узелъ чисто личныя, частныя, разрозненныя выгоды. Уже самыя затрудненія при проведеніи разсматриваемыхъ законовъ и безконечная, разносторонняя оппозиція имъ убѣждаютъ въ томъ, что новое движеніе не имѣетъ подъ собою какого-либо возвышеннаго мотива, который бы охватилъ всѣхъ людей стремленіемъ ко взаимному миру и любви. Передъ нами только съ трудомъ выкраиваемый компромиссъ между жаждой рабочаго класса расширить мѣру своихъ жизненныхъ благъ и стараніемъ состоятельныхъ классовъ сохранить свое выгодное общественное положеніе. Первые требуютъ государственныхъ „пенсій“ и другихъ подобныхъ средствъ удовлетворенія своихъ потребностей, вторые размышляютъ надъ вычисленіемъ, не будетъ ли выгодно посту-

питься известной суммой на страхованіе рабочихъ, чтобы тѣмъ „гарантировать общество отъ утопическихъ тенденцій“ и, такимъ образомъ, застраховаться самимъ отъ угрожающихъ покушеній на окончательное разрушеніе своего благосостоянія. Этотъ компромиссъ, не пѣющій, какъ ясно изъ сказаннаго, никакихъ глубокихъ, альтруистическихъ мотивовъ, едва-ли способенъ привести людей къ любовному общенію и при удачномъ его осуществленіи. Быть можетъ, даже напротивъ, онъ заключаетъ въ себѣ свойства, подрывающія сердечность общенія, такъ какъ онъ снимаетъ съ состоятельныхъ классовъ гуманную обязанность участія къ судьбѣ бѣдняка, „застрахованнаго“ и принятаго на государственную пенсію. Такая тенденція, общая всей современной западно-европейской культурѣ,—недовѣріе къ силамъ человѣческаго сердца и намѣреніе выдвинуть въ замѣну ихъ механическую мощь учреждений,—обнаруживается ясно и въ актахъ новѣйшей германской политики. Это подмѣчено и указано въ весьма знаменательныхъ словахъ депутатомъ рейхстага Бардтомъ: „Въ качествѣ чловека благомыслящаго“,—сказалъ онъ,—„я не могу не говорить съ благоговѣніемъ и благодарностью о дѣлахъ, совершенныхъ церковью, и о тысячахъ ея питомцевъ, которые добровольно жертвовали всѣмъ и даже своею жизнью для искупленія чловечества. Тѣмъ не менѣе, не могу не указать на ряду съ этимъ, что вотъ уже 2.000 лѣтъ, какъ церковь старается путемъ убѣжденія укротить звѣря въ чловекѣ и внушить ему любовь къ своему ближнему, и что же успѣла она сдѣлать въ области хозяйственной, гдѣ люди понынѣ пожираютъ другъ друга? Современное государство охраняетъ, группирующееся подлѣ него подъ видомъ христіанскихъ, множество храмовъ съ чисто языческими воззрѣніями, въ которыхъ завѣтъ—любить своего ближняго, какъ самого себя—совершенно такъ же попирается ногами, какъ было еще до временъ Иисуса Христа“. Такъ говорилъ ораторъ, забывая, что церковь, къ которой онъ принадлежитъ, давно оставила „средневѣковую монашескую этику“ и уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, устами Лютера, провозгласила: „Es ist genug, dass ziemlich die Armen versorgt seien, dabei sie nit Hungers sterben oder erfrieren. Es ist Niemand von der Anderen Güter zu leben verordnet“.

Какъ бы то ни было, но упомянутое пессимистическое завленіе, отрицающее у европейцевъ чувство взаимной любви и какъ бы примяряющееся съ фактомъ безсердечія и безбожія

*

на западѣ, приводитъ депутата къ вѣрѣ въ одно принужденіе. Мы не будемъ останавливаться на страшной мысли о томъ, какія поколѣнія могутъ быть порождены эпохой, успокоившейся на вѣрѣ въ одну силу; мы замѣтимъ только, что голосъ государственный принужденіе едва-ли даетъ надежный фундаментъ для общественной устойчивости. Во-первыхъ, принужденіе есть оружіе о двухъ концахъ, индифферентно поступающее въ руки всякихъ лицъ, общественныхъ классовъ и вѣяній, господствующихъ въ данную минуту и въ данномъ мѣстѣ. Во-вторыхъ, стремленія государства становиться на сторону одного изъ борющихся въ обществѣ элементовъ и брать на свое содержаніе патриціевъ ли, или плебеевъ и пр., не приводили къ желательнымъ результатамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ исторія, начиная съ мѣропріятій Перикла въ Греціи.

Охарактеризовавъ германское соціальное законодательство нашихъ дней, какъ опытъ легальнаго упорядоченія современной общественной смуты, мы не будемъ пророчествовать о дальнѣйшей судьбѣ столь новаго явленія. Но мы не можемъ не замѣтить, что этому опыту придется выдержать много затрудненій, какъ и всякой попыткѣ согласить противоположные интересы и построить вѣчто прочное на пескѣ взаимно враждебныхъ эгоизмовъ. Уже теперь, вокругъ только-что созданныхъ и еще создающихся законовъ, рѣютъ ненасыщенные аппетиты, обманутыя ожиданія и разностороннія недовольства. Рабочій классъ недоволенъ малымъ размѣромъ „пенсій“, установленіемъ 70-ти-лѣтняго предѣла старости, дающей право на полученіе пособія („тогда какъ чиновники въ Пруссіи получаютъ пенсіонъ по достиженіи 65 лѣтъ!“) и вообще называютъ свое „страхованіе“ лишь „жалкой чечевичной похлебкой, за которую предлагаютъ рабочему продать свою свободу“. Работодатели и состоятельные классы недовольны истекающимъ изъ новыхъ законовъ духомъ регламентаціи и мелочнаго контроля ихъ хозяйственной жизни, а также бременемъ платежей, долженствующихъ разрастаться все больше и больше. Нельзя сказать, чтобы это опасеніе было неосновательно. Въ настоящее время вычислено, что на уплату весьма некрupныхъ премій по разнаго рода страхованіямъ, напр., 35-ти-рублевой годовой ренты старикамъ, достигшимъ 70-ти-лѣтняго возраста (по I разряду), въ Германіи потребуется 400 милліоновъ марокъ ежегоднаго расхода.

VI.

Окинувъ взоромъ такъ-называемое призрачїе бѣдныхъ, остановимъ наше вниманіе и на благотворительности частной, т. е. на той помощи нуждающимся и страждущимъ, которую оказываютъ отдѣльныя частныя лица и составляемыя ими общества. Число этихъ лицъ и обществъ въ государствахъ Западной Европы весьма велико, и дѣятельность ихъ не лишена примѣровъ высокаго нравственнаго духа. Тѣмъ не менѣе, общая картина благотворенія имѣетъ темныя пятна. Дѣло въ томъ, что мотивы, приводящіе здѣсь человѣка въ разрядъ благотворителей, часто оказываются исходящими не изъ святыхъ лицевъ человеческой души, въ которой царитъ любовь и сочувствіе къ людямъ, а изъ побочныхъ, загрязненныхъ тайниковъ сердца, гдѣ копошатся грѣховныя страсти. Одни изъ благотворителей пользуются дѣломъ помощи ближнимъ, какъ средствомъ тщеславно проявлять свою силу и власть, другіе приносятъ на жертвенный алтарь дары неправдаго собранія, надѣясь проникнуть, подъ маской милосердія, на высшія, лестныя или выгодныя ступени соціальной лѣстницы; третьи кружатся около собранныхъ лептъ, какъ около всякихъ денежныхъ суммъ, ласкающихъ взоръ перспективой возможности хищенія. Такимъ образомъ, на священной аренѣ милостыни, нечистоплотное честолюбіе подозрительнаго капиталиста встрѣчается съ мечтами префекта о выслугѣ, а тщеславіе супруги депутата идетъ рука объ руку съ тайными вожделѣніями закудалой маркизы, замокъ которой требуетъ ремонта, или просто съ жадными аппетитами какихъ-нибудь вполне сомнительныхъ людей. Лицемерный гомонъ этихъ непризванныхъ дѣятелей заглушаетъ скромный вздохъ евангельской вдовы, и мелкая монета послѣдней тонетъ въ потокѣ золота, отливающего семицветной радугой смертныхъ грѣховъ.

Истекая изъ такихъ побужденій, благотворительность должна дѣйствовать соответственными способами. И дѣйствительно, въ ней мы находимъ мало подвиговъ личнаго усердія къ непосредственному врачеванію человѣческихъ скорбей. Современное милосердіе уже съ давнихъ поръ не садитъ голоднаго съ собою за столъ, не предлагаетъ личныхъ услугъ больному

и не соединяетъ собственныхъ слезъ съ слезами удрученнаго горемъ. Современный благотворитель бросаетъ милостыню издали, съ тою безразличною осторожностью, къ каковой посѣтителю звѣряца „кормятъ“ животныхъ, отдѣленныхъ отъ нихъ прочнымъ желѣзомъ безопасныхъ рѣшетокъ. Главные помыслы нынѣшняго благотворенія сосредоточены на собираніи денегъ. Всевозможные антрепренеры изощряются въ придумываніи средствъ достиженія этой цѣли. Люди, пользующіеся дѣйствительнымъ или мнимымъ вліяніемъ по своему общественному положенію, пускаютъ въ оборотъ это вліяніе, какъ орудіе вымогательства пожертвованій. Затрогиваются всѣ страсти, приводятся въ движеніе всѣ пружины, забывается деликатность и нравственная опрятность, даже приличіе; часто не останавливаются и предъ эксплуатаціей тощаго кошелька простаго, рабочаго люда. Всѣ дѣйствуютъ съ полной вѣрой въ то, что флагъ: „для бѣдныхъ!“ покрываетъ и оправдываетъ многое, осуждаемое моралью и даже претящее простому чувству порядочности. Диккенсъ, со свойственнымъ ему юморомъ, изображаетъ положеніе состоятельнаго англичанина, атакуемаго со всѣхъ сторонъ благотворительными зазываніями: то получаетъ онъ приглашеніе отъ знатнаго лорда сдѣлать въ такое-то общество взносъ, „ограничивающійся тремя гинеями“, письмо исполнено дружественной пріязни, лестность которой, впрочемъ, парализируется тѣмъ, что она отлитографирована сотнями экземпляровъ и носитъ на себѣ весьма слабый характеръ индивидуальности лишь въ подписи на конвертѣ. То два благородныхъ графа и одинъ виконтъ, соединившись вмѣстѣ, ласково увѣдомляютъ его о томъ, что нѣкая лэди на западѣ Англіи предложила пожертвовать кошелекъ съ 20 фунтами стерлинговъ въ пользу такого-то общества, если 20 лицъ предварительно пожертвуютъ кошелекы во сто фунтовъ каждый. И такія приглашенія низвергаются цѣлымъ водопадомъ, въ которомъ отражается на тысячу ладовъ изобрѣтательность въ уловленіи человѣческихъ слабостей... Иногда придумываются способы обращать благотвореніе въ простой арифметическій фокусъ. Такъ, недавно, въ Вѣнѣ, возникло „общество“, которое собираетъ пожертвованія слѣдующимъ образомъ: каждый членъ этого общества даетъ только десять крейцеровъ, но съ обязательствомъ доставить изъ числа своихъ знакомыхъ еще двухъ членовъ на тѣхъ же условіяхъ. Такимъ путемъ, изъ дѣйствій ни для кого ничего не стоящихъ, нарастаютъ болѣе

или менѣе крупныя суммы,—и эта механическая, мертвая прогрессія крейцеровъ относится къ числу богоугодныхъ дѣлъ!

Между множествомъ приемовъ обманнаго привлеченія людей къ участию въ „добрыхъ дѣлахъ“ весьма значительное мѣсто занимаютъ въ Западной Европѣ благотворительныя развлечения, вечера, балы, концерты и спектакли. Едва-ли можно видѣть въ нихъ достойную форму для священнаго дѣла. „Польза бѣдныхъ“, ради которой собираются на гульбище сытые люди, остается здѣсь въ тѣни, она не владѣетъ сердцами, она не будитъ ни въ чьей душѣ святаго чувства любви. Мы не говоримъ о разорительныхъ затратахъ на устройство этихъ праздниковъ, но уже самый видъ сіяющихъ огнями залъ составляетъ контрастъ, щемящій сердце чуткаго человѣка, сравнительно съ темнотою существованія люда, во имя котораго зажигаются эти огни. Христіанская древность также знала благотворительныя пиры, но тогда бѣдняки присутствовали тутъ же, въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь счастливые и несчастные радовались вмѣстѣ, связанные во-едино сердечной связью братства во Христѣ. Современный же благотворительный праздникъ есть пиръ безъ хозяина. Веселящіеся гости не вспоминаютъ ни на минуту объ этомъ хозяинѣ, который ожидаетъ гдѣ-то вдали, голодный и холодный, пока усталость сломитъ силы „благотворителей“, и наконецъ будутъ выброшены крохи съ праздничныхъ столовъ. Самая обстановка этого своеобразнаго „добраго дѣла“, поглощая участниковъ житейской суетою, мѣшаетъ имъ вспоминать о ждущемъ подаванія, о недугахъ и немощахъ бѣдствующей старости, о дѣтяхъ, умирающихъ отъ истощенія на глазахъ матерей. Память обо всемъ этомъ далека отъ людей въ то именно время, когда имъ кажется, что они совершаютъ актъ благотворенія. Въ одномъ изъ своихъ произведеній, извѣстный Эд. Дрюмонъ говорить: *Le groupe des heureux et des riches se desagrégerait vite s'il n'y avait pas le Pauvre; pour le Paris élégant une grève de Pauvres serait un véritable désastre. Si cet événement se produisait, beaucoup de femmes charmantes mourraient d'ennui; d'autres mourraient de faim parmi celles qui passent pour payer une partie de leur luxe sur les fêtes de charité organisées à grand fracas... Le propre du Pauvre moderne—c'est que tout le monde se met sens dessus dessous pour lui et qu'on l'arrête dès qu'il se montre... Le Pauvre, qu'à l'exemple du Sauveur tous les saints ont traité comme un frère, est devenu un champ*

de rapport, une colonne à prospectus, une marmotte que l'on fait danser pour se rendre intéressant, un prétexte, une excuse à toutes les compromission, à toutes les capitulation de conscience“.

Собирая всѣми способами деньги, современная частная благотворительность отличается такою же безразборчивостью и въ расходованіи ихъ. Дѣятельность, не согрѣтая сердечною теплою, разрѣшается достойными плодами, которые обращаются въ прахъ, подобно яблочамъ Содомы. Деньги рассыпаются въ видѣ холодныхъ подачекъ на угадъ, расходуются на странныя, искусственно-причудливыя цѣли, изобрѣтенныя скучающею снотостію и больною сентиментальностію, или идутъ въ учрежденія, гдѣ самое благотвореніе совершается небрежными руками наемниковъ. Дѣло, требующее душевнаго подвига, обращается въ недостойную пародію, исполненную канцелярской рутинны и фформализма. Отсутствіе свѣтлой струи искренняго милосердія адѣсь обнаруживается часто въ ффилантропическихъ выдумкахъ, поражающихъ своей безсознательно-дикой жестокостію. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ общинахъ Бельгіи безпріютные старики отдаются на попеченіе жителямъ за извѣстное вознагражденіе, причемъ попечительства о бѣдныхъ устраиваютъ нѣчто въ родѣ публичнаго торгова. Бѣдный старикъ выставляется на подмосткахъ и отдается тому, кто потребуетъ наименьшую цѣну за взятіе его на свое попеченіе. Приобрѣтатель этого страннаго товара, назначая цѣну, обращаетъ, конечно, вниманіе на крѣпость организма старика и на степень способности его къ работѣ. Ставши полнымъ властелиномъ „благотворимаго“ старца, „попечитель“ спѣшитъ извлечь изъ него возможно больше пользы. Затѣмъ старикъ выставляется снова на публичный торгъ и поступаетъ въ руки новаго господина.

Подобные ффакты характеризуютъ рельефно современную подмѣну истиннаго добраго дѣла ухищреніями торгашества и ловкимъ жонглированіемъ цифровыми вычисленіями. Здѣсь повсюду деньги и денежный расчетъ, на которомъ балансируетъ судьба всѣхъ слабыхъ, начиная съ немоцнаго старика и кончая питомцами воспитательнаго дома. Вывѣска благотворительности подѣ этими бездушными денежными операціями служитъ развѣ для огражденія ихъ отъ должнаго контроля. И въ самомъ дѣлѣ, псевдо-ффилантропическія прихода-расходныя операціи, прикрываясь именами своихъ патроновъ и патронессъ и лицемѣрно прячась подѣ маску мнимой святости

своего фальсифицированного „добраго дѣла“, обнаруживаютъ обыкновенно крайнюю щекотливость къ общепринятымъ приемамъ „повѣрки суммъ и кассъ“. Но такое жеманно-щепетильное отношеніе къ строгой и правильной отчетности,—весьма удобное, конечно, героямъ тайной наживы,—отнюдь не вытекаетъ изъ существа дѣла. Величайшіе дѣатели филантропіи никогда не оскорблялись контролемъ, напротивъ, они его настоятельно требовали. Даже ап. Павелъ постоянно бралъ съ собою „избранное отъ церкви лицо сопутствовать ему для благотворенія, что бы не подвергнуться отъ кого-либо нареканію, при обилии приношеній, ввѣряемыхъ его служенію“ (2. Кор. VIII, 19,20).

Нѣтъ надобности распространяться дальше о дурныхъ свойствахъ очерченной благотворительности. Степень ея моральнаго достоинства опредѣляется простымъ сопоставленіемъ фигуры нынѣшняго „милосердаго европейца“ съ образомъ самарянина притчи. Фальшь существа современнаго „приврѣнія бѣдныхъ“ находитъ себѣ заслуженное возмездіе въ его бесплодности. Расточаются крупныя суммы, не обезпечивая благихъ результатовъ; случайныя подачки сѣютъ въ средѣ нуждающихся лишь недовольство, зависть, привычку къ праздности или отчаяніе. Богоугодныя заведенія, эти „юридическія лица“, у которыхъ голову замѣняетъ бумажный уставъ, а руки—наемные служители, влечать свое существованіе изо дня въ день, пока ударъ молодецкой кражи или петля хроническаго хищенія не прекратитъ ихъ скорбной жизни. Напрасно современная благотворительность, отбрасывая съ презрѣніемъ старый „сентиментализмъ“, старается внести въ свою дѣятельность трезвую разумность и здравый расчетъ; эта дѣятельность все-таки слѣпа, потому что истинной зрячестью, въ дѣлѣ помощи ближнимъ, обладаетъ только чуткое сердце. Но главный, не вознаградимый вредъ наблюдаемаго положенія вещей заключается въ томъ, что ложныя тенденціи благотворительности и ея холодная бездушность иссушаютъ въ основаніи самый источникъ любви. Фальсификація милосердія опустошаетъ священный уголокъ человѣческой жизни, предназначенный быть великой школой выработки и упражненія нравственныхъ силъ, безъ которыхъ общество и государство, по справедливому выраженію бл. Августина, суть только magna latrocinia.

Едва-ли будетъ ошибочно сказать, что современное состояніе разсматриваемаго вопроса въ Россіи представляетъ значительныя черты сходства съ порядками, изображенными выше. Это достойное сожалѣнія сходство обусловливается духомъ подражательности, который съ давнихъ поръ парализуетъ русскую мысль и волю. Всѣмъ извѣстно, что рабство по отношенію къ Европѣ имѣетъ у насъ не мало сторонниковъ. Но ни настойчивость этого печальнаго идолослуженія, ни бойкость дурнаго това псевдо-философовъ, въ поврежденной головѣ которыхъ современно-европейскіе вкусы возводятся до значенія „всечеловѣческихъ идей“,—не въ силахъ сдѣлать черное бѣлымъ и вредное полезнымъ. Подражательность была и остается законнымъ удѣломъ только духовной немощи. Правда, человѣческому уму вообще присуща бѣлая или меньшая степень лѣности. Подъ вліяніемъ послѣдней, умъ получаетъ склонность двигаться по пути наименьшаго сопротивленія. Какъ вода въ своемъ теченіи выбираетъ наиболѣе „легкій“ путь, такъ и умъ, ослабляемый лѣностью, ищетъ легкихъ способовъ разрѣшенія своихъ проблемъ. Вотъ почему часто школьникъ не можетъ устоять предъ искушеніемъ скопировать чужое рѣшеніе заданной задачи, хотя бы могъ рѣшить ее самъ, употребивъ надлежащее стараніе. Вотъ почему общественно-политическая мысль, обремененная необходимостью распутать какой-либо вопросъ, и видя гдѣ-нибудь готовый отвѣтъ, впадаетъ въ соблазнъ совершить заимствованіе, похитить продуктъ чужаго творчества. Само собою разумѣется, этотъ путь, ведущій человѣка, общество и государство къ обезличенію, не можетъ вызывать восторга. Выступать на него дозвоительно лишь въ случаяхъ полнаго, основательнаго разочарованія въ возможности добиться собственными силами осуществленія той или иной высокой цѣли.

Возвращаясь къ дѣлу „заботы о ближнемъ“, мы задаемся вопросомъ: имѣются ли достаточныя причины, чтобы отнестись съ такимъ безотраднымъ скептицизмомъ къ духу и внутреннему смыслу русской благотворительности временъ, предшествовавшихъ эпохѣ подражанія?

К. ЯРОШЪ.

(Оконч. въ слѣд. №-рѣ)

НА ПЕПЕЛИЩѢ.

РАЗСКАЗЪ.

Сергѣй Алексѣевичъ Разваловъ послѣ бурнаго засѣданія, на которомъ рѣшалась судьба дѣла, поглощавшаго все его интересы за послѣдніе три года, вернулся домой въ третьемъ часу утра, и чтобы никого изъ домашнихъ не разбудить, съ большими предосторожностями прошелъ въ кабинетъ.

Тутъ каждый вечеръ стлали Сергѣю Алексѣевичу постель на широкой тахтѣ, съ тѣхъ поръ какъ жена его страдала непонятной нервною болѣзью, требовавшей для больной абсолютнаго спокойствія, особенно ночью.

Раздѣваясь, Сергѣй Алексѣевичъ спросилъ у прислуживавшаго ему лакея, возили ли дѣтей купаться, каталась ли верхомъ свояченица его, барышня Наталья Васильевна, и были ли у нихъ вечеромъ гости.

Ему отвѣчали, что дѣтей нельзя было везти купаться, потому что лошади заморились—старая барыня все утро по лавкамъ, да съ визитами разъѣзжала. По той же причинѣ и барышня сегодня верхомъ не ѣздила, а подъ вечеръ пришелъ Николай Николаевичъ, чай кушали на террасѣ и долго въ саду съ барынями и барышней гуляли.

— Наташа, кажется, не на шутку начинаетъ нравиться Николаю, замѣтилъ про себя Сергѣй Алексѣевичъ, и веселая улыбка проскользнула подъ его красивыми черными усами.

Николай Николаевичъ Ахлебьевъ былъ его товарищъ по университету, и между ними съ незапамятныхъ временъ существовала большая дружба. Когда Сергѣю Алексѣевичу предло-

жили то мѣсто, которое онъ теперь занималъ, онъ рѣшился принять его особенно потому, что имѣніе Ахлебьева находилось въ этой губерніи, и самъ онъ жилъ въ этой мѣстности почти безвыѣздно.

Предложивъ лакею еще нѣсколько вопросовъ насчетъ того, что произошло въ домѣ во время его отсутствія, освѣдмившись, привезли ли шпанскія вишни изъ грунтоваго сарая знакомаго помѣщика, и принялась ли Кузьминшна варить изъ нихъ варенье, полюбопытствовавъ на счетъ того, что заказано къ завтраму на завтракъ и на обѣдъ, и распорядившись, чтобы поваръ прибавилъ къ завтраку артишоковъ, а къ обѣду досталъ бы рыбы на холодное, Сергѣй Алексѣевичъ приказалъ разбудить себя въ девять часовъ, отпустилъ лакея и легъ въ постель.

Передъ тѣмъ какъ заснуть, ему надо было еще пробѣжать нѣсколько страницъ въ толстомъ журналѣ, лежавшемъ на столикѣ возлѣ его постели.

Въ недочитанной наканунѣ статьѣ онъ надѣялся почерпнуть именно тѣ данныя, которыхъ ему недоставало, чтобы окончательно побѣдить своихъ оппонентовъ. На ея автора, известнаго публициста, онъ сегодня много разъ ссылался и настаивалъ бы на его мнѣніи еще увѣреннѣе, еслибъ успѣлъ дочитать до конца его статью.

Но едва только раскрылъ онъ книгу, какъ замѣтилъ, что ему ее подмѣнили, вмѣсто іюньской въ рукахъ у него была майская.

— „Взяли вѣрно, чтобы дочитать романъ въ приложеніи“, подумалъ съ досадою Сергѣй Алексѣевичъ.

Сколько разъ просилъ онъ своихъ барынь ничего не таскать у него безъ спроса изъ кабинета! Съ этой просьбой онъ обращался и къ женѣ, и къ тещѣ, и къ свояченицѣ, сердился, бранился, грозилъ запирать кабинетъ, уѣзжая по дѣламъ службы, и ключъ увозить съ собой, ничего не помогало, — прибѣгутъ, перероютъ все, возьмутъ то, что имъ надо, весь день таскаютъ по всему дому, а иногда и по саду, а вечеромъ никому и въ голову не придетъ положить вещь на мѣсто, куда! Намедни, стащили у него со стола чернильницу (точно своихъ чернильницъ у нихъ нѣтъ!), а ему ночью понадобилось нужное письмо написать. Сѣлъ къ столу, вынулъ бумагу, взялъ перо, придумалъ чрезвычайно ловкую и красивую фразу для вступленія, а обмокнуть перо не во что.

Пришлось весь домъ обойти, во всё уголки заглянуть, пока, наконецъ, злополучная чернильница не отыскалась на окнѣ въ столовой, за Маничкиной куклой и Бобиной шляпой. Когда Сергѣй Алексѣевичъ вернулся назадъ къ своему письменному столу, всё мысли въ головѣ у него перепутались и вспомнить ловкое начало письма онъ ужъ никакъ не могъ.

Сегодня та же исторія съ книгой.

Подниматься съ постели, чтобъ идти ее искать, ему не хотѣлось. Онъ много ходилъ въ этотъ день, горячился и волновался, нервы приутомились и клонило ко сну.

Онъ рѣшилъ, что успеетъ просмотрѣть статью завтра, во время утренняго чая, задулъ свѣчу, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и закрылъ глаза.

Но, какъ часто бываетъ, когда находишься въ возбужденномъ состояніи, въ темнотѣ сонливость стала разсѣиваться, ему стало душно, началось безпокойное томленіе во всемъ тѣлѣ, захотѣлось курить, а когда папироса задымилась, сонъ совѣтъ прошелъ, и мысль о недочитанной статьѣ наоильнѣе прежняго закружилась въ мозгу.

Необходимость ознакомиться съ ея содержаніемъ представилась ему такъ ясно, что онъ поспѣшно поднялся съ постели, всунулъ босня ноги въ туфли, накинулъ халатъ и вышелъ въ проходную комнату, уставленную растеніями и съ китайскимъ билліардомъ посреди, изъ которой одна дверь вела въ гостиную, а другая въ длинный корридоръ съ стеклянною дверью въ столовую, въ концѣ.

Почему Сергѣй Алексѣевичъ повернулъ не въ гостиную, гдѣ тоже были шансы найти похищенную у него книгу, а рѣшилъ сначала поискать ее въ столовой и для этого повернулъ въ корридоръ, этого онъ и самъ не зналъ.

Поступилъ онъ такимъ образомъ совершенно машинально, не подозревая, какія послѣдствія произойдутъ для него и для его семьи отъ этой пустой случайности.

Въ билліардной широкое венеціанское окно оставалось со вчерашняго вечера отпертымъ, и прохладный утренній воздухъ, пропитанный запахомъ цвѣтущихъ лиць въ саду, врвался сюда вмѣстѣ съ бѣлесоватымъ свѣтомъ занимавшейся заріи.

Почувствовавъ легкій ознобъ, Сергѣй Алексѣевичъ запахнулся крѣпче въ халатъ и торопливѣе прежняго зашагалъ по половику корридора. Но вдругъ онъ какъ вкопанный остановился — среди царствовавшей вокругъ тишины, щелкнулъ

ключъ въ замкѣ и въ десяти шагахъ отъ него маленькая дверь изъ уборной его жены растворилась. Изъ нея вышелъ пріятель его, Николай Николаевичъ Ахлебеѣвъ, не оглядываясь поспѣшно прошелъ въ столовую, а оттуда черезъ террасу въ садъ.

Въ то же мгновеніе, изъ другой двери, въ противоположномъ концѣ корридора, высунулось испуганное лицо горничной Маши.

— Господи! Баринъ!

Восклицаніе это, вырвавшееся изъ сдавленнаго ужасомъ горла дѣвушки, произнесено было очень тихо, но Сергѣй Алексѣевичъ его услышалъ. Онъ вздрогнулъ, провелъ безмысленно глазами вокругъ себя и, потирая похолодѣвшей рукой лобъ, чтобы собрать мысли, разлетавшіяся въ разныя стороны, нетвердой походкой побрелъ назадъ въ кабинетъ.

Маша же со всѣхъ ногъ кинулась на верхъ, вторглась въ горенку старой няни Кузьминишны, сладко спавшей подъ стеганнымъ, изъ ситцевыхъ лоскутковъ, одѣяломъ, и разбудила ее извѣстіемъ, что баринъ подкараулилъ Николая Николаевича и видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ барыниной спальни.

— Что ты врешь! Когда? пролепетала коснѣющимъ отъ испуга языкомъ старуха, срываясь съ постели и дрожащими руками надѣвая на себя юбку.

— Сейчасъ... Я это слышу, идетъ будто кто-то по корридору, туфлями шлепаеть, и вдругъ остановился... а барыня мнѣ съ вечера приказали, чтобы дверь на террасу не запирали. Николая Николаича, значить, ждали, ну, я и зачала сумлеваться, онъ въ туфляхъ не придетъ... Вскочила я съ постели, выглянула въ корридоръ, а передо мной баринъ, въ халатѣ, какъ полотно блѣдный, а глаза-то такіе страшные... стоитъ это какъ столбъ посреди корридора, да на дверь въ столовую смотреть, а въ двери-то Николай Николаевичъ...

— Ахъ ты, Господи, вотъ напасть-то!.. всплеснула руками Кузьминишна.

А затѣмъ она прибавила, крестясь и обращая скорбный взглядъ на образа въ потускнѣвшихъ ризахъ съ теплившейся передъ ними лампадой:— „Мать, Царица Небесная, сохрани и помилуй!“

Въ девятомъ часу утра Сергѣй Алексѣевичъ позвонилъ. Явившійся на зовъ лакей нашелъ барина одѣтымъ и занятымъ укладкой какихъ-то бумагъ въ портфель.

Въ кабинетѣ пахло сургучемъ; на столѣ горѣла свѣча и бѣлѣлся конвертъ, запечатанный печатью, съ надписью крупнымъ, твердымъ почеркомъ: „Вѣрѣ Васильевнѣ“.

Отрывистымъ голосомъ и не поднимая на него глазъ, баринъ приказалъ лакею принести маленькій чемоданъ и уложить въ него немного бѣлья и черную сюртучную пару и, чтобы дѣло шло скорѣй, самъ принялся съ лихорадочною поспѣшностью запикивать въ сакъ-воязъ туалетныя и письменныя принадлежности, книги, ящикъ съ сигарами и тому подобныя вещи, попадавшіяся ему подъ руку. При этомъ онъ безпрестанно взглядывалъ на часы и по временамъ морщился точно отъ приступа сильной боли. Два раза спросилъ онъ, встали ли дѣти, и приказалъ было позвать ихъ, но не успѣлъ Иванъ дойти до двери, какъ вернули его назадъ и велѣли бѣжать скорѣе за извощикомъ. Слова Сергѣй Алексѣевичъ выговаривалъ съ трудомъ, точно ему языкомъ было тяжело шевелить, и такъ торопился онъ ѣхать, что когда Иванъ вернулся назадъ съ извощикомъ, нанятымъ у ближайшаго угла, баринъ съ чемоданомъ въ одной рукѣ и сакъ-вояземъ въ другой, уже спускался съ лѣстницы на крыльцо, въ пальто и шляпѣ.

Усаживаясь въ пролетку, онъ приказалъ Ивану передать барыню, когда она встанетъ, письмо, оставленное для нея на письменномъ столѣ, а на вопросъ извощика: куда ѣхать, отвѣчалъ:— „на желѣзную дорогу“.

— Куда же онъ уѣхалъ, Кузьминична?

Вопросъ этотъ Марья Алексѣевна Толмазова, теща Сергѣя Алексѣевича, дама рѣшительная и энергичная, по крайней мѣрѣ въ десятый разъ предлагала въ то роковое утро старушкѣ Кузьминичнѣ.

Но обѣ онѣ и барыня и нянька были слишкомъ разстроены, чтобы обдумывать свои рѣчи и помнить что бы то ни было кромѣ бѣды, неожиданно, негаданно обрушившейся надъ домомъ.

О послѣдствіяхъ этой бѣды даже и загадывать было страшно; можно было только вздыхать, да молить Бога о чудѣ, чтобы Онъ, многомилостивый, пронесъ мимо грозу.

Всего болѣе смущалъ ихъ внезапный отъѣздъ Сергѣя Алексѣевича. Марья Алексѣевна никакъ не могла примириться съ этимъ фактомъ. Зловѣщее что-то такое усматривала она въ бѣгствѣ зятя изъ собственнаго дома и для дочери, и для всѣхъ.

Лучше бы онъ поступилъ по-мужицки, обругалъ бы жену, прибилъ бы ее даже или иначе бы какъ-нибудь сорвалъ свою злобу, чѣмъ ни слова не сказать, уѣхать и всѣхъ оставить въ недоумѣніи.

— Куда онъ отправился? повторяла она съ тоской.

— Да надо такъ полагать, что въ Москву, сударыня. Приказали Ивану сюртукъ новый уложить, да сорочекъ крахмаленныхъ полдюжину.

— Ахъ ты, Господи! И не сказалъ, когда вернется?

— Ни словечка про это не выронили. Спросили только про дѣтей, встали ли, а какъ увидели, что Иванъ побѣгъ за ними, вернули его и приказали скорѣе извозчика привести, чтобы къ поѣзду не опоздать.

— А про письмо-то Вѣринькѣ онъ ему когда же сказалъ?

— Да ужъ тогда сказали, какъ въ пролетку сѣли и чемоданъ имъ Иванъ въ ноги поставилъ. Взяли у него изъ рукъ сакъ-воажъ, положили возлѣ себя и сказали:—письмо, что у меня на столѣ лежитъ, передашь Вѣрѣ Васильевнѣ, когда проснутся.

— Раньше двѣнадцати, значитъ, ничего не узнаешь.

— Да ужъ, раньше двѣнадцати, барыня никогда не встають. Марья Алексѣевна глубоко вздохнула.

— Пусть спитъ... Пусть дольше спитъ, силами набирается.

— Я ужъ и то велѣла Машѣ караулить, чтобы дѣти по корридору не бѣгали.

— Хорошо сдѣлала. Я и сама еще повторю Амаліи, чтобы она изъ дѣтской ихъ не выпускала.

И снова принималась Марья Алексѣевна бродить по дому, заходила къ внучатамъ въ дѣтскую, заглядывала въ комнату своей младшей дочери Наташи, мимоходомъ повторяла горничной приказаніе караулить, чтобы никто не беспокоилъ барыню и при этомъ всѣмъ пытливо заглядывала въ глаза, чтобы убѣдиться, — кому и что именно извѣстно изъ случившагося и читая во всѣхъ взглядахъ худо скрытое волненіе и любопытство, еще болѣе разстроенная возвращалась къ Кузьминишнѣ, единственному человѣку, съ которымъ могла облегчить душу словами.

— А ты бы еще разспросила Ивана. Быть не можетъ, чтобы Сергѣй Алексѣевичъ ничего ему больше не сказалъ, онъ забылъ вѣрно, надо заставить его вспомнить.

— Да я его ужъ на всѣ манеры пытала, сударыня, обидѣлся

даже; что жъ, говоритъ, врать мнѣ что ли прикажете, коль правды вамъ мало.

На это Марья Алексѣевна тоскливо вообликала:

— Господи! вотъ наказаніе-то. Хотъ бы знать, куда онъ поѣхалъ и надолго ли!

— Можетъ въ письмѣ все это и прописано,—успокивала ее Кузьминишна,—ужь теперь ждать недолго, вотъ проснется барыня, все и узнаете.

— Пожалуйста, придите мнѣ тотчасъ же сказать, когда она проснется, я ее первая должна видѣть.

— Слушаюсь.

— А письмо у Ивана?

— Письмо въ кабинетѣ-съ.

— Ну пусть тамъ и лежитъ, а какъ Вѣринька проснется, я сама его ей отдамъ.

— Слушаю-съ, машинально повторяла Кузьминишна, ваятая своими мыслями и соображеніями. Какое хозяйство пойдетъ въ домѣ, если такъ случится, что баринъ въ Москвѣ останется жить, а барыня туда поѣдетъ съ нимъ мириться? Баба красной смородиной вчера набивалась, Кузьминишна велѣла два пуда принести на варенье. Вотъ сейчасъ съ корзиной и придетъ. Братъ у ней ягоды или не брать? Если господа изъ здѣшняго города переѣзжать вздумаютъ, бѣда тогда съ банками. А если такъ случится, что помирятся и здѣсь останутся, тогда безъ желе изъ красной смородины заплачешься за зиму-то, вотъ и гадай тутъ, какъ быть? А посоветоваться не съ кѣмъ.

Въ домѣ все перепуталось. Часы пробили одиннадцать, а еще чай не откушали. Самоваръ забыли пестарить; тогда только спохватились, когда Иванъ прибѣжалъ въ кухню и объявилъ, что господа въ столовой собрались и чаю просятъ.

Никто не могъ ничего ни сообразить, ни обдумать; все чувствовали себя въ такомъ настроеніи, точно послѣдній день доживаютъ въ домѣ и весь строй жизни пойдетъ шиворотъ-навыворотъ. Можетъ, кому лучше будетъ, чѣмъ до сихъ поръ, а можетъ, и хуже. Вѣрнѣе, что хуже, особенно первое время. Все ходили разстроенные, въ разговоръ о случившемся пускаться еще не рѣшались, а только вопросительно переглядывались между собою, пожимаая плечами и покачивая головой.

Въ дѣтской тоже поднялась кутерьма. Бонна Амалія Федоровна добиться не могла, чтобы принесли воды дѣтямъ для

умыванья. Наконецъ, она сама выскочила въ кухню, чтобы спросить, почему никто не идетъ на ея зовъ, и что это значить, что воду не несутъ. Но тутъ она узнала про внезапный отъѣздъ г-на Развалова и такъ была поражена комментаріями, которыми сопровождалось это извѣстіе, что и про воду забыла.

Глупо выпучивая свои круглые, голубые глаза и тяжело вздыхая, она до тѣхъ поръ повторяла:—*Ach, du mein lieber Gott, was für ein Skandal!* пока дѣти не заразились ея испугомъ и волненіемъ.

— Что случилось? Куда папа уѣхалъ? Почему у бабушки глаза красные? И всѣ такіе сердитые, гонять ихъ и не хотятъ съ ними разговаривать? приставали они къ ней и къ каждому, кто заглядывалъ въ дѣтскую.

— Шшш! Шшш! *Still! Nicht fragen, still!* выбивалась изъ силъ нѣмка, чтобы ихъ унять, но всѣ усилія ея оставались тщетны.

У дѣтей глаза зорки, они видѣли, какъ она прислушивается къ тому, что происходитъ въ сосѣднихъ комнатахъ, намазывая имъ масло на хлѣбъ и наливая молоко въ чашки, замѣчали они также, съ какимъ жгучимъ любопытствомъ загораются ея глаза при появленіи новаго лица въ комнатѣ, и продолжали пищать, капризничать и надобѣдать вопросами.

Большіе, Наташа, сестра Вѣры Васильевны, Володя, шестнадцати-лѣтній племянникъ Сергѣя Алексѣевича и репетиторъ его, студентъ Феликсъ Антоновичъ, держали себя сдержаннѣе и въ столовой у самовара, за которымъ хозяйничала Наташа, вмѣсто обычнаго, шумнаго оживленія, смѣха и шутокъ, царило неловкое молчаніе.

Бабушка, выпивъ чашку кофе, отказалась отъ другой и стала въ раздумьѣ прохаживаться взадъ и впередъ, останавливаясь то у входа въ корридоръ, по которому осторожно шмыгала прислуга, то у стеклянной двери, растворенной на террасу, спускавшуюся въ садъ.

Хорошо и уютно было въ этомъ тѣнистомъ, душистомъ саду. Уличный шумъ почти не достигалъ сюда; клумбы перестрѣли цвѣтами, въ густой зелени, залитой лучами полднераго солнца, весело chirикали птицы, но Марія Алексѣевна была слишкомъ озабочена, чтобы наслаждаться прелестями природы.

Впрочемъ, она и въ обычное время предпочитала настоящимъ садамъ, полямъ и лѣсамъ тѣ, которые намалеваны и

декораціяхъ театра, и солнечному блеску — электрическое освѣщеніе, особенно, когда пѣлъ при этомъ какой-нибудь чудный баритонъ или божественный теноръ.

Приѣхала она въ эту глушь съ дочерью ранней весной, въ надеждѣ сдѣлать черезъ это экономію въ своемъ бюджетѣ, по крайней мѣрѣ, рублей на тысячу, и вдругъ, эта глупая исторія съ Ахлебевымъ.

Придется теперь, пожалуй, среди лѣта возвращаться въ Петербургъ и нанимать дачу! Очень пріятно, нечего сказать. Даже дорога не окупится.

И какъ все это глупо вышло, стыдно вспомнить!

Не затащи Наташа книгу въ столовую, Сергѣй Алексѣвичъ до сихъ поръ обрѣтался бы въ блаженномъ невѣдѣніи относительно того, что происходитъ у него въ домѣ, и все шло бы по-старому. А теперь волей-неволей придется вмѣшаться въ исторію дочери съ зятемъ. Марья Алексѣвнѣ это было очень непріятно.

Всего хуже то, что вышелъ шумъ и огласка. Люди раньше господъ про все узнали и теперь ужъ, разумѣется, по всему городу разнесется.

Какъ мужчины недогадливы, удивительно! Самые умные и воспитанные изъ нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не умѣютъ прилично вести себя и непремѣнно надѣлаютъ непоправимыхъ глупостей, если некому ихъ остановить и образумить во-время.

Разумѣется, Сергѣю Алексѣвичу не могло быть пріятно узнать, что жена его увлеклась Ахлебевымъ, онъ до сихъ поръ влюбленъ въ нее и вѣрилъ ей слѣпо, но развѣ нельзя было отнестись къ этому спокойноѣ, сдержаннѣе и не производить такой ужасной кутерьмы.

Хорошо еще, что Марья Алексѣвна здѣсь; безъ нея Богъ знаетъ, чего бы они не натворили.

Пора, однако Жъ, ей начать дѣйствовать. Если черезъ десять минутъ Вѣра не проснется, надо будетъ ее разбудить. Ужъ скоро двѣнадцать, кто-нибудь можетъ заѣхать съ визитомъ и, Боже сохрани не принять, ссылаясь на нездоровье или на что-нибудь въ этомъ родѣ! Надо казаться спокойной и веселой, про мужа рассказать, что его неожиданно вызвали въ Москву, а Ахлебеву дать знать стороною про случившееся и объяснить, что ему необходимо отсюда уѣхать какъ можно скорѣе и какъ можно дальше, чтобъ и духу его здѣсь не было, когда Сергѣй Алексѣвичъ вернется. Онъ долженъ

*

заставить забыть о своемъ существованіи. Впрочемъ, онъ и самъ это пойметъ, когда узнаетъ, какимъ неприятностямъ Вѣрника подвергается изъ-за него.

И чтобы на просторѣ начать дѣйствовать, Марья Алексѣевна принялась выпроваживать изъ дому всѣхъ, кто могъ помѣшать ей разговору съ дочерью.

Прежде всего дѣтей. Они имѣютъ привычку врваться въ спальню матери, какъ только она проснется, прыгать къ ней на кровать и тормошить ее до тѣхъ поръ, пока ихъ силой не оттащутъ отъ нея. Ну, сегодня ей ужъ будетъ не до нихъ.

Марья Алексѣевна отправилась въ дѣтскую и приказала нѣмкѣ идти съ дѣтьми въ садъ.

— Возьмите игрушки и оставайтесь тамъ до тѣхъ поръ, пока васъ не позовутъ обѣдать. Погода чудесная, надо ею пользоваться.

Предложеніе это пришлось Амаліи Федоровнѣ не совсѣмъ по вкусу. Съ утра ощущала она непреодолимую потребность подѣлиться съ родителями новыми впечатлѣніями и опасеніями. Ей непремѣнно нужно было имъ сообщить о скандалѣ, случившемся въ семьѣ, въ которой она жила; они можетъ быть посоветуютъ ей искать другаго мѣста, и тогда она приметъ предложеніе вице-губернаторши, которая уже давно переманиваетъ ее къ себѣ. *Auch eine sehr anständige Familie*, семья вице-губернаторши, прекрасная обстановка, великолѣпныя лошади и экипажи и сама, *die Gnädige Frau*, костюмы изъ Парижа выписываетъ, а дѣти — *Engelchen*. Мужъ говоритъ по-нѣмецки, *ganz feine Leute* однимъ словомъ. Руки чесались у Амаліи написать все это въ Ригу.

Но Марья Алексѣевна (*die alte Dame*, какъ называла ее про себя Амалія) такимъ рѣшительнымъ тономъ рекомендовала ей идти съ дѣтьми въ садъ, что она не посмѣла послушаться и стала дѣятельно помогать Бобѣ съ Маней собирать игрушки и надѣвать шляпы.

Когда дѣтская опустѣла, бабушка отправилась въ столовую и предложила Володѣ прокатиться за городъ со своимъ менторомъ.

— До обѣда лошади никому не будутъ нужны, а вы бы съѣздили въ монастырь къ отцу Меодію въ гости. Цвѣты его посмотрите, прогуляетесь у него по саду и по лѣсу. Можете даже и рыбу поудить въ озерѣ, у нихъ, говорятъ, форель водится.

Володя взглянулъ на Наташу.

Дѣвушка съ загадочной улыбкой (улыбка эта съ утра не сходила у нея съ губъ) кивнула ему въ знакъ того, что отказываться бесполезно, все равно изъ дому, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, вытурять.

А Феликсъ Антонычъ, со своей стороны, объявилъ, что съ удовольствіемъ проведетъ нѣскольке часовъ за городомъ.

— Такъ прикажите же закладывать и поѣзжайте съ Богомъ, сказала бабушка.

Оба вышли изъ-за стола, а минутъ черезъ пять покатали въ шарабанѣ по широкой, немощеной и пыльной улицѣ, что вела отъ соборной площади къ заставѣ.

— Ты никуда не пойдешь, Наташа? спросила Марья Алексѣвна у своей младшей дочери, когда она осталась съ нею наединѣ въ столовой.

— Нѣтъ, маман. А что?

И, улыбнувшись замѣшательству матери, которая не знала, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ, она прибавила:—Вамъ вѣрно хочется поговорить наединѣ съ Вѣрой? Но вамъ это не удастся, маман.

— Это почему? Что ты хочешь этимъ сказать? тревожно спросила мать.

— Да потому что у нея давно уже сидитъ Николай Николаичъ, отвѣчала съ невозмутимымъ спокойствіемъ дѣвушка. Онъ прошелъ къ ней съ часъ тому назадъ, когда мы сѣли за чай.

— Въ спальню? вскричала съ ужасомъ Марья Алексѣвна.

— Зачѣмъ же въ спальню, у ней есть будуаръ, съ усмѣшкой замѣтила Наташа.

— И ты спокойно къ этому относишься? Да это... это Богъ знаетъ что такое? Вѣра съ ума сошла!.. А письмо? Знаетъ она про письмо и про то, что Сергѣй Алексѣичъ уѣхалъ? съ усиліемъ вымолвила Марья Алексѣвна.

Отъ волненія слова не договаривались, ноги подкашивались, и она въ изнеможеніи опустилась на первый попавшійся стулъ.

— Разумѣется, знаетъ. И письмо ей, безъ сомнѣнія, давно уже передали.

— Но вѣдь я сказала, чтобы мнѣ доложили, когда она проснется, я сама должна была передать ей это письмо. Теперь все пропало, все! сокрушалась Марья Алексѣвна.

Наташа пожала плечами.

— Какая наивность, маман! Развѣ мы въ своемъ домѣ? Здѣсь мы не господа, а Вѣра съ мужемъ, стало быть, прислуга ихъ приказанія должна исполнять, а не наши.

— Ахъ, пожалуйста, безъ назиданій! Ты думаешь, что Вѣра сама послала за Николаемъ Николаевичемъ?

— Должно быть, сама... если только люди раньше обо всемъ ему не донесли. Онъ живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, и бѣгать къ нему съ записками прислуга привыкла.

Спокойствіе и сдержанность дочери представляла курьезный контрастъ съ суетливою раздражительностью и волненіемъ матери.

Старшую свою дочь, унаслѣдовавшую отъ нея вмѣстѣ съ живостью характера и впечатлительностью, также и восторженность ея, и безалаберность, Марья Алексѣевна любила несравненно больше младшей и находила ее симпатичнѣе, умнѣе и добрѣе сестры; но Наташа ни мало не огорчалась этимъ предпочтеніемъ; ей было безразлично, любятъ ли ее или нѣтъ, лишь бы только все въ домѣ дѣлалось такъ, какъ ей хочется, а этого она ужь давно достигла, еще тогда, когда маленькой дѣвочкой съ невозмутимымъ хладнокровіемъ выдерживала вспышки материнской экзальтаціи.

Ничего такъ не бѣсило Марью Алексѣевну и вмѣстѣ съ тѣмъ не угнетало ее, какъ холодная разсудительность младшей дочери. Она всѣмъ на нее жаловалась, на черствость ея и цинизмъ, эгоизмъ и скупость, доказывала, что кромѣ самой себя Наташа никого не любитъ. Да и не можетъ она любить!— Чѣмъ ей любить, когда сердца у нея нѣтъ? восклицала она въ минуты экспансивности со старыми и новыми пріятельницами, которыхъ у нея всегда было множество.

Но въ глаза она ничего подобнаго не говорила Наташѣ, и хотя иногда пыталась окриками и громкими фразами, возстановить свой утраченный материнскій авторитетъ, но въ глубинѣ души боялась ея и готова была идти на всевозможные компромиссы, лишь бы только не оскорбиться съ нею, не чувствовать на себѣ ея презрительнаго взгляда и не слышать ея безпощадной, холодной критики.

Наташа это знала и довольно бессовѣстно злоупотребляла своимъ авторитетомъ въ семьѣ.

— Что жъ это будетъ, Господи! Что жъ это будетъ! Сергій

Алексѣичъ никогда ее послѣ этого не простить, никогда! стояла, въ отчаяніи ломая руки, Марья Алексѣевна.

— Послѣ чего это, маман? спросила Наташа.

— Ахъ, ты отлично знаешь, не мучь меня пожалуйста! Зачѣмъ она послала за *нимъ*! Имъ не надо было видѣться... она должна была доказать мужу, что раскаивается, и тогда онъ бы простилъ... но для этого, прежде всего надо было удалить Ахлебьева! А она вмѣсто того... Ну, можно ли быть такой съумасшедшей! А все потому, что мнѣ не дали первой съ нею поговорить, я бы съумѣла ее урезонить, я бы научила ее, какъ поступить. Она должна какъ можно скорѣе ѣхать въ Москву, сегодня же, немедля ни минуты, чтобы не дать ему много раздумывать. Она должна ему сказать, что никогда больше не увидитъ Ахлебьева и вернется сюда тогда только, когда его здѣсь нѣ будетъ, она должна была...

— Все это фантазія, маман, вы такъ говорите, потому что не хотите видѣть вещи въ настоящемъ свѣтѣ, а судите о нихъ по тому, какъ онѣ вамъ представляются.

И проговоривъ съ обычною самоувѣренностью эту сентенцію, Наташа поднялась съ мѣста, вытряхнула изъ складокъ своего муслиноваго платья попавшія въ нихъ крошки хлѣба, поправила ленту пояса и подошла къ жардиньеркѣ передъ зеркаломъ.

Тутъ, между азалиями и рододендрами, былъ розанъ съ полураспустившимся пунцовымъ бутонемъ. Бутонъ этотъ она осторожно срѣзала вынутыми изъ рабочей корзинки ножницами и, пригнувшись къ зеркалу свое красивое лицо, съ большими черными глазами и немного длиннымъ носомъ, стала прикалывать цвѣтокъ къ волосамъ.

Мать смотрѣла на нее растеряннымъ взглядомъ, не переставая вздыхать и повторять:

— Теперь все кончено, никогда онъ ее не простить, никогда!

Налюбовавшись вдоволь эффектомъ пунцоваго цвѣтка въ черныхъ кудеркахъ, прикрывавшихъ на половину ея высокой лобъ, Наташа отошла отъ зеркала, сѣла въ качалку, стоявшую въ дверяхъ, растворенныхъ на террасу, и обратилась къ матери съ увѣщаніями:

— Вы, маман, смотрите на это дѣло совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и сестру вы вовсе не понимаете. Вамъ ка-

жется, что она только увлечена Ахлебьевымъ, а между тѣмъ они серьезно влюблены другъ въ друга.

Марья Алексѣевна всполыхнулась; въ глазахъ ея выразился испугъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и готовность отразить нападеніе. Прежде всего она попыталась притвориться, что ничего не знаетъ и не понимаетъ.

— Какъ это серьезно? Да вѣдь Вѣра замужемъ, у нея дѣти, какже она можетъ любить Ахлебева?

Но Наташа на эту удочку не поддавалась и безцеремонно прервала ее.

— Mon Dieu, maman, mais ne faites donc pas l'enfant, c'est insupportable! Et puis cela ne mène à rien ¹⁾.

Марья Алексѣевна съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства выпрямилась.

— Vous vous oubliez, Nathalie! строго вскричала она.

Наташа съ усмѣшкой пожала плечами и невозмутимо прибавила:—Точно вы не знаете въ какихъ они отношеніяхъ!

— Vous êtes folle! Une jeune fille!.. quel cynisme ²⁾! И тебѣ нестыдно! закричала мать.

— Наташа встала, подошла къ двери въ корридоръ, притворила ее и вернулась на прежнее мѣсто.

— Не кричите такъ громко, я пари держу, что и тутъ, и тамъ люди подслушиваютъ нашъ разговоръ, указала она на двери въ сосѣднія комнаты.

Но Марья Алексѣевна была слишкомъ оскорблена, чтобы заботиться о томъ, слышитъ ли ее кто-нибудь или нѣтъ.

— On dirait que vous m'accusez d'avoir aidé à l'intrigue, вымолвила она. И, приложивъ батистовый платокъ къ глазамъ, истерично зарыдала.

— Finissez, maman, никто васъ не обвиняетъ. Да и обвинять-то не въ чемъ. Когда человѣкъ нравится, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Еслибы мы раньше вмѣшались въ эту исторію, еще хуже было бы. Сергѣй Алексѣичъ за это намъ благодаренъ бы не былъ, а Вѣру съ Ахлебьевымъ мы бы противъ себя восстановили, вотъ что вышло бы изъ нашего вмѣшательства. А теперь, когда все помимо насъ открылось, имъ безъ насъ не обойтись, рассуждала съ спокойною увѣрен-

¹⁾ Ахъ, Боже мой, maman, не притворяйтесь ребенкомъ, это не-сносно! И ни къ чему не ведетъ.

²⁾ Ты съ ума сошла! Молодая дѣвушка!.. Какой цинизм!

ностью дѣвушка, раскачиваясь въ широкомъ, плетеномъ креслѣ, на высокихъ колесахъ, въ которомъ она лежала въ граціозной позѣ, вытянувъ краиво обутыя ножки.

— Теперь ужь поздно, поздно, теперь я ужь ничѣмъ не могу помочь! продолжала сокрушаться Марья Алексѣевна.

— Да я не понимаю, что васъ тутъ такъ огорчаетъ, маман?

— А я не понимаю, какъ ты можешь такъ равнодушно относиться къ гибели твоей сестры! вскричала съ раздраженіемъ мать.

— Какая же тутъ гибель? Я не вижу никакой гибели. Ахлебевъ ее любитъ искренно, *c'est une vraie passion*.

— Да вѣдь у нея мужъ, дѣти?

— Теперь на это совсѣмъ иначе смотреть, возразила дочь.

Она понимала, что мать притворяется и „напускаетъ“ на себя *des grands sentiments*, но она понимала также и то, что Марья Алексѣевна иначе поступать нельзя, и терпѣливо выносила скуку этой комедіи.

— Какъ это иначе? Что ты за вздоръ говоришь? Чтожь это они—убить что ли собираются Сергѣя Алексѣевича?

— Зачѣмъ такіе ужасы, маман? Никто не желаетъ смерти Сергѣя Алексѣевича.

— Такъ что жъ тогда? Какъ они сдѣлають, чтобъ онъ имъ не мѣшалъ? Интересно знать. Очень интересно! Законный мужъ! Отецъ дѣтей! Интересно!

— Да мало ли какъ можно устроиться!

— Однако, какъ же по-твоему? наставляла съ капривною придирчивостью Марья Алексѣевна.

— Ну, разводъ. Теперь всѣ разводятся.

Роквое слово было произнесено наконецъ и, какъ этого ожидала Наташа, оно вызвало цѣлую бурю негодованія и ужаса со стороны ея матери.

— Безстыдство... эгоизмъ... порочность... безсердечіе... скандалъ.... дѣти!...

Последнее слово такъ часто возвращалось въ потокѣ ругательства и упрековъ, которыми она минутъ десять сряду осыпала старшую дочь и ея любовника, что наконецъ Наташѣ надѣло слушать эти изліянія молча.

— Что же дѣти? Дѣти ей не помѣха, ихъ двое, отецъ можетъ взять одного, мать другого, замѣтила она холодно.

Марья Алексѣевна вульгарнымъ жестомъ ударила себя по бокамъ и нервно захохотала. — Вотъ такъ разсудила! Ай да

умница! Дѣтей раздѣлить... какъ котятъ... ты возьми черного, а я бѣлаго, безподобно!

Наташа отвернула къ террасѣ свое скучающее лицо. „Скоро ли это кончится? Пора, уже второй часъ продолжается“, думала она, глядя на деревья, утопавшія въ золотѣ солнечныхъ лучей. Небо было синее и ясно. Деревья стояли неподвижно. Ни малѣйшаго вѣтерка. Среди густой зелени и цвѣтовъ прохладно и хорошо пахнетъ, а тамъ на улицѣ какая гадость! Пыль, жара! И въ вагонѣ тоже теперь препротивно, должно быть, духота, вонь.

Она вспомнила про Сергѣя Алексѣевича, и въ груди ея зашевелилось чувство похожее на жалость.

— Онъ никогда не согласится на разводъ, сказала Марья Алексѣевна.

— „Точно она угадала, что я о немъ думаю“ мелькнуло въ головѣ Наташи.

А вслѣдъ затѣмъ ей вспомнилось повѣрье: когда обоимъ придетъ одна и та же мысль, это значитъ исполненіе желаній. Но чье же желаніе исполнится—ея или ея матери?

— Да какъ же онъ не согласится, когда узнаетъ, что Вѣра его не любитъ, жить съ нимъ не хочетъ и влюблена въ другаго, возразила она на слова Марьи Алексѣевны, не переставая думать о своемъ.

— „Чье же желаніе исполнится? Матан хочется прожить здѣсь до глубокой осени, чтобы скопить денегъ на журфиксы и на оперу, а я хочу ѣхать въ Парижъ съ Лабунской“.

И вдругъ, передъ нею мелькнула новая комбинація, благодаря которой все могло устроиться ко всеобщему удовольствію. Разводы скоро не дѣлаются. Вѣрѣ жить одной нельзя, мать останется при ней, а ее, Наташу, даже рады будутъ отпустить куда-нибудь подальше. Деньги найдутся... въ крайнемъ случаѣ всегда находятся деньги.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжала между тѣмъ волноваться Марья Алексѣевна, — онъ не согласится на такое безобразіе, никогда не согласится!

Она сорвалась съ мѣста и, размахивая руками, шагала взадъ и впередъ по комнатѣ. — И онъ будетъ правъ! Я сама, сама ему скажу, чтобъ онъ не уступалъ, сама!

— Такъ вы хотите, чтобы Вѣра такъ жила съ Алексѣевымъ? усмѣхнулась Наташа.

— Какъ это такъ?

— Что жъ мнѣ вамъ объяснять, вы сами знаете. Ну, какъ они до сихъ поръ жили. Но вѣдь это было возможно при мужѣ, подъ его прикрытіемъ.

И дерзко засмѣявшись, Наташа прибавила: — *Le ravillon souvre la marchandise.*

Это уже было слишкомъ, съ Марьей Алексѣвной сдѣлалась истерика. Лицо ея покрылось багровыми пятнами и, хватаясь руками за горло, которое у нея всегда сдавливало въ подобныхъ случаяхъ, она упала въ кресло.

Наташа подошла къ буфету, налила стаканъ воды изъ графина и поднесла его къ губамъ матери.

— Развратъ... развратъ!.. Я не позволю!.. Я стану на сторону зятя... прямо... открыто. Подрывать семейныя основы... не позволю.

Слова эти вырывались у нея между каждымъ глоткомъ воды, которую она жадно пила, устремляя полный укоризны и горечи взглядъ на ухаживающую за ней дочь.

Наташа ей и платью разстегнула и корсетъ распустила.

Все это она дѣлала не торопясь, ловко и терпѣливо, по временамъ тревожно оглядываясь на дверь въ корридорѣ, по которому раздавались шаги спящей взадъ и впередъ прислуги.

— „Лишь бы только Вѣра не вздумала сюда явиться, прежде чѣмъ татап окончательно успокоится“, думала она.

Желаніе ея исполнилось; когда за дверью послышалось шуршанье шелковой юбки ея сестры, туалетъ Марьи Алексѣвны былъ уже въ порядкѣ, и вся ея представительная фигура дышала сознаниемъ собственнаго достоинства и величавою строгостью.

Вѣра вошла въ комнату не одна, за нею шелъ Ахлебьевъ.

— *Maman, il arrive avec elle,* объявила Наташа вполголоса матери.

Марья Алексѣвна выпрямилась еще больше, сдвинула брови и процѣдила сквозь зубы: — *Pas le moindre esprit de conduite, pas le moindre.*

Оба, и Вѣра и Ахлебьевъ были блѣдны и взволнованы, у обоихъ глаза были красны отъ слезъ, а Вѣра отъ нервнаго озноба, пробѣгавшаго по ея тѣлу, безпрестанно вздрагивала.

Однако ей удалось настолько совладать съ собою, что она казалась спокойной подходя къ матери съ обычнымъ:

— *Bonjour maman,* какъ вы поживали?

Поцѣловавъ у матери руку, которую эта послѣдняя съ негодованиемъ отдернула отъ нея, она повернулась къ сестрѣ и прикоснулась губами къ ея лбу.

Губы были холодны, во взглядѣ читалась краснорѣчивая мольба о поддержкѣ.

Наташа подумала, что не одинъ Сергѣй Алексѣвичъ несчастенъ въ эту минуту, и перевела взглядъ на Ахлебьева.

Этотъ тоже страдалъ невыносимо.

Красивое его лицо было искажено волненіемъ и смущеніемъ до неузнаваемости.

Съ Наташей онъ забылъ поздороваться. Да и врядъ ли онъ замѣчалъ ея присутствіе. Онъ видѣлъ одну только Марью Алексѣвну и спрашивалъ себя съ тоской: зачѣмъ я здѣсь?

Теперь судьба его и той женщины, которая ему дороже жизни и для которой онъ поступалъ такъ долго, цѣлый годъ, какъ воръ и подлець, теперь ихъ судьба зависить отъ одного только человѣка на свѣтѣ — отъ ея мужа. Зачѣмъ же онъ здѣсь?

Надо явиться къ Сергѣю и сказать ему: „ты все знаешь, дѣлай со мной что хочешь“.

Вотъ что надо одѣлать.

Онъ сознавалъ это какъ нельзя лучше и пытался заставить Вѣру это понять, но она умоляла его прежде перетолковать съ маман. И какъ она плакала при этомъ, какъ страстно цѣловала его!

— Если маман захочетъ, все устроится какъ нельзя лучше. Она и Сергѣя съумѣетъ уговорить, увѣрала Вѣра.

— Съ Сергѣемъ я долженъ говорить, стоялъ на своемъ Ахлебьевъ.

— Ты только попробуй, не удастся—тогда поступаай, какъ знаешь. Ну, что тебѣ стоитъ, вѣдь все равно въ Москву ѣхать раньше вечера нельзя, поѣзда нѣтъ.

Этотъ послѣдній аргументъ оказался дѣйствительнѣе всѣхъ прочихъ, и онъ послѣдовалъ за нею въ столовую.

Здѣсь, въ первую минуту, всѣмъ было ужасно неловко. Послѣ привѣтствія, громко произнесеннаго Вѣрой, наступило такое глубокое молчаніе, что слышалось чирканье птицъ въ саду и отдаленный гулъ проѣзжавшихъ по улицѣ экипажей.

Марья Алексѣвна продолжала стоять въ величественной позѣ оскорбленной королевы, а Наташа, покачиваясь въ своемъ креслѣ, съ любопытствомъ посматривала то на мать, то на

сестру, то на остановившагося въ глубинѣ комнаты Ахлебьева.

Наконецъ, Вѣра собралась съ духомъ и приступила съ отчаянною рѣшимостью къ объясненію.

— Матап, не сердитесь, пожалуйста, мы пришли вамъ сказать...

Мать въ ужасѣ замахала на нее руками, точно отталкивая страшный призракъ.

— Ахъ пожалуйста, пожалуйста! Не смѣйте мнѣ рассказывать про ваши гадости, я ничего не хочу знать.. вы Богъ знаетъ до чего дошли! У васъ ничего не осталось, ни отыда, ни совѣсти!

— „Началась комедія“, съ гримасой отвращенія подумала Наташа.

— Не сердитесь такъ, матап, вы прежде насъ выслушайте... такъ нельзя.. намъ и безъ того тяжело.. что жъ вы хотите довести насъ до отчаянія, чтобы Сергѣй убилъ его и чтобы я отравилась или подъ побѣдъ бросилась, тономъ капризнаго ребенка и глотая слезы, давившія ей горло, сказала Вѣра.

— *Sortez, Nathalie*, обратилась Марья Алексѣвна къ младшей дочери и надулась еще больше.

Наташа медленно поднялась съ мѣста и, еще разъ глянувъ на Ахлебьева, который, не поднимая ни на кого глазъ, дрожащими пальцами теребилъ какую-то ошипанную вѣточку, она отыскала свой вонтикъ въ углу, вышла на террасу и спустилась въ садъ.

— Матап, снова начала Вѣра, не дождавшись, чтобы сестра ея дошла до ближайшей аллеи — вы только насъ выслушайте.

Марья Алексѣвна вытянула руку по направлеію къ зонтику, краснѣвшемуся между деревьями, и произнесла такое: „подождите!“—которое на любой сценѣ покрыли бы апплодисментами.

У дочери ея вырвалось нетерпѣливое движеніе.

— Наташа все знаетъ... А наконецъ не все ли равно! И развѣ мы виноваты, что такъ случилось? Я не хотѣла, я боролась съ моимъ чувствомъ, увѣряю-васъ, что боролась... чѣмъ же я виновата, что не могла совладать съ собой? Ужъ такое несчастье, что жъ тутъ дѣлать, я не виновата, повторяла она безсвязно.

— Повѣрьте, Марья Алексѣвна, я всю мою жизнь готовъ

ей посвятить, нашелъ нужнымъ вставить прерывающимся голосомъ и Ахлебьевъ.—Сергѣй можетъ меня убить, я на все готовъ... онъ въ своемъ правѣ, я понимаю, что онъ въ правѣ...

— А я подъ поѣздъ брошусь! вскричала внѣ себя Вѣра.— Матап, милая! Да неужто же вы не сжалитесь надъ нами?

— Что пишетъ вашъ мужъ? строго спросила Марья Алексѣевна, отвертываясь еще больше отъ того угла, между буфетомъ и каминомъ, у котораго стоялъ Ахлебьевъ.

Вѣра вскинула на своего возлюбленнаго растерянный взглядъ и, послѣ минутнаго колебанія, вынула изъ кружевнаго кармана своего параднаго матине перемятый листокъ почтовой бумаги.

— Онъ все знаетъ, матап, и кажется... если съ нимъ поговорить серьезно...

— Покажите, что онъ пишетъ.

Вѣра протянула ей листокъ.

Марья Алексѣевна повернулась совсѣмъ спиной къ Ахлебьеву и съ торжественною медленностью развернула посланіе зятя.

Содержаніе его столько же изумило ее, сколько и разочаровало. Она ждала упрековъ, угрозъ или по крайней мѣрѣ жалкихъ словъ и нашла только слѣдующее: „Сейчасъ узналъ, что Николай вашъ любовникъ, уѣзжаю. Рѣшите сами, что мнѣ дѣлать дальше“.

За этимъ слѣдовалъ адресъ: въ Москву, въ домъ пріятеля его, Льва Акимыча Матвѣева, на Пречистенкѣ.

Лаконизмъ зятя окончательно сбилъ съ толку тещу.

— Онъ согласится на разводъ, матап, надо только съ нимъ умѣючи переговорить, снова начала приставать дочь,— изъ письма видно, что онъ согласится.

Но въ эту минуту Марья Алексѣевна одно только видѣла — это то, что зять ея поступаетъ нехорошо, не по-людски и ставитъ въ самое глупое положеніе людей, считающихъ своимъ долгомъ принимать въ немъ участіе. Это обозлило ее и, за невозможностью выразить ему свое негодованіе, она съ новой энергіей напустилась на дочь.

— А дѣти твои, дѣти? Ты про нихъ забыла, несчастная?

— Дѣти останутся со мной. О, я съ ними ни за что не разстанусь, ни за что!

— Это какимъ образомъ?

— Ужь я тамъ не знаю, а только я съ дѣтьми не расста-

нусь. Надо такъ сдѣлать, чтобъ онъ не требовалъ отъ меня такой ужасной, невозможной жертвы.

— А если онъ не согласится?

— Надо его уговорить, повторяла Вѣра.

— Ужь не воображаете ли вы, что я за это возьмусь? Ни за что!

— Маман! умоляюще протянула Вѣра.

— И не просите лучше, ни за что!

— Намъ, значить, остается только умереть!

— Вы еще потребуете пожалуй, чтобъ онъ въ разводѣ взялъ вину на себя?

— А какъ же иначе?

— Ты съ ума сошла! воскликнула мать.

— Мы любимъ другъ друга! твердила дочь.

Ахлебеву было такъ тяжело присутствовать при этой сценѣ, что онъ давно бы убѣжалъ вонъ отсюда, еслибы не жадность къ Вѣрѣ и не убѣжденіе, что покинуть ее въ такую минуту было бы низкимъ предательствомъ съ его стороны, подлостью.

Пытка длилась долго, часа два по крайней мѣрѣ.

Нѣсколько разъ всѣ принимались плакать. Вѣра такъ рыдала, что съ ней сдѣлался нервный припадокъ.

И вдругъ, въ самый разгаръ переполоха, въ комнату вбѣжали дѣти. Давно ужъ порывались они сюда, чуя, что тутъ происходитъ нѣчто необычайное. Нѣсколько разъ бонна ловила ихъ на полпути и съ бранью приводила назадъ въ бесѣдку, но на этотъ разъ она ихъ не укараулила. Они воспользовались тѣмъ, что тетя Наташа позвала ее къ рѣшеткѣ посмотреть на проѣзжавшую мимо губернаторшу, и пробѣжали черезъ заднее крыльцо въ буфетную.

Тутъ оба какъ вкопанные, остановились: крики изъ столовой такъ явственно долетали сюда, что имъ стало жутко, и они въ нерѣшительности переглянулись.

— Это бабушка. Кого это она бранить, Устю? пролепетала Маня, широко раскрывая глазенки.

— Нѣтъ, Устя въ дѣвичьей, отвѣчалъ Боба.

И вытянувъ шею по тому направленію, откуда раздавались голоса, они стали прислушиваться, съ тѣмъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ которымъ слушали старую няню, когда она рассказывала имъ страшную сказку.

— А теперь это мама плачетъ, объявилъ мальчижь.

— Мама? испуганно повторила дѣвочка.

— Все равно, пойдѣмъ.

И схвативъ сестренку за руку, онъ потащилъ ее черезъ корридоръ въ столовую. Но когда они вошли и увидали мать, распростертую въ креслѣ, почти безъ чувствъ, и Ахлебьева у ея ногъ, они такъ перепугались, что заревѣли во все горло.

Хорошо, что въ эту минуту, пригнувшись къ замочной скважинѣ, изъ двери сосѣдней комнаты подслушивала Кузьминшица. Она обѣжала кругомъ, вихремъ ворвалась въ столовую, схватила дѣтей въ охабку и вытащила ихъ вонъ.

Впрочемъ, во всеобщемъ смятеніи, инцидентъ этотъ прошелъ незамѣтнымъ.

Марья Алексѣевна, ломая руки, повторяла:

— Что жъ это будетъ? Господи! что жъ это будетъ?

Ахлебьевъ, обезумѣвъ отъ возненія и страха, какъ грохнулся на колѣни передъ Вѣрой, такъ и остался, покрывая поцѣлуйми ея помертвѣвшее лицо.

Въ этой повѣ засталъ его и Володя, когда, вернувшись съ прогулки, онъ прошелъ съ Феликсомъ черезъ садъ къ террасѣ, а также и Наташа, которую горничная кликнула изъ окна, и сунувъ ей въ руки флаконъ съ одеколономъ, объявила впопыхахъ, что съ молодой барыней обморокъ, лежать, какъ мертвая, побѣлѣла вся и судорогами всю ее подергиваетъ.

Феликса Антоныча Амалия задержала въ саду.

— Не надо туда ходить. На столъ еще не накрывалъ и кушать не подавалъ. Бабушка кричалъ и дѣлалъ скандалъ на весь домъ за г-нѣ Ахлебьевъ, объявила она ему.

Къ обѣду Вѣра не выходила. Она оставалась въ своемъ будуарѣ съ Ахлебьевымъ, котораго ни на шагъ отъ себя не отпускала. А вечеромъ, когда онъ пошелъ домой, къ ней вошла мать, и онѣ разговаривали до разсвѣта. Солнце уже встало, когда Марья Алексѣевна вышла изъ спальни дочери, и въ постель она уже не ложилась.

— Дорогой выплюсь, сказала она своей старой горничной. И приказала все готовить къ ея отъѣзду въ Москву.

Послѣ отъѣзда бабушки наступило затишье. Вернувшись съ вокзала, куда она ѣздила провожать мать, Вѣра послала за Ахлебьевымъ и ушла съ нимъ въ бесѣдку. Туда имъ и завтракъ подали.

Наташа съ Володей спорили и смѣялись на террасѣ. Фе-

ликъ писалъ письма роднымъ, а Амалія грызлась съ дѣтьми, пристававшими къ ней съ разспросами.

Въ людской царило большое оживленіе. Теперь ужъ прислуга не опасалась предаваться толкамъ и предположеніямъ на счетъ случившагося событія, и каждый судилъ и рядилъ о немъ по-своему.

Лакей съ кучеромъ винили барыню; горничная и прачка осуждали барина, а старикъ-поваръ увѣрялъ, что всему причиною старая барыня.

— Не должна была допускать. Чего она теперь визжитъ и митусится, когда вся бѣда по ейной же винѣ приключилась.

А когда старая Устя рассказала, что барыня Марья Алексѣевна поѣхала въ Москву уговаривать барина дать разводъ супругѣ, чтобъ она могла вступить въ законной бракъ съ Ахлебьевымъ, старикъ даже плюнулъ отъ досады.

— И какъ это всегда господа ловко для себя придумаютъ, философствовалъ между тѣмъ кучеръ, — дивиться только надо, право! Самыя что ни на есть незаконныя дѣла и тѣ умудряются подъ законъ подвести.

Прошло лѣтъ пять.

Къ станціи желѣзной дороги, расположенной въ полверстѣ отъ города, подъѣжала дорожная коляска, запряженная тройкой.

Кони были добрые; пробѣжали пятнадцать верстъ шута, даже не взмылились и въ какой-нибудь часъ времени, не больше. А между тѣмъ ихъ дорогой и дождемъ кропило, и сильный вѣтеръ имъ все время дулъ на встрѣчу... Два раза сидѣвшій въ коляскѣ баринъ, Николай Николаевичъ Ахлебьевъ, приказывалъ кучеру останавливаться, чтобъ поднять верхъ, а когда дождь переставалъ, онъ снова приказывалъ опустить кузовъ, мѣшавшій ему смотрѣть на поля, зеленѣвшія ранними всходами, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ.

Поля эти ему не принадлежали, его владѣнія раскинулись дальше; къ большой дорогѣ примыкала только господская усадьба его Разумихина, съ большимъ старымъ садомъ, спускавшимся къ быстрой рѣчкѣ, за которой далеко тянулся лѣсъ, но хорошій хозяинъ не можетъ не интересоваться даже и чужими посѣвами.

Ахлебьевъ ѣхалъ на станцію встрѣчать сестру своей жены,

Наталию Васильевну Толмазову. Сегодня ночью была получена телеграмма о выѣздѣ ея изъ Москвы съ курьерскимъ.

— Миколоай Миколоаичъ! Не пришелъ еще поѣздъ-то, весело объявилъ кучеръ, указывая кнутомъ на чистенькія, аккуратныя строенія, сиротливо кучившіяся особнячкомъ среди поля, на довольно далекомъ разстояніи отъ низкихъ, сѣрыхъ жилищъ, въ беспорядкѣ разбросанныхъ между огородами и деревянными складами.

— Ну, и хорошо, что поѣздъ еще не пришелъ, сказалъ баринъ, приподнимаясь съ сидѣнья и вглядываясь въ затуманенную мелкимъ дождемъ даль. — Лошадямъ можно будетъ дать вздохнуть съ часочекъ, мы съ барышней закупимъ, что надо, да и назадъ. Надо къ обѣду поспѣть.

— Не извольте беспокоиться, поспѣемъ.

Кучеръ ловко подкатилъ экипажъ къ подъѣзду съ противоположной стороны платформы.

Баринъ вышелъ изъ коляски и, раскланиваясь направо и налево съ толпившимися тутъ завсегдатаями, съ жандармомъ, съ желѣзно-дорожными служащими, съ хорошенькою жидовкой, стоявшей за буфетомъ— всѣ его знали и называли по имени и по отчеству, — онъ подошелъ къ дверямъ, раствореннымъ на платформу. Здѣсь встрѣчать поѣздъ обыкновенно собиралось много публики, но въ тотъ день погода была такая отвратительная, что изъ городскихъ обывателей, кромѣ двухъ гимназистовъ, увивающихся за дѣвицей съ толстыми бѣлокурими косами, въ большомъ тепломъ платкѣ, накинутомъ поверхъ малороссійскаго костюма, да стараго вѣнца-учителя, совершавшаго свою обычную прогулку съ гигиеническою цѣлью, — никого не было видно.

Обмѣнявшись поклонами и съ этими личностями, Николаи Николаевичъ пробрался къ послѣдней скамейкѣ у спуска къ рельсамъ и сѣлъ на нее.

Въ ясный день отсюда можно было видѣть дымъ приближавшагося поѣзда раньше, чѣмъ дадутъ свистокъ, но сегодня отъ черныхъ тучъ, заволакивающихъ небо, было темно, какъ въ сумеркахъ, а вѣтеръ сдѣлался еще свирѣпѣе, нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ со свитомъ и воемъ крутить все, что попадало ему на встрѣчу.

Хорошо, что весна поздняя, яблони и вишни еще не зацвели, ни одинаго бы листочка не осталось на вѣткахъ отъ тако вѣтра.

— „Вотъ и разводи фруктовые сады въ такой анае-ской мѣстности“, думалъ Ахлебевъ, вспоминая про отводки грушъ, присланныхъ ему съ юга Франціи и пересадкой кото-рыхъ въ грунтъ онъ занимался на прошлой недѣлѣ.

У барышни, прогуливавшейся съ гимназистами, вѣтеръ вралъ съ головы вязанный платочекъ и поднималъ юбки. Она со смѣхомъ боролась съ нимъ, перехватывая на лету то ко-нецъ платка, то развѣвающеся полотнище. У кавалеровъ ея слетали фуражки съ головы, и они со смѣхомъ гонялись за ними по платформѣ. Имъ было очень весело. Сначала они стѣсня-лись г-на Ахлебьева, но потомъ, убѣдившись, что онъ не обра-щаетъ на нихъ вниманія, громко разболтались между собою и звонко хохотали.

Ахлебевъ думалъ о томъ, на чемъ онъ особенно любилъ останавливаться мыслями послѣднее время, а именно чтобъ все здѣсь продать и переселиться съ семьей куда-нибудь въ другое мѣсто, подальше отсюда.

— Встрѣчаете кого-нибудь? раздался около него знакомый голосъ.

Ахлебевъ обернулся и увидалъ помощника начальника станціи, пріятно улыбавагося молодаго брюнета.

За нимъ слѣдовалъ коротенькій, жирный господинъ, со-сѣдъ Ахлебьева по имѣнію, князь Любецкой.

— Да, я жду сестру жены, отвѣчалъ Ахлебевъ, и, по-смотрѣвъ на часы, прибавилъ, обращаясь къ брюнету:—А что же поѣздъ-то? Опоздалъ, кажется, ужъ второй часъ.

— Вѣрно изволили замѣтить, опоздалъ. На цѣлыхъ десять минутъ. Сейчасъ намъ телеграфировали.

— Несчастье? тревожно спросилъ Ахлебевъ.

— Какое! Просто губернатора ждали. Онъ, вы знаете, съ попечителемъ въ уѣздъ поѣхалъ. Гимназію они тамъ новую открываютъ.

И, приподнявъ фуражку, брюнетъ удалился, а спутникъ его сѣлъ на скамейку рядомъ съ Ахлебевымъ.

Николай Николаевичъ поморщился. Князь этотъ ему всегда былъ антипатиченъ, хотя и слылъ онъ здѣсь человѣкомъ большаго ума, блестящаго образованія и высокаго развитія.

Краснобай первостатейный (нахальный враль, по мнѣнію Николая Николаевича), князь проявлялъ большую дѣятель-ность во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, проводилъ съ восторгомъ новыя идея, влѣзалъ ко всѣмъ въ дружбу, наби-

вался на услуги, хвастался своими связями какъ въ административномъ, такъ и въ литературномъ мѣрѣ, и на многихъ нагонялъ страхъ своимъ апломбомъ.

Онъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, всегда на короткое время, съ какими-то таинственными цѣлями. Жилъ онъ въ деревнѣ на холостую ногу, хотя былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Но гдѣ именно проживала его семья—никому достоверно не было извѣстно. Князь постоянно сбивался въ своихъ показаніяхъ на этотъ счетъ. То давалъ онъ понять, что жена его съ дѣтьми заграницей, то у родныхъ своихъ въ Крыму, то въ Петербургѣ.

За Ахлебьевымъ онъ началъ упорно ухаживать съ первыхъ дней своего появленія сюда, и какъ ни старался Николай Николаевичъ его отваживать, онъ продолжалъ время отъ времени заѣзжать въ Разумихино, то подъ однимъ предлогомъ, то подъ другимъ.

— А я вотъ въ Питеръ собрался, началъ князь, потирая руки и съ улыбкой поглядывая своими живыми, любопытными глазами на сосѣда.

— Вы туда часто ѣздите, замѣтилъ Николай Николаевичъ, чтобъ сказать что-нибудь.

— Да, да, такое дѣло, требуетъ много хлопотъ и непременно личнаго присутствія.

Ахлебьевъ промолчалъ и чтобъ еще рѣзче подчеркнуть свое нежеланіе вступать въ бесѣду съ сосѣдомъ, отвернулся отъ него и сталъ всматриваться въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ.

— Не скоро еще придетъ, снова заговорилъ послѣ минутнаго молчанія князь.—Я видѣлъ телеграмму, полученную Андреемъ Андреевичемъ, на добрыхъ полчаса опоздають. Это возмутительно, такое безцеремонное обращеніе съ публикой! Для одного человѣка всѣхъ стѣснять! Попробовали бы они такую штуку заграницей выкинуть, да ихъ бы тамъ!.. Но у насъ все можно, у насъ только подхалимствомъ въ люди и вылѣзають.

Онъ оглянулся на проходившихъ мимо гимназистовъ съ барышней и продолжалъ, понижая голосъ:—Я объ этомъ въ газетахъ тисну, непременно. Цѣлый фельетонъ посвящу этому безобразію, пусть тамъ узнають, что-за гуси нами здѣсь управляютъ.

На послѣднемъ обѣдѣ у губернатора онъ не встрѣтилъ Николая Николаевича въ числѣ приглашенныхъ. Обстоятель

ство это дало ему поводъ предполагать, что между Ахлебьевымъ и начальникомъ губерніи пробѣжала черная кошка, а слѣдовательно можно смѣло осуждать губернатора при Ахлебьевѣ и Ахлебьева при губернаторѣ.

— „Пиши, что хочешь, чортъ тебя побери совсѣмъ!“ думаль Николай Николаевичъ.

И какъ будто для того, чтобъ лучше рассмотретьъ путь, тянувшійся между рельсами, онъ еще больше отвернулся отъ назойливаго собесѣдника.

Но это ни къ чему не повело.

— Николай Николаевичъ, а вѣдь вы и представить себѣ не можете, какъ я радъ, что судьба столкнула насъ именно сегодня; объявилъ дѣловитымъ тономъ князь. Мнѣ такъ нужно было васъ видѣть, что я вчера ужъ и лошадей приказаль запрягать, чтобъ къ вамъ ѣхать, да задержали.

Дѣлать нечего, Ахлебьеву пришлось обернуться и спросить, что ему отъ него надо.

— Справочку одну, добрыйшій Николай Николаевичъ, справочку, съ добродушной усмѣшкой отвѣчалъ князь.

И, скорчивъ вдругъ серьезную, даже печальную мину, онъ продолжалъ, пытливно вглядываясь въ глаза своего озадаченнаго слушателя:

— Я, Николай Николаевичъ, желаю развестись съ моей женой. Формально, чтобъ на другой жениться, понимаете? Вы сами женаты на разведенной, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на то, какъ омрачалось лицо Ахлебьева при словѣ „разводъ“,—вы мнѣ можете дать драгоценныя указанія...

— Извините, но вѣдь дѣло моей жены велъ не я, а адвокатъ, перебилъ онъ его съ раздраженіемъ.

— Знаю, знаю, Загорѣцкій. Дѣло вашей жены велъ Загорѣцкій. И блистательно, надо ему отдать справедливость. Не дальше, какъ нынѣшней зимой, мнѣ рассказывали про это дѣло...

— Что жъ вамъ собственно отъ меня угодно? рѣзко отчеканивая слова и съ трудомъ сдерживаясь, спросилъ Ахлебьевъ.

— Да видите, продолжалъ распространяться князь, не замѣчая или притворяясь, что онъ не замѣчаетъ раздраженія своего собесѣдника,—мнѣ во-первыхъ весьма интересно было бы узнать, сколько содралъ съ васъ Загорѣцкій, а во-вторыхъ, какъ вы ему заплатили—до окончанія дѣла или послѣ, частями или всю сумму заразъ, это очень для меня важно, понимаете...

Хорошо, что въ эту минуту стали раздаваться свистки, и на выручку раздосадованнаго Ахлебьева подѣхалъ поѣздъ, у него руки чесались отколотить нахала, позволявшаго себѣ такъ нагло прикасаться до самаго чувствительнаго и больнаго мѣста въ его душѣ.

— Извините, мнѣ встрѣчать надо, проговорилъ онъ, торопливо поднимаясь съ мѣста.

И, повернувшись спиной къ князю, большими шагами направился къ остановившимся вагонамъ.

Онъ былъ такъ взволнованъ, что два раза прошелъ мимо растворенныхъ дверецъ, изъ которыхъ выходили, торопясь къ буфету, пассажиры, не замѣчая Наташи, которая давно ужь звала его, сначала изъ окна вагона, а затѣмъ на платформѣ. Оглянувшись онъ къ ней тогда только, когда голосъ ее раздавался у самаго его уха.

— Nicolas, что это, какой вы расѣянный! Два раза прошли мимо меня, смотрите во всѣ глаза и не узнаете!.. А я такъ васъ издали узнала, еще поѣздъ не останавливался, какъ я ужь вамъ замахала изъ окна вотъ этимъ,—указывала она, смѣясь, на букетъ цвѣтовъ, который она не забыла захватить вмѣстѣ со множествомъ свертковъ, корзиночекъ и мѣшочковъ, составлявшихъ ея ручной багажъ.

— Вы такъ похорошѣли, что я и теперь васъ съ трудомъ узнаю, любезно объявилъ Ахлебьевъ, цѣлуя ея руки.

Глаза ея весело сверкнули.

— Серьезно? Вы не шутите? Я очень рада.

Она взяла его подъ руку.

— Да, я очень рада, что вы еще не находите меня старой дѣвой... Но что жъ я сейчасъ про себя, не спросила даже про Вѣру... Что она, здорова? Все у васъ благополучно?

— Здорова, все благополучно, и она ждетъ васъ съ большимъ нетерпѣнiемъ. Спасибо, что про насъ вспомнили, прибавилъ онъ съ чувствомъ, прижимая къ себѣ маленькую ручку, опиравшуюся на его руку.

— А вы какъ будто похудѣли немножко, сказала Наташа.

Чтобъ лучше разсмотрѣть его, она остановилась и такъ внимательно стала вглядываться въ его лицо, что ему сдѣлалось неловко.

— Вамъ это кажется, я только загорѣлъ, возразилъ онъ отрывисто, увлекая ее къ выходу.

Но она продолжала и на ходу закидывать его вопросами. — А дѣти? Вѣра писала, что Лелечка ужь бѣгаетъ. Такая толстенъкая, какъ утенокъ, я думаю, переваливается? Уморительно?

Скверное настроеніе, навѣянное на Ахлебьева княземъ, начало мало по малу разсѣиваться: онъ сталъ поддаваться веселому возбужденію своей спутницы и при напоминаніи о его милой дѣвчуркѣ засмѣялся.

— Именно, какъ утенокъ. И такая драчуня, съ нею сладу нѣтъ.

— Вотъ какъ!

— Ее къ Володькѣ подпускать нельзя. Стоитъ только нянькѣ заглядѣться, сейчасъ и ревъ и визгъ. Лелька либо за вихорь его отдереть, либо иначе какъ-нибудь обидить и въ ту же минуту со всѣхъ ногъ удираетъ, чтобы на мѣстѣ преступленія не попасться.

— Ахъ, какая прелесть! А Маничка?

— Ну, эта большую изъ себя корчить... Квитанція отъ багажа гдѣ у васъ?

— Сейчасъ.

И, вынимая перематую бумажку изъ перчатки, плотно обтягивавшей ея тонкую руку, Наташа объявила, что проѣдомъ черезъ Москву она видѣла Бобу.

— Да развѣ они въ Москвѣ? спросилъ онъ, съ легкой запинкой передъ словомъ „они“.

— Въ Москвѣ. Они провожали меня на вокзалъ, съ Володей. Какъ Володя выросъ и возмужалъ! Вотъ ужь кого узнать-то нельзя.

— Зачѣмъ Сергѣй въ Москвѣ?

— Это дѣлая исторія. Ему тамъ предлагаютъ мѣсто... Я вамъ потомъ расскажу... Володя мнѣ букетъ презентовалъ. Онъ все такой же фантазеръ, какимъ былъ пять лѣтъ тому назадъ... На послѣднемъ курсѣ теперь. Гипнотизмомъ увлекается... Пробовалъ свою силу и надо мной, да не удалось... А Боба...

— Подождите здѣсь, пока я распоряжусь, чтобъ вещи ваши отнесли въ коляску, прервалъ ее Ахлебьевъ.

— А квитанцію-то? со смѣхомъ закричала ему вслѣдъ Наташа.—Безъ квитанціи вамъ вещей не выдадутъ.

Онъ поспѣшно вернулся.

— Правда, давайте скорѣе. Вы меня такъ заболтали, что у меня голова идетъ кругомъ.

И, взявъ квитанцію, онъ примкнулъ къ толпѣ, тѣснившейся у чемодановъ и ящиковъ, сваленныхъ въ концѣ платформы.

— „Что это съ нимъ сдѣлалось?“ думала между тѣмъ Наташа, провожая его взглядомъ, пока онъ не скрылся у нея изъ виду. „Другой какой-то сталъ“...

Но въ чемъ состояла перемѣна, которую она не столько видѣла, сколько чувствовала въ Ахлебьевѣ, — этого она не могла опредѣлить. Онъ, можетъ быть, только постарѣлъ?

За послѣдніе пять лѣтъ она видѣла его раза три, не больше, да и то мелькомъ, когда, измученный ожиданіемъ и разлукой со своей возлюбленной, онъ приѣзжалъ украдкой въ Петербургъ, чтобы узнать про Вѣру и про разводъ.

Онъ тогда былъ какъ безумный отъ страха и безпокойства за исходъ затѣяннаго дѣла.

Два года длилась эта пытка. Все зависѣло отъ Сергѣя Алексѣевича; а онъ то соглашался, то нѣтъ.

Вѣра жила съ дѣтьми у матери.

Такой тоски и скуки, какъ въ это время, Наташа никогда не испытывала въ жизни. Лѣтомъ еще было сносно, она уѣзжала съ знакомыми за границу, но ужь зимой ни выѣзжать, ни у себя принимать нельзя было. Марья Алексѣевна находила неприличнымъ, чтобъ младшая ея дочь веселилась въ то время, какъ старшая находится въ такомъ ужасномъ и неопредѣленномъ положеніи.

Положеніе Вѣры дѣйствительно было очень тяжелое. Адвокатъ поставилъ условіемъ, чтобы все время, пока будетъ тянуться процессъ, она не видѣлась съ Ахлебьевымъ и переписывалась съ нимъ съ большими предосторожностями.

Надо было отъ всѣхъ скрывать конечную цѣль развода.

Дѣло велось такимъ образомъ, что истицей являлась Вѣра, а отвѣтчикомъ — ея мужъ. Стало быть, все, съ начала до конца, основано было на обманѣ и клеветѣ. И все было прилажено такъ, чтобы истина не всплывала наружу раньше, чѣмъ разводъ не будетъ подписанъ.

Всѣмъ, причастнымъ къ этому дѣлу, въ качествѣ свидѣтелей и доносчиковъ, розданы были роли, которыя надо было твердо выучить, чтобъ, Боже сохрани, не сбиться на допросахъ. Малѣйшая оплошность могла повлечь за собой пагубныя послѣдствія.

Но самыя трудныя и тяжелыя роли выпали на долю Вѣры и Сергѣя Алексѣевича.

У обоихъ были наняты адвокаты, которые тоже играли комедію—одинъ долженъ былъ притворяться глупцомъ и такъ плохо защищать своего кліента, чтобъ этого послѣдняго непременно обвинили въ несуществующемъ преступленіи, а другой—притворяться, что вѣрить имъ же самимъ придуманной клеветѣ въ пользу своей кліентки.

Адвокаты сговаривались между собой, „репетировали“ другъ передъ другомъ свои роли, передъ тѣмъ, какъ явиться въ судъ; судьи же, въ свою очередь, хотя и знали, что ихъ обманываютъ, но тѣмъ не менѣе, для виду, допрашивали тяжущихся, сбивали ихъ, требовали доказательствъ и всякое ихъ слово самымъ серьезнымъ образомъ записывалось въ бумаги съ печатными заголовками.

Отъ Вѣры скрывали большую часть тѣхъ мерзостей, которыя дѣлались для нея. Она подписывала бумаги, не читая ихъ, и ей только сотая доля была извѣстна изъ того, что адвокатъ говорилъ отъ ея имени на судѣ, передъ толпою чужихъ, равнодушныхъ людей; однако, и то малое, которое нельзя было отъ нея скрывать, приводило ее въ неописанный стыдъ и ужасъ.

Но отступить было нельзя. Не говоря ужъ о любви ея къ Ахлебьеву и желаніи соединиться съ нимъ на вѣки, столько испытано было мукъ и позора, столько надѣлано шума, пролито слезъ, вынесено оскорбленій, что не дойти до конца казалось невозможнымъ.

Что ждало ее въ будущемъ, если ей не удастся развестись съ мужемъ и обвиняться съ Ахлебьевымъ—объ этомъ она безъ содроганія вспомнить не могла.

То, что она слышала со всѣхъ сторонъ про Сергѣя Алексѣевича, усиливало ея страхъ и отчужденіе къ нему.

Сначала онъ сдался было на ея просьбу и на увѣщанія Марьи Алексѣевны, и далъ согласіе на разводъ, а потомъ, когда дѣло началось, онъ сталъ его тормозить.

Но въ чемъ онъ оказался особенно неподатливымъ—это въ спросѣ о дѣтяхъ. Марья Алексѣевна два раза ѣздила въ лоскву его упрашивать и все безуспѣшно: первый разъ онъ говорилъ ей такихъ грубостей, что она заболѣла отъ нравственнаго потрясенія, а второй разъ онъ и совсѣмъ не захотѣлъ ее принять.

Черезъ общихъ знакомыхъ и черезъ адвокатовъ, имѣвшихъ съ нимъ совѣщанія, стало извѣстно, что онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше ожесточается противъ жены, говоритъ про нее и про ея мать въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ. Ахлебева считаетъ подлецомъ и мерзавцемъ и увѣряетъ, что ему легче видѣть своихъ дѣтей мертвыми, чѣмъ у такой матери, какъ Вѣра. Да и зачѣмъ ей дѣти? У нея любовникъ, котораго она обожаетъ, чего ей еще надо? Онъ не вѣритъ въ ея любовь къ дѣтямъ, все это одно только притворство и лицемеріе, ничего больше. А если даже и не притворство, то что жъ изъ этого? Неужели она воображаетъ, что онъ можетъ ее жалѣть и желать ей добра послѣ того, какъ она разбила его жизнь и обманула его довѣріе? Онъ не святой, чтобъ прощать своимъ врагамъ и молиться за нихъ, онъ простой смертный и, по его мнѣнію, такія женщины, какъ Вѣра, должны быть наказаны, чтобъ другимъ не было повадно.

Каждому, кто пріѣзжалъ ходатайствовать за Вѣру, онъ повторялъ одно и то же, такъ что наконецъ адвокаты стали отчаяваться и заявили, что если такъ будетъ продолжаться, лучше отказаться отъ развода.

Но, къ счастью, Сергій Алексѣевичъ сталъ понемногу сдаваться.

На него нашла апатія, и снова явилась возможность умолять его объ уступкахъ. Этимъ воспользовались, чтобъ заставить его подписать одну очень важную бумагу. Но терять время было опасно, въ его настроеніи снова могла произойти перемѣна. Марья Алексѣевна достала за большіе проценты деньги; дѣло закипѣло съ новой энергіей, еще двѣ-три уступки съ его стороны — и всѣмъ мытарствамъ конецъ.

Оставалось только окончательно рѣшить вопросъ о дѣтяхъ. Надѣялись, что объявить въ присутствіи жены, что онъ навсегда лишаетъ ее счастья воспитывать даже и одного изъ дѣтей, Сергій Алексѣевичъ не рѣшится, и Вѣрѣ было объявлено, что она должна просить его письмомъ о свиданіи. Сочинили ей письмо, которое она переписала и подписала. На письмо это Сергій Алексѣевичъ отвѣтилъ черезъ посланнаго лакея очень коротко: — „Скажите, что буду“. Но и этому чрезвычайно обрадовались. Ждали отказа.

Переговоры должны были происходить при свидѣтеляхъ. Со стороны Вѣры — мать и одинъ адвокатъ, со стороны Сергія

Алексѣевича — какая то дама, его родственница, и другой адвокатъ.

Къ дамѣ этой, прежде чѣмъ увидали ее, всѣ отнеслись враждебно и съ недоумѣніемъ. Марья Алексѣевна прямо объявила, что это должна быть та самая злодѣйка, которая поддерживаетъ въ ея вятѣ злобу противъ жены, и всѣ приготовились отнестись къ ней съ холоднымъ презрѣніемъ, чтобъ доказать, что шашни ея имъ извѣстны. Но когда она вошла — пришлось сознаться въ заблужденіи на ея счетъ: старенькая, болѣзненная и робкая, съ добрыми, ласковыми глазами, она произвела впечатлѣніе чловѣка способнаго скорѣе мирить людей, чѣмъ ихъ ссорить.

Ее посадили на диванъ, передъ столомъ съ письменными принадлежностями; рядомъ съ нею помѣстилась Марья Алексѣевна, а кресла по сторонамъ заняли адвокаты.

Сергѣя Алексѣевича приглашали къ тому же столу, но дальше стула у двери онъ не захотѣлъ идти.

Старушка, пріѣхавшая съ нимъ, украдкой взглядывала на него съ печальнымъ недоумѣніемъ. Марья Алексѣевна довольно удачно скрывала внутреннее волненіе подъ величественнымъ, полнымъ собственнаго достоинства, видомъ. Адвокаты терпѣливо скучали.

Когда Сергѣй Алексѣевичъ взошелъ, они пытались было вступить съ нимъ въ бесѣду о постороннихъ предметахъ, но, убѣдившись съ первыхъ же словъ, что онъ принимаетъ свое положеніе въ серьезъ и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія пронизировать надъ самимъ собой, притворяясь равнодушнымъ, адвокаты очень скоро отъ него отстали и завели вполголоса бесѣду между собой.

Вѣра неприлично долго заставляла себя ждать. Когда ей пришли сказать, что всѣ тутъ и Сергѣй Алексѣевичъ пріѣхалъ — съ нею сдѣлалась истерика. Наташа съ горничной давали ей нюхать спиртъ и заставили выпить валерьяновыхъ капель съ бобровой струей.

Наконецъ она вошла, блѣдная, съ распухшими отъ слезъ глазами и мокрыми кудерками на лбу — чтобъ заставить ее скорѣе оправиться, Наташа вылила ей чуть не цѣлый флаконъ одеколону на голову. Марья Алексѣевна, не сводившая тревожнаго взгляда съ двери, поднялась на встрѣчу дочери и, заслоняя ее своею тучной фигурой отъ Сергѣя Алексѣевича, провела къ стулу, который она приготовила для нея около себя.

Но Вѣра отодвинула этотъ стулъ дальше, за диванъ, и тогда только успокоилась немного, когда убѣдилась, что никто на нее не смотритъ.

И сама она ни на кого не смотрѣла. Присутствіе мужа въ комнатѣ она только чувствовала, но не могла бы сказать, гдѣ именно онъ сидитъ. Такъ боялась она встрѣтиться съ его взглядомъ, что не поднимала глазъ ни на кого. По временамъ ей казалось, что онъ на нее смотритъ, и тогда она совсѣмъ закрывала глаза, такъ ей дѣлалось жутко.

Адвокаты, одинъ послѣ другаго, равнымъ, безстрастнымъ голосомъ стали излагать требованія своихъ кліентовъ относительно дѣтей, обсуждали претензіи обѣихъ сторонъ и высказывали свои собственныя соображенія на этотъ счетъ. Одинъ предлагалъ такой компромиссъ: чтобъ дѣти поочередно жили, полгода у отца и полгода у матери; другой находилъ лучшимъ совсѣмъ отдать дочь матери, а сына — отцу. Вскорѣ и Марья Алексѣевна вступила въ дебаты, которые тогда значительно оживились и съ общей точки зрѣнія перешли на почву личностей, колкостей, попрековъ и намековъ.

Пользуясь всеобщимъ одушевленіемъ, Вѣра рѣшилась, наконецъ, поднять глаза на окружающихъ, и первое лицо, которое она увидѣла, было лицо мужа.

Онъ сидѣлъ шагахъ въ двадцати отъ нея и пристально смотрѣлъ на нее.

Когда взгляды ихъ встрѣтились, Сергѣй Алексѣевичъ покраснѣлъ, перевелъ глаза въ сторону и стиснулъ губы, точно сдавливая усмѣшку.

Адвокаты продолжали бесѣдовать съ представительницами тяжущихся сторонъ. Марья Алексѣевна съ возрастающимъ волненіемъ явила направо и налево.

Родственница Сергѣя Алексѣевича въ испугѣ все дальше и дальше отодвигалась отъ нея, пока не забилась въ самый уголъ дивана. На предлагаемые ей вопросы она отдѣлывалась торопливыми: да, не знаю, какъ Сережа... можетъ быть, и тому подобными уклончивыми фразами.

Къ самому Сергѣю Алексѣевичу не обращались. Это было бы совершенно бесполезно; стоило только взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ этомъ: такимъ предвзятымъ равнодушіемъ вѣяло отъ всей его фигуры, начиная отъ позы, которую онъ не мѣнялъ съ той минуты, какъ опустился на стулъ у окна, и

кончая взглядомъ, полнымъ упорнаго желанія ни на комъ изъ присутствующихъ не останавливаться.

Вѣра тоже адвокатовъ не слушала. Присутствіе мужа такъ угнетало ее, что ни для какого другаго чувства, кромѣ томительной тоски, не находилось мѣста въ ея душѣ.

Все, что ее терзало, тревожило и раздражало послѣдніе два года, вдругъ потеряло для нея всякій смыслъ. Разлучать ли ее съ однимъ ребенкомъ или съ обоими, на всегда или на время, можно ли ей будетъ скоро обвинчаться съ Ахлебьевымъ, или придется еще цѣлые годы ждать — все это ей было теперь безразлично.

Даже мысленно не могла она останавливаться ни на чемъ подобномъ. Богъ знаетъ, что-за нелѣпости лѣзали ей въ голову, то, вдругъ, спрашивала она себя, почему Сергѣй Алексѣвичъ до сихъ поръ носить обручальное кольцо? Она свое давно бросила. То замѣчала она, какой на немъ галстукъ и вспоминала при этомъ, что, когда они жили вмѣстѣ, онъ никогда не носилъ такихъ галстуковъ.

— Я совсѣмъ, совсѣмъ иначе представляла себѣ это свиданіе, рассказывала она потомъ сестрѣ. — Когда я вошла въ комнату, мнѣ было такъ жутко, что все во мнѣ дрожало.

— Да чего жъ ты боялась? со смѣхомъ допрашивала ее Наташа. — Сергѣй Алексѣвичъ человѣкъ воспитанный, не могъ же онъ обойтись съ тобой грубо, да еще при свидѣтеляхъ.

— Я не знаю, но только мнѣ было страшно, и я готовилась ему дать отпоръ. Мамап тоже было жутко, она сама потомъ созналась, что ничего путнаго не ждала отъ этихъ переговоровъ. И адвокаты тоже. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать, онъ сказалъ Загорѣцкому, что напрасно они его сюда ташутъ, что онъ ни на іоту не отступитъ отъ своихъ требованій, и что еслибъ я даже умерла отъ отчаянія, ему все равно... И вдругъ!.. Какъ все это странно вышло, не правда ли?

Въ самомъ разгарѣ преній Сергѣй Алексѣвичъ, какъ ужаленный, сорвался вдругъ съ мѣста и, ни на кого не глядя, опроливо вышелъ изъ комнаты.

Это было такъ неожиданно, что въ первую минуту всѣ мутились и не знали, что думать. Но почти тотчасъ же явился лакей, подававшій ему шубу и провожавшій его съ лѣстницыю крыльца.

— Сергѣй Алексѣевичъ приказали сказать: пусть безъ меня рѣшатъ, я на все согласенъ, объявилъ онъ.

Извѣстiе это всѣхъ обрадовало, кромѣ Вѣры. Она находила, что было бы лучше, еслибъ онъ дождался конца переговоровъ и тогда далъ бы свое согласiе.

Но Марья Алексѣевна объявила, что это вздоръ, что онъ все равно ничего не слушалъ, и что Вѣра сама не знаетъ, чего хочетъ.

— Ты только моли Бога, чтобъ онъ не передумалъ. Мало онъ намъ надѣлалъ хлопотъ и непрiятностей своею нерѣшительностью! Еще немножко, и Павелъ Павловичъ отказался бы вести твое дѣло. Онъ самъ мнѣ сказалъ: вы меня увѣрили, что разводъ будетъ по согласiю, а какое же тутъ согласiе, когда г. Разваловъ сегодня требуетъ одно, завтра — другое. Такъ нельзя, говоритъ.

Но на этотъ разъ все обошлось благополучно. Сергѣй Алексѣевичъ не передумалъ, и черезъ мѣсяць терзанiя влюбленныхъ прекратились.

Они уѣхали за границу, обвѣнчались тамъ и, вернувшись въ Россiю, поселились въ Разумихинѣ, захвативъ съ собою, проѣздомъ черезъ Петербургъ, Маничку.

Дѣвочка оставалась до возвращенiя матери у бабушки. Сына же отецъ, по окончанiи развода, увезъ къ себѣ.

Съ тѣхъ поръ Наташа не видѣлась съ сестрой. Марья Алексѣевна въ прошломъ году ѣдила гостить къ Ахлебевымъ. Хотѣла остаться у нихъ все лѣто, но вернулась назадъ въ Петербургъ много раньше, чѣмъ предполагала.

Меньшой своей дочери и другимъ близкимъ она жаловалась на холодность Вѣры и на то, что она не довольно была къ ней внимательна.

Что же касается до отношенiй молодыхъ супруговъ между собой, по словамъ татап, ничего лучшаго нельзя было желать, такъ любятъ другъ друга, такъ счастливы, что весело на нихъ смотрѣть.

И Сергѣй Алексѣевичъ, повидимому, хорошо устроился. Изъ министерства, въ которомъ онъ служилъ, ему дали продолжительную командировку за границу, и общiе знакомые, встрѣчавшіеся съ нимъ тамъ, увѣрили, что онъ сдѣлался совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ, работаетъ, занимается воспитанiемъ сына и о женѣ своей не вспоминаетъ.

— Ну, и слава Богу! Слава Богу! радостно повторяла Марья Алексѣевна, слушая эти рассказы.

Съ годъ времени оставляла она своего бывшего зятя въ покоѣ и только черезъ постороннихъ узнавала про него и про внука; но на второй годъ она не выдержала и, подъ предлогомъ, что измучилась неизвѣстностью на счетъ маленькаго Бориса, написала его отцу очень ласковое и ловко составленное письмо.

Къ величайшему ея удивленію, ей отвѣтили довольно скоро и очень вѣжливо.

Про себя онъ не говорилъ ни слова и даже не отвѣчалъ на вопросы, полные теплаго участія, о его здоровьѣ, но за то про сына распространялся такъ обстоятельно и подробно, что Марья Алексѣевна нашла возможнымъ сознаться въ своемъ поступкѣ Наташѣ и показать ей отвѣтъ, полученный на ея письмо.

— Зачѣмъ вы ему писали, маман? Этого совсѣмъ не надо было дѣлать, съ укоривной замѣтила благоразумная Наташа.

— Да почему же? И, наконецъ, мнѣ очень хотѣлось узнать про мальчика...

— Совсѣмъ вамъ не этого хотѣлось, возразила дочь, — васъ любопытство мучило, вотъ и все.

— Что жъ, это очень естественно, человѣкъ этотъ все-таки намъ былъ близокъ...

Наташа съ усмѣшкой пожала плечами.

— Что жъ вы хотите дѣлать съ этимъ письмомъ? Пошлете его Вѣрѣ?

— Да, я думаю послать.

— Напрасно.

— Ей будетъ пріятно узнать про мальчика.

— Напрасно, напрасно, повторяла Наташа.

Но Марья Алексѣевна поставила-таки на своемъ: письмо, полученное изъ-за границы, послала старшей дочери.

По странной случайности вышло такъ, что съ этого времени переписка между сестрами приняла другой характеръ. Вѣра писала меньше, рѣже, сдержаннѣе и на многое не отвѣчала, но не забывала въ каждомъ письмѣ повторять, что она счастлива безконечно.

То же самое писалъ и Ахлебѣевъ.

Наташѣ очень было интересно посмотреть на это счастье, и она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы

удовлетворить свое любопытство. Проѣздомъ въ Одессу, гдѣ ждали знакомые, съ которыми она должна была ѣхать въ Тироль, Наташа сдѣлала крюкъ, чтобъ заѣхать на нѣсколько дней къ сестрѣ.

— Я говорю, дѣти еще малы, намъ вездѣ можно жить, хоть въ Владивостокѣ. Можно и заграницей поселиться лѣтъ на десять. Только я тамъ безъ дѣла соскучусь.

Проговоривъ это, Ахлебевъ засмѣялся сухимъ короткимъ смѣхомъ, и однѣми только губами, въ глазахъ стояло все то же наташное выраженіе, такъ неприятно поразившее Наташу—вопрошающее и вызывающее было что-то такое въ его взглядѣ.

— Зачѣмъ же вамъ отсюда уѣзжать, если вамъ и здѣсь хорошо? спросила Наташа.

— Да видите...

Онъ прервалъ свою рѣчь, чтобъ закурить сигару.

Это было не легко; дулъ встрѣчный вѣтеръ, спички одна за другой гасли, а коляску такъ встряхивало на выбоинахъ, что, заслоняя рукой пламя, онъ чуть было не задѣлъ локтемъ свою спутницу по лицу.

— Не гони такъ, болванъ! Дай хоть сигару-то закурить, разбойникъ! закричалъ онъ на кучера.

И замѣтивъ, что Наташа улыбается, онъ самъ засмѣялся.

— Вы меня извините, Наталья Васильевна, я здѣсь такимъ ругателемъ сдѣлался, что самому совѣстно, да ничего не подѣлаешь: скверныя слова сами съ языка срываются.

— „На душѣ у тебя скверно, вотъ что“, подумала Наташа.

Кучеръ сдержалъ лошадей, сигара закурилась и, откинувшись на подушки коляски, Ахлебевъ продолжалъ свои изліянія.

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, что, за отвратительный здѣсь народъ! Нахалы или дураки, средины нѣтъ.

— Да вѣдь это вездѣ такъ, замѣтила Наташа.

— И вѣдь замѣчательное дѣло, продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ ея возраженія,—еслибъ мы лѣзли къ нимъ, набились на дружбу съ ними или даже на знакомство, такъ нѣтъ же, мы такъ вдвоемъ счастливы, что намъ никого не нужно... чтобъ насъ въ покоѣ оставили, вотъ все, чего мы просимъ.

Онъ пыхнулъ раза два изъ сигары, которая скверно раскуривалась, и прибавилъ, отчеканивая съ раздраженіемъ слова:—

каждой скотинѣ непремѣнно надо запустить лапу въ чужую душу и рыться въ ней.

Они съ полчаса какъ ѣхали по дорогѣ, извивавшейся между полями, съ разбросанными то тутъ, то тамъ, рошицами. До Разуихина оставалось верстъ семь, не больше. Небо прояснялось; между тучами все шире и шире расплывалась лазурь; въ воздухѣ, сквозь сырость, начинали пробиваться весенніе ароматы.

— Кто это васъ сегодня разозлилъ? спросила Наташа съ улыбкой.

Онъ поморщился.— Да князь этотъ, чортъ бы его побралъ.

— Какой князь?

— Да! вѣдь вы его не знаете. Любецкой. Онъ тутъ на платформѣ вертѣлся, когда вы пріѣхали. Проходимецъ,—купилъ имѣніе верстахъ въ двадцати отъ Разуихина и, подъ предлогомъ сосѣдства, безпрестанно къ намъ таскается. Надѣлтъ до смерти. Вѣрочка отъ него въ дѣтскую прячется, ну, а ужъ мнѣ скрыться некуда и волей-неволей приходится съ нимъ возиться.

— Да чѣмъ же онъ вамъ сегодня-то досадилъ? продолжала любопытствовать Наташа.

Онъ мелькомъ на нее глянулъ, отвернулся и объявилъ послѣ минутнаго колебанія:— Присталъ, чтобъ я объяснилъ ему, какъ разводы дѣлаются.

— Ему, вѣрно, рассказали, что вы женаты на разведенной?

— Ужъ это непремѣнно. Всѣ здѣсь это знаютъ и болтаютъ, разумѣется. Молчать никого не заставишь. Надо было голову потерять, чтобъ этого раньше не сообразить, продолжалъ онъ съ возрастающимъ раздраженіемъ.— Вѣдь здѣсь намъ все напоминаетъ прошлое, все, все. Каждый день сталкиваешься съ людьми, которые насъ знали прежде, когда Вѣра была еще женой Сергѣя...

И не кончивъ начатой фразы, онъ заговорилъ о другомъ, сталъ закидывать свою спутницу вопросами о Сергѣѣ Алексѣевичѣ.

— Вы говорите, онъ теперь въ Москвѣ? На долго ли? За чѣмъ? Развѣ командировка его за границей кончилась? Мы думали, онъ раньше какъ черезъ три года не вернется въ Россію.

Наташа съ любопытствомъ слѣдила за игрой фizioноміи своего собесѣдника. Да, онъ постарѣлъ; ему нѣтъ еще трид-

пяти шести лѣтъ, а кажется больше. А какой онъ сталъ раздражительный и нервный.

Но что всего больше ее удивляло,—это его болтливость. Прежде онъ былъ такой сдержанный, никогда про себя не говорилъ, теперь же у него являлась потребность изливаться въ словахъ. Точно его много лѣтъ продержали въ одиночномъ заключеніи, и онъ торопится выложить все, что накопилось у него въ душѣ въ долгіе мѣсяцы вынужденнаго молчанія.

Не успѣли они отъѣхать и полверсты отъ города, какъ онъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ объяснять, что какъ имъ ни хорошо въ деревнѣ, но оставаться здѣсь имъ не возможно. По его словамъ, всѣмъ будетъ лучше, если они уѣдутъ отсюда куда-нибудь подальше, и ему, и Вѣрѣ, и дѣтямъ.

Вѣра ни на что не жалуется, и ничѣмъ особеннымъ не больна, но нельзя также сказать, чтобъ она была здорова, дурно спитъ, страшно похудѣла. Прошлогодняя поѣздка за границу ей въ общемъ мало принесла пользы. Когда она вернулась, у нея былъ такой видъ, точно она чѣмъ-то напугана. Я долго думалъ, ужъ не брякнулъ ли ей докторъ какую-нибудь нелѣпость относительно ея болѣзни. У нихъ эта манера есть—приносить приговоры, я знаю, чтобъ потомъ въ нихъ видѣли спасителей.

— Но теперь у нея никакой нѣтъ болѣзни, замѣтила Наташа.

— Никакой, подхватилъ съ живостью Ахлебьевъ,—рѣшительно никакой. Да и то, что съ нею раньше было, обмороки, столбники, головныя боли, все это было нервное, отъ нравственныхъ потрясеній. Это ей и въ Москвѣ доктора сказали. Вѣдь вы знаете, она передъ Пасхой ѣздила въ Москву съ знаменитымъ З—мъ совѣтываться. Прожила тамъ три дня.

Наташа этого не знала, но сочла благоразумнѣе промолчать. У Вѣры вѣроятно были причины скрыть эту поѣздку отъ сестры и матери. Впрочемъ, Ахлебьевъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ замѣчать, что на вопросы его не отвѣчаютъ.

— Она, вѣрно, объ сынѣ скучаетъ, сказала Наташа.

— А вы думаете, мнѣ это не приходило въ голову? Сколько разъ! Да я не дальше какъ на прошлой недѣлѣ предлагалъ ей съѣздить съ нимъ повидаться. Дѣлать нечего, бросилъ бы хозяйство и самъ бы ее повезъ.

— Вотъ и отлично, кстати они теперь въ Москвѣ.

— Да вы постоитъ, не въ томъ дѣло, она вовсе этого не желаетъ. Мнѣ, говорить, довольно знать, что мальчикъ здоровъ и что ему хорошо, я за него покойна. Нѣтъ, нѣтъ продолжалъ онъ съ упорствомъ маньяка, развивающаго свою idée fixe,—это все не то, не то, ей просто тяжело жить въ такой мѣстности, гдѣ ей все напоминаетъ о прошломъ. И я это понимаю, вѣдь это просто пытка какая-то! Какъ подумаешь, что каждый мерзавецъ вродѣ этого Любецкаго можетъ васъ оскорбить!.. И вѣдь какова наглость? Расскажи ему про это проклятое дѣло! Да я бы полжизни отдалъ, чтобъ забыть о немъ, а онъ... нѣтъ, это чортъ знаетъ что! Разводиться, видите, вадумаль!.. Что жъ, пожалуй для такихъ, какъ онъ...

— Да полноте, охота вамъ вспоминать, попыталась его успокоить Наташа.

Ей это удалось на время.

Онъ опять извинился за свою вспышку и сталъ спрашивать про Бобу, здоровъ ли онъ, выросъ ли и помнить ли мать?

— Конечно, помнить и много спрашивалъ про нее. Сергѣй Алексѣевичъ при этомъ присутствовалъ. Онъ жалѣлъ, что ничего не могъ послать Маничѣ. Вчера былъ праздникъ, всѣ магазины заперты.

— А надолго онъ въ Москвѣ?

— Самъ еще не знаетъ. Ему тамъ мѣсто предлагаютъ; если состоится, онъ долженъ будетъ поселиться въ Москвѣ на нѣсколько лѣтъ.

— Ну, вотъ видите, что намъ ничего больше не остается, какъ бѣжать на край свѣта, вырвалось у Ахлебьева.

— Что-за вздоръ! Чѣмъ вамъ мѣшаетъ Сергѣй Алексѣевичъ, возразила Наташа,—онъ такой сдѣлался спокойный, рассудительный и предружелобно къ вамъ относится, увѣряю васъ.

— Да, да, знаемъ мы это дружелюбие, злобно усмѣхнулся Ахлебьевъ.

— Вы на него сердитесь за прошлое, сказала Наташа,—но это несправедливо съ вашей стороны, нельзя требовать отъ человѣка, чтобъ онъ сразу покорился своей участи. Другой на его мѣстѣ надѣлалъ бы вамъ еще больше неприятностей, есть разводы, которые больше десяти лѣтъ тянутся, и такіе, которые никогда не кончаются.

Онъ поспѣшилъ съ нею согласиться.

— Я шучу, не обращайтесь вниманія. У меня никогда не

было злобы противъ него. Я даже и тогда, когда онъ насъ мучилъ, не желалъ ему смерти, честное слово, не желалъ.

— Осенью онъ хочетъ ѣхать за границу, продолжала все въ томъ же примирительномъ тонѣ Наташа, — но не надолго, и Бобу онъ оставляетъ у тетки. Вотъ бы тогда Вѣрѣ съѣздить навѣстить мальчика. Я даже думаю, что Сергѣй Алексѣевичъ и сюда его отпустить, если она попроситъ его объ этомъ.

— Какже это она его будетъ просить, письмомъ что ли? опять началъ раздражаться Ахлебьевъ.—Я этого, разумѣется, не позволю, прибавилъ онъ рѣзко.

Наташа промолчала.

Онъ хмурился все больше и больше.—Вы ей, разумѣется, скажете, что они въ Москвѣ?—спросилъ онъ отрывисто.

— Скажу. А что?

— Ничего. Почему же не сказать, отвѣчалъ онъ съ напускною холодною.— Она все равно это узнаетъ, не отъ васъ, такъ отъ другихъ. Мамап напишетъ. Вѣдь пересылаетъ же она ей его письма, прибавилъ онъ съ горечью.

Наташа заступилась за мать.—Это всего только одинъ разъ и случилось, поспѣшила она заявить.

Онъ скорчилъ презрительную гримасу.

— Пхе! почему я знаю! Да и не все ли равно—одно письмо или десять, фактъ тотъ, что Марья Алексѣевна считаетъ нужнымъ поддерживать сношеніе съ бывшимъ мужемъ своей дочери, вотъ что для меня важно.

— Ничего тутъ важнаго нѣтъ, возразила съ досадою Наташа.

Ее начинала раздражать его придирчивость.

— Позвольте мнѣ судить о томъ, что для меня важно и что нѣтъ, запальчиво отчеканилъ Ахлебьевъ.

И отвернувшись отъ нея, онъ сталъ смотрѣть на дорогу.

Она не вдругъ могла опомниться отъ изумленія. Грубая выходка Николая Николаевича не столько разсердила ее, сколько заинтриговала.

— „Такъ вотъ онъ какой“, думала она, „если Вѣрѣ часто приходится выдерживать подобныя сцены, я ей не завидую“.

Она тоже стала смотрѣть на поля, разстилавшіяся вокругъ. Небо постепенно прояснялось. Лазурныя пятна между поблѣднѣвшими облаками расплывались все шире и шире, а сквозь черную тучу, заволакивающую часть запада, начинало просвѣчивать солнце.

— Хорошо у васъ тутъ, проговорила, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, дѣвушка, вдыхая въ себя полную грудью душистый воздухъ.

Услышавъ ея голосъ, Николай Николаевичъ очнулся отъ забытья. Онъ снова заговорилъ, и съ первыхъ же его словъ Наташа могла убѣдиться, что въ то время, когда у него впечатлѣнія смѣнялись безостановочно, онъ продолжалъ думать все о томъ же. Говорилъ онъ безъ злобы, но по-прежнему отрывисто и торопливо, точно боялся, что не успѣетъ выказать все, что ему хотѣлось, чтобъ она знала.

— Нѣтъ, смерти я ему никогда не желалъ, а онъ... Вы знаете, онъ убить меня хотѣлъ, дѣлалъ мнѣ вызовъ.

— Кто? спросила Наташа.

— Сергѣй, кому же больше. Это было еще въ самомъ началѣ, мѣсяцевъ пять послѣ того, какъ она подала прошеніе о разводѣ въ консисторію. Тогда еще ни до допросовъ, ни до свидѣтелей не доходило, одна только бумажная канитель тянулась. Я прожилъ всю зиму здѣсь, безвыѣздно, помните? Мерзавцы адвокаты клялись, что если мы съ Вѣрой не будемъ видѣться, разводъ будетъ конченъ весной... Весной, какъ бы не такъ! Двѣ весны прошло съ тѣхъ поръ. Вотъ я и ждалъ, какъ дуракъ. Что я тогда выстрадалъ, даже вспомнить горько. Хорошо-съ. Живу это я здѣсь отъ письма до письма. Другихъ интересовъ никакихъ, разумѣется. Какъ у меня молотъба тогда шла, по какой цѣнѣ хлѣбъ продалъ—ничего не помню. Пожаръ у меня въ ту зиму приключился. Говорятъ, я отлично при этомъ дѣйствовалъ, въ самыя опасныя мѣста лѣзъ, старухъ какихъ-то, дѣтей спасалъ. Очень понятно, вѣдь мнѣ тогда было все равно. Я жизнь ни во что не цѣнилъ. При такомъ настроеніи легко быть героемъ. Рисовались такія, напримѣръ, картины: Вѣра узнаетъ о моей смерти и отъ отчаянія тоже умирать. Такъ это мнѣ прекрасно казалось, что я ужъ самъ себя, въ минуты отрезвленія, сталъ бояться. Заперъ пистолеты въ нижнюю кладовую, чтобъ не поддастся искушенію пустить себѣ пулю въ лобъ. Прекрасно. Отъ Вѣры письма отчаянныя. Онъ тогда упрямиться началъ, именно, съ 7-го февраля. Мнѣ это число памятно, сейчасъ узнаете почему. Ну-съ, живу я здѣсь и терзаюсь. Вѣрѣ все-таки было легче, чѣмъ мнѣ, она дѣйствовала, боролась, къ ней и адвокаты ходили съ разговорами, она и съ другими могла дѣлиться своими тревогами, а я вѣдь ни съ кѣмъ. Я былъ одинъ и долженъ былъ отъ всѣхъ скрывать то, что

мнѣ сердце гложетъ. Какія мнѣ тутъ отъ тоски и скуки мысли въ голову лѣзли — даже и передать невозможно... Но ни разу, слышите ли вы, ни разу не пожелалъ я ему смерти, честное слово! Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ меня винить нельзя, во многомъ и передъ нимъ виноватъ, но только не въ этомъ, а онъ... Вотъ какъ это было... да, надо вамъ еще сказать, что передъ этимъ я остановился на такомъ планѣ: плюнуть на разводъ, продать здѣсь все и увезти Вѣру за границу. Я ей, конечно, все это отписалъ, я ей писалъ все, что мнѣ приходило въ голову, она отвѣчала, что ни за что не разстанется съ дѣтьми. Я попрекнулъ ее въ томъ, что она мало меня любитъ, она разразилась упреками, назвала меня эгоистомъ, ну, можете себѣ представить, какъ это на меня подѣйствовало! Въ томъ настроеніи, въ которомъ я тогда находился, слышать отъ нея такой упрекъ было особенно горько. Я ей это высказалъ, и какъ всегда, слишкомъ рѣзко. Потомъ мы помирились, конечно, но въ самый разгаръ этого мучительнаго недоразумѣнія, получаю отъ Сергѣя письмо. Какъ сейчасъ помню... весь день таскался пѣшкомъ по невылазной грязи, — въ томъ году весна была ранняя. Я всегда хожу пѣшкомъ, когда у меня душа болитъ, это у меня ужъ такая потребность. Хорошо-съ. Возвращаюсь домой, спрашиваю: привезли съ почты что-нибудь? Подаютъ письмо. Ну, тороплюсь, конечно, зажечь лампу, думаю отъ Вѣры. Нѣтъ, не отъ нея, а отъ Сергѣя. Почеркъ его я тотчасъ же узналъ... Друзьями вѣдь мы съ нимъ были раньше-то, часто переписывались. Съ часъ времени просидѣлъ я надъ этимъ письмомъ, не могу разорвать конвертъ, не могу, да и все тутъ... Ну да, откровенно сознаюсь, жутко было. Развертываю наконецъ письмо—одна строчка: „Будете со мной драться?“ И подпись, ни слова больше. Ну, тутъ ужъ я совсѣмъ забѣсился и отвѣтилъ ему еще лаконичнѣе, однимъ только словомъ: „нѣтъ“. Ужъ если человѣкъ до такого абсурда дошелъ, что ничего не понимаетъ, не стоитъ съ нимъ и разговаривать, не правда ли? Вотъ послѣ этого онъ и ожесточился и сталъ намъ свою силу доказывать въ разводѣ.

— Разумѣется вы съ нимъ драться не могли, согласилась Наташа.

— Да, но стать подъ его пулю я могъ. И до сихъ поръ не могу себѣ простить, что не сдѣлалъ того...

И вдругъ опомнившись, онъ сообразилъ, что зашелъ въ откровенности слишкомъ далеко, и поспѣшилъ оговориться:—

онъ бы меня ранилъ, искалѣчилъ, можетъ быть, и мнѣ теперъ было бы легче. Впрочемъ, это, можетъ быть, только такъ кажется... Думаешь, думаешь, ну, и додумаешься чортъ знаетъ до чего.

— Да зачѣмъ же вы объ этомъ все думаете? сказала Наташа.

— О чемъ же мнѣ больше думать?

Признаніе это нечаянно сорвалось у него съ языка, но онъ ужь не поправлялся и смолкъ.

Молчала и Наташа. Облака, видоизмѣняясь и блѣднѣя, скользили по небу безостановочно; сквозь нихъ начали кое-гдѣ пробиваться золотые лучи, и воздухъ становился все ароматнѣе и ароматнѣе.

Вдали ужь ясно видѣлись строенія господской усадьбы, и лошади, почуя конюшню, сами побѣжали крупной рысью.

— А вы этого не знали? спросилъ, вдругъ, Ахлебевъ выбрасывая на дорогу недокуренную сигару.

И повернувшись къ Наташѣ, онъ пытливо заглянулъ ей въ глаза.

— Нѣтъ, не знала, отвѣчала она, тотчасъ же догадавшись, что онъ намекаетъ на сдѣланный ему Сергѣемъ Алексѣвичемъ вызовъ.

— Вѣра тоже не знаетъ, вы ей не говорите, пожалуйста.

Наташа кивнула въ знакъ согласія, и опять бесѣда между ними на долго порвалась.

Но оба думали объ одномъ и томъ же. Какъ это часто случается съ людьми, сильно и искренно чѣмъ-нибудь увлеченными, онъ заразилъ своимъ чувствомъ свою слушательницу. Прошедшее съ такою силою всплывало въ ея душѣ, что заставляло забывать о настоящемъ.

— Да, это было тяжелое время, сказала она со вздохомъ.

— Надо о немъ забыть, сквозь зубы проворчалъ Ахлебевъ.

— „А самъ только объ этомъ и думаешь“, рѣшила про себя Наташа.

Онъ же, точно угадывая ея мысли, вскричалъ запальчиво:— Но что жъ прикажете дѣлать съ такими мерзавцами, какъ этотъ Любецкой!

Николай Николаевичъ сказалъ правду, Наташу съ большимъ нетерпѣніемъ ждали въ Разумихинѣ.

Вѣра такъ ей обрадовалась, что плакала и смѣялась въ одно и то же время, обнимая сестру.

Николай Николаевичъ тоже преобразился. Отъ раздраженія его не осталось и слѣда, онъ былъ веселъ, игралъ съ дѣтьми, нѣжничалъ съ женой и осыпалъ вниманіями дорогую гостью.

Но Наташа замѣчала, что онъ ни на минуту не оставлялъ ее одну съ сестрой и что Вѣру это раздражаетъ.

Когда передъ обѣдомъ онъ удалился въ комнату, приготовленную для Наташи, онъ два раза подходилъ къ двери, чтобъ узнать, скоро ли онъ выйдутъ.

Въ первый разъ Вѣра отрывисто закричала ему: „Сейчасъ“, а во второй, еще рѣзче сказала: „оставь насъ, пожалуйста“.

Это было понятно, ей хотѣлось поболтать съ сестрой. Наташа должна была на слѣдующій же день ѣхать дальше.

— Такъ ты счастлива? спросила она, взявъ Вѣру за обѣ руки и пытливо взглядываясь ей въ глаза.

— Разумѣется, что-за вопросъ! А у тебя ничего нѣтъ для меня изъ Москвы? спросила Вѣра, пригибаясь къ сестрѣ и понижая голосъ до шопота.

— Отъ кого? удивилась Вѣра.

— Да вѣдь ты *илъ* тамъ видѣла?

— Такъ ты знаешь, что они въ Москвѣ!

— Конечно, знаю! И онъ ничего не просилъ мнѣ передать, ни письма, ничего? продолжала допрашивать Вѣра съ нетерпѣніемъ.

— Да развѣ ты съ Бобой въ перепискѣ?

— Давно... Пожалуйста только не проболтайся про это при Колѣ, онъ ничего не подозреваетъ.

— А Сергѣю Алексѣвичу извѣстно, что ты переписываешься съ сыномъ? спросила Наташа, которой памяти были условія, на которыхъ Разваловъ согласился развестись съ женой.

Прежде чѣмъ отвѣтить на предложенный ей вопросъ, Вѣра какъ-то странно посмотрѣла на сестру, хотѣла что-то сказать, но воздержалась и послѣ минутнаго колебанія объявила:— Мнѣ лишь бы Коля ничего не зналъ, вотъ что для меня самое главное.

— Боба очень выросъ, похудѣлъ немножко, но кажется здоровымъ, начала было рассказывать Наташа, но ей не дали договорить.

— А онъ, какъ ты его нашла?.. Ахъ, опять идутъ, какъ

это несносно! Что тебѣ? обратилась она къ горничной, прибѣжавшей изъ столовой съ извѣстіемъ, что кушанье подано.

— Баринъ приказали вамъ напомнить, что на мельницу хотѣли ѣхать. Засвѣтло тамъ надо быть, говорить, а теперь ужь седьмой часъ.

Вѣра скривила губы въ влую усмѣшку.

— Ну, конечно, ему нужно, чтобъ мы засвѣтло доѣхали до мельницы, иронически протянула она.—Пойдемъ, Наташа.

Послѣ обѣда поѣхали кататься.

Сергѣй Алексѣевичъ показывалъ гостѣмъ свои владѣнія и, повидимому, съ большимъ увлеченіемъ хвастался передъ нею хозяйствомъ, которое у него было въ большомъ порядкѣ.

Вернулись домой поздно, когда луна уже вошла.

Погода совершенно разгулялась; былъ чудный, не много прохладный, но тихій, душистый вечеръ.

Наташа не переставала слѣдить украдкой за сестрой и ея мужемъ. Николай Николаевичъ ухаживалъ за женой, какъ влюбленный, укутывалъ ее въ пледъ, безпрестанно спрашивалъ, не холодно ли ей, и жаловался на то, что она мало себя бережетъ. Вѣрѣ были въ тягость его нѣжности, и ей большаго труда стоило сдерживать разбивавшее ее нетерпѣніе. Разговоръ, завязавшійся между ея мужемъ и сестрой, не интересовалъ ее, она мало по малу совсѣмъ перестала въ немъ принимать участіе и только односложно и разсѣянно отвѣчала на предлагаемыя ей вопросы.

Дѣтей кататься не взяли.

При Маничкѣ была гувернантка, у меньшихъ—русская няня.

Наташа замѣтила, что всѣмъ въ домѣ, и дѣтьми, и хозяйствомъ занимается гораздо больше хозяйнѣ, чѣмъ хозяйка.

Когда они вернулись домой, дѣти уже спали и на столѣ, въ уютной и ярко освѣщенной столовой, весело шипѣлъ самоваръ и приготовленъ былъ ужинъ.

Передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, Вѣра ушла посмотрѣть на дѣтей, а Ахлебьевъ воспользовался этимъ, чтобъ спросить у Наташи: сказала ли она сестрѣ, что Сергѣй Алексѣевичъ съ сыномъ въ Москвѣ.

— Да, я ей сказала, отвѣчала Наташа.

Вошла Вѣра, и онъ поспѣшилъ заговорить о другомъ. Но

вдругъ онъ обратился къ женѣ съ такими словами: — Ты знаешь, что Боба въ Москвѣ!

Еслибъ Вѣра взглянула на сестру въ эту минуту, она увидѣла бы знаки, которые эта послѣдняя ей дѣлаетъ, но она обернула къ мужу свое изумленное лицо и съ притворнымъ удивленіемъ проговорила:—Неужели? Кто это тебѣ сказалъ?

— Наташа. Она его видѣла въ Москвѣ, холодно отвѣчала Ахлебьевъ.

И ни на кого не глядя, взялъ недочитанную утромъ газету и погрузился въ нее.

„— Однако, какъ они оба хорошо выучились лгать и притворяться“, думала Наташа, въ то время какъ Вѣра осыпала ее вопросами, рассчитанными на то, чтобъ окончательно убѣдить мужа въ томъ, что ей ничего не извѣстно.

Ахлебьевъ въ разговоръ больше не вмѣшивался, но теперь присутствіе его стѣсняло не одну только жену, а также сестру ея.

Наконецъ, Вѣра не выдержала, и когда пришли доложить, что староста явился за приказаніями, она встала и вынула изъ рукъ мужа газету.

— Зачѣмъ заставлятъ ждать этого бѣднаго Федотыча, ему надо завтра чуть свѣтъ быть въ полѣ, сказала она, съ трудомъ сдерживая досаду,

Онъ взялъ ея руки и прижался къ нимъ губами.

— Ну, иди же, иди, я сейчасъ спать лягу, вотъ только Наташу провожу до ея комнаты, она тоже устала съ дороги, говорила Вѣра, пытаясь освободить руки, которыя онъ не выпускалъ изъ своихъ. Наконецъ ей удалось ихъ отъ него вырвать.

Онъ молчалъ, не трогаясь съ мѣста и глядя на нее умоляющимъ взглядомъ.

— Да не безпокойся, пожалуйста, я приду, я сейчасъ приду, повторила она съ досадой.

Наконецъ онъ всталъ, пожелалъ Наташѣ доброй ночи и вышелъ изъ комнаты.

Сестры остались вдвоемъ.

— Ну что! Видѣла? Понимаешь теперь?

— Вижу, что у васъ тутъ таинственная драма какая-то происходитъ, и ровно ничего въ ней не понимаю, въ шутовомъ тонѣ отвѣчала Наташа.

— Ты не понимаешь, что онъ ревнуетъ меня!

— Да къ кому же?

Но Вѣра продолжала, не вслушиваясь въ возраженіе сестры.

— Это въ глаза бросается! Онъ не въ силахъ владѣть собою, это становится неприлично, я ему это тысячу разъ повторяла, горячилась она все больше и больше. И вѣдь какъ глупо, не правда ли? Какъ глупо? Ужь, кажется, я доказала ему мою любовь... и развелась, и съ сыномъ разсталась, и похоронила себя въ деревнѣ для него, но ему все мало, все мало, ему хотѣлось бы...

Она запнулась и прибавила глухо:—онъ самъ не знаетъ, чего ему хочется.

— Зачѣмъ ты ему все лжешь? замѣтила Наташа.

— А! и ты ужъ замѣтила, что я ему лгу? А ты думаешь, мнѣ это пріятно? Ты думаешь, я бы лгала, еслибъ можно было не лгать? О? да ты совсѣмъ, совсѣмъ нашихъ отношеній не понимаешь, повторяла она съ отчаяньемъ.—Ему нельзя не лгать, это такой человѣкъ, онъ правдѣ не вѣритъ.

— Такъ, зачѣмъ же ты...

Наташѣ опять не дали договорить.

— Зачѣмъ я его полюбила? Зачѣмъ я изъ-за него всю эту кутерьму подняла, всю жизнь себѣ изуродовала, да и не себѣ одной, зачѣмъ! Это глупо предлагать такіе вопросы, Наташа. Развѣ я могла знать? Развѣ я его тогда знала? Да я его тогда въ настоящемъ видѣ ни разу и не видѣла. Онъ влюбился въ меня съ перваго же взгляда, и я тотчасъ же это замѣтила. Онъ околдовалъ меня своею любовью, заразилъ меня своею страстью. Я не успѣла опомниться, какъ очутилась въ его объятіяхъ. Ну, а ужъ потомъ поздно было поправлять бѣду. Да сами же вы мнѣ потомъ помогали въ этомъ проклятомъ разводѣ... всѣ, всѣ толкали меня въ бездну, всѣ! О, еслибъ мнѣ не такъ было легко пасть, развѣ бы я пала!

— Но теперь все это кончено, зачѣмъ вспоминать старое, сказала Наташа.—Мужъ тебя любить.

— Ахъ, Наташа, какъ ты судишь! Да развѣ одна только любовь въ жизни и есть? Вѣдь кромѣ любви, той страстной сумасшедшей любви, о которой всѣ молодня дѣвушки и женщины мечтають, кромѣ этой любви, есть тысячи радостей на свѣтѣ, тысячи такихъ чувствъ, такихъ наслажденій, отъ которыхъ отказываться во имя этой любви—глупо. Но мнѣ раньше некогда было объ этомъ раздумывать, у насъ вѣдь не было ни минуты покоя, насъ терзали, и мы терзали другихъ... а теперь, теперь... мы другъ друга терзаемъ.

И порывисто обернувшись къ двери, она прибавила:— Да вотъ, слышишь? Это опять онъ... Что тебѣ, Коля? Оставь меня хоть немножко поболтать съ Наташей, продолжала она, обращаясь къ двери, за которой раздавались шаги.— Она завтра утромъ уѣзжаетъ, мы теперь Богъ знаетъ когда увидимся.

Шаги удалились. Вѣра засмѣялась натянутымъ смѣхомъ.— Вѣдь вотъ, и милый человѣкъ, и симпатичный, и влюбленъ въ меня безъ памяти, а какъ онъ меня мучитъ! Возни съ нимъ несравненно больше, чѣмъ съ дѣтьми, каждую минуту надо его ублажать и успокоивать, а для этого лгать, лгать и лгать. Да вотъ теперь, напримѣръ, тогда только угомонится, когда я его увѣрю, что мы не говорили съ тобой про.....

Она опять запнулась передъ именемъ своего перваго мужа и въ волненіи стала прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да впрочемъ, снова начала она, помолчавъ немного,— винить его въ этомъ нельзя. Здѣсь все ему напоминаетъ прошлое, все. На каждомъ шагѣ сталкивается онъ съ людьми, которые насъ знали, когда я еще была женой другаго.

То же самое и Ахлебевъ говорилъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ, конечно, всего лучше переѣхать отсюда, сказала Наташа.

— Мы переѣдемъ. Я давно это рѣшила. Помилуй, что это за жизнь! Я даже и дѣтьми не могу заниматься, какъ слѣдуетъ.

Она дошла до окна, постояла у него съ минуту, всматриваясь въ пейзажъ, залитый луннымъ блескомъ, вернулась къ столу, у котораго сидѣла сестра, и отрывисто спросила:

— Ну что же Сергѣй Алексѣевичъ? Ты до сихъ поръ, мнѣ еще ни слова про него не успѣла сказать. Какъ ты узнала, что они въ Москвѣ?

— По газетамъ, отвѣчала Наташа.

— Правда, объ его назначеніи было въ газетахъ. Здѣсь, вѣрно, тоже всѣ знаютъ. Гдѣ же ты съ нимъ увидѣлась? Сама къ нему отправилась или онъ къ тебѣ пріѣхалъ?

— Я ему телеграфировала, что желаю видѣть Бобу.

— И что же, онъ тотчасъ пріѣхалъ къ тебѣ?

— Да. И привезъ мальчика. Я, признаться, этого не ожидала.

— Почему? почему ты этого не ожидала? съ живостью подхватила Вѣра.— А я такъ была увѣрена, что онъ пріѣдетъ

къ тебѣ. Вы съ маман совсѣмъ его не знаете, вы вѣчно ошибаетесь, когда вы говорите, что онъ поступить такъ-то и такъ-то... Ахъ, пожалуйста, не спорь! Сколько разъ это было! волновалась она, не дожидаясь возраженій.—Помнишь въ Петербургѣ, вы увѣряли, что онъ не согласится на разводъ, а онъ, какъ нарочно, сдѣлалъ все, что отъ него требовали, и даже больше, вы всегда такъ... Ну, а теперь, ты мнѣ вотъ что скажи, продолжала она, опускаясь на стулъ рядомъ съ сестрой и понижая голосъ:—о чемъ ты съ нимъ говорила?

— Онъ спрашивалъ про Маничку, жалѣлъ, что ничего не можетъ ей послать. Вчера былъ праздникъ, лавки были заперты...

— Знаю, знаю, ты уже это говорила! А еще что онъ оказалъ?

— Ничего больше.

— Такъ-таки ничего? Онъ все время сидѣлъ противъ тебя и молчалъ? Странно!

Она опять начинала раздражаться, и въ глазахъ ея выразилось досада и недовѣріе.

— Нѣтъ, мы разговаривали, но все только о постороннихъ предметахъ.

— О чемъ же?

— Да мамо ли о чемъ. О петербургскихъ новостяхъ, о томъ, куда мнѣ лучше ѣхать—въ Тироль или въ Швейцарію.

— Онъ не спрашивалъ про меня? не велѣлъ мнѣ ничего сказать?

— Нѣтъ, не спрашивалъ.

— И ты тоже ничего ему про меня не говорила?

— Я сказала, что ѣду къ вамъ, онъ на это ни слова, не могла же я настаивать.

— Ну, конечно, отрывисто вымолвила Вѣра.

— Мнѣ кажется, что онъ иначе и не могъ поступить, продолжала Наташа,—вѣдь вы ужъ разведены, что же тутъ...

— Да я развѣ говорю что-нибудь, съ раздраженіемъ перебила ее сестра.

И заторопилась съ нею проститься.

— Пора, второй часъ. Мы здѣсь живемъ не по-столичному и ложимся спать съ пѣтухами.

Не взирая на усталость, Наташа долго не могла заснуть, какъ возбуждены у нея были нервы отъ всего слышаннаго и видѣннаго въ теченіе дня.

Но впечатлѣнїя были еще смутны, разобраться въ нихъ, отдѣлить то, что есть на самомъ дѣлѣ, отъ того, что кажется, не было никакой возможности, въ одномъ только она теперь не сомнѣвалась,—это въ томъ, что оба, и сестра и мужъ ея, очень несчастны, сами не зная отчего, и что имъ необходимо уѣхать отсюда куда-нибудь подальше.

Съ этою мыслью Наташа заснула.

Но до утра ей спать не дали. Передъ разсвѣтомъ, ее разбудилъ шорохъ растворяемой осторожно двери. Она раскрыла глаза, стала всматриваться въ темноту и увидѣла что-то бѣлое, направляющееся къ ея кровати.

— Кто тутъ? спросила она, приподнимаясь на постели и протягивая руку къ спичкамъ на ночномъ столикѣ.

— Не пугайся, это я, сказала фигура въ бѣломъ.

— Вѣра?

— Да, ты не спишь? Я тоже не могу заснуть, и вотъ пришла къ тебѣ...

— Хорошо сдѣлала, садись сюда.

— Да ты, можетъ быть, спать хочешь?

— Ничего, спать еще успѣемъ.

Усадивъ сестру на кровать, Наташа снова потянулась за спичками, но Вѣра перехватила ея руку.

— Не надо! Пожалуйста не надо, проговорила она умоляющимъ голосомъ.

— Какъ хочешь, мнѣ все равно, намъ не въ первый разъ съ тобой болтать въ темнотѣ. Но ты вся дрожишь... тебѣ холодно? Еще бы! Неодѣтая! Спрячь ноги подъ одѣяло, вотъ такъ... Хоть бы халатикъ на себя накинула, говорила Наташа, укутывая сестру и ощупывая ея похолодѣвшія руки и плечи.

— Я не могла взять халатика, боялась разбудить Колю, онъ только-что заснулъ.

Она обвила руками шею сестры, прижалась мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ ея щекѣ и прошептала:—Какъ мы несчастны, Наташа! Еслибъ ты только знала, какъ мы несчастны!

— Да что такое? Чѣмъ вы несчастны?

— Нѣтъ, ты представить себѣ не можешь!

— Успокойся и расскажи мнѣ все, тебѣ легче будетъ.

— Можетъ быть... я не знаю... но только молчать я больше не въ силахъ, меня это душитъ...

— Что такое? Какое у тебя горе?

— Я и сама не знаю, но я тебѣ все скажу... Началось эта съ той ночи, когда я съ нимъ встрѣтилась... И раньше находила тоска по временамъ, но ужь послѣ этой встрѣчи я мѣста себѣ нигдѣ не могу найти.

— Встрѣчи съ кѣмъ? Я ничего не понимаю!

— Съ Сергѣемъ...

— Съ Сергѣемъ Алексѣвичемъ? почти вскрикнула отъ изумленія Наташа.

— Да. И вотъ съ тѣхъ поръ...

— Гдѣ? когда? перебила ее сестра.

— Въ прошломъ году. Я ѣхала изъ Тѣплица въ Дрезденъ, одна. На границѣ, знаешь, тамъ, гдѣ вагоны мѣняють и вещи осматривають, ночью это было, иду я по платформѣ и вдругъ вижу, у фонаря, онъ стоитъ. Меня точно чтò толкнуло, и я пошла прямо къ нему... Для чего—сама не знаю. Онъ замѣтилъ меня тогда только, когда я совсѣмъ близко къ нему подошла... Лицо у него исказилось... знаешь его привычку стискивать губы, когда онъ чѣмъ-нибудь разсерженъ или огорченъ? У него было такое лицо, когда онъ пришелъ мнѣ сказать, что мать его умерла... а также, когда онъ сидѣлъ у васъ въ гостиной, у двери возлѣ окна, помнишь, когда тамап спорила съ адвокатами о дѣтяхъ? О, я такъ хорошо знаю у него это лицо!

— Ну, и что жъ дальше?

— Какъ узналъ меня, тотчасъ отвернулся и скоро, скоро пошелъ къ выходу, а я за нимъ...

— Да зачѣмъ же? Зачѣмъ ты за нимъ пошла?

— Почему я знаю! Развѣ я могла о чемъ-нибудь думать въ эту минуту? Я ничего не понимала, ничего не видѣла и не слышала, мнѣ хотѣлось ему сказать что-то такое... теперь я ужь не помню, что именно, но тогда это казалось такъ важно, такъ важно... Я не умѣю объяснить, но мнѣ казалось, что если я потеряю его изъ виду—все пропало, я умру или что-нибудь еще хуже случится...

— Хорошо, хорошо, но рассказывай дальше. Говорила ты съ нимъ?

— Вотъ, тутъ случилось что-то такое... кругомъ народъ, пассажиры, носильщики, бѣгутъ, торопятся, толкаются, кричатъ, я ничего не слышу, и вдругъ, на меня надвинулось что-то огромное, потомъ оказалось—телѣжка съ чемоданами—и ударило въ ногу такъ, что искры у меня посыпались изъ

глазъ отъ боли. Я упала. И знаешь, падаю, а сама все смотрю въ ту сторону, куда онъ идетъ, и такъ мнѣ было горько при мысли, что я его потеряю, такъ горько, что я не стерпѣла и закричала: Сережа! Онъ обернулся. А ужъ около меня хлопочуть, поднимаютъ меня, разспрашиваютъ... Онъ кинулся ко мнѣ, всѣхъ растолкавъ, обнялъ меня за талью, приподнялъ и спрашиваетъ: очень ли мнѣ больно и могу ли я дойти до вокзала? И мы пошли вмѣстѣ, тихо, тихо. Минуть десять онъ меня почти несъ на рукахъ и все спрашивалъ: больно ли мнѣ? Могу ли я ѣхать? Встрѣтитъ ли меня кто-нибудь на вокзалѣ въ Дрезденѣ? И я видѣла, что ему меня жалко, что у него рвется сердце ко мнѣ, что онъ меня все по-прежнему любитъ!.. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и рука, которой онъ обнималъ меня, вотъ какъ дрожала! И мнѣ было такъ хорошо, такъ хорошо, ну вотъ, точно я дома.

— Какъ это—дома? удивилась Наташа.

— Ну да, точно меня долго, долго таскали по чужимъ мѣстамъ, и вдругъ я очутилась дома. Ну, представь себѣ, ты въ театрѣ, или въ концертѣ, или на балѣ, ну, гдѣ-нибудь, гдѣ весело, свѣтло, пріятно, гдѣ ты наслаждаешься, но это длится долго, такъ долго, что ты начинаешь уставать наконецъ, и тебѣ отдохнуть хочется, а тебя все кружатъ, все подчуютъ, все заставляютъ наслаждаться, и вдругъ—все это кончилось, тихо, спокойно, чужихъ около тебя нѣтъ—ты дома. Вотъ что я испытала, когда встрѣтилась съ нимъ. До этого меня томила безотчетная тоска, я нигдѣ мѣста себѣ не находила. Коля говорилъ: это потому, что мы слишкомъ много страдали, у насъ еще душа больна, мы не можемъ привыкнуть къ счастью, и я тоже думала, что это отъ этого, но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все хуже и хуже...

— А потомъ что было? спросила Наташа.

— Потомъ? Потомъ ничего. Онъ посадилъ меня въ вагонъ, помогъ мнѣ протянуть больную ногу... а тутъ, послѣдній звонокъ, и онъ тотчасъ вышелъ изъ вагона, не оглядываясь. Онъ говорилъ мнѣ то „ты“, то „вы“... Забудется, скажетъ: „Вѣринька... ты“, а потомъ опять: „Вѣра Васильевна“. Когда онъ спросилъ, встрѣтятъ ли меня въ Дрезденѣ? и я сказала: „да“, у него чуть было не сорвалось съ языка: „кто?“ Но онъ воздержался, вспомнивъ вѣрно, что теперь ему ужъ нельзя разспрашивать. Ахъ, Наташа, какъ мнѣ было тяжело, когда я оста-

лась одна, опять среди чужихъ! Какъ тоскливо, какъ жутко! И вотъ до сихъ поръ эта тоска не проходитъ.

— А Николай Николаевичъ? Развѣ ты его больше не любишь?

— Ахъ, Боже мой! Люблю я его, люблю! Но тутъ... только любовь, а тамъ... ну, тамъ... совсѣмъ другое!.. Ну, что жъ мнѣ дѣлать? Скажи, что жъ мнѣ дѣлать?

— Уѣхать подальше и какъ можно скорѣе забыть, начала было Наташа, но смолела, убѣдившись, что ее не слушаютъ. Вѣра все громче и громче рыдала, прижимаясь къ ней.

Разсвѣтало. Сквозь спущенныя драпировки оконъ стало просвѣчивать восходящее солнце.

— Господи! ужъ день! вскричала въ испугѣ Вѣра. — Онъ проснется, увидитъ, что меня нѣтъ, и сейчасъ догадается, что я къ тебѣ пошла.

Она торопливо стала закалывать выбившіеся изъ-подъ гребенки волосы, но пальцы ея такъ дрожали отъ волненія, что она не могла справиться съ непослушными прядями.

— Успокойся, онъ, вѣрно, спитъ, ты всего только съ полчаса у меня пробыла, сказала Наташа.

— Спитъ? Да вотъ ужъ скоро годъ — онъ почти не спитъ по ночамъ! И я тоже. Не могу же я спать, когда я чувствую, что около меня человѣкъ мучится!

Она пошла къ двери.

— Надѣнь на себя хоть мое что-нибудь, вѣдь ужъ свѣтло, могутъ увидѣть, посоветовала ей сестра.

Вѣра схватила со стула пеньюаръ, накинула его себѣ на плечи и поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Ну что, согласны вы теперь со мной, что ей надо переселиться отсюда на югъ Россіи или заграницу? спросилъ Ахлебевъ у Наташи, провожая ее на слѣдующій день въ городъ, къ двѣнадцати-часовому поѣзду.

— Вамъ обоимъ не мѣшаетъ развлечься новыми впечатлѣніями, замѣтила уклончиво Наташа.

— Ну, мнѣ-то придется, можетъ быть, еще дальше уѣхать, процѣдилъ онъ сквозь зубы.

А затѣмъ, остановивъ на ней пристальный взглядъ, онъ продолжалъ:

— А знаете ли вы, когда она разлюбила меня? Съ той самой минуты, когда Сергѣй согласился на разводъ, вотъ съ какихъ поръ она меня ненавидитъ. Да, ненавидитъ! вдругъ съ силой прибавилъ онъ, не дожидаясь отвѣта.

Наташа ничего на это не возражала. Они доѣхали до вокзала молча.

Н. СЕВЕРИНЪ.

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯДЪ.

Въ послѣднюю турецкую кампанію ¹⁾.

...Дѣйствія передоваго отряда генерала Гурко, до настоящаго времени, не были еще описаны съ надлежащею полнотою и вѣрностію. Отчасти вслѣдствіе этого, отчасти же вслѣдствіе невѣрныхъ отрывочныхъ разсказовъ, явившихся тотчасъ послѣ кампаніи, относительно этихъ дѣйствій господствуютъ самыя разнообразныя и, по большей части, невѣрныя и сбивчивыя представленія и сужденія. Это побуждаетъ насъ, не выжидая появленія въ свѣтъ полнаго описанія дѣйствій передоваго отряда, предложить вниманію читателей систематическое, хотя и краткое изложеніе хода событій. Это систематическое изложеніе хода событій, основанное на подлинныхъ документахъ,

¹⁾ Печатаемая статья еще при жизни автора, безвременно и неожиданно скончавшагося, предназначалась имъ для „Русскаго Вѣстника“. По просьбѣ редакціи товарищъ и замѣститель по службѣ покойнаго, генераль А. К. Пузыревскій, розыскалъ рукопись, которая оказалась незаконченной и съ пробѣлами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для помѣщенія соответствующихъ документальныхъ ссылокъ. Обработку статьи въ смыслѣ подбора необходимыхъ документовъ (имѣвшихся въ бумагахъ автора) взялъ на себя одинъ изъ участниковъ описываемыхъ событій, нынѣ генераль-маіоръ Сахаровъ. Богатство содержанія печатаемой статьи, подлинность и важность документовъ, лежащихъ въ ея основаніи, разъясненія мотивовъ принятыхъ рѣшеній и соображенія, даваемая лицомъ, занимавшимъ въ штабѣ такое положеніе, какъ Д. С. Нагловскій,—все это дѣлаетъ его статью первоисточникомъ при изученіи описываемыхъ событій.

*

даетъ возможность читателямъ самимъ сдѣлать тотъ или другой выводъ, самимъ придти къ тому или другому заключенію; а потому мы, съ своей стороны, воздержимся отъ всякаго заключенія и вывода.

Передовой отрядъ былъ сформированъ тотчасъ по переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Въ составъ его вошли слѣдующія части:

	Батал.	Пѣш. ор.	Эскадроны и сотни.	Конныя орудія.
4-я стрѣлковая бригада генерала Цвѣцинскаго	4	14 горныя	—	—
Болгарское ополченіе ген. Столѣтова	6	—	—	—
Сводный гвардейскій по- луэскадронъ	—	—	1/2	—
Сводная драгунская бри- гада, изъ 8-го Астра- ханскаго и 9 Казан- скаго полковъ и 16-й конной батареи Его Императорскаго Высоч- ества Евгенія Макси- миліановича герцога Лейхтембергскаго . .	—	—	8	6
Сводная бригада изъ 9 гусарскаго Кіевскаго и 30 донскаго казачьяго п. и 10-й донской ка- зачьей батареи Его Им- ператорскаго Высочече- ства Николая Макси- миліановича герцога Лейхтембергскаго . .	—	—	10	6
Сводная казачья бриг. изъ 21 и 26 донскихъ казач. полковъ, и 15-ой донской каз. батареи, полковника Чернозу- бова	—	—	12	6
Кавказская казачья бри- гада изъ 2-аго Кубан- скаго и Теркс-Осетин-				

	Батал.	Пѣш. ор.	Эскадроны и сотни.	Конныя орудія.
скаго полковъ и конногорной донской № 1 бат., полковника Тутолмина.	—	—	12	8
Уральская сотня и сборная конно-саперная команда подъ общимъ начальствомъ полк. гр. Роникера	—	—	1	—
Двѣ роты Кубанскихъ пластуновъ		$\frac{1}{2}$	—	—
	Всего $10\frac{1}{2}$,	14	$43\frac{1}{2}$	26 и 1 команда.

Начальникомъ отряда былъ назначенъ начальникъ 2-й гвард. кавалер. дивизіи генералъ Гурко; но такъ какъ, во времени сформированія отряда, ген. Гурко еще не прибылъ въ дѣйствующую армію, то, до его пріѣзда, командующимъ отрядомъ былъ назначенъ генералъ Раухъ.

Въ предписаніи полевого штаба генералу Рауху, данномъ 20 іюня въ Зимницѣ, цѣль дѣйствій отряда была выражена слѣдующимъ образомъ:

„Великій князь главнокомандующій даетъ слѣдующее назначеніе отряду:

Отрядъ долженъ, послѣ переправы черезъ Дунай кавалеріи и болгарскаго ополченія, выдвинуться впередъ, въ направленіи Тырново и Сельви (согласно указаннаго въ прилагаемомъ маршрутѣ) съ цѣлью развѣдать о расположеніи противника, собрать свѣдѣнія о дорогахъ въ горы и о состояніи въ настоящее время проходовъ черезъ Балканы и приготовиться къ движенію въ горы.

Затѣмъ, когда послѣдуетъ особое приказаніе главнокомандующаго, отрядъ долженъ будетъ двинуться впередъ и стараться овладѣть проходами черезъ Балканы, а кавалерію выслать еще далѣе впередъ, съ цѣлію поднять болгарское населеніе, оказать ему поддержку и расбѣять турецкіе отряды, еслибы таковыя оказались въ незначительныхъ силахъ. Если это будетъ достигнуто, то, подъ прикрытіемъ передоваго отряда, будетъ приступлено къ разработкѣ путей для возможности движенія черезъ горы обозовъ и тяжестей.

Примѣрный порядокъ первоначальнаго движенія какъ главныхъ силъ отряда, такъ и прочихъ частей арміи, виденъ изъ прилагаемыхъ маршрутовъ.

Изъ этихъ маршрутовъ ваше превосходительство усмотрите, что при первоначальномъ движеніи, кавказская бригада отряда должна двинуться отдѣльно отъ отряда, сначала съ 35-ю пѣх. дивизією, затѣмъ съ 9-мъ корпусомъ.

Когда корпусъ этотъ займетъ положеніе, которое достаточно обезпечитъ правый флангъ арміи, тогда часть корпуса, предшествуемая кавказскою бригадою, направится въ горы черезъ Ловчу, причѣмъ кавказской бригадѣ будетъ, по всей вѣроятности, дано такое направленіе, чтобы она проникла черезъ Балканы и вышла во флангъ и тылъ тѣмъ непріятельскимъ отрядамъ, которые будутъ защищать проходы противъ колоннъ передоваго отряда“.

Изъ этого предписанія оказывается, что цѣлю дѣйствій отряда было: 1) развѣдка о непріятелѣ въ районѣ Тырново-Сельви; 2) овладѣніе перевалами; 3) поднятіе противъ турокъ болгарскаго населенія въ долинахъ Тунджи и Марицы помощію выдвигенія впередъ кавалеріи, и 4) прикрытіе проходовъ черезъ Балканы до перехода по нимъ остальной арміи.

Этимъ же предписаніемъ кавказская армія отдѣлялась временно отъ передоваго отряда и поступала сначала въ распоряженіе начальника 35-й пѣх. дивизіи, а затѣмъ командира 9 корпуса. Соединиться вновь съ отрядомъ она должна была въ далекомъ будущемъ послѣ перехода ея черезъ Балканы. Въ дѣйствительности она никогда къ отряду не присоединилась, а слѣдовательно отрядъ сразу уменьшался на 12 сотенъ и 8 орудій, и съ самаго начала своихъ дѣйствій имѣлъ въ своемъ составѣ не 43¹/₂ эскадроновъ и сотенъ и 26 конныхъ орудій, а 31¹/₂ эскадронъ и сотенъ и 18 к. ор.

24 іюня прибылъ къ двигавшемуся для выполненія возложенныхъ на него задачъ отряду генералъ Гурко и на другой день, 25 іюня, предпринялъ рекогносцировку города Тырнова. Эта рекогносцировка, какъ извѣстно, обратилась въ атаку и окончилась овладѣніемъ городомъ.

По вятіи Тырнова, тотчасъ же было приступлено къ собранію свѣдѣній о непріятелѣ и горныхъ проходахъ и къ составленію плана овладѣнія ими.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что хотя непріятель и собралъ довольно значительныя силы въ долинѣ Тунджи,

между Казанлыкомъ и Сливно, но не успѣлъ еще занять проходы достаточными силами, а нѣкоторые изъ нихъ и вовсе не были заняты имъ. Наибольшее вниманіе турокъ было обращено на Шибкинскій переваль, гдѣ возводились довольно сильныя укрѣпленія. Число турецкихъ войскъ не было извѣстно даже приблизительно. Вообще, такъ какъ свѣдѣнія о туркахъ можно было собирать только помощію болгаръ, безъ повѣрки ихъ нашими развѣздами, то свѣдѣнія эти были весьма туманны и неопредѣленны. Что касается до горныхъ проходовъ, то, въ этомъ отношеніи, болгары доставили намъ очень точныя и ясныя свѣдѣнія. Самыми лучшими и болѣе всего посѣщаемыми проходами считались—Шибкинскій и два Елененскіе (одинъ изъ нихъ идетъ на Твардицу, а другой на Сливно).

Менѣе удобными проходами считались — Травненскій и Кредичскій (около Твардицы). Наконецъ, самыми трудными признавались проходы на Якенли и Хаинъ-Кей. Въ особенности трудно-доступнымъ считался проходъ Хаинъ-Кейскій; турки никогда его не посѣщали, и онъ считался ими проклятымъ, такъ какъ, по преданіямъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, этимъ проходомъ двигалась большая турецкая армія, которая погибла въ немъ вся до единого человѣка. Съ тѣхъ поръ, по словамъ болгаръ, ни одинъ турокъ не рѣшался вступать въ коварный Хаинъ-Богазъ (ущеліе Хама).

Соображая всѣ эти свѣдѣнія, генераль Гурко рѣшилъ двинуться по Хаинъ-Кейскому проходу, рассчитывая, что на этомъ пути мы встрѣтимъ самое слабое сопротивленіе, и упоая, что русскій солдатъ сумѣетъ преодолѣть всѣ трудности, какъ бы велики онѣ ни были.

Выбравъ путь для движенія отряда, было приступлено къ составленію плана дѣйствій. Въ основаніе этого плана генераль Гурко положилъ неожиданность появленія отряда въ долину Тунджи и то сильное нравственное впечатлѣніе, которое должна была произвести на турокъ эта полная для нихъ неожиданность. Затѣмъ по выходѣ отряда въ долину Тунджи, генераль Гурко предполагалъ, оградивъ себя со стороны Іени-Загры и Сливно, повернуть отрядъ на западъ и, овладѣвъ Казанлыкомъ, выйти въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимавшимъ Шибкинскій переваль. Для обезпеченія успѣха этого плана, генераль Гурко предписалъ произвести кавалерійскія демонстраціи—одну черезъ Габрово на Шибку, другую черезъ Елену на Беброво и Сливно. Оба демонстративные отряда должны были

распространять слухъ, что за ними движутся большія силы русскихъ, а болгары должны были принять мѣры, чтобы слухи эти проникли за Балканы.

Для болѣе обстоятельнаго изслѣдованія пути на Хаинъ-Кей и для возможнаго по краткости времени улучшенія его былъ высланъ авангардъ подъ начальствомъ генерала Рауха, въ составъ котораго вошла уральская казачья сотня и конно-саперная команда полковника гр. Роникера, значительно облегчившія своими работами отряду трудности преодоленія препятствій.

Такъ какъ по трудности предстоявшаго пути нельзя было рассчитывать на скорое движеніе въ горахъ обозовъ, то чтобы не задерживать движенія отряда, рѣшено было идти на вьюкахъ, которые были приготовлены во время 4-хъ-дневной стоянки въ Тырновѣ; весь же форменный обозъ былъ оставленъ въ городѣ. Продовольствіе отряда было основано на реквизиціяхъ; въ странѣ скота было много, слѣдовательно, голодать отрядъ не могъ; только довольствіе хлѣбомъ могло встрѣтить нѣкоторое затрудненіе, но и то только въ дни передвиженій, во время же стоянокъ рассчитывалось получить хлѣба въ достаточномъ количествѣ въ городахъ и большихъ селеніяхъ. Примѣръ пребыванія въ Тырновѣ свидѣтельствовалъ, что небольшой передовой отрядъ всегда можетъ получить хлѣба отъ жителей въ достаточномъ количествѣ.

Про запасъ же было взято сухарей на 5 дней, и было приказано смотрѣть на нихъ, какъ на неприкосновенный запасъ, расходовать который дозволялось не иначе, какъ по особымъ приказаніямъ начальника отряда. Кромѣ того возлагалась нѣкоторая надежда на отбитіе продовольственныхъ запасовъ у турокъ; и надежда эта оправдалась въ широкихъ размѣрахъ. Можно сказать, что въ долинѣ Тунджи отрядъ жилъ по части мяса насчетъ турокъ, и надо сказать, что люди передоваго отряда ѣли хорошо, даже роскошно. Къ числу роскоши можно напр. отнести великолѣпный борщъ изъ виноградныхъ листьевъ съ бараньимъ саломъ и мясомъ. Продовольствіе лошадей было исключительно основано на средствахъ страны, такъ какъ средствъ этихъ было въ изобиліи. Но тѣмъ не менѣе былъ взятъ съ собою 3-хъ-дневный неприкосновенный запасъ ячменя.

Что же касается до боевыхъ припасовъ, то приказано было взять на людяхъ возможно болѣе патроновъ, не ограничиваясь

только патронными сумками, но наполнить ими и карманы людей. За всёѣмъ тѣмъ, нельзя сказать, чтобы огнестрѣльными припасами отрядъ былъ вполне обеспеченъ; но дѣлать было нечего—вести парки черезъ перевалы было невозможно; а потому ничего не оставалось, какъ взять на людяхъ возможно большее число патроновъ и затѣмъ ожидать открытія пути для парковъ черезъ Шибкинскій перевалъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, ген. Гурко рекомендовалъ всёѣмъ начальникамъ возможно большую экономію въ расходованіи патроновъ и отбирать патроны отъ раненыхъ и убитыхъ. Артиллерія имѣла при себѣ только одинъ комплектъ снарядовъ и увеличить его не имѣла возможности, а потому она должна была расходовать ихъ еще съ большею осмотрительностью, чѣмъ пѣхота. Еще слабѣе былъ снабженъ отрядъ лазаретными припасами: взять лазаретныя линейки до разработки пути нечего было и думать; а потому пришлось ограничиться лишь тѣмъ, что можно было взять во въюкахъ. Къ счастью, въ долину Тунджи раненыхъ въ отрядѣ было не много и того, что было взято съ отрядомъ, хватило въ избыткѣ.

Сдѣлавъ всё соображенія и распоряженія, ген. Гурко послалъ слѣдующее донесеніе великому князю главнокомандующему:

Тырново, 29 іюня.

Ваше Императорское Высочество

Вчера, въ 6 ч. утра, я имѣлъ счастье отправить Вашему Императорскому Высочеству съ поручикомъ Мухановымъ подробное донесеніе обо всемъ узанномъ мною о неприятелѣ. Сегодня, благодаря Бога, я получилъ и подтвержденіе и дополненія къ симъ свѣдѣніямъ. Вчера вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ болгаринъ изъ Габрово, студентъ московскаго университета, человекъ на видъ очень энергичный, и доложилъ мнѣ слѣдующее: въ понедѣльникъ прибыли на Шибкинскій перевалъ арабскія войска (кто говоритъ 2, кто 3, а самые робкіе 5 таборовъ) и толпа баши-бузукъ. Всѣ турецкія власти, до послѣдняго, покинули Габрово и Травно, а болгары вооружились чѣмъ могли и баррикадировали дорогу подъ турецкими укрѣпленіями, которыя далеко еще не окончены, а главное пока еще ничѣмъ не вооружены, хотя, при постройкѣ ихъ имѣлось въ виду вооружить ихъ крупновскими орудіями, для чего подъемъ отъ Казанлыка до перевала исправленъ. До понедѣльника на перевалѣ было всего 200 чел. мустахфиза. Имѣютъ ли

при себѣ арабскія войска орудія, никто не слышалъ. Обходныя вьючныя дороги, идущія въ обходъ перевала Шибки, не только не вооружены, но, изъ страха мѣстныхъ жителей, даже не наблюдаются баши-бузуками.

Къ сторонѣ Шумлы все одно другое подтверждающія извѣстія, что все туда бѣжить безъ оглядки.

Я распространяю слухъ, что иду на Елену и Беброво, а дѣйствительно мой планъ слѣдующій:

Вчера, въ 6 ч. вечера, выступилъ съ бивака конно-піонерный дивизионъ и сію минуту получилъ отъ него донесеніе, что онъ къ 9 ч. дошелъ до Плякова.

Завтра, въ 3 ч. утра, я снимаюсь съ бивака съ драгунскою, казачьею и стрѣлковыми бригадами, 4-мя дружинами болгаръ и однимъ полкомъ сводной кавалерійской бригады и слѣдую на Пляково, Войнешти, Паровцы въ Хаинъ-Кей и сдѣлаю въ первый день сколь возможно больше, судя по жарѣ и утомленію людей. Послѣ завтра переваливаю за Балканы, на которыхъ ставлю, судя по позиціи 2 или 3 дружины болгаръ, съ остальными, заслонивъ себя со стороны Сливно, сворачиваю на Казанлыкъ, куда приду, во что бы то ни стало, 3 числа утромъ.

Въ тотъ же день (т. е. 30 іюня) командиръ казачьей сотни, которая сегодня утромъ направлена на Габрово, съ самаго утра, изъ всѣхъ силъ демонстрируетъ противъ Шибкинскаго перевала; а болгаринъ, который былъ у меня вчера вечеромъ, получить отъ сотеннаго командира въ Габровѣ запечатанный конвертъ, въ которомъ я объявляю ему мои намѣренія и прошу, чтобы болгары дали бы понять туркамъ, что за сотнею идетъ не вѣсть что. Затѣмъ, если мнѣ Богъ поможетъ взять Казанлыкъ, а слѣдовательно и перевалъ, то если тотъ путь, по которому я перевалю черезъ Балканы, окажется неудобнымъ для прохода войскъ, то я оставляю на немъ одну дружину для прегражденія его мелкимъ шайкамъ, а остальными займу оборонительную позицію въ Казанлыкѣ и Шибкѣ. Остальное отъ Бога.

Продовольствіе. Живу на счетъ города, иду съ 5-ти-дневнымъ запасомъ сухарей и 3-хъ дневнымъ фуража, въ видѣ неприкосновеннаго запаса на черный день, и буду жить на счетъ страны. Здѣсь громаднѣйшій складъ зерна и двѣ мельницы, чтобы его перемалывать. Въ Дряновѣ и Габровѣ также имѣются огромные запасы; на первомъ наложены уже наши пе-

чати, въ Габровѣ же будутъ наложены сегодня и отданы подъ охрану жителей. Въ Пляковѣ заготовленъ хлѣбъ для моего отряда. Все можно имѣть; но для этого надо имѣть интенданта, а мой пропалъ безъ вѣсти. Слѣдовательно, продовольствіе арміи обезпечено на нѣсколько дней. На сколько именно, — съ точностью опредѣлить боюсь, не имѣвъ времени провѣрить количество запасовъ. Самъ всего не сдѣлаешь.

Генералъ-лейтенантъ Гурко.

30-го іюня началось движеніе отряда въ горы. Но съ самаго начала этого движенія, встрѣтились большія задержки, значительно замедлившія выступленіе отряда и долженствовавшія отразиться на скорости исполненія всего плана.

Объ этихъ задержкахъ генералъ Гурко писалъ главнокомандующему, утромъ 30 іюня слѣдующее: „выступленіе мое изъ Тырнова послѣдуетъ не въ 3 ч. утра, а въ 9 ч. утра, ибо мой безобразный вагенбургъ, ломаясь и приостанавливаясь на каждомъ шагу, началъ свое вступленіе въ Тырново вчера въ 7 часовъ утра, окончивъ его только въ 10-мъ часу вечера.

„Съ нашимъ форменнымъ обозомъ не мыслимо идти за Балканы: онъ туда не подыметъ. Я счастливъ, что иду на вьюкахъ.

„Вслѣдствіе того, что, благодаря вагенбургу, изъ котораго мнѣ слѣдовало взять 5-ти-дневный запасъ сухарей, я потерялъ 6 дорогихъ для пѣхоты утреннихъ часовъ, я подойду къ Казанлыку не 3-го іюля, а 4-го“.

Еще наканунѣ выступленія отряда, 29 іюня, было получено слѣдующее письмо отъ помощника начальника штаба арміи:

Милостивый Государь

Іосифъ Владиміровичъ.

„Великій князь приказалъ сообщить вашему превосходительству, что онъ вполне одобряетъ ваши предположенія и распоряженія, имѣющія цѣлію занятіе проходовъ въ Балканахъ. Но при этомъ великій князь приказалъ сообщить, что вамъ необходимо ограничиться только занятіемъ переваловъ и *выходомъ* изъ нихъ, и далѣе, до полученія на то приказаній, — не двигаться. Для поддержанія вашего движенія на проходѣ Шибки, великій князь направитъ 2 іюля изъ Тырново на Драново и Габрово полкъ пѣхоты съ батареею изъ 2-й бригады 9 пѣх. дивизіи, которая прибудетъ въ Тырново завтра, 30 іюня, около 10 - 11 ч. утра.

„Вообще расположеніе 8 корпуса будетъ слѣдующее:

„Бригада 9-й пѣхотной дивизіи займетъ Тырново, 1 полкъ будетъ высланъ на путь въ Османъ-Базаръ и одинъ полкъ — въ Габровѣ, или на Шибкѣ, какъ укажутъ обстоятельства.

„14-я пѣхотная дивизія останется временно около Баруша, на р. Янтрѣ, у моста черезъ р. Русситу.

„Но въ этомъ расположеніи до 3—4 іюля имѣется только одинъ казачій полкъ, состоящій при корпусѣ и совершенно измученный.

„Поэтому желательнo получить отъ васъ сообщеніе: съ какою именно цѣлю вы оставили въ Тырновѣ Кіевскій гусарскій полкъ и можно ли имъ распорядиться для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Османъ-Базара, конечно временно, до прибытія 3 кавалерійской дивизіи?

„Въ какомъ направленіи желаете двинуть оставленные въ Тырновѣ дружины? Не направить ли ихъ въ Габрово и Шибку 1-го іюня, чтобы онѣ, будучи въ переходѣ впереди полка 9-й пѣхотной дивизіи, 2-го числа заняли Габрово, а 3-го начали наступленіе на Шибку и привлекли туда вниманіе турокъ, въ то время какъ вы будете подходить со стороны Казанлыка“.

29 іюня.

Каз. Левицкій.

Это письмо нѣсколько встрѣвсжило генерала Гурко, такъ какъ указывало на возможность ослабленія отряда еще на 2 дружины и на одинъ гусарскій полкъ. Отрядъ и безъ того не былъ силенъ; положеніе его въ долинѣ Тунджи, въ виду превосходныхъ силъ турокъ, и безъ того было очень рискованно, а между тѣмъ предлагавшіеся вопросы указывали на возможность еще большаго ослабленія отряда. Вслѣдствіе этого въ двухъ письмахъ, отправленныхъ 30 іюня къ великому князю главнокомандующему, одно изъ Тырново, а другое съ бивака у среднихъ Колыбъ, генераль Гурко просилъ не задерживать эти части, а доволить имъ идти въ хвостѣ общей колонны, въ видѣ арріергарда. Это желаніе было исполнено, и упомянутыя выше части присоединились къ отряду въ Хайнъ-Кеѣ.

Съ другой стороны приказаніе остановиться въ Казанлыкѣ, т. е. у выхода изъ горъ, и далѣе не двигаться — тоже нѣсколько смутило генерала Гурко. Конечно, во время слѣдованія отряда по горному проходу, нельзя еще было составлять какихъ-либо плановъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, такъ какъ въ то время на отрядѣ и безъ того лежала весьма трудная задача, да и обстановка, которую встрѣтитъ отрядъ по овладѣніи перевалами,

не была еще извѣстна. Однако жъ лишеніе отряда въ ближайшемъ будущемъ свободы дѣйствій, въ то время, когда онъ отдѣлялся отъ главныхъ силъ первокласснымъ хребтомъ горъ, когда всякое испрошеніе того или другаго движенія было неминуемо связано съ значительною потерю времени, и когда вся сила отряда заключалась именно въ свободѣ дѣйствій,—представлялось дѣломъ рискованнымъ. Съ другой стороны оставлять турецкіе отряды на южномъ склонѣ Каджа-Дага (малые Балканы) въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Казанлыка и Хаинъ-Кея казалось опаснымъ. Въ особенности представлялось опаснымъ оставлять во власти турокъ городъ Лени-Загру, такъ какъ этотъ городъ, лежащій на желѣзной дорогѣ, представлялъ конечный пунктъ для высадки подрѣзанныхъ и выгрузки разнаго рода боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ. Такъ какъ Лени-Загра отстоитъ отъ Хаинъ-Кея всего въ разстояніи 25 верстъ, то занятіе столь важнаго стратегическаго пункта представлялось въ то время совершенно необходимымъ; безъ этого же занятія все дѣло овладѣнія проходами представлялось какъ бы неоконченнымъ.

Въ силу этихъ соображеній, генералъ Гурко, съ бивака востѣ деревни Паровцы, 1 іюля въ 2 часа дня, писалъ великому князю главнокомандующему, между прочимъ, слѣдующее: „Для того чтобы мнѣ, занявъ Хаинъ-Кей, безъ опасности за свой путь отступленія, пойти на Казанлыкъ, желательно было бы, чтобы подъемъ отъ Хаинъ-Кея былъ занятъ войсками 8-го корпуса, около одной бригады.

„ Занятіе двухъ проходовъ и Казанлыка неминуемо будетъ имѣть очень сильное нравственное впечатлѣніе на турецкое населеніе, которое отразится и на войскѣ, и не воспользоваться симъ впечатлѣніемъ и не продвинуться далѣе, на Филиппополь или Германлы—было бы грѣшно. А не обезпечивъ за собою прохода, сего сдѣлать невозможно. Разъ въ долину, и не опасаясь за проходы, я, съ довольно смѣлою кавалеріею и артиллеріею, за свои дѣйствія не опасуюсь и прежде всего буду стараться лишить турокъ возможности высаживать свои войска въ Лени-Загрѣ. Занявъ передовыми войсками 8-го корпуса. Балканскіе проходы, можно будетъ оставаться въ этомъ положеніи до прихода главныхъ силъ, употребивъ это время на приведеніе въ удовлетворительное положеніе прохода на Хаинъ-Кей“.

Такимъ образомъ генералу Гурко въ то время хотѣлось,

передавъ оборону проходовъ войскамъ 8-го-корпуса, обезпечить передовому отряду свободу дѣйствій, каковою свободою онъ желалъ прежде всего воспользоваться для овладѣнія городомъ Лени-Загрою и отгѣсненія турокъ за р. Марицу. Вслѣдъ за отпращиваніемъ этого письма, начался подъемъ отряда на главный перевалъ. Послѣ неимоверныхъ трудовъ и усилій, войска достигли вершины перевала, а вечеромъ, передъ наступленіемъ темноты, начали спускаться въ столь негостеприимный для турокъ Хаинъ-Богазъ.

На другой день, 2 іюля, рано утромъ, отрядъ дебушировалъ въ долину Тунджи. Около деревни Хаинъ-Кей стоялъ лагерь таборъ турецкихъ войскъ, который былъ захваченъ совершенно врасплохъ. Подъ выстрѣлами стрѣлковъ, турки выбѣгали изъ палатокъ и, не успѣвъ даже выстроиться, поспѣшно отступали по направленію къ Твардицѣ.

Вечеромъ, около 6 ч., турки однако успѣли получить подкрѣпленіе, силою около 2-хъ баталіоновъ и перешли въ наступленіе. Но стрѣлки принудили ихъ къ отступленію и преслѣдовали до наступленія темноты.

Въ оба эти дѣла мы потеряли 3-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ. Такимъ образомъ дебушированіе передоваго отряда въ долину р. Тунджи обошлось передовому отряду сравнительно очень дешево. У турокъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Хаинъ-Кея, было 4 баталіона пѣхоты, и несомнѣнно, что еслибы они знали о нашемъ движеніи и успѣли бы приготовиться къ оборонѣ, то выходъ изъ ущелія вызвалъ бы несравненно большія потери. Если же принять во вниманіе, что въ разстояніи менѣе чѣмъ 25 верстъ въ Лени-Загрѣ, было еще нѣсколько таборовъ турокъ, которые при своевременномъ извѣстіи могли во время поспѣть къ Хаинъ-Кею, то успѣхъ всей операціи могъ быть скомпрометтированъ. Только благодаря принятымъ мѣрамъ къ скрытію движенія, вслѣдствіе чего наше появленіе оказалось полною для турокъ неожиданностію, намъ удалось такъ легко и съ такими небольшими жертвами благополучно совершить трудную операцію—выхода изъ тѣснаго ущелія въ долину р. Тунджи.

3 іюля въ 2 ч. 10 мин. дня, генералъ Гурко доносилъ о переходѣ черезъ Балканы великому князю главнокомандующему слѣдующее: „Считаю долгомъ засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, о тѣхъ неимоверно тяжелыхъ трудностяхъ, которыя были перенесены вой-

сками ввѣреннаго мѣ отряда во время прохода по мало разработанному горному проходу. Въ особенности тяжело было вывозить орудія конныхъ батарей. Что же касается до перевозки зарядныхъ ящиковъ, то они потребовали почти сверхъестественныхъ усилій. Только русскій солдатъ могъ пройти въ три дня и провести полевныя орудія по столь тяжелому ущелію. Справедливость требуетъ сказать, что болгарское ополченіе нисколько не отставало отъ остальныхъ войскъ въ дѣлѣ преодоленія трудности движенія. Я уже доносилъ Вашему Императорскому Высочеству, что для рекогносцировки ущелія и разработки пути былъ посланъ впередъ генералъ Раухъ съ конно-саперною командою. Порученіе свое генералъ Раухъ выполнилъ блестящимъ образомъ и въ значительной степени облегчилъ войскамъ трудности перехода. Положительно можно сказать, что безъ этихъ предварительныхъ работъ войска не были бы въ состояніи совершить перехода черезъ Балканы въ 3 дня.

„ Со слѣдующимъ моимъ донесеніемъ, я представляю Вашему Императорскому Высочеству кроки всего прохода отъ деревни Пляково до деревни Хаинъ-Кей. Кроки это составлено находившимся при отрядѣ генерала Рауха генеральнаго штаба капитаномъ Сахаровымъ, и составляетъ, можно сказать, историческій документъ. Во время пути оно было мною провѣрено и найдено совершенно вѣрнымъ “.

Окончивъ первую часть всей операціи овладѣнія горными проходами, тотчасъ же было приступлено къ исполненію второй ея части, т. е. къ овладѣнію Казанлыкомъ и Шибкинскимъ переваломъ. Но для этого надлежало прежде всего обезпечить за собою выходъ изъ Хаинъ-Кейскаго ущелія. Вообще предстоящая операція была не легкая, потому, во-первыхъ, что около Казанлыка и Шибки было довольно много войскъ по имѣвшимся свѣдѣніямъ, не менѣе 10-ти баталіоновъ; во-вторыхъ же, главнымъ образомъ, потому, что приходилось удалиться отъ единственнаго пути сообщенія съ главными силами черезъ Хаинъ-Кей болѣе, чѣмъ на 40 верстъ, въ то время какъ значительныя силы турокъ въ Лени-Загрѣ находились отъ входа въ ущелье менѣе, чѣмъ въ 25-ти верстахъ. Къ тому же, благодаря желѣзной дорогѣ, турки могли значительно увеличить свой Лени-Загрскій отрядъ. Слѣдовательно, для совершенно надежнаго обезпеченія этого единственнаго пути сообщенія, который былъ въ то же время и единственнымъ путемъ отсту-

пленія, нужно было бы оставить довольно значительный отрядъ войскъ. Но весь отрядъ былъ и безъ того не великъ, а между тѣмъ операція противъ Казанлыка требовала тоже сосредоточенія значительныхъ силъ, слѣдовательно, желательно было взять съ собою возможно больше силъ, и потому оставлять въ Хаинъ-Кей много войскъ было невозможно.

Въ виду этой дилеммы рѣшено было: показать туркамъ видъ наступленія на Лени-Загру, заставить ихъ самихъ бояться за этотъ важный для нихъ пунктъ, и тѣмъ принудить ихъ отказать отъ мысли наступленія на Хаинъ-Кей; закрыться со стороны Лени-Загры густою цѣпью кавалерійскихъ постовъ, расположенныхъ по хребту Караджи-Дагъ, съ тѣмъ чтобы турки не могли своевременно узнавать о томъ, что дѣлается въ долинѣ р. Тунджи; и затѣмъ, оставивъ 4 болгарскія дружины у Хаинъ-Кея, съ остальными войсками идти на Казанлыкъ и по возможности быстро овладѣть этимъ городомъ, потомъ и Шибкинскимъ переваломъ, и тѣмъ открыть себѣ другой путь сообщенія съ арміею и другой путь отступленія.

Съ этою цѣлю, утромъ 3 іюля, были двинуты два демонстративныхъ отряда: одинъ изъ двухъ сотенъ 26-аго казачьяго полка, по ту сторону Караджи-Дага, на дорогу между Лени-Загрой и Ески-Загрой, и другой изъ уральской сотни по направленію къ Сливно. Оба эти отряда отлично выполнили свои задачи.

Между тѣмъ турки сами помогли намъ въ дѣлѣ введенія ихъ въ обманъ на счетъ нашихъ истинныхъ намѣреній. Около 4 ч. вечера, 3 іюля, отрядъ турокъ, состоявшій изъ 3-хъ таборовъ съ 2-мя орудіями, показался на горахъ по дорогѣ изъ Лени-Загры за деревнею Орезари. Встрѣченные казаками, турки остановились, не спускаясь съ горъ, и выставили орудія на позицію. По первому свѣдѣнію о появленіи этого отряда, ген. Гурко послалъ въ поддержку казакамъ Казанскій драгунскій полкъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ и двѣ дружины болгарскаго ополченія. Увидя при входѣ въ Хаинъ-Богазъ нашъ, широко раскинувшійся бивакъ и движеніе въ долинѣ, по дорогѣ въ Лени-Загру, колонны изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, турки, пришедшіе не съ боевою, а рекогносцировочною цѣлю, и довольные тѣмъ, что открыли наше движеніе на Лени Загру, начали отходить назадъ. Наши казаки и драгуны, замѣтивъ это движеніе, не дали имъ спокойно отойти и, насѣвъ со всѣхъ сторонъ, принудили ихъ къ поспѣшному отступленію, которое, по при-

чинѣ наступившей въ скоромъ времени темноты, обратилось въ формальное бѣгство.

Это, не особенно важное, съ боевой точки зрѣнія, дѣло имѣло для отряда громадное значеніе: во-первыхъ мы завладѣли всѣми перевалами черезъ Караджа-Дагъ; а во-вторыхъ, и это самое важное, изъ этого дѣла, а также изъ набѣга казаковъ въ долину Марицы, турки вынесли убѣжденіе, что мы хотимъ атаковать Лени-Загру, а потому въ слѣдующіе дни, выжидая нашей атаки, не предприняли никакой операціи противъ Хаинъ-Кѣя и тѣмъ дали возможность ген. Гурко совершить операцію противъ Казанлыка и Шибки съ полнымъ спокойствіемъ.

4 іюля, рано утромъ, оставивъ у выхода изъ Хаинъ-Кѣйскаго ущелья 4 дружины болгарскаго ополченія съ горными батареями, казачій полкъ и уральскую сотню, ген. Гурко двинулся съ 4 стрѣлковыми баталіонами, 2 сотнями пластуновъ, двумя дружинами болгарскаго ополченія съ 18¹/₂ эск. и сотнями и съ 16 конными орудіями, на Казанлыкъ. Движеніе совершалось двумя колоннами: одна изъ нихъ въ составѣ 6¹/₂ бат., 10 кон. орудій и 2 сотенъ шла по дорогѣ, лежащей у подошвы горъ; другая, въ составѣ 14¹/₂ эск. и сотенъ при 6 кон. оруд., — по дорогѣ возлѣ р. Тунджи. Для связи между ними направлены были по среднему направленію двѣ сотни казаковъ.

Между тѣмъ начальникъ турецкихъ войскъ, собранныхъ лагеремъ у дер. Шибки, Хулусси-паша, вслѣдствіе депеши Реуфа-паши, главнаго начальника всѣхъ турецкихъ войскъ, собранныхъ между Шибкой и Сливно, выслалъ 3-го іюля три баталіона, которые, соединившись съ баталіонами, отступившими 2-го іюля отъ Есекчи (южнѣе Хаинъ-Кѣя), должны были составить авангардъ Шибкинской дивизіи къ сторонѣ Хаинъ-Кѣя. Эти четыре батареи, подъ начальствомъ Рашидъ-бея, расположились вечеромъ 3 іюля возлѣ дер. Уфлани, и, въ теченіе ночи, возвели кое-какія полевныя укрѣпленія.

4 іюля, около 10 ч. утра, эти баталіоны встрѣтили правую колонну передоваго отряда и осыпали ее градомъ пуль. Возгорѣвшееся вслѣдъ за тѣмъ сраженіе окончилось полнымъ пораженіемъ турокъ. Атакованные съ фронта стрѣлковою бригадою, а съ праваго фланга и отчасти съ тыла, угрожаемые кавалеріею лѣвой колонны, турки, потерявъ громадное количество убитыхъ и раненыхъ, вынуждены были бѣжать въ горы и затѣмъ горными тропинками пробираться къ Шипкинскому

перевалу. Лишь незначительная часть турокъ успѣла бѣжать къ Казанлыку. Нѣкоторые же изъ нихъ, укрывшіеся на полѣ сраженія за разными закрытіями, бѣжали въ долину Марицы за Караджа-Дагъ.

Генераль Гурко, проѣзжая по полю сраженія и увидавъ массу турецкихъ труповъ, которые ясно свидѣтельствовали о степени понесеннаго ими пораженія, отдалъ приказаніе четыремъ дружинамъ болгарскаго ополченія, оставленнымъ въ Хаинъ-Кѣѣ, немедленно слѣдовать къ Казанлыку на соединеніе съ остальными силами передоваго отряда. Причина такой рѣшимости начальника отряда заключалась въ полученномъ убѣжденіи, что турки, узнавъ о столь сильномъ пораженіи, будутъ настолько потрясены духомъ, что не рѣшатся ни на какое наступленіе въ долину Тунджи. Моральное впечатлѣніе нанесеннаго туркамъ пораженія, говорилъ ген. Гурко, будетъ отнынѣ служить лучшимъ оплотомъ нашего пути отступленіемъ; а потому слѣдуетъ собрать силы для предстоящихъ дѣлъ, не разбрасывая ихъ даромъ по долинѣ р. Тунджи.

Вечеромъ, 4 іюля, отрядъ бивуакировалъ на рѣкѣ Маглишѣ, куда прибылъ уже поздно вечеромъ. До Казанлыка оставалось еще болѣе 10 верстъ, а отрядъ былъ сильно утомленъ 20-ти-верстнымъ слишкомъ переходомъ по сильной грязи и горячимъ 3—4 часовымъ боемъ. Къ тому же надо было подобрать раненныхъ, а также снять ранцы, мѣшки и шинели, сброшенные людьми для облегченія себя во время сраженія.

На другой день отрядъ выступилъ далѣе на Казанлыкъ— тремя колоннами.

Средняя колонна тотчасъ развернулась и, вызвавъ артиллерию на позицію, завязала перестрѣлку. Турки, тѣснимые съ фронта и лѣваго фланга пѣхотою, а съ правой угрожаемые кавалеріею, покинули свои передовыя позиціи и станулись къ Казанлыку. Здѣсь они вновь старались удержать наше наступленіе, но атакованные съ фронта и обойденные съ фланговъ покинули и эту послѣднюю позицію. Къ сожалѣнію, кавалерійская колонна, вмѣсто того чтобы, пользуясь обширною равниною, среди которой лежитъ Казанлыкъ, еще во время боя обойти городъ и отрѣзать туркамъ путь отступленія на Шибку, спѣшилась и открыла ружейную перестрѣлку, содѣйствуя пѣхотѣ въ овладѣніи позиціею съ фронта. Вслѣдствіе этого когда стрѣлки вошли въ восточную окраину города, а кавалерія, сѣвъ на коней, вступила въ городъ съ юга, турки по

спѣшно и относительно довольно благополучно ушли къ Шибкѣ, причѣмъ отрядъ потерялъ ихъ даже изъ виду. Пройдя Казанлыкъ, генераль Гурко двинулъ всю кавалерію на рысяхъ впередъ, приказавъ догнать турокъ и буде возможно задержать ихъ до прихода пѣхоты; стрѣлкамъ же было отдано приказаніе: послѣ крайне необходимаго краткаго отдыха двинуться за кавалерію.

Но турки уже успѣли уйти настолько далеко, что кавалерія достигла ихъ только у самой дер. Шибки, и то уже тогда, когда хвостъ ихъ взобрался на гору.

Поэтому задержать ихъ кавалеріи не представилось возможности, но все-таки она захватила весь ихъ лагерь, со всѣми припасами, тамъ собранными. Пѣхота отряда прибыла къ дер. Шибкѣ поздно вечеромъ.

Подойдя къ дер. Шибкѣ, въ штабѣ отряда были услышаны выстрѣлы, раздававшіеся по другую сторону перевала. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе сраженія подъ Казанлыкомъ, пѣхота подошла къ Шибкѣ слишкомъ поздно, а потому не было возможности, въ этотъ же день, оказать содѣйствіе атакѣ орловскаго полка, произведенной 5 іюля со стороны Габрова. Но чтобы дать знать о подходѣ отряда, ген. Гурко приказалъ 16 конной батареей произвести 3 залпа, которые, впрочемъ, какъ впоследствии оказалось, не были услышаны орловцами.

Въ то время въ штабѣ передоваго отряда не было никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается къ сѣверу отъ Балванъ. Хотя и было извѣстно, что со стороны Габрова будетъ атака перевала, но когда именно — въ точности не было выяснено. Выстрѣлы, слышавшіеся 5 іюля, еще не давали убѣжденія въ томъ, что атака уже состоялась, а потому весьма вѣроятно было предположить, что атака будетъ произведена, или если она уже была, то будетъ повторена 6 іюля.

Вслѣдствіе вѣроятности атаки 6 іюля со стороны Габрова, ген. Гурко считалъ себя обязаннымъ оказать съ своей стороны возможное содѣйствіе этой операціи.

Поэтому 6-го числа были посланы на переваль 2 бат. стрѣлковъ и 2 сотни пластуновъ, такъ какъ о серьезной атакѣ съ юга, въ виду чрезвычайной крѣпости, нечего было и думать. Объ этомъ было послано уведомленіе командиру орловскаго полка черезъ болгарина, который съ письмомъ направился по горной дорогѣ. Но, какъ извѣстно, атака орловскаго полка была 5 іюля; послѣ чего полкъ отступилъ въ Габрово. Поэто-

му стрѣлковыя баталіоны, посланные на горы, оказались на перевалѣ совершенно одни и по своей малочисленности сравнительно съ противникомъ, занимавшимъ къ тому же сильную позицію, должны были, послѣ горячаго боя, отойти назадъ на бивакъ, не достигнувъ никакой цѣли и понеся довольно чувствительныя потери—130 человекъ убитыми и ранеными. Единственнымъ результатомъ атаки стрѣлковъ было то, что въ передовомъ отрядѣ узнали, что скорой поддержки ни откуда ожидать нельзя, и что отрядъ долженъ существовать нѣкоторое время на свой собственный страхъ.

Между тѣмъ положеніе отряда сдѣлалось чрезвычайно тяжелымъ, ибо въ эту минуту его тылъ былъ обращенъ къ Адрианополю, а передъ фронтомъ былъ трудно доступный хребетъ горъ, занятый непріятельскимъ отрядомъ, силы котораго въ то время опредѣлялись около 10 бат. Хотя въ это время въ долину Тунджи вовсе не было турецкихъ войскъ, а Лени-Загрскія войска не были страшны для отряда, тѣмъ не менѣе можно было предполагать, что два черезъ 4 или нѣсколько болѣе, турки, получивши болѣе или менѣе сильныя подкрѣпленія по желѣзной дорогѣ изъ Константинополя, перейдутъ въ наступленіе.

Хотя ген. Гурко и былъ убѣжденъ, что шибкинскій турецкій отрядъ, деморализованный пораженіями при Уфлани и Казанлыкѣ, окруженный съ фронта и тыла и лишенный своего лагера, долго не продержится, но все-таки оставался неразрѣшеннымъ вопросомъ, какъ долго продлится время пребыванія его на перевалѣ. Крайне необходимо было прикрыть свой тылъ, но для этой цѣли силы отряда были недостаточны. Вслѣдствіе этого, еще 6 іюля вечеромъ ген. Гурко послалъ въ полевой штабъ арміи донесеніе о своемъ положеніи и просилъ о немедленной присылкѣ одной бригады пѣхоты съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ.

Но обстоятельства сложились иначе.

Предполагая, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, деморализацію турецкаго отряда и желая ускорить очищеніе перевала, ген. Гурко еще раньше атаки стрѣлковъ послалъ командующему отрядомъ папѣ письмо съ предложеніемъ о капитуляціи, но отвѣта не получалъ, а напротивъ наши войска хотя и были встрѣчены бѣлымъ флагомъ, но вслѣдъ за тѣмъ турки открыли по нимъ жестокой огонь. Утромъ 7 іюля прибылъ от паши офицеръ съ отвѣтомъ на письмо, въ которомъ выража-

лось согласіе на сдачу и просилось сообщить условія. По написаніи условій, офицеръ былъ отправленъ обратно, причемъ генераль Гурко сообщилъ пашѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ имъ посылается на горы команда санитаровъ для подбора нашихъ раненныхъ, оставленныхъ тамъ послѣ бывшаго наканунѣ боя. Въ условленное время спустилась съ горъ только небольшая партія турокъ, а вслѣдъ за симъ, около 12 ч. дня, было получено извѣстіе отъ санитаровъ, что позиція у горы Св. Николая очищена турками. Затѣмъ поступило донесеніе отъ ген. Скобелева 2-го, что брошенная турками позиція занята ротами орловскаго полка со стороны Габрова. Такимъ образомъ переваль переходилъ въ наши руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе передоваго отряда сразу измѣнялось, такъ какъ сообщеніе съ главными силами арміи возобновлялось.

Посѣтивъ верхъ горы и осмотрѣвъ турецкія позиціи, а также поле битвы нашихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ 6 іюля, генераль Гурко поздно вечеромъ вернулся въ Казанлыкъ, куда 8 іюля стаянулся весь передовой отрядъ, оставивъ Шибкинскій переваль занятымъ частями войскъ, прибывшими изъ Габрова.

Овладѣніемъ Шибкинскимъ переваломъ была окончена первая часть возложеннаго на передовой отрядъ порученія, была благополучно исполнена стратегическая задача первостепенной важности—овладѣніе проходами черезъ Балканскій хребетъ.

Теперь ему предстояло выполнить еще двѣ возложенныя на него задачи: выдвинуть впередъ кавалерію, чтобы подъ ея прикрытіемъ поднять болгарское населеніе и прикрыть и защитить выходы изъ горъ до тѣхъ поръ, пока проходы не будутъ на столько разработаны, что по нимъ будутъ въ состояніи пройти главные силы арміи, со всѣми обозами и тяжестями.

Прежде, чѣмъ продолжать нашъ рассказъ, считаемъ не лишнимъ указать силы и расположеніе турокъ. До настоящей минуты, мы говорили о туркахъ то, что было о нихъ извѣстно въ передовомъ отрядѣ. Теперь же, на основаніи свѣдѣній, вившихся въ печати по окончаніи войны, мы можемъ сообщить то, что у нихъ было въ дѣйствительности.

Немедленно послѣ перехода нашихъ войскъ, былъ командированъ въ Сливно морской министръ Реуфъ-паша, и подъ его начальствомъ былъ сформированъ особый корпусъ, назначеніемъ котораго было защищать Балканскій хребетъ на

протяженіи отъ Шибки до Сливно. Всего подъ начальствомъ Реуфа-паши было собрано 34 баталіона и довольно большое число черкесовъ и баши-бузукровъ (сколько именно, неизвѣстно до настоящаго времени. Да вѣроятно, и самъ Реуфъ-паша никогда не зналъ, сколько у него было этихъ иррегулярныхъ войскъ).

Эти войска къ началу дѣйствій передоваго отряда были расположены слѣдующимъ образомъ: 5 баталіоновъ въ видѣ авангарда въ Тырновѣ; 11 баталіоновъ и одна полевая батарея около Шибки; 3 баталіона между Есекчи и Твардицей, 2 баталіона въ Демиръ-Капу; и наконецъ, въ Сливнѣ въ общемъ резервѣ, 13 баталіоновъ пѣхоты, 3 эскадрона регулярной кавалеріи, около 1.000 черкесъ, 3 полевыхъ и 1 горная батарея; а всего у Реуфа-паши было—34 баталіона, 3 эскадрона, около 1.000 черкесъ, 5 батарей и, сверхъ того, довольно большое количество баши-бузукровъ. Численность этихъ войскъ въ точности неизвѣстна. Но, полагая, что баталіоны имѣли, круглымъ числомъ, по 600 чел., эскадроны по 120 ч., и батареи также по 120 чел.—выходитъ, что подъ начальствомъ Реуфа-паши было около 22.500 чел., не считая баши-бузукровъ.

За этимъ корпусомъ, вплоть до Адрианополя, не было войскъ, но за то, почти къ центру этого, растянутого, болѣе чѣмъ на 70 верстѣ, расположенія къ Лени-Загрѣ подходила желѣзная дѣржава, по которой можно было, съ большою скоростью, усилить войска, оборонявшія горные проходы. И нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе медленномъ образѣ дѣйствій, съ нашей стороны и при условіи своевременнаго извѣстія о нашемъ наступленіи въ горы, Реуфъ-паша получилъ болѣе или менѣе сильныя подкрѣпленія. Но быстрота нашихъ дѣйствій, скрытность движеній и неожиданность появленія въ долину Тунджи не дали Реуфу-пашѣ времени исправить разбросанность своего первоначальнаго расположенія и открыть нашъ путь за Балканы.

Результатомъ описанныхъ дѣйствій передоваго отряда, кромѣ овладѣнія горными проходами, было еще значительное уменьшеніе силъ Реуфа-паши; такъ какъ 5 бат., стоявшіе въ Тырновѣ, были отброшены къ Османъ-Базару, а 11 батал. Хулусси-паши были отброшены отъ Шибки къ западу и собрались впоследствии въ Филиппополѣ, у Реуфа же въ окрестностяхъ Сливны и Лени-Загры осталось 18 баталіоновъ.

Но всѣ эти только-что изложенныя свѣдѣнія о турецкихъ

войскахъ сдѣлались извѣстными послѣ окончанія войны. Въ то же время такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣлось.

Вообще, повторяемъ, свѣдѣнія, сообщавшіяся болгарамъ, были неопредѣленны и очень сбивчивы.

Вернувшись въ Казанлыкъ, генераль Гурко немедленно приступилъ къ составленію плана дальнѣйшихъ дѣйствій отряда, имѣя въ виду выполненіе новой задачи—защиту выходовъ изъ горныхъ проходовъ до тѣхъ поръ, пока главнокомандующій не признаетъ возможнымъ приступить къ переходу черезъ Балканы.

Обстановка, среди которой приходилось дѣйствовать, представлялась въ то время въ слѣдующемъ видѣ: въ долинѣ Тунджи на каждомъ шагѣ замѣчались несомнѣнные признаки паники, охватившей все турецкое населеніе этой долины. Извѣстно было, что и къ югу отъ Караджа-Дага паника тоже овладѣла мусульманскимъ населеніемъ. Рядъ побѣдоносныхъ дѣлъ въ долинѣ Тунджи, безсвязныя дѣйствія турокъ въ этой долинѣ и поспѣшное очищеніе ими Шибкинскаго перевала въ ночь съ 6 на 7 іюля ясно свидѣтельствовали, что они или не успѣли, или не сумѣли организовать оборону Банканскихъ горъ; отсюда заключалось, что и къ югу отъ Караджа-Дага едва-ли можно будетъ встрѣтить болѣе разумное и болѣе удачно организованное сопротивленіе. Относительно турецкихъ войскъ было очевидно, что они были разрѣзаны на двѣ части, изъ которыхъ одна собиралась на востокъ около Лени-Загры, а другая потянулась въ діаметрально противоположную сторону къ западу.

Въ долинѣ Марицы, по всѣмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ, турецкихъ войскъ не было, а только упоминалось о какомъ-то небольшомъ отрядѣ, занимавшемъ узелъ желѣзныхъ дорогъ у Тырнова-Сейменли. Но хотя, въ эту минуту, войскъ въ долинѣ Марицы не было, кромѣ отряда, собраннаго у Лени-Загры, но было очевидно, что, пользуясь желѣзною дорогою, турки могли ежеминутно собрать довольно значительныя силы. О перевозкѣ арміи Сулеймана-паши моремъ изъ Черногоріи въ Деде-Агачъ никакихъ свѣдѣній въ то время не имѣлось.

Кромѣ того получались постоянныя свѣдѣнія, что турки къ югу отъ Караджа-Дага производятъ всякаго рода безчинства: жгутъ, грабятъ и рѣжутъ болгаръ. Отовсюду прибывали депутаціи съ мольбами о защитѣ. Между прочимъ отъ болгаръ

Эски-Загры былъ полученъ 8 іюля слѣдующій адресъ: „Извините, церемоніаль у насъ теперь невозможенъ. Умоляемъ васъ крестомъ и Богородицею, поспѣшите послать намъ необходимое пособіе, въ защиту города нашего. Мы уже имѣемъ положительныя данныя и вѣрныя признаки, что если не приспѣете въ самомъ скорѣйшемъ времени, городъ нашъ будетъ жертвою губительнаго гнѣва взбѣсившихся событіями въ Казанлькѣ сосѣдей нашихъ. Властямъ здѣшнимъ мы не довѣряемъ, да если и искренны и благонамѣренны, они не въ силахъ защищать насъ“.

Что касается до силъ передоваго отряда, то въ послѣднее время онѣ уменьшились, такъ какъ одна дружина болгарскаго ополченія была послана въ Тырновъ для конвоированія нашихъ раненыхъ и турецкихъ плѣнныхъ; казачій № 30 полкъ, оставленный въ Габровѣ для демонстрацій противъ Шиббинскаго перевала, получилъ другое назначеніе, и гвардейскій полускадронъ былъ вытребованъ главною квартирою. О прибытіи 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи въ Хаинъ-Кей свѣдѣній еще не было. Такимъ образомъ передовой отрядъ 8 іюля состоялъ изъ 9 баталіоновъ пѣхоты, 25 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи, 14 горныхъ и 16 конныхъ орудій (2 орудія 10-й донской казачьей батареи находились вмѣстѣ съ 30 донскимъ казачьимъ полкомъ). Переходъ въ наступленіе главныхъ силъ арміи въ то время въ штабѣ ожидался въ самомъ непродолжительномъ времени.

Оцѣнивая эту обстановку, генераль Гурко полагалъ, что задачу охраненія выходовъ изъ горныхъ проходовъ лучше всего можно было бы выполнить не стоя на мѣстѣ, а двигаясь впередъ, добывая небольшіе пакетики турецкихъ войскъ и распространяя все больше и дальше панику, охватившую мусульманское населеніе, и неизбѣжно отражавшуюся и на войскахъ. Еще вечеромъ 7 іюля, возвращаясь съ Шиббинскаго перевала въ Казанлькъ, генераль Гурко высказывалъ мысль, что вся сила передоваго отряда заключается въ его подвижности, въ томъ подавляющемъ впечатлѣніи, какое произвело на турокъ его неожиданное появленіе къ югу отъ Балканъ и въ цѣломъ рядѣ нанесенныхъ имъ пораженій, а не въ числительности. Стоя на мѣстѣ, — говорилъ генераль Гурко, — мы ничего не достигнемъ; напротивъ рискуемъ все потерять: турки несомнѣнно опомнятся отъ страха, соберутъ свои разсѣяныя силы, получаютъ по желѣзной дорогѣ свѣжія подкрѣпленія, разу-

знаютъ о нашей слабости, и, перейдя въ наступленіе въ значительно превосходящихъ силахъ, безъ сомнѣнія вытѣснятъ насъ изъ долины Тунджи. Напротивъ того, перейдя тотчасъ въ дальнѣйшее наступленіе, мы имѣемъ шансъ нанести туркамъ еще нѣсколько поражений и во всякомъ случаѣ отодвинуть ихъ дальше отъ проходовъ и тѣмъ выиграть время. При дурномъ же исходѣ наступленія, отрядъ, пользуясь превосходствомъ въ кавалеріи, всегда можетъ благополучно отойти къ Казанлыку и перейти къ пассивной оборонѣ Шибкинскаго перевала.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, утромъ 8 іюля, генераль Гурко остановился на рѣшеніи: давъ войскамъ крайне необходимый 3-хъ дневный отдыхъ, до 11 іюля включительно, 12 іюля перейти въ наступленіе въ долину Марицы.

Но въ это время планъ наступленія былъ принятъ лишь въ принципѣ; подробности его не были еще выработаны, такъ какъ еще не было вполне опредѣленныхъ свѣдѣній о турецкихъ войскахъ. Предполагалось, что, въ теченіе 3-хъ-дневнаго отдыха, получатся болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, и тогда будутъ приняты болѣе детальныя рѣшенія. Пока же были намѣчены два пункта для направленія движенія: Лени-Загра и узелъ желѣзныхъ дорогъ—Тырново-Сейменли. Дальнѣйшія свѣдѣнія должны были рѣшить окончательный выборъ между этими пунктами.

До полученія же болѣе подробныхъ свѣдѣній, цѣлю дѣйствій при предстоящемъ наступленіи ставилось: а) разбить наибольшіе отряды турецкихъ войскъ, бывшіе въ долинѣ р. Марицы; б) усилить господствовавшую панику, и в) очистить долину Марицы отъ турецкихъ войскъ и держать ихъ въ возможно далекомъ разстояніи отъ переваловъ черезъ Балканскія горы.

Что же касается до поднятія болгаръ, то генераль Гурко полагалъ, что это можно дѣлать только въ тылу отряда, а не впереди его, кавалерію отъ считалъ слишкомъ слабымъ прикрытіемъ для организаціи этого движенія. А потому онъ откладывалъ исполненіе этой части общей задачи до болѣе благоприятнаго времени.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, генераль Гурко не могъ не принять во вниманіе, что, при дальнѣйшемъ движеніи впередъ, на долю кавалеріи должна будетъ выпасть очень тяжелая служба, такъ какъ ей придется маневрировать на

слишкомъ широкомъ фронтѣ. Поэтому онъ желалъ увеличенія ея возвращеніемъ 30 донскаго полка и присылкою бригады 13 кавалерійской дивизіи, т. е. доведенія ея до 39 эскадроновъ и сотенъ. Сверхъ этого онъ желалъ усиленія отряда артиллеріею, хотя бы только одною 9-ти фун. батареею, такъ какъ пѣхота отряда, за исключеніемъ непригодныхъ для дальнѣйшихъ дѣйствій горныхъ орудій малаго калибра и близкаго боя, вовсе не имѣла артиллеріа.

Принявъ эти рѣшенія, генералъ Гурко 8 іюля послалъ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему слѣдующее собственноручное письмо:

8 е іюля 1877, Казанлыкъ.

„Ваше Императорское Высочество, занятіемъ вчерашняго числа перевала Шибки войсками 8 корп. благополучно окончился первый эпизодъ дѣйствій передоваго отряда за Балканами. Счастливъ мыслю, что дѣйствія мои въ долинѣ Тунджи удостоились вашего одобренія. Въ пятидневныхъ дѣлахъ 2, 3, 4, 5 и 6 іюля Богъ помогъ мнѣ уничтожить турецкія силы въ этой долинѣ. Но для того, чтобы не уничтожить моральнаго дѣйствія, произведеннаго на турокъ моимъ внезапнымъ появленіемъ за Балканами, выразившагося въ страшной паникѣ и полнѣйшей безсвязности дѣйствій, нужно было бы немедленно продолжать движеніе впередъ. Но, къ несчастію, войска, вслѣдствіе неимоверныхъ трудовъ и тропической жары у подножія Балканъ, такъ устали, что требуютъ отдыха до 11 іюля включительно. Кромѣ того, я слабъ пѣхотою и артиллеріею (горная свое дѣло уже сдѣлала) и даже кавалеріею. Кавалерія мнѣ нужна въ такомъ громадномъ количествѣ, что она не знаетъ отдыха, а отдыхъ для кавалеріи нужнѣе, чѣмъ для пѣхоты. Кавказская бригада, которая предназначалась въ мой отрядъ, получила другое назначеніе. Посему прошу Ваше Императорское Высочество придать мнѣ регулярную бригаду 13 кав. дивизіи и возвратитъ мнѣ 30 кав. полкъ. Тогда, оставивъ въ Казанлыкѣ часть болгаръ съ 8 горными орудіями, съ остальными войсками предполагаю двинуться на Адрианополь. Желательно было бы получить одну пѣшую 9 ф. батарею и придать ее стрѣлкамъ, ибо дѣйствіе артиллеріи на турокъ поражающее; горная же наша артиллерія не можетъ составаться ни съ полевой, ни даже съ горною турецкою артиллеріею. Второй Балканъ не такая преграда, чтобы передъ нею оставился передовой отрядъ. Если Вашему Высочеству бла-

гоугодно будетъ придать мнѣ регулярную бригаду 13 кав. дивизіи, которая переходитъ теперь Балканы на Твардицу, то я бы ей далъ слѣдующее направленіе: Твардица-Ени-Загра, узелъ желѣзныхъ дорогъ (Тырново-Сейменли). Полагая, что мы не нуждаемся для нашихъ послѣдующихъ дѣйствій въ вѣтви желѣзной дороги на Ямболи, я бы поручилъ бригадѣ разрушить ее фундаментально, а путь на Татаръ-Базарджикъ сохранилъ бы для насъ.

Не знаю, понялъ ли я мысли Вашего Высочества о послѣдующихъ дѣйствіяхъ, но для того, чтобы дѣйствія мои имѣли успѣхъ, повторяю, надо двѣ вещи — подкрѣпить меня возможно скорѣе артиллерією и кавалерією и не терять ни минуты на высылку мнѣ сухарей, патроновъ и перевязочныхъ средствъ. Промѣшкай я здѣсь день — и могу лишиться всѣхъ выгодъ моего настоящаго грознаго для турокъ положенія.

Генераль-лейтенантъ Гурко“.

Съ вечера 8 іюля стали доходить до штаба отряда слухи о перевозкѣ моремъ арміи Сулеймана-паши изъ Черногоріи въ Деде-Агачъ. Слухи эти были очень неопредѣленны и вначалѣ трудно было придать имъ какую-либо вѣру. Но уже 9 іюля они приняли болѣе опредѣленный видъ, хотя не было еще извѣстно — гдѣ предположенъ сборъ ея, когда она начнетъ прибывать на театръ дѣйствій и изъ какого числа баталіоновъ она будетъ состоять. Тѣмъ не менѣе становилось яснымъ, что она предназначена дѣйствовать въ долину Марицы. На основаніи извѣстій, что по желѣзной дорогѣ идутъ большія приготовления для дальнѣйшей перевозки этой арміи, въ штабѣ отряда предположили, что сборъ ея будетъ произведенъ у желѣзно-дорожнаго моста—Тырнова-Сейменли, подъ прикрытіемъ рѣки Марицы.

Вообще свѣдѣнія эти имѣли очень тревожный характеръ. Становилось яснымъ, что въ очень близкомъ будущемъ, турецкія войска въ долину Марицы значительно усилятся, послѣ чего вопросъ о сохраненіи выходовъ изъ горныхъ проходовъ дѣлался болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Нельзя было ожидать, чтобы слабый передовой отрядъ могъ долго устоять противъ значительно сильнѣйшей арміи Сулеймана-паши. Выхода изъ этого положенія ген. Гурко искалъ опять-таки не въ пассивномъ стояніи на мѣстѣ, въ совершенно ровной мѣстности, каковою были окрестности Казанлыка, а въ быстромъ движе-

ни впередъ, къ желѣзнодорожному узлу затѣмъ, чтобы попытаться разбить прибывающую армію Сулеймана по частямъ. Но 9-го же іюля, тотчасъ послѣ принятія этого рѣшенія, было получено слѣдующее письмо великаго князя главнокомандующаго:

8 іюля 1877 г. Г. Тырновъ 2 ч. дня.

Любевный Гурко,

„Не нахожу словъ, чтобы выразить тебѣ мою глубокую и душевную благодарность. Ты молодецъ изъ молодцовъ. Задачу трудную, мною на тебя возложенную, ты разрѣшилъ вполне отлично и къ полному моему удовольствію... Теперь желаю, чтобы ты съ *плхотою* далѣе долины Тунджи не шелъ; но за то кавалерія должна всюду шнырять по всѣмъ направленіямъ, *не стѣсняясь этой долиной*. Она должна всюду являться и беспокоить непріятеля, какъ только далеко можетъ и силъ хватить; но въ то же время, и осторожно, чтобы всегда бить навѣрняка; уничтожить телеграфъ, но не роняя столбы, а собирая и пряча проволоки, съ тѣмъ, чтобы *при нашемъ наступленіи* все можно было употребить въ дѣло; *такимъ же образомъ и желѣзныя дороги*. На перевалѣ Хаинъ-Кей будутъ 1-я бриг. 9 пѣх. див. На перевалѣ Шибки—2-я бригада той же дивизіи, 13-я пѣх. дивизія и я пока въ Тырновѣ; двинуться не могу впередъ, пока не разыграется или объяснится дѣло съ Руцукомъ. Объ общемъ движеніи впередъ дамъ тебѣ знать въ свое время. Собирай свѣдѣнія о непріятелѣ елико возможно подробнѣе и доноси почаще.

Передай молодцамъ стрѣлкамъ и всѣмъ вообще царское спасибо, которое онъ имъ черезъ меня приказалъ передать и отъ меня тоже всѣмъ отъ генерала до послѣдняго солдата мое большое спасибо. Горжусь имѣть такихъ молодцовъ подъ своей командой. Да хранитъ васъ всѣхъ Господь... Много ли у тебя за все время потерь? Пришли сказать, что нужно выслать отсюда для отряда.

Обнимаю тебя и еще разъ благодарю, какъ главнокомандующій и какъ *генералъ-инспекторъ кавалеріи*.

Остаюсь всегда тебѣ благодарнымъ, твой старый начальникъ
Николай“.

Въ силу этого письма, задуманное движеніе впередъ, на встрѣчу арміи Сулеймана-паши, должно бы разстроиться. Полагая, что письмо это было написано до полученія извѣстія о

появленіи арміи Сулеймана и разсчитывая, что подробное изложеніе обстановки и принятаго плана дѣйствій измѣнить это рѣшеніе главнокомандующаго, генераль Гурко не отказался отъ своего плана и, желая идти на встрѣчу Сулеймана съ возможно большимъ отрядомъ, тотчасъ по полученіи извѣстія о прибытіи бригады ген. Борейши въ Хаинъ-Кей, послалъ ему утромъ 10-го іюля предложеніе немедленно приблизиться къ Казанлыку, съ тѣмъ чтобы, соединившись съ передовымъ отрядомъ, идти къ желѣзно-дорожному узлу. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ составить подробное донесеніе Его Императорскому Высочеству главнокомандующему и просить разрѣшенія двинуться впередъ.

Но въ то время было получено слѣдующее предписаніе начальника полеваго штаба арміи начальнику передоваго отряда.

9 іюля.

„По донесенію командира 9 арм. корпуса, 5 пѣх. дивизіи, послѣ взятія Никополя, была направлена на Плевну, гдѣ, наткнувшись на превосходныя силы, принуждена была отступить. Три полка отступили по направленію къ Никополю, а одинъ полкъ съ бригадою кавалеріи къ Болугарени, понесъ весьма значительныя потери.

Для поддержанія войскъ 9-го корп., великій князь направилъ: бригаду 30 пѣх. дивизіи, уже прибывшей къ Павло (4 корп.) на шоссе изъ Бѣлы въ Плевнѣ.

Бригаду 32 пѣх. див. изъ окрестностей Тырнова — черезъ ст. Нипунъ въ Горній Студень, на шоссе изъ Бѣлы къ Плевно. Общее начальство надъ этими войсками ввѣрено командиру 11 корпуса.

Для обезпеченія войскъ, занимающихъ Габрово и проходы, приказано кн. Мирскому послать одинъ полкъ съ батареею къ Сельви, гдѣ въ настоящее время расположенъ сборный отрядъ изъ 4-хъ сотенъ л. гв. казачьяго полка и донскихъ казачьихъ №№ 30 и 23 полковъ.

14 пѣх. дивизія собрана около Тырнова; 1 бриг. 9 пѣх. див. двинута на проходъ въ Хаинъ-Кей и вѣроятно теперь занимаетъ его.

11 пѣх. див. съ 13 кавалерійскою находятся на Османъ-Базарской дорогѣ.

Отрядъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича занялъ линію Кара-Ломъ близъ Рущука.

Въ этомъ положеніи, при неразъясненіи, какой оборотъ дѣла приметъ наступленіе противника отъ Плевны, великій князь полагаетъ необходимымъ, чтобы ваше превосходительство не удалялись съ пѣхотою далѣе Казанлыка, наоборотъ, на случай неблагопріятнаго исхода дѣлъ, быть готовымъ занять пѣхотою проходъ и тѣмъ освободить части 9 пѣх. дивизіи для другаго назначенія.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что по полученнымъ по телеграфу свѣдѣніямъ корпусъ Сулеймана-паши, дѣйствовавшій противъ Черногоріи, перевозится моремъ въ Эносъ и слѣдуетъ желѣзною дорогою на Адрианополь, куда начнетъ прибывать головными частями во вторникъ ближайшей недѣли.

Великій князь желаетъ получить возможно скорѣе донесеніе отъ вашего превосходительства о тѣхъ предположеніяхъ, которыя вы имѣете для предстоящихъ дѣйствій“.

Начальникъ штаба ген.-адъют. Непокойчицкій. Помощникъ начальника штаба Свиты Его Величества ген.-маіоръ Левицкій.

Это предписаніе совершенно измѣняло обстановку, среди которой приходилось дѣйствовать передовому отряду. Вслѣдствіе Плевненской неудачи, не только переходъ арміи откладывался на неопредѣленное время; но даже предвидѣлась возможность неблагопріятнаго исхода дѣлъ подъ Плевною, вслѣдствіе чего являлась необходимость быть готовымъ занять пѣхотою отряда самый перевалъ. О появленіи арміи Сулеймана въ полевомъ штабѣ тоже было извѣстно. Вслѣдствіе всего этого и въ виду категорическаго предписанія не двигаться съ пѣхотою далѣе Казанлыка, мысль о движеніи впередъ, на встрѣчу арміи Сулеймана, была оставлена.

Положеніе отряда, со времени полученія этого предписанія, считалось въ штабѣ отряда очень труднымъ. Маневрировать на длинной и узкой лентѣ долины Тунджи, имѣя позади себя отвѣсную стѣну Шибкинскихъ Балканъ, а впереди упираясь тоже въ трудно-доступный хребетъ Караджа-Дага, не зная, что за нимъ дѣлается, представлялось дѣломъ весьма не легкимъ, хотя черезъ болгаръ и получались постоянныя свѣдѣнія изъ долины Марицы, но вполне полагаться на нихъ штабомъ отряда считалось рискованнымъ. Надо было расширить кругъ зрѣнія, необходимо было открыть себѣ возможность видѣть и знать, что дѣлается за хребтомъ. Такимъ образомъ выдвигеніе кавалеріи за Караджа-Дагъ являлось совершенною необходимостью. Имѣя кавалерію по ту сторону хребта, можно было бы

узнавать заблаговременно о передвиженіяхъ турокъ; безъ этого выдвигенія кавалеріи турки могли являться въ самомъ близкомъ разстояніи полнымъ сюрпризомъ для отряда, когда нельзя было бы предпринять своевременно какое бы то ни было рѣшеніе. Къ счастью, это выдвигеніе кавалеріи не только не возбуждалось, но даже предписывалось письмомъ главнокомандующаго отъ 8-го іюля.

Такимъ образомъ, отказавшись отъ наступательнаго плана дѣйствій, ген. Гурко рѣшилъ двинуть кавалерію за Караджа-Дагъ съ цѣлію какъ освѣщенія мѣстности, такъ и разрушенія желѣзныхъ дорогъ, но такъ какъ для разрушенія желѣзныхъ дорогъ пришлось двинуть кавалерійскіе отряды по двумъ направленіямъ, потому что узелъ желѣзныхъ дорогъ, по всѣмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ, былъ не только занятъ турецкою пѣхотою, но и укрѣпленъ, и такъ какъ оба намѣченные для разрушенія пункты лежали въ далекомъ разстояніи отъ Эски-Загры, то ген. Гурко не рѣшился оставить Эски-Загру безъ довольно прочнаго занятія пѣхотою. Лени-Загра была въ то время занята турками, которые могли двинуться и занять Эски-Загру, и тогда положеніе кавалерійскихъ полковъ, отправленныхъ на желѣзныя дороги, одѣлалось бы весьма критическимъ.

Для обезпеченія кавалеріи единственнаго пути отступленія, ген. Гурко рѣшилъ сдвинуть 4 дружины болгарскаго ополченія и отправиться лично въ Эски-Загру для непосредственнаго руководства задуманнымъ предпріятіемъ, а также и для личной рекогносцировки окрестностей Эски-Загры. 10 іюля вечеромъ ген. Гурко отправилъ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему слѣдующее письмо:

10 іюля вечеромъ.

Ваше Императорское Высочество,

„Сейчасъ получилъ предписаніе начальника штаба арміи, увѣдомляющее меня, что 9-й корпусъ былъ атакованъ подъ Плевной, и что поэтому наступленіе арміи за Балканы на время пріостановлено, и что армія Сулеймана-паши высаживается въ Энось. Сіе послѣднее намъ уже было извѣстно. Поэтому соглашаясь исполнѣ, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, движеніе на Адрианополь было бы безуміемъ, я, оставляя въ Казанлыкъ стрѣлковъ, пластуновъ и одну дружину болгаръ, съ остальными войсками предпринимаю завтра утромъ набѣгъ на желѣзныя дороги, причемъ 4 дружины болгаръ съ кievскимъ гусарскимъ полкомъ, дойдутъ до Ески-Загры,

а два драгунскихъ полка направятся одинъ въ Карабунаръ, на Ямбольскую вѣтвь, а другой на Печерли, на Татаръ-Базарджикскую вѣтвь, для разрушенія сихъ двухъ желѣзныхъ дорогъ. Въ среду вечеромъ, съ Божіею помощію, надѣюсь вернуться въ Казанлыкъ. Не признаете ли Ваше Императорское Высочество полезнымъ притянуть бригаду, находящуюся въ Хаинъ-Кёѣ, къ Казанлыку, во избѣженіе дробленія силъ. Хаинъ-Кейскій проходъ можно во всякое время открыть, еслибы турки даже и заняли его. Тогда, въ случаѣ надобности, орловскій полкъ, занимающій верхъ перевала Шибки, можетъ быть употребленъ для другихъ цѣлей, а имѣя здѣсь 10 бат. пѣхоты и 6 дружинъ, можно удерживать перевалъ противъ въ четверо превосходныхъ силъ. Послѣ завтра утромъ буду имѣть честь сообщить Вашему Высочеству тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удастся собрать въ Эски-Загрѣ. По здѣшнимъ же слухамъ, кругомъ на большомъ районѣ войскъ турецкихъ вѣтъ. Пѣнныхъ продолжаютъ ловить сотнями, ихъ у меня опять набралось 500 человекъ. Раненыхъ осталось не транспортированными 92 чел. Всѣ мои потери во всѣхъ дѣлахъ на р. Тунджѣ состоятъ изъ (?) раненныхъ и (?) убитыхъ, изъ коихъ 232 чел. выпало на долю стрѣлковъ. На Шибкѣ было 2 дивизионныхъ генерала, но куда они дѣвались, пѣннымъ неизвѣстно.

Было бы очень желательно *въ виду усложняющихся обстоятельствъ* получить для стрѣлковой бригады одну 9 ф. батарею.

Начальникъ отряда ген.-адъют. Гурко“.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе категорическихъ приказаній главнокомандующаго, вызванныхъ нашею неожиданною неудачею подъ Плевною, пришлось отказаться отъ наступленія на встрѣчу прибывающей арміи Сулеймана.

10 іюля казанскій драгунскій полкъ съ сотнею казаковъ и со взводомъ конной артиллеріи заняли гор. Эски-Загру. На другой же день 11 іюля прибыли въ Эски-Загру астраханскій драгунскій, кіевскій гусарскій полки, нѣсколько сотенъ донскаго № 21 казачьяго полка съ остальными взводами конной № 16 батареи и 4 дружины болгарскаго ополченія съ горными орудіями. Вмѣстѣ съ этими войсками прибылъ и начальникъ отряда.

На другой день, 12 іюля, оба отряда вполне удачно выполнили свои задачи и разрушили обѣ вѣтви желѣзной дороги, на довольно большомъ разстояніи. Вернувшись назадъ, они

сообщили слѣдующія свѣдѣнія о неприятелѣ: у Карабунара было отъ 4 до 6 батал. пѣхоты, нѣсколько сотенъ черкесовъ, а также небольшая часть регулярной кавалеріи; у Тырново-Сейменли сосредоточиваются турецкія войска; желѣзныя дороги заняты усиленною перевозкою войскъ отъ Адрианополя къ узлу желѣзныхъ дорогъ, и къ западу отъ Тырново-Сейменли кромѣ башни-бузукъ нѣтъ турецкихъ войскъ. вмѣстѣ съ тѣмъ отъ командира 1-й бригады 9 пѣхотной дивизіи было получено донесеніе, что имъ изъ Хайнъ-Кѣя 10 іюля былъ направленъ на рекогносцировку къ Ени-Загрѣ съ 1¹/₂ сотнями казаковъ генеральнаго штаба подполковникъ Скугаревскій, который донесъ, что по наблюденіямъ съ высотъ къ сѣверо-западу отъ города, онъ опредѣлилъ биваки 6 таборовъ турецкой пѣхоты къ западу и къ югу отъ города, и около 2-хъ полковъ кавалеріи къ сѣверу отъ города; кромѣ того у станціи желѣзной дороги были замѣчены войска, силу и составъ которыхъ трудно было опредѣлить. Артиллерія въ Ени-Загрѣ, по показаніямъ болгаръ, было 6 орудій.

Во время пребыванія ген. Гурко въ Эски-Загрѣ, получились болѣе опредѣленныя, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, и не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія. Во-первыхъ, сообщалось, что армія Сулеймана собирается въ Адрианополь, для прикрытія же этого сосредоточенія у узла желѣзныхъ дорогъ собранъ особый отрядъ силою около 8 до 10 таборовъ, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ до 8 тысячъ, т. е. около 14 таборовъ. Впослѣдствіи оказалось, что сборнымъ пунктомъ арміи Сулеймана-паши былъ не Адрианополь, а желѣзно-дорожная станція Карабунаръ. О времени, когда окончится это сосредоточеніе, были самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія; иные говорили, что оно окончится скоро, другіе же увѣряли, что очень не скоро. О численности этой арміи никакихъ свѣдѣній не имѣлось.

Во-вторыхъ, численность войскъ въ Ени-Загрѣ, на основаніи вновь полученныхъ свѣдѣній, опредѣлялась отъ 6 до 8 таборовъ при 12 орудіяхъ и при довольно значительной партіи черкесовъ. Впослѣдствіи оказалось, что тамъ было 15 таборовъ при 18 орудіяхъ. Кромѣ того, всѣ сообщавшіяся изъ Ени-Загры свѣдѣнія клонились къ тому, что тамошній турецкій отрядъ очень деморализованъ и боится нашей атаки. Наконецъ, изъ Филиппополя получились свѣдѣнія, что тамъ собирается Шибкинскій отрядъ Хулусси-паши, но что онъ находится въ крайне деморализованномъ состояніи.

На основаніи всѣхъ полученныхъ свѣдѣній, въ штабѣ отряда составилось слѣдующее представленіе о турецкихъ войскахъ: въ ближайшемъ разстояніи отъ отряда находились три турецкихъ отряда: въ Іени-Загрѣ—около 8 бат.; въ Тырновѣ-Сейменли—около 10 батал., и въ Филиппополѣ тоже около 10 бат., но крайне деморализованныхъ. Въ болѣе далекомъ разстояніи—въ Андрианополѣ—собирается армія Сулеймана, но о времени сбора ея и о численности ничего опредѣленнаго не имѣлось; извѣстно было только, что сосредоточеніе на дняхъ должно было начаться. Вся эта представляемая обстановка, какъ это подтвердилось впоследствии, хотя и отличалась нѣсколько отъ дѣйствительности, но не настолько, чтобы въ общемъ значительно измѣнялось взаимное отношеніе силъ.

Эта минута была самая благоприятная для разбитія турокъ по частямъ. Всѣ ближайшіе отряды, въ это время и еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, могли сдѣлаться нетрудною добычею передоваго отряда. Еслибы 12 іюля началось движеніе передоваго отряда вмѣстѣ съ бригадою генерала Борейши, какъ это предполагалъ генераль Гурко, то 13 іюля онъ могъ бы быть, въ составѣ 15 бат. и около 20 эск. и сотенъ, въ окрестностяхъ или Карабунара или Гиздала, а 14 іюля утромъ атаковать голову колонны Сулеймана у Карабунара, или 14 послѣ полудня—отрядъ у Тырново-Сейменли. Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ бы несомнѣненъ, потому что въ обоихъ случаяхъ пѣхотою передовой отрядъ или превосходилъ или былъ бы равенъ турецкимъ войскамъ; въ кавалеріи же и въ артиллеріи превосходство было на его сторонѣ. Но къ величайшему несчастію наша неудача подъ Плевною обрѣкла передовой отрядъ на бездѣйствіе, и благоприятный случай разбить турокъ по частямъ ускользнулъ изъ нашихъ рукъ.

Подъ вліяніемъ этой обстановки генераль Гурко писалъ великому князю главнокомандующему 12 іюля изъ Эски-Загры, еще до возвращенія кавалерійскихъ полковъ изъ набѣговъ, слѣдующее:

„Чрезвычайно прискорбно, что плевненскія дѣла пріостановили наше наступленіе, ибо въ противномъ случаѣ слѣдовало бы, взявъ одинъ полкъ изъ бригады, защищавшей Хайнъ-Кейнскій проходъ, весь мой отрядъ вести по направленію на Андрианополь, и, продолжая распространять передъ собою панику, разбивая тѣ маленькіе пикетчики, которые непріятель имѣлъ неосторожность разставить на нашемъ пути, въ са-

момъ Адрианополѣ разбить голову арміи Сулеймана, по частямъ туда прибывающей, по желѣзной дорогѣ. Но теперь для подобнаго движенія время уже упущено и единственно, что можно будетъ исполнить, совмѣстно съ хайнъ-кейскимъ отрядомъ, это уничтоженіе іени-загрскаго отряда, въ случаѣ если онъ послѣ разрушенія желѣзной дороги не разбѣжится, а затѣмъ, сильною кавалерійскою колонною, съ достаточною артиллеріею, завладѣть узломъ желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ очистить всю долину лѣваго берега Марицы отъ всякаго непріятеля, которую и продолжать наблюдать моею кавалеріею, для чего я предполагаю оставить ее южнѣе втораго Балкана; ибо защита перевала Шибки должна быть перенесена въ Эски-Загру.

Казанлыкская позиція, при узкой долинѣ Тунджи, не даетъ достаточнаго простора для развѣдокъ моей кавалеріи, и непріятель, наступающій съ фронта, можетъ неожиданно спуститься въ долину. Защищать же перевалъ, стоя подъ самымъ переваломъ, невозможно, ибо, въ случаѣ неудачи, я могу быть припертымъ къ высотамъ и потерять всю кавалерію и часть артиллеріи. Стоя же здѣсь, въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ, о появленіи ихъ я, благодаря широкому полю дѣйствій моей кавалеріи, буду всегда предувѣдомленъ заблаговременно. Для того же, чтобы обезпечить себя отъ всякаго неожиданнаго появленія непріятеля на правомъ флангѣ шибкинской позиціи, т. е. со стороны Карлова, и на лѣвомъ, т. е. со стороны Сливны, я оставляю въ долинѣ Тунджи 8 сотенъ кавалеріи. Предполагать же, что непріятель съумѣетъ комбинировать одновременное наступленіе съ фронта и фланга, уже черезъ-чуръ робко. Его бессвязныя дѣйствія въ долинѣ Тунджи даютъ право предполагать, что онъ не съумѣетъ привести въ исполненіе подобный планъ, въ особенности лишенный содѣйствія телеграфа.

До полученія дальнѣйшихъ указаній Вашего Высочества, отрядъ мой будетъ имѣть слѣдующее расположеніе: три полка регулярной кавалеріи при 6 конныхъ орудіяхъ и трехъ сотняхъ казаковъ—въ долинѣ Марицы; 4 болгарскія дружины при 4 горныхъ орудіяхъ въ репли для кавалеріи—въ Эски-Загрѣ; остальные войска отряда, т. е. бригада стрѣлковъ, пластуны, одна дружина болгарскаго ополченія, 9 сотенъ казаковъ, 10 конныхъ и 10 горныхъ орудій у Казанлыка и Шибки.

Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Эски-Загру кавалерійскихъ отрядовъ, генераль Гурко вернулся въ Казанлыкъ, гдѣ въ

скоромъ времени былъ полученъ рапортъ генерала Борейши, въ которомъ онъ доносилъ, между прочимъ, слѣдующее: „продолжая наблюдать за ближайшими непріятельскими войсками я отправилъ еще 12 іюля есаула Толоконникова къ Лени-Загрѣ, къ тому пункту, съ котораго было снято расположеніе непріятельскаго отряда подполковникомъ Скугаревскимъ. Къ вечеру, есаулъ донесъ мнѣ, что пѣхоты въ городѣ Лени-Загрѣ не было видно, но куда она ушла—неизвѣстно; у города съ сѣверной стороны остался лишь кавалерійскій лагерь“.

Съ другой стороны, болгары доносили, что изъ Лени-Загры турки выступили въ большихъ силахъ и направились къ югу. Эти совпадающія между собою свѣдѣнія заставили штабъ отряда предполагать, что турки совсѣмъ покинули Лени-Загру. Въ дѣйствительности же, какъ это оказалось впоследствии, большая колонна турокъ въ составѣ 6 баталіоновъ одной батареи и значительнаго количества черкесовъ дѣйствительно выступили изъ Лени-Загры и пошли на югъ. Но это движеніе не было очищеніемъ города, а имѣло лишь цѣлію канвоировать Реуфа-пашу въ Радину, гдѣ должно было 15 іюля произойти свиданіе между Сулейманомъ и Реуфомъ. Затѣмъ, 16 іюля эта колонна вернулась въ Лени-Загру.

Между тѣмъ положеніе отряда съ каждымъ часомъ становилось все труднѣе и труднѣе. Черная точка, появившаяся на горизонтѣ въ видѣ арміи Сулеймана, росла все болѣе и болѣе и предвѣщала обратиться вскорѣ въ грозовую тучу, отрядъ же, обреченный на бездѣйствіе, стоялъ около Казанлыка и рассчитывалъ, когда наступитъ кризисъ. Положеніе его въ Казанлыкѣ было просто невозможнымъ. Какимъ образомъ могъ онъ рассчитывать на удачное отраженіе всей арміи Сулеймана-паши, когда силы его не увеличивались и когда въ окрестностяхъ этого города, представлявшихъ совершенную равнину, викакой позиціи не было. Отступленіе отъ Казанлыка, послѣ неудачнаго дѣла, предвѣщало катастрофу, потому что взобраться благополучно на почти отвѣсную стѣну Балканскаго хребта было немыслимо... Правда, онъ могъ отступить заблаговременно на переваль и тамъ оказать сопротивленіе туркамъ, рассчитывая на крѣпость позиціи. Но не въ этомъ состояла его задача. Ему надлежало охранять выходъ съ перевала въ долину, а не самый переваль; на немъ лежала нравственная обязанность защищать долину

р. Тунджи, а не думать исключительно о собственномъ благополучіи. Отступить на переваль значило бы потерять половину всего того, чего онъ достигъ въ первый періодъ своихъ дѣйствій. Кроме того, въ виду наступленія тяжелыхъ дней, опасно было оставлять въ долинѣ Тунджи два отряда, Казанлыкскій и Хаинъ-Кейскій, дѣйствовать независимо другъ отъ друга и преслѣдовать различныя цѣли. Соединеніе ихъ въ однѣ руки было необходимо.

Вдумываясь въ это тяжелое положеніе, ген. Гурко рѣшилъ, что если уже суждено ему перейти къ пассивной оборонѣ, то оборону эту непременно слѣдуетъ перенести изъ Казанлыка въ Эски-Загру, которая представляла въ этомъ отношеніи гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ. Подъ влияніемъ этихъ мыслей, онъ 15 іюля въ 5 час. утра отправилъ къ великому князю главнокомандующему слѣдующее письмо:

Ваше Императорское Высочество,

„Письмо это будетъ имѣть честь доставить Вамъ адъютантъ Вашего Высочества штабсъ-капитанъ Бибииковъ... Я поручилъ ему доложить Вашему Высочеству всю невыгоду моего положенія въ Казанлыкѣ и всю опасность, могущую представиться черезъ нѣсколько дней, вслѣдствіе разбросаннаго положенія частей, перешедшихъ Балканы, въ случай если турки, оправившіеся отъ погрома и подкрѣпленные побѣдоносными войсками Сулеймана, перейдутъ въ наступленіе съ силами, значительно меня превосходными.

Для моего дальнѣйшаго существованія, я крайне нуждаюсь въ бригадѣ ген. Борейши и въ одной 9 ф. батарее. Мы должны непременно продолжать проявлять передъ турками *potre vitabilité*, иначе не только войска, но даже и жители оправятся отъ паники и будутъ оказывать намъ сопротивленіе.

Перейти въ Эски-Загру есть для меня жизненный вопросъ. Здѣсь я оперирую на узкой лентѣ долины Тунджи, лишенный возможности освѣщать себя кавалеріею передъ фронтомъ и припертый къ отвѣсной стѣнѣ Шибкинскаго Балкана, гдѣ, въ случай наступленія превосходныхъ силъ, всему моему отряду никакого другаго выхода, кромѣ славной смерти, не предстоитъ.

Стоя въ Эски-Загрѣ, я за три перехода могу быть предувѣдомленъ моею кавалеріею о переходѣ непріятеля въ на-

ступленіе; и, благодаря просторной, обладающей широкимъ обстрѣломъ позиціи, и въ особенности благодаря моему превосходству въ кавалеріи, имѣю всѣ шансы имѣть перевѣсъ надъ непріателемъ, далеко превосходящимъ меня въ силахъ. Но для этого надо соединить въ однѣ руки и въ одно мѣсто маленькіе пикетики нашихъ войскъ, разбросанныхъ, подобно турецкимъ войскамъ, по долинѣ Тунджи.

Въ случаѣ же если меня постигнетъ несчастіе, вслѣдствіе котораго я буду въ состояніи искать спасенія въ отступленіи черезъ Балканы, то оно еще возможно съ большими потерями черезъ Хайнъ-Богазъ, но даже невысказано черезъ Шибку.

Буду, Ваше Высочество, съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія штабсъ-капитана Бибикова и рѣшенія участи, и моего отряда, и края, который довѣрился моей защитѣ. Уходи я изъ Эски-Загры—болгары станутъ убивать и грабить сдавшихъ оружіе турокъ; а черкесы и баши-бузукы будутъ рѣзать и тѣхъ, и другихъ“.

Начальникъ передоваго отряда
Генераль-адъютантъ Гурко.

Эски-Загра.

15 іюля, 5 час. утра.

Первыя болѣе точныя, хотя еще и не совсѣмъ опредѣленныя свѣдѣнія объ арміи Сулеймана-паши были получены отъ Его Императорскаго Высочества герцога Лейхтембергскаго 15 іюля вечеромъ. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывалось, что армія эта собирается не у Адрианополя, а у желѣзно-дорожной станціи Карабунаръ; что численность ея доходитъ до 30 тыс. чел.; что сверхъ этой арміи у Тырнова-Сейменли стоитъ другой отрядъ силою около 6-ти тыс. чел., тоже подчиненный Сулейману; и что сосредоточеніе у Карабунара началось уже нѣсколько дней и продолжается съ большою поспѣшностью.

Изъ другаго донесенія Его Высочеству начальника Эски-Загрскаго отряда, отправленнаго часомъ раньше, того же 15 іюля, сообщавшаго о рекогносцировкѣ Эски-Загры подполковникомъ Бѣлогрудовымъ, оказывалось, что этотъ городъ не очищенъ непріателемъ, а напротивъ того занятъ довольно сильнымъ отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Наконецъ были получены донесенія, что турки изъ Филиппополя перешли въ Чирпанъ. Всѣ эти свѣдѣнія ясно ука-

звали, что гроза уже нависла надъ отрядомъ и что черезъ нѣсколько дней она разразится надъ долиною Тунджи.

А между тѣмъ положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось. Плевна все еще не была взята, и два слабыхъ отряда въ долину Тунджи все еще продолжали стоять въ полной независимости другъ отъ друга и преслѣдуя различныя цѣли.

Положеніе дѣлалось невыносимымъ. Оставалось только, бросивъ всѣ другія цѣли, искать спасенія въ отступленіи на верхъ перевала.

Однако генераль Гурко, вѣруя въ скорое паденіе Плевны и уповая, что вслѣдъ за этимъ паденіемъ будутъ высланы къ отряду достаточныя подкрѣпленія, вовсе не желалъ уступать туркамъ долину Тунджи безъ боя. Вслѣдствіе этого, не предвидя успѣха отъ фронтальнаго столкновенія, даже на весьма сильной Эски-Загрской позиціи, такъ какъ послѣднія свѣдѣнія ясно показали, что турки обладаютъ черезъ-чуръ большимъ превосходствомъ въ силахъ, вознамѣрился искать спасенія путемъ маневровъ. Для этого былъ выбранъ слѣдующій планъ дѣйствій: бросить путь отступленія на Шибку; быстро перемѣнить базу на Хайнъ-Кей, удалить на крайній правый флангъ турокъ—Иени-Загру; разбить здѣсь правофланговый отрядъ и, пользуясь превосходствомъ въ кавалеріи, дѣйствовать ею на флангъ и тылъ наступающихъ колоній на Эски-Загру. Выгоды отъ этого плана представлялись слѣдующія: 1) Сулейманъ-паша, наступая на Эски-Загру, билъ бы въ пустую; 2) путь отступленія отряда на Хайнъ-Кей былъ удобнѣе, чѣмъ на Шибку; а потому отрядъ избѣгалъ катастрофы; 3) въ случаѣ удачнаго исхода операціи на Иени-Загру, т. е. въ случаѣ разбитія тамошняго турецкаго отряда, неизбѣжно наносился туркамъ сильный нравственный ударъ; 4) дѣйствуя кавалеріею на флангъ и тылъ наступавшимъ туркамъ, можно было ожидать задержать ихъ наступленіе въ долину Тунджи. Имѣя въ Иени-Загрѣ, на флангѣ своего наступленія, передовой отрядъ, можно было предвидѣть, что турки, прежде чѣмъ идти въ долину Тунджи, найдутъ нужнымъ отнять обратно Иени-Загру и вытѣснить насъ изъ долины Марицы. Вообще представлялось невозможнымъ, чтобы турки рѣшились оставить въ нашихъ рукахъ столь важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ, какъ Иени-Загра; 5) отъ этого получался болѣе или менѣе значительный выигрышъ времени, въ теченіе котораго Плевна могла быть взята, и отрядъ могъ получить достаточныя подкрѣпленія,

чтобы разбить турокъ. Имѣя въ виду всё эти выгоды, съ другой же стороны имѣя въ тылу Хаинъ-Богазъ и потому несколько не опасаясь за болѣе или менѣе удачное отступленіе, генераль Гурко приказалъ тотчасъ же составить слѣдующій рапортъ:

№ 19

16 іюля 1877

Его Императорскому Высочеству

Казанлыкъ

Главномандующему

Рапортъ.

Со времени моего послѣдняго рапорта, получены свѣдѣнія о непріятелѣ: въ Карабунарѣ (станція жел. дор. на Ямпольской вѣтви, къ сѣверу отъ Сейменли-Тырнова) собирается армія Сулеймана-паши, прибывающая изъ Аятивари.

По показаніямъ болгаръ, бѣжавшихъ изъ Адрианополя, армія эта должна дойти до 2 тыс. человекъ, по показаніямъ же турокъ до 40 тыс. Въ настоящее время она еще не вся собралась, но сколько именно уже прибыло въ Карабунаръ, пока еще неизвѣстно. Принимая во вниманіе, что уже болѣе недѣли какъ ночные поѣзда не ходятъ, небольшую величину турецкихъ вагоновъ, и то, что первые эшелоны арміи только недавно начали прибывать въ Карабунаръ, я полагаю, что потребуется еще довольно времени, чтобы вся армія успѣла здѣсь собраться.

Въ настоящее время войска, уже прибывшія въ Карабунаръ, возводятъ укрѣпленія. Армія Сулеймана-паши находится, по словамъ болгаръ, въ очень дурномъ состояніи: люди плохо одѣты, плохо кормятся, не получаютъ содержанія и не имѣютъ палатокъ. Въ Сейменли-Тырновѣ находится теперь около 6 тыс. человекъ, которые укрѣпляютъ позиціи. Эти 6 тыс. хотя и находятся подъ командою Сулеймана-паши, но не были съ нимъ въ Черногоріи и поступили только недавно въ составъ собирающейся арміи. Эти баталіоны хорошо одѣты, хорошо снабжены и стоятъ въ палаткахъ. Артиллеріи во всей арміи пока еще не много, всего 10 оруд. въ обоихъ лагеряхъ; повидимому, орудія всё горныя.

Кавалерія состоитъ преимущественно изъ черкесовъ и конныхъ баши-бузуковъ, хотя драгуны видѣли одинъ уланскій полкъ.

Въ Коаджикъ (разрушенная станція на Филиппопольской жел. дор.) прибыло довольно много баши-бузуковъ и около 1½ мустахфиза. Въ Чирпанѣ собираются мустахфизы и шиб-

киевскіе бѣглецы, прибывающіе изъ Филиппополя. Позиція у Чирпана укрѣпляется.

Въ Филиппополѣ и далѣе къ западу войскъ совсѣмъ нѣтъ, баши-бузукы нападали на Рахманлы, но были отбиты мѣстнымъ населеніемъ.

Что касается до восточнаго района, то въ Сливнѣ имѣется около 2 тыс. человекъ. Этотъ отрядъ содержитъ постъ на Демиръ-Капу. Въ Лени-Загрѣ турецкихъ войскъ не очень много; большая часть изъ бывшихъ тамъ войскъ отошли къ Карабунару.

Вслѣдствіе полученнаго отъ начальника полеваго штаба увѣдомленія, что повидимому армія изъ Шумлы отступаетъ къ Адрианополю, я приказалъ кievскому гусарскому полку съ 2-мя конными орудіями произвести сегодня, 16 іюля, усиленную рекогносцировку къ Лени-Загрѣ, и, если будетъ возможно, то, къ Сливнѣ, и предложилъ генералу Борейшѣ съ своей стороны тоже послать сильныя рекогносцировочныя партіи къ Сливнѣ.

Если имѣющіяся въ настоящее время свѣдѣнія о слабости турецкихъ войскъ въ Лени-Загрѣ и Сливнѣ подтвердятся, то, кажется, можно будетъ придти къ заключенію, что едва-ли вѣрно предположеніе объ отступленіи арміи изъ Шумлы къ Адрианополю, потому что въ этомъ случаѣ были бы выставлены въ этихъ городахъ болѣе сильныя заслоны.

Изъ всего вышеизложеннаго Ваше Императорское Высочество изволите усмотрѣть, что настоящая минута—самая удобная для разбитія войсками, спустившимися съ Балканъ въ долину Тунджи, собирающейся арміи по частямъ; что черезъ нѣсколько дней войскъ этихъ будетъ недостаточно, а дней черезъ 5 или 6 (такъ какъ этотъ рапортъ писался вечеромъ 15 іюля, то значить 20 или 21 іюля) армія Сулеймана уже сдѣлается для насъ опасною, въ особенности же, принимая во вниманіе разбросанность нашихъ силъ.

Въ виду предписаній, полученныхъ мною отъ начальника полеваго штаба, и задержанія бригады ген. Борейши со спеціальною цѣлію у Хаянъ-Кѣйскаго прохода, атаковать собирающуюся армію Сулеймана я былъ не въ состояніи. Держаться же у подножія Шибкинскаго перевала я считаю положительно невозможнымъ, потому что, въ случаѣ неудачи, взобраться на гору всему отряду будетъ физически невозможно, и, въ этомъ случаѣ, катастрофа будетъ неизбѣжна.

Поэтому я предполагаю, если не получу никакихъ подкрѣпленій, черезъ нѣсколько дней перейти къ Лени-Загрѣ, съ тѣмъ чтобы имѣть путь отступленія на Хаинъ-Богазъ, такъ какъ у этого прохода есть довольно сильная позиція, на которой можно держаться противъ превосходнаго непріятели и такъ какъ тамъ, въ случаѣ неудачи, можно будетъ, хотя не съ большими потерями, уйти въ ущелье и остановиться на перевалѣ.

При этомъ считаю священнымъ долгомъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что отступление наше будетъ сопровождаться поголовнымъ избіеніемъ всего болгарскаго населенія городовъ Ески-Загры и Казанлыва и всѣхъ деревень долины Тунджи.

Я содрогаюсь при мысли, что временное пребываніе наше въ этихъ мѣстахъ будетъ причиною столь ужасной участи жителей этого района. Не скрою также, что отступление наше въ горы и затѣмъ вторичный выходъ въ долину Тунджи, въ виду ободрившейся арміи, безъ всякаго сомнѣнія будетъ стоить и намъ громаднхъ жертвъ.

Въ виду этихъ соображеній, я намѣренъ держаться въ Лени-Загрѣ со всѣмъ моимъ отрядомъ до послѣдней крайности, *разсчитывая, что, маневрируя моею кавалеріею въ долину къ югу отъ Малаго Балкана, я удержу Сулеймана-пашу отъ наступленія на продолжительное время и что я успѣю получить подкрѣпленіе.*

Но, такъ какъ вслѣдствіе предписаній, полученныхъ отъ начальника полеваго штаба арміи, я долженъ оставаться у подножія Шибкинскаго перевала, то, для приведенія въ исполненіе моихъ предположеній, я нуждаюсь въ разрѣшеніи Вашего Императорскаго Высочества и притомъ въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ всякое промедленіе можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія“.

Начальникъ передоваго отряда
Генераль-адъютантъ Гурко.

Такимъ образомъ цѣлію предстоящихъ дѣйствій ставился выигрышъ времени; средствомъ же переходъ въ Лени-Загру и дѣйствія кавалеріи на флангъ и тылъ предвидѣвагося наступленія турецкихъ войскъ. При этомъ успѣхъ операціи считался возможнымъ при условіи своевременнаго начала дѣйствій; всякое промедленіе могло имѣть дурныя послѣдствія. Своевременнымъ началомъ считалось, если мы предупредимъ

турокъ, или, на самый дурной конецъ, начнемъ движеніе въ одно время съ ними; несвоевременнымъ—если начнемъ движеніе позже турокъ.

Поэтому въ штабѣ передоваго отряда очень торопились и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта Его Высочества главнокомандующаго.

Вскорѣ послѣ полудня 16 іюня было получено слѣдующее предписаніе начальника полеваго штаба арміи:

„Въ отвѣтъ на рапортъ вашего превосходительства отъ 16-го сего іюня за № 19 Его Императорское Высочество главнокомандующій приказать изволилъ увѣдомить васъ, что соглашается вполнѣ со всѣми вашими соображеніями и предоставляет вамъ полную свободу дѣйствій. О подчиненіи вамъ первой бригады 9 пѣх. дивизіи (которою вы можете распорядиться совершенно по вашему усмотрѣнію) и объ отправкѣ къ вамъ одной 9 ф. батареи вашему превосходительству уже сообщено.

Для сегодня. Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ все еще не началъ атаку Плевны, между тѣмъ вчера, 15 іюля, турецкій отрядъ, въ составѣ около 3 тыс. пѣхоты съ 6 орудіями и съ 300—400 чел. конницы, занялъ Ловчу, изъ которой небольшой отрядъ подполковника Бакланова (3 сотни и 2 орудія) принужденъ былъ отступить и остановился на позиціи на подорогѣ между Ловчей и Сельви. На подкрѣпленіе къ брянскому полку пойдетъ завтра 17-го утромъ въ Сельви волыняскій пѣхотный полкъ съ батареею; отрядъ этотъ будетъ состоять подъ начальствомъ ген.-маіора Дерожинскаго. Трѣмъ полкамъ 16 пѣх. дивизіи приказано перейти завтра, 17 іюля, изъ Турской Сливы къ Иванче, 13-му корпусу продвинуться къ дорогѣ на Ески-Джуму; голова корпуса—бригада пѣхоты стоитъ сегодня у д. Церковны; остальные части эшелонированы по-бригадно въ разстояніи полуперехода эшелонъ за эшелонъ. Эти распоряженія сдѣланы на случай возможнаго наступленія турокъ, которые сосредоточились повидимому къ Шумлѣ, а что намѣрены предпринять затѣмъ—неизвѣстно. По донесеніямъ изъ Руцукскаго отряда, въ Руцукѣ остался лишь необходимый гарнизонъ, а всѣ войска потянулись черезъ Разградъ къ Ески-Джумѣ и Шумлѣ. 14-го вечеромъ и 15-го утромъ гр. Воронцовъ-Дашковъ у д. Ендрже (по дорогѣ изъ Руцука въ Разградъ) имѣлъ дѣло съ непріятельскимъ отрядомъ, шедшимъ изъ Руцука съ транспортомъ, разбилъ

его, но насколько и куда послѣ этого непріятель отступилъ— еще неизвѣстно.

Турецкій авангардъ, стоявшій на Османъ-Базарской дорогѣ въ виду нашей авангардной позиціи у Джутина, вчера отступилъ, но какъ далеко, кавалерія 13 дивизіи еще не узнала.

Сегодня или завтра генералъ баронъ Криденеръ предполагаетъ атаковать непріятеля⁴.

По полученіи этого предписанія, ген. Гурко рѣшилъ, не теряя ни одной минуты, тотчасъ привести въ исполненіе планъ сосредоточенія всѣхъ отрядовъ въ Лени-Загру на флангѣ предстоявшаго наступательнаго движенія Сулеймана.

Д. НАГЛОВСКІЙ.

ВСТРѢЧА.

РАЗСКАЗЪ.

(Посв. графинѣ Людмилѣ Степановнѣ Крейцъ).

I.

Маленькій пароходикъ бойко пробирался между извилистыми берегами небольшой, судоходной рѣчки, ознакомившись лишь года два передъ тѣмъ съ рѣзкимъ звукомъ пароваго свистка.

Графу Леониду Алексѣвичу Хозарову вдумалось упростить сообщенія между своими обширными помѣстьями и губернскимъ городомъ, расположеннымъ верстахъ въ тридцати отъ его главной резиденціи—села Кленоваго.

Затрата семи-восьми тысячъ, въ которыя обошлось сооруженіе этого суденышка, щедро оплачивалась услугами, оказываемыми имъ по подвозу хлѣба къ обширному винокуренному заводу, расположенному нѣсколько выше по рѣкѣ, въ другомъ имѣніи того же владѣльца—Хозаровкѣ и потому, несмотря на расчетливость, Леонидъ Алексѣвичъ удерживалъ за собою исключительное право пользоваться удобствами созданнаго имъ новаго сообщенія, не приобщая къ нимъ прибрежнаго населенія.

Кромѣ немногочисленнаго штата пароходной прислуги, состоявшаго изъ лоцмана, кочегара и рулеваго, на палубѣ находились всего четыре постороннихъ лица: самъ графъ, его дальній родственникъ Николай Николаевичъ Крицкій, камердинеръ Назаръ Лукичъ и нѣмецъ-механикъ, выписанный изъ Силезіи для вновь устраиваемаго лѣсопильнаго завода. Это чаленское общество, по естественному сочетанію своихъ со-

ставныхъ элементовъ, разбилося на двѣ группы. Подъ тѣмъ, на носу, расположился графъ со своимъ гостемъ, между тѣмъ какъ на кормѣ Назаръ Лукичъ, съ апломбомъ и находчивостью человѣка „образованнаго“ и выдавашаго виды, снисходительно выслушивалъ повѣствованіе силезца о преимуществахъ какого-то вновь изобрѣтеннаго сложнаго привода для сбереженія двигательной силы. Отрывочныя восклицанія въ родѣ „мерквюрдигъ“, „зеръ ангенемъ“, „истъ-ес-мѣглихъ“, которыми графскій любимецъ признавалъ приличнымъ прерывать по временамъ рѣчь своего собесѣдника, очевидно ввели въ заблужденіе относительно его лингвистическихъ познаній не только сего послѣдняго, но даже и кочегара, внимательно прислушивавшагося къ непонятному разговору, сидя у своего траппа.

— И о чемъ это они такъ живо рассказываютъ, Назаръ Лукичъ, почтительно полюбопытствовалъ онъ, озадаченный энергическою жестикюляціей, посредствомъ которой словоохотливый нѣмецъ старался наглядно изобразить дѣйствіе описываемаго механизма.

— Да все про то, какъ хорошо живется въ ихъ сторонѣ, небрежно пояснилъ Назаръ Лукичъ, — словно я самъ не знаю!

— И неужто вы все понимаете, что онъ лакочеть?

— Еще бы, съ достоинствомъ замѣтилъ привилегированный слуга—вѣдь мы съ графомъ, почитай, болѣе десяти лѣтъ промаячились по всѣмъ чужимъ краямъ—было когда научиться! Да что но-нѣмецки—это плевое дѣло, а вотъ по-аглички, или еще по-итальянски и не приведи Богъ, какъ трудно! Когда ихъ сіятельство состояли „атташеемъ“ при папѣ римскомъ, много я натерпѣлся бѣды, пока выучился изъясняться, ну, а потомъ ничего, обошлось.

— Извѣстное дѣло—образованность, вздохнулъ кочегаръ, подкидывая новую охапку кокса, между тѣмъ какъ Назаръ Лукичъ, съ любезностью свѣтскаго джентльмена, вѣжливо угощалъ силезца папирскою изъ походнаго портсигара, висѣвшаго на его плечѣ, приговаривая „битте зеръ“.

Подъ тѣмъ шла тоже оживленная бесѣда.

— Ты имѣешь передъ собою рядъ дѣйствительно заманчивыхъ, широкихъ задачъ, говоритъ Крицкій, выслушавъ длинное повѣствованіе графа о его намѣреніяхъ являться неумимымъ поборникомъ правды, насадителемъ нравственнаго и ма

теріальнаго благосостоянія среди связаннаго съ нимъ общностью интересовъ и традиціей мѣстнаго населенія,—и я съ радостью убѣждаюсь, что продолжительное пребываніе за границей не сдѣлало тебя—какъ нерѣдко случается—совершенно чуждымъ задачамъ нашей общественной и народной жизни; правда, крупная земельная собственность составляетъ крѣпкую, органическую связь, которая въ концѣ концовъ притягиваетъ на родину, какъ въ единственную спокойную и надежную гавань.

— Еще бы! *Sa patrie est une épouse fidèle qui nous reprends alors que les autres ne veulent plus de nous*, сентенціозно замѣтилъ графъ,—но независимо всякихъ сердечныхъ побужденій я давно тяготѣлъ къ этимъ мѣстамъ и только подчиненіе волѣ покойнаго батюшки, требовавшаго, чтобы я, согласно семейной традиціи, слѣдовалъ дипломатической карьерѣ, принудило меня провести на чужбинѣ лучшіе годы молодости. Надѣюсь теперь нагнать потерянное время car au fond j'ai suivi avec le plus vif intérêt et la plus scrupuleuse attention le mouvement intellectuel et social qui doit régénérer notre pays et me crois tant soit peu au fait de la situation.

Крицаго покоробило отъ этой иноземной фразы богатаго барича, столь самоувѣренно готовившагося примѣнять на родинѣ сомнительные плоды своихъ далекихъ наблюденій, почерпнутые изъ газетныхъ столбцовъ, но, какъ человекъ благовоспитанный, онъ сумѣлъ сдержать наvertsывавшееся возраженіе и только съ улыбкой замѣтилъ:

— Издалека все кажется пригляднѣе, но темныя пятнышки роднаго ландшафта не должны ослаблять твоей энергии. Съ твоими пятьюдесятью тысячами десятинъ чернозема и порядочными сваями, ты можешь, если серьезно примешься за дѣло, явиться мѣстною общественною силою, передъ которою, какъ подъ мечомъ архангела, разсѣется всякая нечесть, и праведные возликують.

Не довѣряя искренности пышныхъ фразъ Ховарова, трескучая бессодержательность и холодный эгоизмъ котораго обрисовывались еще въ ранней молодости, онъ невольно впадалъ въ иронію, слушая его проекты объ облагодѣтельствованіи сосѣднихъ населеній, а за ними чуть-ли не цѣлой Россіи.

Графъ тѣмъ не менѣе принялъ за чистую монету замѣчаніе стараго товарища, вполне гармонировавшее съ его собственнымъ мнѣніемъ о своемъ значеніи.

— Я такъ и надѣюсь, замѣтилъ онъ съ самодовольной усмѣшкой, но прежде чѣмъ всецѣло отдаться заботамъ объ общественномъ благѣ, нужно было серьезно заняться своими личными дѣлами. Батюшка оставилъ состояніе въ отличномъ порядкѣ, но въ управленіи имѣніями господствовала страшная рутина. Все это пришлось съ мѣста же преобразовывать и поставить на высоту современныхъ хозяйственныхъ требованій, что при нашемъ хроническомъ недостаткѣ въ людяхъ представило не мало хлопотъ и затрудненій. Вообрази себѣ—въ одинъ годъ я смѣнилъ трехъ главныхъ управляющихъ, пока, наконецъ, не попалъ на порядочнаго человѣка.

— Изъ нѣмцевъ, разумѣется, спросилъ Крицкій.

— Нѣтъ, поляка, un deporté, ils sont inappréciables comme régisseurs et d'une discrétion!.. Нѣмцевъ я имѣю за главнаго лѣсничаго и управляющаго заводомъ.

— А что же наши—не потрафили?

— Ужъ и не говори, съ отчаяннымъ жестомъ махнулъ рукою графъ,—ты знаешь насколько я „толерантенъ“ и пропитанъ, такъ сказать, пристрастіемъ ко всему родному, начиная съ Назара, испытующаго мое терпѣнье около пятнадцати лѣтъ, но право съ „этими господами“ нѣтъ никакой возможности имѣть дѣло: самомнѣніе и халатность рядомъ съ вопіющимъ невѣжествомъ. Книжной учености бездна, а сосну отъ ели отличить не сумѣютъ. Были у меня и технологи и академисты—благодарилъ Бога, когда избавился.

— Въ семьѣ не безъ уroda, замѣтилъ Крицкій, ты вѣрно неудачно попалъ.

— Нѣтъ, мой милый, не то—выдержки не хватаетъ, да и школы надлежащей нѣтъ. Entre nous, намъ все-таки не мѣшаетъ чаще приглядываться къ „гнилому западу“ comme disent les slawophiles.

— Ну, а кромѣ заботъ о своихъ личныхъ, имущественныхъ дѣлахъ, ты, конечно, не мало удѣляешь времени и службѣ общественной, спросилъ Крицкій, желавшій перемѣнить не совсѣмъ пріятный для него разговоръ. Могу себѣ представить, сколько разнообразныхъ и сложныхъ обязанностей приходится совмѣщать: вѣдь ты, вѣроятно, и предводитель, и председатель Управы и председательствуешь въ Мировомъ Съѣздѣ и такъ далѣе, не считая различныхъ временныхъ комитетовъ и комиссій по всевозможнымъ вопросамъ—цѣлая энциклопедіа практическихъ знаній!

— Пока совершенно свободный гражданинъ, но со временемъ, если представится случай и подходящее положеніе, я, пожалуй, буду не прочь попробовать свои силы и на этомъ поприщѣ, небрежно проговорилъ графъ, — хотя, по правдѣ, меня не особенно прельщаетъ перспектива ломать копыя съ мѣстной администраціей, неизбежная при всякой общественной службѣ.

— Почему же непременно „ломать копыя“, усмѣхнулся Николай Николаевичъ.

— Il paraît qui c'est le mot d'ordre, впрочемъ, ты, въ качествѣ члена магистратуры, лучше другихъ долженъ про то знать!

— Я знаю только, что несогласное и сепаратное дѣйствіе составныхъ частей всякаго организма, а тѣмъ болѣе, такого сложнаго, какъ государственный, нелѣпая аномалія, способная лишь подрывать его жизненныя силы.

— Ты, я вижу, все такой же закоренѣлый консерваторъ, какимъ былъ въ университетѣ— c'est mal porté par le temps qui court, разсмѣялся графъ.

— Что дѣлать, несмотря на свои грядущіе 40 лѣтъ, я все-таки не научился полезному искусству приурочивать совѣсть къ вѣяніямъ моды и духа времени!

— Нѣтъ, ты меня не понялъ, спохватился Хозаровъ, я все не имѣлъ въ виду возносить въ принципъ пресловутое „Paris vaut bien une messe“ Генриха IV, а только хотѣлъ сказать, что обязанность каждаго честнаго дѣятеля въ настоящее время противодѣйствовать во всемъ ретрограднымъ элементамъ, препятствующимъ нашему обществу двигаться впередъ по мирному пути реформъ и прогресса, на который оно такъ счастливо вступило пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Прекрасно, но кто же по-твоему эти ретроградные элементы?

Такой прямой вопросъ, повидимому, нѣсколько озадачилъ либеральнаго барина.

— Какъ кто, горячился онъ, силясь подыскать соответственный отвѣтъ, — крѣпостники, ретроградная пресса, чиновничество... всѣ тѣ, которые желаютъ оставаться на полпути, боятся довести зданіе до купола, а предпочитаютъ оставить его раскрытымъ на произволъ непогодамъ.

— Мой милый графъ, спокойно дослушавъ его, проговорилъ Крицкій, я вижу, что долгое служеніе внѣшнимъ интересамъ нашей родины затемнило нѣсколько передъ тобою на-

стоящій смыслъ ея внутренней жизни. Крѣпостники со дня обнародованія Положенія 19 февраля отошли въ область фантази вмѣстѣ съ бабою-ягою, въ которую болѣе не вѣрятъ и малыя дѣти, пресса наша свободнѣе чѣмъ гдѣ-либо, а чиновничество, не въ укоръ ему будь сказано, сверху до низу, если чѣмъ и грѣшится, то ужь, конечно, не избыткомъ консерватизма! Затѣмъ, не вдаваясь въ частности, которыя завлекли бы насъ слишкомъ далеко, поставлю тебѣ одинъ простой вопросъ, въ которомъ кроется отвѣтъ и на всѣ остальные: откуда по твоему пошло начало нашего прогресса, нашихъ реформъ?

— Изъ потребностей времени, сознанія общества...

— Несомнѣнно, но кто же явился ближайшимъ выразителемъ и осуществителемъ этихъ потребностей, безъ чего онѣ могли еще долго оставаться одною *ria desideria*, какъ оставались для тѣхъ же самыхъ „лучшихъ людей“ сороковыхъ годовъ, наслѣдіемъ которыхъ мы такъ еще недавно гордились?

— Конечно, правительство.

— Ну такъ изъ-за чего же ты уже загодя намѣреваешься „ломать копья“ съ органами этого самаго правительства, удовлетворившаго твоимъ либеральнымъ потребностямъ, и какой въ сущности, при историческомъ, вѣковомъ строѣ нашей народной жизни, можетъ выйти толкъ изъ подобнаго турнира, кромѣ развѣ повторенія репетиловскаго — „шумимъ!“

Графъ былъ непріятно озадаченъ несложными доводами своего собесѣдника, но проникнутый убѣжденіемъ въ непогрѣшимость своихъ воззрѣній предпочелъ успокоиться на заключеніи, что дальнѣйшее продолженіе разговора въ томъ же направленіи, вслѣдствіе „узкости взглядовъ“ Крицкаго, не представляетъ существеннаго интереса. Какъ истинно свѣтскій человекъ, онъ вообще избѣгалъ слишкомъ горячихъ споровъ, считая ихъ признакомъ дурнаго тона. Ему было вполне достаточно гордаго сознанія, что онъ, графъ Леонидъ Алексѣевичъ Хозаровъ, обладатель не только разстилавшихся кругомъ, но и тамъ, далеко за предѣлами видимаго горизонта, водъ, земель и лѣсовъ, съ цѣлымъ населеніемъ нуждающихся въ немъ людей, несмотря на свои обширныя средства и связи, позволявшія ему „faire figure“ въ любой европейской столицѣ, является нѣкимъ добровольнымъ апостоломъ прогресса и культуры среди отечественныхъ палестинъ. Онъ не сомнѣвался въ цивилизующемъ значеніи „своей миссіи“ и хотя въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со времени его возвра-

щепія изъ чужихъ краевъ и водворенія въ Кленовомъ, вся вѣйшняя дѣятельность его исчерпывалась расширеніемъ винокуреннаго производства, что являлось особенно выгоднымъ въ виду низкихъ цѣвъ на хлѣбъ, выпискою пароходика и замѣною всей русской администраціи своихъ обширныхъ помѣстій нѣмцами, поляками и другими инородцами, Леонидъ Алексѣевичъ твердо былъ убѣжденъ, что человѣкъ, безвыѣдно прожившій болѣе десяти лѣтъ „въ Европѣ“, посѣщавшій два сезона лекціи Каро и засыпавшій съ томикомъ Токвиля, Пеллетана или Жюля Симона, не можетъ не принести громадной пользы своей странѣ.

Не взирая на такую, отчасти смѣшную, претензію, графъ Леонидъ Алексѣевичъ былъ человѣкъ далеко не глупый, если признавать за признакъ ума умѣніе пользоваться людскими слабостями и легкомысліемъ для достиженія возможно большей доли личныхъ благъ.

Чуждый того истиннаго патриотизма, который является естественнымъ послѣдствіемъ прилежнаго изученія народной жизни и управляющихъ ею историческихъ началъ, онъ полагалъ, какъ весьма многіе, что вся эта столь сложная въ своей величавой простотѣ жизнь нѣчто въ родѣ чистой тетради, гдѣ и онъ призванъ написать свою страницу, тѣмъ болѣе, что въ головѣ его скопился непереваренный запасъ всякихъ хорошихъ мыслей и полезныхъ рецептовъ. Пробудившаяся съ годами зрѣлости жажда значенія и власти заставила его бросить дипломатическую карьеру, гдѣ повышенія далеко не соответствовали его честолюбивымъ требованіямъ, и подъ предлогомъ признанія своего гражданскаго долга водвориться въ давно покинутомъ, родовомъ гнѣздѣ. Расточая при всякомъ удобномъ случаѣ либеральныя фразы объ общественныхъ правахъ, самостоятельности, ослабленіи правительственной опеки, онъ умѣлъ, гдѣ и съ кѣмъ надлежало, облекаться въ пышную мантію толерантнаго ландъ-лорда, подсмѣиваясь надъ невинными шалостями „маленькихъ виговъ“ и давая понять съ многозначительною улыбкою, что при „извѣстныхъ условіяхъ“ ему не будетъ стоить особаго труда призвать ихъ къ порядку. Несмотря на свои оппозиціонныя стремленія, онъ охотно дружилъ съ губернаторомъ, большимъ баринномъ и крупнымъ землевладѣльцемъ одной изъ сосѣднихъ губерній, раздѣлявшимъ въ значительной мѣрѣ его фешіонбельный скептицизмъ и высокоумѣнное недовѣріе ко всему родному. Цѣлью такихъ

*

разностороннихъ загрываній являлось усердное желаніе подготовить свою кандидатуру на должность губернскаго предводителя дворянства на предстоявшихъ выборахъ, и графъ имѣлъ всѣ заручки для успѣха задуманнаго.

Разумѣется, не одно пустое тщеславіе побуждало графа добиваться этого виднаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно сопряженнаго съ значительными издержками положенія. Нѣтъ, онъ слишкомъ любилъ свои деньги, чтобы жертвовать ими ради одного громкаго титула, и смотрѣлъ на домогаемый постъ лишь какъ на выгодную ступень для дальнѣйшихъ повышеній. Его знали въ столицѣ, одно его имя и состояніе способны были ему открыть самыя недоступныя двери, но всего этого было еще недостаточно для предъявленія тѣхъ крупныхъ запросовъ, съ которыми онъ намѣревался выступить передъ власть имѣющими. Нужно было прежде всего продѣть ногу въ стремя, явиться не зауряднымъ искателемъ, а „человѣкомъ нужнымъ“, ни въ комъ особенно не заискивающимъ, но готовымъ прийти на помощь совѣтомъ и дѣломъ. Предводительская должность вполнѣ обеспечивала ему такое выгодное вступленіе.

Леонидъ Алексѣевичъ, какъ замѣчено было выше, не почелъ нужнымъ ни возражать противъ насмѣшливаго замѣчанія Крицкаго, ни посвящать его далѣе въ свои интимныя помыслы. Онъ уже и такъ досадовалъ, что отступилъ отъ своей профессиональной сдержанности и сболтнулъ можетъ быть болѣе, нежели слѣдовало передъ человѣкомъ видимо „инаго лагеря“. Правда, что такая оплошность не могла имѣть серіозныхъ послѣдствій. Крицкій хотя и владѣлъ небольшою земельною собственностью въ губерніи, но проживалъ въ другомъ концѣ Россіи, гдѣ служилъ по судебному вѣдомству. Онъ пріѣхалъ въ краткосрочный отпускъ для соглашенія съ крестьянами относительно аренды оставшейся у него за надѣломъ земли, не представлявшей необходимыхъ условій для веденія самостоятельнаго хозяйства. Встрѣча съ графомъ была случайностью.

Они столкнулись за завтракомъ въ рестораціи гостиницы, гдѣ остановился Николай Николаевичъ, и послѣ пятнадцати лѣтъ разлуки припомнили свое дальнее родство и школьное товарищество. Путь Крицкаго пролегалъ какъ разъ мимо Кленоваго, и Леонидъ Алексѣевичъ, не утратившій окончательно на чужбинѣ привычки русскаго гостепримства, на-

стоялъ на посѣщеніи своей резиденціи старымъ товарищемъ. Отправляясь въ С***, Николай Николаевичъ, конечно, хорошо зналъ, что по сосѣдству находится родовое гнѣздо его троюроднаго брата, но давно отставшій отъ Петербурга и свѣта, притомъ же никогда не заискивавшій передъ богатою и знатной роднею, онъ вовсе не рассчитывалъ туда заглядывать, ничего не вѣдая какъ о возвращеніи графа въ Россію, такъ и объ его недавней женитьбѣ. То немногое, что удалось ему прозрѣть сквозь пышныя, либеральныя фразы бывшаго товарища, далеко не способствовало пробужденію къ нему симпатій. Преобразовательные и оппозиціонные замыслы этого барича, болѣе десяти лѣтъ не заглядывавшаго на родину, такъ самонадѣянно и смѣло готовившагося врачевать незнакомые ему недуги, возмущали въ немъ самолюбіе труженика и мыслителя. Это чувство вырвалось у него невольно рѣзкою фразою, о которой онъ теперь сожалѣлъ, опасаясь по врожденной деликатности оскорбить человѣка, встрѣтившаго его послѣ столькихъ лѣтъ разлуки съ распростертыми объятіями.

— А вотъ и Кленовое, указалъ графъ, когда пароходикъ обогнулъ довольно крутой пригорокъ, и на прозрачномъ фонѣ вечерняго неба обрисовался далекій профиль роскошнаго барскаго дома, гордо выступавшій своею бѣлою колоннадою надъ темными кучами разстилавшагося у его подножія, вплоть до самаго берега, тѣнистаго сада, — Nelly вѣроятно поджидаетъ меня на террасѣ.

— Какъ чудно пахнетъ черемухой и сиренью, замѣтилъ Крицкій съ наслажденіемъ горожанина, отвыкшаго отъ деревенскаго приволья, вдыхая полною грудью чистый, насыщенный вечерними ароматами воздухъ, потянувшій на встрѣчу.

— Да, у меня тутъ весною и лѣтомъ въ самомъ дѣлѣ не дурно, снисходительно замѣтилъ графъ,—но все это еще далеко отъ желаннаго совершенства. Прежде всего нужно былъ заняться существеннымъ — хозяйствомъ, но и *utile-dulce* по мѣрѣ возможности не забыто.

Минуть черезъ двадцать спустя пароходикъ уже причалилъ къ маленькой пристани, расположенной противъ тѣнистой аллеи нижняго сада, по которой путники пробрались къ легкой, но крѣпкой чугунной рѣшеткѣ, отдѣлявшей его отъ такъ называемаго верхняго сада, непосредственно прилегавшаго къ господскому дому. Графъ отомкнулъ калитку небольшимъ складнымъ ключомъ, навѣшеннымъ на кольцо его двойной

часовой цѣпи и, пропустивъ все общество, собственноручно замкнулъ калитку.

— По всему видно, что настоящій хозяинъ, улыбулся Крицкій, — вѣритъ только собственному глазу.

— Да, мало ли кто можетъ забрести, особенно въ моемъ отсутствіи, Nelly часто совершенно одна, на террасѣ, прислуга далеко... перепугаютъ... Назаръ проведетъ тебя по этой аллеѣ съ большаго подъѣзда *car je tiens à vous recevoir avec tous les honneurs du à Votre gang*, добавилъ графъ, когда подошелъ къ дому, — а я проберусь черезъ террасу; тутъ почему-то царитъ еще полнѣйшій мракъ: вѣроятно Nelly не ждала меня сегодня и сидитъ у себя на верху. Я только ее предупрежу и сейчасъ же вернусь къ тебѣ.

Несмотря на шутливый, непринужденный тонъ, Крицкому послышалась какая-то затаенная тревога въ отрывочныхъ фразахъ графа.

— Пожалуйста не стѣсняйся и не безпокой графини, если она уже удалилась къ себѣ, какъ ни дорожу я честью быть ей представленнымъ, мнѣ будетъ крайне прискорбно нарушить въ чемъ-либо ея привычки.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько, *nous veillons asser tard...* Назаръ, проводишь Николая Николаевича въ „halle“, или въ мою туалетную, если пожелаютъ оправиться, торопливо приказалъ графъ, исчезая за массивами декоративныхъ растений, украшавшими террасу.

— Какъ все это странно, размышлялъ Крицкій, вступая въ грандіозныя сѣни, украшенныя мраморными статуями и лѣпною работою, гдѣ двое слугъ въ форменныхъ полуливерахъ встрѣтили его съ холодною почтительностью, вѣявшей отдаленною столицею, — неужто это ревность, или только безсознательная тревога страстнаго чувства?..

— Не изводите переодѣваться, спросилъ Назаръ Лукичъ, введшій его въ длинную, полусвѣщенную двумя карселями, гостиную или „halle“, какъ принято было называть въ угоду англо-французскимъ наклонностямъ графа.

Николай Николаевичъ отклонилъ такое предложеніе, сознавая себя вполне опрятнымъ послѣ часа съ небольшимъ, проведеннаго на чистомъ воздухѣ, и, оставшись одинъ, съ любопытствомъ окинулъ глазами обширную гостиную, стараясь предугадать по внѣшнимъ признакамъ, нерѣдко отражающимъ внутреннее содержаніе людей, интимный характеръ незнако-

мой ему хозяйки дома. Здѣсь повидимому сосредоточивалась ея повседневная, не казовая жизнь, насколько можно было судить по тысячѣ мелкихъ бездѣлушекъ, составляющихъ болѣе или менѣе обычную рамку богатой молодой женщины пзвѣстнаго круга. Повсюду встрѣчались слѣды ея незримаго присутствія: тутъ японскій зонтикъ, тамъ рабочій несессеръ, забытая пара длинныхъ, душистыхъ перчатокъ, письменныя принадлежности на булевскомъ бюро, раскрытая книга на атласной кушеткѣ, задрапированной индѣйскою шалью, и ко всему этому цвѣты, цѣлыя купы цвѣтовъ, по угламъ и въ простѣнкахъ, на столахъ и столикахъ, въ золоченныхъ корзинкахъ, саксонскихъ вазахъ, венеціанскихъ бокалахъ и тѣхъ причудливыхъ, безформенныхъ, но граціозныхъ посудинкахъ, которыя изобрѣла современная мода. Крицкій подошелъ къ роялю, полуприкрытому, словно покойникъ, пышнымъ покрываломъ изъ расшитаго шелками золотистаго плюша — на пультахъ лежалъ новый романъ Рубинштейна. Онъ остался доволенъ. Пошлая, избитая вещь среди гармонической обстановки этой комнаты подѣйствовала бы на его нервы рѣскимъ диссонансомъ. Самъ того не примѣчая, онъ проникался обаяніемъ окружавшаго его вязнаго комфорта.

— Тысяча извиненій, послышался еще изъ сосѣдней комнаты голосъ графа, Nelly только-что вернулась съ прогулки верхомъ и переодѣвается къ обѣду. Представь—она до сихъ поръ поджидала меня и ѣздила верстъ шесть на встрѣчу по большой дорогѣ, предполагая, что я возвращусь, какъ и поѣхалъ, въ экипажѣ. *Cela se trouve bien*, но съ другой стороны я сильно опасаюсь угостить тебя для перваго раза перестоявшимся обѣдомъ.

— Мы, кажется, такъ плотно позавтракали, что ты въ правѣ не особенно тревожиться по этому поводу, къ тому же я не гастрономъ, улыбнулся Николай Николаевичъ.

— У меня превосходный Chef, отозвался графъ,— я получилъ его отъ герцога Дежаза, правда, немножко дорогъ, но въ деревенской глуши болѣе чѣмъ гдѣ-либо опѣниваешь прелесть порядочной кухни.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо, замѣтилъ Крицкій,—такую роскошь цвѣтовъ теперь рѣдко встрѣтишь въ нашихъ барскихъ усадьбахъ; всѣ заботы исключительно сосредоточены на производительномъ, полевномъ — словно вязное не можетъ тоже являться законною потребностью человѣческаго существа.

— Ну, это, я долженъ тебѣ сознаться, маленькая потачка слабостямъ Nelly. Она обожаетъ цвѣты, въ особенности розы, съ такимъ фанатизмомъ, что готова забывать для нихъ все на свѣтѣ, не исключая, кажется, и своего супруга.

— Это должно тебя радовать.

— Почему такъ?

— Потому что, если вѣрить общепринятому мнѣнію, любовь къ цвѣтамъ изобличаетъ нѣжную, благородную, любящую натуру.

— Въ самомъ дѣлѣ! Да, Nelly дѣйствительно вполнѣ исчерпываетъ эти качества, несмотря на свою внѣшнюю холодность, которую люди, мало ее знающіе, часто принимаютъ за высокомеріе. *Ps sont tous si drôles ici*—чуть не бросаешься на шею, значитъ важничаешь. Я уже привыкъ считаться съ такою слабостью и, кажется, послѣ двухъ лѣтъ неутомимыхъ усилій, успѣлъ обезпечить себя отъ подобнаго рода нелѣпныхъ подозрѣній, но для женщины это гораздо труднѣе; къ тому же Nelly крайне своеобразна—считаетъ унижительнымъ поддаваться подъ чьи-либо пониманія и вкусы.

— Я полагаю, что подобное качество можетъ только способствовать укрѣпленію общаго уваженія къ графинѣ.

— Да, это, конечно, прекрасно, но въ извѣстныхъ случаяхъ уступки и снисхожденія необходимы, какъ неизбежная дань людскимъ слабостямъ и страстишкамъ, этимъ путемъ гораздо вѣрнѣе и скорѣе подчиняешь себѣ людей, которые въ большинствѣ случаевъ охотно поддаются внѣшнимъ приманкамъ и не всегда расположены доискиваться нашихъ сокрытыхъ достоинствъ.

— Ты судишь, какъ достойный питомецъ Меттерниховъ и Бисмарковъ,—пошутилъ Николай Николаевичъ,—но графиня, вѣроятно, еще не научилась руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ не однимъ разсудкомъ, но и сердцемъ.

— *Le coeur, cher ami, n'est qu'une mauvaise habitude,*—поучительно произнесъ графъ.

— *Dont il est difficile de se defaire,*—договорила съ прелестной улыбкой графиня, незамѣтно появившаяся въ гостиной.

— Мой старый пріятель и родственникъ Крицкій,—представилъ графъ.

— Мы старые знакомые съ Николаемъ Николаевичемъ,—

просто произнесла Елена Дмитриевна, дружески протягивая ему руку, къ которой онъ, объятый невыразимымъ смущеніемъ, едва прикоснулся губами.

— Кушать подано, ваше сіятельство,—тихо пробасилъ на порогѣ дворецкій.

Все прошло въ столовую.

II.

Около часа ночи благодатная тишина деревенскаго покоя спустилась надъ графскимъ домомъ, и только неумолкаемыя рулады соловьевъ тревожили мирную дремоту окружающихъ его тѣнистыхъ купъ. Сладостные призывы пресловутаго „пѣвца любви“ доносились и въ уютную комнату нижняго этажа, гдѣ помѣщался Крицкій, но, конечно, не они мѣшали Николаю Николаевичу насладиться отдыхомъ въ громадной рѣзной кровати изъ цѣльнаго орѣха, приспособленной, согласно всемъ требованіямъ современнаго комфорта, къ успокоенію усталаго человѣчества. Нѣтъ, нервы сорокалѣтняго здороваго мужчины, несмотря на воспримчивость, едва-ли могутъ разыгратъся отъ одного воздѣйствія виѣшнихъ впечатлѣній, способныхъ опьянить юношу до того, чтобы заставить его забыть о сладостяхъ покоя послѣ долгаго дня, исполненнаго движенія и благотворной усталости. Нужно было нѣчто болѣе серьезное, глубже затрогивающее внутренній міръ человѣка, и это „нѣчто“ явилось для Крицкаго въ вызванномъ внезапно къ жизни цѣломъ роѣ далекихъ воспоминаній. Графиня Елена Дмитриевна, съ которою причудница-судьба столкнула его такъ просто и непредвидѣнно послѣ восьми лѣтъ разлуки, была для него не только старою знакомою, какъ она сама это высказала нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ присутствіи мужа, она была единственною глубокою привязанностью отошедшей молодости, свѣтлою надеждою неосуществившагося будущаго. Вотъ какъ все это завязалось, спуталось и перемололось подъ неумолимымъ молотомъ страшнаго механика—жизни. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, состоя судебнымъ слѣдователемъ при С—мъ окружномъ судѣ, Николай Николаевичъ имѣлъ случай облизиться съ семействомъ одного изъ пригородныхъ помѣщиковъ, Дмитрія Павловича Тихвинскаго, имѣніе котораго было расположено въ районѣ его участка. Тихвинскіе были люди довольно

скромнаго достатка, но, благодаря традиціонной порядочности и кое-какимъ родственнымъ связямъ, занимали почетное положеніе въ мѣстномъ дворянскомъ и служиломъ обществѣ. Дмитрій Павловичъ — отставной кавалерійскій полковникъ Николаевскихъ временъ, совмѣщалъ съ широкими замашками добраго малаго ту самородную честность, созданную изъ инстинктивнаго отвращенія ко всему низкому и неопрятному, которая въ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ натурахъ проявляется помимо всякихъ культурныхъ воздѣйствій. Супруга его, Анна Платоновна, нервная, нѣсколько сентиментальная дама, болѣе четверти вѣка не могла примириться съ выпавшими ей на долю тѣсными рамками деревенскаго существованія, считая его злою насмѣшкою судьбы надъ одною изъ послѣднихъ отраслей обѣднѣвшаго, но все же родовитаго дерева князей Шелешпанскихъ. Главнымъ основаніемъ для подобныхъ сѣтованій служило блестящее положеніе ея младшей сестры, княжны Юліи, вкружившей во время коронаціи голову пріѣзжему венгерскому магнату, занявшему впослѣдствіи постъ посла при одной изъ первоклассныхъ державъ. Контрастъ жизненныхъ положеній двухъ сестеръ былъ дѣйствительно достаточно рѣзкимъ, чтобы съ нимъ примириться безъ нѣкоторой доли практической философіи, которой не доставало Аннѣ Платоновнѣ. Свои неудовлетворенные честолюбивые помыслы она перенесла на единственнаго сына, недавно окончившаго воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ техническихъ заведеній столицы. Этотъ юноша, не лишенный отъ природы нѣкоторыхъ способностей, но крайне избалованный ранними ея иміамами домашней среды, гдѣ ему пророчили еще съ дѣтства всякія торжества и успѣхи, пріучился взирать на предстоящую ему дѣйствительную жизнь, какъ на широкую арену для осуществленія своихъ себялюбивыхъ плановъ. Повинуясь господствовавшему моднымъ вѣяніямъ, онъ съ пренебреженіемъ отвернулся отъ военной карьеры, предложенной ему отцомъ, и, по выходѣ изъ военной гимназіи, набросился на техническія знанія, рассчитывая, что онѣ откроютъ ему прямую дорогу къ богатству. Жажда наслажденій и легкой наживы зародилась въ немъ на самомъ рубежѣ отрочества и, поощряемая отсутствіемъ правильнаго надзора и руководства, рано подточила нравственные устои, противодѣйствующіе напору дурныхъ страстей.

Учился онъ довольно исправно, превозмогая природную лѣнь, не потому чтобы наука пробуждала въ немъ дѣйствитель-

ный интересъ, а просто волѣдствіе сознанія, что дипломъ необходимъ для жизни, какъ перчатки для бала. То же самое начало практической разсчетливости воздерживало его до времени отъ рѣзкихъ проявленій таившейся въ немъ разнузданности, способныхъ отдалить или преградить ему доступъ къ той чашѣ жизненныхъ наслажденій, къ которой онъ намѣревался приложиться полными устами. Ловкій, красивый, обладающій опасною способностью вкрадываться въ души людей, вызывая ихъ довѣріе своею напускною непочатостью, двадцати-двухлѣтній Лео Тихвинскій являлъ рѣдкій въ этомъ возрастѣ образецъ свирѣпаго эгоизма, безвѣрія и двоедушія.

Совсѣмъ иными свойствами отличалась, проживавшая подъ родительскимъ кровомъ, восемнадцати-лѣтняя сестра его Елена Дмитриевна, Nelly, какъ звали ее домашніе. Эта дѣвушка являла также образецъ самостоятельнаго, чуждаго всякихъ постороннихъ влѣдствій, развитія, только совершенно въ иномъ направленіи. Одинаково непричастная какъ къ плаксивой сентиментальности матери, такъ и къ покладливому добродушію отца, она бодро шла на встрѣчу жизни съ торжественнымъ спокойствіемъ, не предъявляя ей заранѣе никакихъ запросовъ, но твердо увѣренная, что сумѣетъ, какъ сказочные богатыри, распознать истинный путь, когда доберется до перекрестка. Преимущество родительскихъ качествъ, казалось, отразилось въ ней одною лишь свѣтлою стороною, сочетавъ женственную, породистую изящность Анны Платоновны съ энергіей и прямодушіемъ Дмитрія Павловича. Всѣ посторонніе налеты въ видѣ зауридныхъ выправокъ и сентенцій, муштровавшихъ ее своевременно, по освященному обычаю, нѣмокъ, французенокъ и англичанокъ, отпали какъ-то сами собою, безъ всякихъ насилій подъ живою, здоровою силою этого самобытнаго организма. И въ кого она такая уродилась, съ ужасомъ замѣчала нерѣдко Анна Платоновна, стараясь сдерживать наклонность молодой дѣвушки ко всевозможнымъ физическимъ упражненіямъ, не составлявшимъ въ ея время принадлежности женскаго воспитанія, въ которыхъ Нелли находила естественный исходъ для кившей въ ней ключомъ жизни. Несмотря на свою чувствительность, Анна Платоновна, вся поглощенная нѣжностью къ отсутствующему сыну, относилась къ дочери довольно равнодушно, порою даже не совсѣмъ справедливо и, словно не примѣчая ея симпатичной миловидности, считала почему-то дурнушкой, неспособной поддержать чести семьи такъ называемой

блестящей партіей. Правда, что такую партію трудно было и розыскать при условіяхъ обиденнаго существованія Тихвинскихъ. Ближайшіе деревенскіе сосѣди изъ неженатыхъ были все люди скромнаго достатка, а городская молодежь, посѣщавшая домъ, по условіямъ рожденія и положенія, не соответствовала тѣмъ требованіямъ, какія Анна Платоновна считала себя въ правѣ предъявить будущему зятю. Неожиданное появленіе Николая Николаевича Крицкаго, человѣка хорошей фамиліи, занимавшаго достаточно видное по своимъ лѣтамъ мѣсто судебного слѣдователя, притомъ же имѣвшаго кое-какое состояніе, было привѣтствовано ею, какъ отрадное событіе. Его увлеченіе Нелли стало ясно проглядывать послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства и повидимому вполне совпадало съ наклонностями молодой дѣвушки. Хотя формальнаго признанія вымолвлено еще не было, но усердныя посѣщенія Крицкаго, его почтительная предупредительность и вниманіе не позволяли сомнѣваться въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Самъ Николай Николаевичъ почелъ нужнымъ намекнуть, что ожидаетъ лишь окончанія семейнаго раздѣла, долженствовавшаго упрочить его матеріальную независимость, чтобы явиться претендентомъ на руку Нелли.

Пока такимъ образомъ влюбленная парочка тихо предвкушала ясныя радости будущаго счастья, Левъ Дмитріевичъ — третій годъ все откладывавшій подъ разными предлогами посѣщеніе роднаго гнѣзда — нежданно, негаданно прикатилъ въ Отрадное, — такъ звали имѣніе Тихвинскихъ, — къ несказанной радости своей родительницы. Онъ пріѣхалъ съ высоко поднятою головою, толкуя свысока о широкихъ предпріятіяхъ, которыя-де намѣревался осуществить въ недалекомъ будущемъ, благодаря капиталамъ богатой наслѣдницы, плѣвившейся его особою, и въ концѣ концовъ предъявилъ родителямъ скромное требованіе о снабженіи его пятью тысячами, крайне необходимыми для поддержанія своего престижа въ глазахъ нареченной, пока закрѣпленіе брачныхъ узъ не откроетъ ему возможности наложить руку на ея милліоны.

Во всѣхъ этихъ розсказняхъ, несмотря на значительныя преувеличенія, заключалась нѣкоторая доля правды. Льву Дмитріевичу послѣ многочисленныхъ поисковъ дѣйствительно удалось овладѣть помыслами весьма некрасивой дочери одного недавняго умершаго крупнаго промышленника и даже снискать довѣріе ея недалновидной матушки, ослѣпленной его беззастѣнчивыми

повѣствованіями о блестящихъ связяхъ и независимомъ состояніи. Согласіе послѣдовало, и свадьба была назначена черезъ три мѣсяца, которые, по заявленію жениха, были ему необходимы для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ и устройства будущаго гнѣзда. Вся бѣда заключалась въ томъ, что для успѣшнаго выполненія принятой роли необходимы были денежные средства, такъ какъ иначе всякая проволочка могла возбудить подозрѣнія, грозившія свести на ничто плоды хитросплетенной интриги. Прежде чѣмъ добраться до приданаго жены, предстояло отбыть соотвѣтственнымъ образомъ всѣ повинности жениховства. Цвѣты, конфекты, подарки, наемъ и устройство квартиры, все—это требовало не мало денегъ, а ихъ-то именно не только не было, но и негдѣ было достать. Левъ Дмитріевичъ послѣ окончанія курса не захотѣлъ воспользоваться тѣми скромными первоначальными положеніями, которыя открывала ему его специальность, считая ихъ слишкомъ ничтожными и несоотвѣтствующими своимъ воображаемымъ достоинствамъ, и предпочелъ безпечно проѣхать въ Петербургѣ въ ожиданіи будущихъ благъ полторы тысячи, съ трудомъ высылаемыя ему отцомъ, вмѣсто того чтобы принять предложенную службу въ провинціи. Къ несчастью, этихъ скромныхъ средствъ оказалось далеко недостаточно для широкихъ аппетитовъ молодаго чело-вѣка, бредившаго горами золота легкой наживы. Въ ожиданіи счастливой случайности, долженствовавшей, по его убѣжденію, ниспослать ему эту манну, онъ все болѣе и болѣе погружался въ непроходимую тину мелкихъ долгишекъ, не взирая на многократныя экстренныя субсидіи, выманиваемыя подъ различными благовидными предлогами отъ родительской слабости. Въ одномъ изъ отдѣленій его осиротѣвшаго бумажника притаилась цѣлая кipa квитанцій ссудныхъ кассъ и ломбардовъ, поглотившихъ въ критическія минуты всю наличность цѣнныхъ вещей—часовъ, цѣпочекъ, колець, булавокъ, портсигаровъ, полученныхъ одновременно отъ родни и близкихъ.

Съ этимъ скуднымъ багажемъ, Левъ Дмитріевичъ, окончательно припертый къ стѣнѣ въ то самое время, когда близкое будущее обѣщало увѣнчать плоды его рискованныхъ со-браженій, явился въ отчий домъ въ надеждѣ обрѣсти необходи-мую помощь. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ какой-то пріятель, меновавшій себя барономъ де-Жокуръ, потомкомъ яко бы французскаго выходца, который поселился въ губернскомъ уродѣ, объясняя свое пребываніе намѣреніемъ произвести

научныя разслѣдованія о фосфоритовыхъ залежняхъ, открытыхъ въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи съ цѣлію заняться ихъ разработкою. Несмотря, однако, на всю убѣдительность сыновнихъ доводовъ, на мольбы и слезы Анны Платоновны, невозможное осталось невозможнымъ. Дмитрій Павловичъ не далъ просимыхъ денегъ не столько потому, что не имѣлъ возможности ихъ достать, сколько вслѣдствіе полнѣйшаго несочувствія намѣреніямъ сына. Онъ считалъ бракъ по расчету постыдною спекуляціей, недостойною порядочнаго человѣка, и не стѣсняясь высказалъ сыну свое мнѣніе о его блестящей аферѣ, присовокупляя, что ни денегъ, ни благословенія на подобное дѣло онъ отъ него не получитъ. Левъ Дмитріевичъ пробылъ около трехъ недѣль въ Отрадномъ и затѣмъ въ одинъ прекрасный день столь же неожиданно собрался въ путь, какъ и пріѣхалъ.

Вскорѣ за его отъѣздомъ полицією былъ задержанъ по обвиненію въ мошенничествѣ и подлогахъ выдававшій себя за барона де-Жокура, продолжавшій еще оставаться въ С. подъ предлогомъ своихъ изысканій. По собраніи надлежащихъ справокъ, этотъ господинъ оказался дворяниномъ Х..., не разъ уже судившимся за подобныя продѣлки. Дѣло объ немъ было передано для производства слѣдствія Николаю Николаевичу, завѣдывавшему въ отсутствіе товарища двумя слѣдственными участками. Х... обвинялся въ закладѣ завѣдомо подложныхъ квитанцій ломбарда и ссудныхъ кассъ на сумму болѣе пяти тысячъ рублей. При послѣдовательныхъ допросахъ подсудимый показалъ, что опорооченныя квитанціи были имъ получены отъ его пріятеля Льва Тихвинскаго, крайне нуждавшагося въ деньгахъ, и что самый подлогъ, заключавшійся въ вытравленіи текста заложенныхъ предметовъ и осуженныхъ суммъ, съ замѣною ихъ вымысленными, учиненъ по просьбѣ сего послѣдняго, воспользовавшагося большею частью вырученныхъ денегъ, которыя обѣщалъ пополнить изъ приданнаго будущей жены до истеченія срока залога. Такой непредвидѣнный оборотъ дѣла, поведеннаго Крицкимъ съ особою энергіей, поразилъ его подобно громовому удару. Показанія обвиняемаго подкрѣплялись нѣсколькими собственноручными записками Льва Дмитріевича, хотя и не подтверждавшими категорически наличности приводимыхъ фактовъ, но, тѣмъ не менѣе, изобличавшими его соучастіе въ какихъ-то темныхъ продѣлкахъ. Отказаться отъ продолженія слѣдствія

не представлялось никакихъ законныхъ причинъ, продолжать— значило работать собственными руками надъ позоромъ семьи, въ которую онъ собирался вступить.

Въ этомъ тяжеломъ положеніи Николай Николаевичъ рѣшился открыть всю истину Дмитрію Павловичу въ надеждѣ, что тотъ успѣетъ путемъ частной аккомодациі съ потерпѣвшимъ, или иными средствами выгородить сына изъ-подъ грозившей уголовной отвѣтственности. Это было нарушеніемъ судейской присяги, но онъ уповалъ, что предвѣчная правда отпуститъ ему такое отступленіе, вызванное горячимъ желаніемъ уберечь отъ позора честное имя. Съ первыхъ же словъ онъ убѣдился въ безцѣльности своихъ благихъ намѣреній. Тихвинскій возмутился отъ одной мысли, что показанія какого-то „бродяги и проходимца“ могутъ имѣть значеніе въ глазахъ правосудія и набросить тѣнь на доброе имя сына. Его старшій дворянскій „гоноръ“ не могъ допустить даже самой возможности приравненія его дѣтища, потомка Макара Тихвинскаго, сражавшагося въ дружинахъ Грознаго подъ стѣнами Казани, къ общимъ законнымъ приѣмамъ уголовной процедуры, созданнымъ, по его пониманію, для заурядныхъ воровъ и грабителей. Крицкому-де надлежало, какъ человѣку порядочному и другу дома, оставить безъ вниманія низкіе извѣты негодяя, воспользовавшагося, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, неопытностью и довѣрчивостью сына, чтобы выманить у него квитанціи. Онъ спишетъ по этому поводу съ Лео, и все конечно разъяснится самымъ обыкновеннымъ образомъ. Между тѣмъ, по требованію прокурорской власти, наблюдавшей за производствомъ слѣдствія, сильно заинтересовавшаго мѣстное общество, Левъ Тихвинскій былъ арестованъ въ Петербургѣ, въ виду обнаруженныхъ противъ него серьезныхъ уликъ, и препровожденъ въ С. для преданія суду по мѣсту совершенія преступленія. Одновременно съ привлеченіемъ его къ слѣдствію закрылись для Николая Николаевича и двери Тихвинскихъ. Анна Платоновна, словно раненая львица, рвала и метала, громко обвиняя Крицкаго въ злоумышленномъ опороченіи ея дѣтища, подъ вліяніемъ личнаго нерасположенія къ Лео. Материнская вѣжность, заглушавшая въ ней чувства справедливости, не отступила даже передъ инсинуаціями, будто „вся эта исторія“ была только послѣдствіемъ неудачнаго искательства руки Нелли. Общественное мнѣніе, какъ всегда случается, раздѣлилось на партіи, изъ которыхъ одна

сильно поддерживала негодующихъ родителей, упрекая Крицкаго въ неумѣстномъ усердіи, угодливости радикальнымъ вѣяніямъ и даже лицепріятіи, другая—превозносила его самоотверженіе и либеральное изобличеніе „нравственной гнили самованныхъ устоевъ“, по выраженію мѣстнаго листа. Тѣ и другіе были не правы, забывая самое главное—исполненіе долга присяги и службы. Одна Нелли сумѣла понять тяжелую борьбу, происшедшую въ сердцѣ любимаго человѣка, и, не имѣя силы принести ему въ жертву всѣ семейныя привязанности и традиціи, отнеслась безъ горечи и пристрастія къ печальнымъ событіямъ, обрушивавшимъ ея свѣтлыя мечты.

Вся эта печальная исторія закончилась сравнительно лучше, нежели можно было ожидать. Судъ присяжныхъ оправдалъ Льва Дмитріевича, котораго отецъ обязалъ, подѣ страхомъ сокращенія дальнѣйшихъ средствъ къ существованію, распротиться съ Петербургомъ и мечтами о легкихъ милліонахъ, чтобы принять скромную должность въ одной изъ отдаленныхъ окраинъ. Сами Тихвинскіе, желая укрыться отъ тяжелой огласки, неизбѣжной послѣ восплѣдовавшихъ событій, воспользовались началомъ весны, чтобы отправиться за границу. Здоровье Анны Платоновны дѣйствительно было нѣсколько поколеблено пережитыми тревогами, да и самъ Дмитрій Павловичъ нравственно осунулся послѣ тяжелаго испытанія. Николаю Николаевичу даже не удалось проститься съ Нелли. Появляться вновь въ домѣ, гдѣ его считали главнымъ виновникомъ обрушившихся бѣдъ, было немислимо, а въ городѣ Тихвинскіе тщательно избѣгали показываться. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ повышеніе и былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ противоположномъ концѣ Россіи. Связь съ С—мъ окончательно, такимъ образомъ, расторглась, и только случайно дошедшіе слухи освѣдомили его нѣсколько лѣтъ спустя, что Тихвинскіе поселились за границей.

Такова была развязка несложнаго романа Николая Николаевича, оборвавшаяся, можно сказать, на первой страницѣ. По складу темперамента и ума онъ принадлежалъ къ числу натуръ, въ которыхъ глубоко запавшее чувство становится стимуломъ и цѣлью существованія. Онъ не ропталъ на судьбу, не рисовался передъ людьми и самимъ собою святостью исполненнаго долга, не носился съ своимъ горемъ, но искренно и убѣжденно пришелъ къ сознанію, что „то необходимое“ для полнаго расцвѣта его человѣческаго существа, о которомъ онъ мечталъ,

на которое рассчитывалъ, какъ на нѣчто надлежащее ему по естественному праву, навсегда отъ него отошло и никогда не вернется, такъ что приходилось окончательно вычеркнуть его изъ жизненныхъ итоговъ. Нелли являлась ему живымъ воплощеніемъ всѣхъ качествъ и достоинствъ, способныхъ освѣтить его жизнь тихими радостями семейнаго очага. Въ единомыслии съ нею о всемъ, что казалось чисто и свято въ ея спокойномъ, примирительномъ созерцаніи темныхъ сторонъ жизни, онъ видѣлъ прочный залогъ своего будущаго счастья. Онъ вѣровалъ въ нее и, когда набѣжавшая буря разметала его нераспустившіяся надежды—не въ силахъ былъ послать упрека удалившемуся отъ него свѣтлому призраку, сознавая, что и она повинуется тому же долгу, который, хотя и не можетъ замѣнить счастье, но способенъ навѣки отогнать его прочь, при малѣйшей попыткѣ уклониться отъ его суровой требовательности.

Вотъ что припомнилось Николаю Николаевичу въ уютной тишинѣ заснуваго барскаго дома, подъ перекликами майскихъ соловьевъ, доносившимися въ отведенные ему апартаменты. Протекшіе восемь лѣтъ успѣли, конечно, нѣсколько затушевать въ его сердцѣ, и памяти яркіе образы прошлаго, но сегодня это самое прошлое, словно по мановенію влаго волшебника, воспрянуло передъ нимъ не въ туманнымъ облакахъ далекихъ воспоминаній, а въ обаятельной прелести живой дѣйствительности. Онъ старался отдать себѣ ясный отчетъ въ случившемся, старался опредѣлить его значеніе и мѣсто въ своей настоящей, давно отлившейся въ неподвижную форму жизни, установить какую-нибудь разумную, послѣдовательную связь между отжитымъ прошлымъ и внезапно заволокнувшимся будущимъ, испуганный своими помыслами, своимъ смущеніемъ, всею безумною, непрошеною каждою счастлиа, Богъ вѣсть почему внезапно охватившею все его существо. Что же произошло такого особеннаго—повидимому ровно ничего! Елена Дмитриевна изъ миловидной, хорошенькой дѣвушки превратилась въ изящную красавицу, сдѣлала, какъ принято называть, блестящую партію, встрѣтила наконецъ его добродушно и просто, какъ стараго знакомаго—все это было въ порядкѣ вещей. Не полагалъ же онъ въ самомъ дѣлѣ, что она постриглась въ монахини и оплакиваетъ его до конца дней въ тиши какого-нибудь уединеннаго скита. Ея рожденіе и семейныя связи, не говоря уже о

личной привлекательности и достоинствахъ, давали ей полное право рассчитывать на свѣтскіе успѣхи. При какихъ обстоятельствахъ могла она выйти замужъ за графа, ему было совершенно невѣдомо, но вѣроятно и тутъ все объяснялось самымъ простымъ способомъ — встрѣтились, полюбили другъ друга и повѣнчались. Даже сегодняшняя негаданная встрѣча не выступала изъ предѣловъ заурядныхъ явленій: мало ли сталкиваются люди послѣ многихъ лѣтъ разлуки, не даромъ и поговорка сложилась — гора съ горою не сходятся...

Такъ успокаивалъ себя Николай Николаевичъ, поворачиваясь съ боку на бокъ на горячихъ подушкахъ своей постели, между тѣмъ какъ утренняя заря, пробивавшаяся сквозь опущенныя густыя драпировки, начинала уже обрисовывать въ таинственномъ полумракѣ спальни смутныя силуэты окружающихъ предметовъ.

III.

Первое утро Николая Николаевича въ деревнѣ началось рано. Было уже десять часовъ, когда благообразный слуга въ клѣтчатой англійской жакетѣ, но при бѣломъ галстукѣ и черныхъ брюкахъ — вольность, дозволенная графомъ на иностраннѣй манеръ до времени завтрака — поднялъ драпировки и принесъ роскошно сервированный кофе на монументальномъ серебряномъ подносѣ. Крицкій было замѣтилъ, что намѣревается пройти въ общую столовую, но освѣдомившись, что графъ отправился уже по хозяйству, а Елена Дмитриевна спустится лишь къ завтраку, отчасти обрадованъ возможности остаться еще нѣсколько часовъ съ самимъ собою. Предупредивъ гостя о томъ, что время сбора къ столу оповѣщается по обычаю гонгомъ, первый звонъ котораго раздастся за четверть часа, а второй передъ самымъ началомъ сервировки, слуга удалился, почтительно освѣдомившись еще разъ: не требуется ли чего для туалета, хотя въ сосѣдней уборной и безъ того уже находилось достаточно приспособленій, чтобы привести въ надлежащій видъ полдюжины загрязненныхъ странниковъ.

Оставшись одинъ, Крицкій почувствовалъ то сладостно оощуценіе душевнаго покоя, которое обыкновенно появляется подъ воздѣйствіемъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій у лю-

дей очень занятыхъ, отрѣшенныхъ на время отъ повседневныхъ заботъ и трудовъ. Онъ открылъ окно въ садъ и залюбовался причудливыми переливами свѣта и тѣни по зеленымъ куртинамъ и пустыннымъ аллеямъ, манящимъ въ свою таинственную даль. Весь облитый солнечными лучами, мраморный Эротъ выдѣлялся яркимъ пятномъ среди широкой клумбы, окаймленной словно дорогою бахромою цвѣтущими кустами махровыхъ піоновъ. Его угрожающій пальчикъ и плутоватая мина, казалось, приглашали къ молчанію невримаго свидѣтеля шаловливыхъ проказъ непобѣдимого божка. Доцвѣтавшая сирень и распускавшаяся бѣлая акація сливали въ единый ароматъ свои нѣжныя благоуханія, наполняя ими прозрачный воздухъ, въ которомъ причудливыми вигзагами, взвиваясь и опускаясь, подобно лепесткамъ осыпавшейся розы, кружились бѣлые мотыльки.

— Какъ здѣсь хорошо живется, подумалъ Николай Николаевичъ, залюбовавшись дивною гармоніей красоты, свѣта и мирной радости, вѣявшей отъ предстоявшей картины. Онъ это подумалъ не только безъ горечи и зависти, а съ тихимъ довольствомъ человѣка, пріобщеннаго къ разсыпаннымъ кругомъ него благамъ. Они съ такою полнотою вторили настроенію его души, что никакіе мрачныя, себялюбивыя помыслы не могли въ нее закрасться. Вечернія тревоги и смущеніе безслѣдно исчезли послѣ нѣсколькихъ часовъ добраго, живительнаго сна, возстановившаго правильную дѣятельность мысли. Онъ улыбнулся своему испугу, своимъ затѣйливымъ допытываніямъ и смѣло взглянулъ на жизнь треввыми глазами сознающаго свою мощь и опытность борца. Прошлое мирно удалилось на подобающую точку душевной перспективы, гдѣ онъ могъ снова созерцать его съ безучастнымъ спокойствіемъ посторонняго зрителя, не причастнаго къ волненіямъ дѣйствующихъ лицъ. Неожиданная встрѣча съ Еленою Дмитріевною являлась теперь только пріятною случайностью, отъ которой глупо было отворачиваться, еще глупѣе возводить на степень необычайнаго событія. Вѣдь та Нелли, которую онъ нѣкогда зналъ и любилъ, давно перестала существовать и не могла, не должна была возставать изъ праха прошедшаго, чтобы омрачать его добрыя отношенія къ графинѣ Хозаровой, женѣ его стараго товарища и родственника. Елена Дмитріевна, съ тонкимъ тактомъ благовоспитанной женщины, сама указала ему, простотою и непринужденностью своего дружескаго обращенія.

надлежащій тонъ ихъ теперешнихъ отношеній. Неужели онъ не съумѣетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, которые ему доведется провести въ этомъ домѣ—онъ порѣшилъ продолжать путь на слѣдующій же день—удержаться въ намѣченной ею колѣѣ, въ сторонѣ отъ смѣшной сентиментальности и несвойственнаго фатовства. Да и въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ размышлять Николай Николаевичъ, на столько ли еще живучи эти воспоминанія прошлаго, которыхъ онъ такъ страшится, чтобы воскреснуть съ прежнею свѣжестью и силою для смущенія его остывшей души; не рисуется ли онъ передъ самимъ собою, предполагая возможность новаго расцвѣта изъ поблеклыхъ, засохнувшихъ побѣговъ подъ сомнительнымъ жаромъ своего соракалѣтнаго сердца?! Вѣдь онъ почти старикъ—и словно обрадованный такимъ выводомъ Крицкій, повязывавшій гал-слухъ, пристально взглянулъ въ зеркало, стараясь осознать слѣды разрушенія, наложенныя прожитыми годами, и почти остался доволенъ, констатировавъ нѣсколько серебристыхъ нитей въ густой смоли своихъ красиво насаженныхъ волосъ и выхоленныхъ бакенбардъ.

Бодрый и свѣжій, красивый тою мужественною красотою, которая является при сочетаніи здоровья съ врожденнымъ изяществомъ движеній и жестовъ, Николай Николаевичъ по первому призыву гонга направился на террасу, гдѣ въ ожиданіи завтрака собрался, уже знакомый ему съ вечера, маленькій дворикъ графа, состоявшій изъ главноуправляющаго поляка, лѣсничаго саксонца, завѣдующаго конторой пруссака. Къ нимъ присоединялся еще на этотъ разъ, пріѣхавшій съ докладомъ изъ сосѣдняго имѣнія, управляющій пивовареннымъ заводомъ—баварецъ. Графъ вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность своимъ ближайшимъ сотрудникамъ неизмѣнно раздѣлять его трапезу, признавая подобное сближеніе не только вполне согласнымъ съ исповѣдуемыми имъ либеральными принципами, но и благотворнымъ для подъема ихъ нравственнаго достоинства и энергіи. Это конечно нисколько не мѣшало ему, какъ истинно практическому человѣку, являться крайне требовательнымъ и даже мелочнымъ во всѣхъ случаяхъ, касавшихся его матеріальныхъ интересовъ. Предвзятое предубѣжденіе его противъ служащихъ изъ соотечественниковъ проптекало главнымъ образомъ изъ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сочетать призрачную равноправность съ безпрекословнымъ повиновеніемъ. По складу характера графъ Лео-

нидъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, для которыхъ малѣйшее проявленіе самостоятельности въ подвластныхъ представляется признакомъ несомнѣннаго посягательства на ихъ собственный авторитетъ, познанія или опытность. Въ силу такового начала, онъ несравненно хладнокровнѣе примирался съ явнымъ ущербомъ, причиненнымъ точнымъ исполненіемъ его указаній, нежели успѣхомъ, вызваннымъ отступленіемъ отъ нихъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ему приходилось по неволѣ сознаваться въ превосходствѣ другаго, чего онъ не хотѣлъ допустить. Люди, успѣвшіе своевременно подмѣтить эту слабость и способные ловко ее эксплуатировать, могли быть яранѣе увѣрены въ полнѣйшемъ успѣхѣ самыхъ рискованныхъ предпріятій, если только имъ удавалось убѣдить графа, что таковыя являются плодомъ его собственной инициативы. Такой именно политики неизмѣнно придерживался панъ Матусевичъ, его главный управитель, молчаливый, со всѣмъ соглашавшійся и все одобрявшій господинъ, почтительно облекавшійся ежедневно къ обѣду, вопреки требованіямъ графа, во фрякъ и бѣлый галстукъ, уснащавшій каждую фразу отчетливымъ „ваше сіятельство“, но при всемъ томъ водившій его на ниточкѣ, какъ послушнаго ребенка.

Среди почтительно размѣщавшейся вокругъ его международной администраціи, Леонидъ Алексѣевичъ горячо перорировалъ о какомъ-то новомъ сельско-хозяйственномъ усовершенствованіи, вычитанномъ наканунѣ въ нѣмецкомъ журналѣ. Крицкій едва сдержалъ улыбку при взглядѣ на его одутловатую, вылинявшую фигурку, облеченную въ непроставшій къ ней по годамъ костюмъ съ никеръ-бокрами. Въ розовой рубашкѣ, короткихъ штанахъ и полосатыхъ чулкахъ, обрисовывавшихъ его толстыя икры, графъ казался неудачно загримированнымъ подросткомъ. Жидкіе, тщательно расчесанные въ англійскій проборъ волосы съ завитушками на лбу, сильно просвѣчивавшая лысина и длинные рыжеватые усы странно сочетались съ яркими красками лица, бѣлаго и румянаго, какъ у выхоленной купчихи. Вчера, въ сѣромъ дорожномъ сюртѣ, онъ показался ему только невзрачнымъ, но теперь, въ этомъ модномъ, юношескомъ народѣ, Николай Николаевичъ находилъ его въ добавокъ смѣшнымъ. Графиня не заставила себя долго ожидать. Точно по соглашенію съ мужемъ и она въ это утро убралась какъ-то по-дѣвичьи съ тою лишь разницею, что ея цвѣтущіе двадцать шесть лѣтъ нисколько не оскорбляли скром-

ной свѣжести наряда. Бѣлое кисейное платье, перехваченное яркимъ римскимъ шарфомъ, и натуральная діадема изъ заплетенныхъ золотистыхъ косъ воскресили передъ Крицкимъ прежнюю Нелли, безпечную дѣвушку Отрадинской усадьбы. Графиня, словно задавшись мыслью подчеркнуть это сходство, сохранила на рукѣ изъ всѣхъ обычныхъ украшеній лишь одинъ скромный браслетъ—*porte bonheur* съ крошечнымъ алмазнымъ якоремъ, хорошо знакомый Николаю Николаевичу.

— Ты, кажется, переѣхала прическу, тотчасъ же замѣтилъ графъ, окидывая жену тревожнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Да, это маленькое кокетство по назначенію Николая Николаевича, отвѣтила она съ простодушною улыбкой,— онъ еще не привыкъ видѣть меня старухой.

Крицкій невольно смутился, между тѣмъ какъ Леонидъ Алексѣевичъ кисло улыбнулся неожиданной откровенности жены, подъ которою ему слышалась насмѣшка.

— *Mes compliments, cher ami*, обратился онъ къ пріятелю, желая сохранить за собою послѣднее слово,— *je ne vous salue pas si avancé dans les bonnes grâces de ma femme!*

— Графиня дополняетъ твое радушное гостепріимство, нашелся Крицкій, вниманіемъ, которое я еще больше бы оцѣнилъ; если бы ужъ одно пребываніе въ Кленовомъ не стоило всякихъ иныхъ воспоминаній.

— Вы научились говорить красивыя фразы, Николай Николаевичъ, насмѣшливо замѣтила Елена Дмитріевна.

Но графъ предупредилъ возраженіе, замѣтивъ, что Кленовое, независимо всякихъ достоинствъ хозяевъ, способно благотворно умиротворять душу.

— Совершенно вѣрно, на меня оно такъ именно и подѣйствовало, убѣжденно подтвердилъ Крицкій.

Графиня окинула его недовѣрчивымъ взглядомъ, котораго онъ не примѣтилъ, и съ дѣтскимъ смѣхомъ добавила:— словомъ это огромный пузырьрекъ съ валеріановой настойкой!

Послѣ завтрака пошли взглянуть на лошадей. Графъ считалъ себя любителемъ и знаткомъ конской породы и хотѣлъ похвастаться предъ гостемъ богатствомъ и порядкомъ своей конюшни. Елена Дмитріевна раздѣляла этотъ вкусъ и еще въ дѣвушкахъ была лихою наѣздницею. Крицкій изъ вѣжливости дѣлалъ видъ, что очень интересуется выводкой, хвалилъ и восхищался хотя въ сущности все это его мало занимало. Онъ

размышлялъ о томъ: доведется ли ему остаться глазъ на глазъ съ графиней и если это случится, то какого рода оборотъ можетъ принять ихъ разговоръ. Онъ и желалъ и страшился такой возможности, равно опасаясь, какъ избытокъ мѣсть безразличной салонной болтовни, такъ и скользкой почвы интимной бесѣды. Безотчетное, болѣзненное любопытство побуждало его заглянуть подъ свѣтлую, спокойную оболочку, въ которой какъ и встарь предстала предъ нимъ Елена Дмитриевна, чтобы разглядѣть скрытые слѣды душевныхъ ранъ и житейскихъ недочетовъ, оставленные пронесшимися невѣдомыми ему годами. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы одно широкое удовлетвореніе внѣшнихъ потребностей существованія, открываемое богатствомъ, было способно исчерпать нѣкогда столь тонкую суть ея существа, примирить съ человѣкомъ, повидимому мало соотвѣтствовавшимъ ея завѣтнымъ наклонностямъ. Она конечно могла его принять, какъ неизбежное зло въ минуты тяжелаго испытанія, повинуюсь тяготѣнію близкихъ, желанію упрочить ихъ благополучіе, могла, пожалуй, добросовѣстно увѣрять въ легкость исполненія добровольно принятаго долга и нести его честно и безропотно, но все это ничуть не исключало возможности невольныхъ, бессознательныхъ возвратовъ молодого сердца къ мечтамъ объ иномъ, не давшемся счастіи. Вотъ этотъ-то подавленный, тщательно заглушенный разсудкомъ и опытомъ жизни голосъ хотѣлось ему подслушать въ недоконченной фразѣ, мимолетномъ смущеніи, намекѣ, какъ откликъ на свое собственное ожившее чувство, какъ подобающую дань тому прошлому, отблескъ котораго такъ долго согрѣвалъ его жизнь.

Графъ между тѣмъ оказался неумолимымъ въ своемъ владѣльческомъ самолюбіи. За выводкою послѣдовалъ осмотръ племеннаго скота, содержимаго въ какихъ-то необыкновенныхъ новаго приспособленія стойлахъ, ватѣмъ не были забыты и сельскохозяйственныя машины, контора, больница и даже экономическій архивъ. Елена Дмитриевна незамѣтно отстала и исчезла на одномъ изъ поворотовъ, и Николаю Николаевичу волею-неволею пришлось выслушать цѣлый курсъ разностороннихъ знаній, которыми поочередно старался блеснуть передъ нимъ графъ, пока наконецъ почтительное замѣчаніе сопровождавшаго имъ пана Матусевича не напомнило увлекшемуся ландъ-лорду, что его ожидаютъ пріѣзжіи баварецъ и отъѣзжающій силезецъ.

— Я вынужденъ тебя оставить, извинился онъ передъ Крицкимъ, и просить прощенья за жену, столь нелюбезно насъ покинувшую. Говоря правду, она мало интересуется серьезными хозяйственными вопросами, но отъ женщины трудно и требовать... ты по всей вѣроятности найдешь ее на террасѣ или въ голлѣ; впрочемъ, прежде всего прошу не стѣсняться—деревня только и возможна при абсолютной свободѣ. Захочешь прокатиться—прикажи осѣдлать лошадь, читать—пройди въ библіотеку, кеѳовать—въ саду найдешь гамаки. Обѣдаемъ въ семь, а до того времени располагай какъ знаешь своимъ временемъ, таковъ здѣсь обычай—*sans adieu!*

Онъ послалъ привѣтственный жестъ рукою и поспѣшно удалился, къ вящему удовольствію Николая Николаевича, утомленнаго его нескончаемыми рассказами, конечною цѣлю которыхъ являлось самовосхваленіе.

Отдѣлавшись отъ словоохотливаго хозяина, Крицкій тихо побрелъ къ тѣнистому саду, чувствуя потребность отдохнуть отъ долгаго напряженія. Незамѣтное исчезновеніе Елены Дмитриевны показалось ему явнымъ признакомъ ея желанія предупредить возможность неловкаго *tête à tête*. Она появится теперь конечно не раньше обѣда, когда присутствіе постороннихъ представитъ снова возможность не выступать изъ рамокъ общаго, безразличнаго разговора или, что вѣрнѣе, от-малчиваться, какъ давеча, подъ защитою неистощимой многорѣчивости графа.

— Николай Николаевичъ, куда вы направляетесь, окликнулъ его мягкій, знакомый голосъ на поворотѣ одной изъ аллей.

Графиня сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ обширной ротондѣ изъ дикаго камня и ползучихъ растеній, посреди которой помѣщался камышевый столъ и нѣсколько таковыхъ же, весьма удобныхъ, садовыхъ креселъ. Рабочая корзинка и разбросанные лоскутки какой-то бумажной матеріи свидѣтельствовали, что она не проводила время праздно.

— Присядьте — вы вѣрно устали, просто пригласила Елена Дмитриевна, — мужъ замучилъ васъ нескончаемыми прогулками по хозяйству, которое, можетъ быть, васъ нисколько не интересуеть; что дѣлать—у каждаго своя слабость!

— Напротивъ, я съ удовольствіемъ познакомился со многими вещами, доселѣ совершенно мнѣ чуждыми—учиться никогда не мѣшаетъ, возразилъ Крицкій, стараясь казаться возможно хладнокровнымъ.

— Ну расскажите же мнѣ, какъ вы поживали все это время, что мы не видѣлись — конечно женаты, спросила графиня.

— Почему же конечно, усмѣхнулся Николай Николаевичъ.

— Да потому, что вы, сколько помню, высказывали наклонность къ тихой семейной жизни, нѣсколько смущаясь пояснила Елена Дмитриевна.

— Представьте себѣ, что вкусъ этотъ прошелъ, и передъ вами закоренѣлый старый холостякъ.

Онъ старался поддержать шуточный тонъ бесѣды, за которымъ легче было скрыть патетическую нотку, подступавшую къ горлу.

— Закоренѣлый—согласна, но почему же „старый“, улыбнулась графиня, озирая его долгимъ пристальнымъ взглядомъ— вы, должно быть, года на два, на три моложе мужа.

— Такъ какъ Леонида Алексѣевича тутъ нѣтъ, то я позволю себѣ, безъ опасенія огорчить его своею откровенностью, замѣтить, что не считаю и его за юношу, несмотря на никеръбокеры.

Графиня шуточно погрозила пальчикомъ—хорошъ другъ, улыбнулась она и, словно сожалѣя объ этой невольной улыбкѣ, серьезно добавила:— вы, какъ я вижу, по-старому не прочь потрунить надъ слабостями ближняго.

— Къ сожалѣнью, я остался такимъ, каковъ былъ, и не измѣнился даже въ своихъ недостаткахъ.

— Это достоинство, которымъ могутъ похвалиться немногіе.

— Что, упрямство въ порокахъ, принужденно засмѣялся Крицкій.

— Нѣтъ, стойкость въ убѣжденіяхъ, чувствахъ, привязанностяхъ, пояснила Елена Дмитриевна.

Она стала собирать со стола разрозненныя части какой-то дѣтской кофточки, съ намѣреніемъ покинуть слишкомъ уединенную ротонду и приблизиться къ дому.

— Это для вашей малютки, спросилъ Крицкій, ощущая недовольство отъ наступившаго молчанія.

— У меня нѣтъ дѣтей, отозвалась графиня, — это для крестницы.

— А знаете ли, что братъ въ концѣ концовъ сдѣлался вполне порядочнымъ человѣкомъ, какимъ-то рѣшительнымъ тономъ заговорила Елена Дмитриевна, когда они двинулись съ мѣста, словно повинувшись потребности вырваться изъ докучнаго

круга отрывочныхъ фразъ и замѣчаній,—пройденное испытаніе его отрезвило: онъ женился года два тому назадъ по сердечному влеченію на очень милой дѣвушкѣ и теперь преисправно хозяйничаетъ въ Отрадномъ. Мамал живетъ при нихъ и нянчается прелестнаго внука; кто бы могъ думать тогда, что все это такъ счастливо обойдется!

— А батюшка?

— Папа скончался три года послѣ нашего отъѣзда за границу, отъ разрыва сердца. Дѣло Лео подорвало, мнѣ кажется, его душевныя и физическія силы, и хотя онъ тщательно избѣгалъ впослѣдствіи всякихъ разговоровъ по этому предмету, но я имѣю основаніе думать, что, несмотря на оправдательный разговоръ, онъ подозрѣвалъ всю истину.

— Ваши слова приводятъ меня къ мысли, что и для васъ эта истина въ свое время не была тайною, такъ что вы не радѣляли печальнаго предубѣжденія, сложившагося на мой счетъ среди вамъ близкихъ?..

— Я была настолько еще неопытна въ жизни, что не могла отдать себѣ вполне яснаго отчета о случившемся, но ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что вы приложите всѣ старанія и усилія для обнаруженія невинности брата, еслибы онъ, какъ утверждали, былъ жертвою неосновательнаго обвиненія.

— Благодарю васъ и теперь за такое мнѣніе — я его дѣйствительно вполне тогда заслуживалъ... мнѣ остается лишь радоваться, что Левъ Дмитріевичъ, какъ вы сообщаете, вполне загладилъ ошибки прошлаго; онъ мнѣ казался натурою богатоодаренною, но, къ сожалѣнію, слишкомъ самонадѣянною и слабою. Слава Богу, если жизнь изгладила эти недостатки.

Онъ думалъ, что этимъ и закончится неожиданное возвращеніе къ прошлому, тому далекому прошлому, которое такъ манило и вмѣстѣ пугало его, но Елена Дмитріевна, повидимому, не желала останавливаться на полпути. Чуткимъ инстинктомъ женскаго сердца она поняла, „чего“ онъ ждетъ отъ нея, какъ дорого ему будетъ сознаніе, что разлучившій ихъ на вѣки союзъ не былъ послѣдствіемъ легкомысленнаго равнодушія или грубаго разчета, а являлся результатомъ многихъ сложныхъ вездѣйствій. Просто, но ярко, хотя и безъ тѣни горечи, намѣтила она невеселую картину своей жизни послѣ кончины отца. Анна Платоновна, болѣе чѣмъ когда-либо поглощенная своею привязанностію къ сыну, совершенно охладѣла къ дочери послѣ злополучнаго дѣла о подлогахъ, вмѣняя

ей въ вину нежеланіе отстоять брата, намекая даже на явное сочувствіе погубившимъ его личностямъ. Левъ Дмитріевичъ послѣ смерти отца водворился въ Отрадномъ на правахъ полно-властнаго хозяина. Дмитрій Павловичъ не оставилъ завѣщанія, такъ что ничтожная часть, доводившаяся по закону Еленѣ Дмитріевнѣ, не обеспечивала ей даже возможности независимаго, безбѣднаго существованія. Возвращеніе въ родное гнѣздо на подвластную жизнь между братомъ и матерью, не способными удѣлить ей надлежавшаго мѣста въ своей привязанности, представилось ей слишкомъ безотраднымъ, и потому, скрѣпя сердце, она рѣшилась принять предложеніе знатной тетки, находившейся въ то время въ Вѣнѣ, погостить въ ея домѣ. Здѣсь познакомилась она съ графомъ Леонидомъ Алексѣевичемъ, и три года тому назадъ, сдѣлавшись его женою, вернулась въ Россію.

— Во всемъ дурномъ есть по счастью и хорошая сторона, замѣтилъ Николай Николаевичъ, выслушавшій съ сердечною болью ея несложную исповѣдь, звучавшую ему какъ бы упрекомъ за его слишкомъ пассивную покорность судьбѣ, въ то время, когда еще онъ могъ съ нею бороться, — вы вознаграждены за всѣ утраты и разочарованія не только блестящимъ положеніемъ, но и преданностью прекраснаго человѣка, горячо васъ любящаго.

— Да, мужъ дѣйствительно меня очень любитъ, какъ-то загадочно промолвила Елена Дмитріевна.

— И вы конечно ему платите тѣмъ же, вырвалось у Крицкого.

— Разумѣется, холодно отвѣтила графиня, останавливая на немъ глубоко изумленный взглядъ.

— Извините—я, кажется, сказалъ глупость, спохватился Николай Николаевичъ.

— Вы прощены, разсмѣялась Елена Дмитріевна, — старые, она ударила на это слово, — холостяки имѣютъ право быть даже нескромными.

Между тѣмъ они незамѣтно миновали домъ и очутились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ теплицы.

— Зайдемте взглянуть и на мое хозяйство, пригласила графиня, проходя въ раскрытыя двери.

Крицкій молча повиновался. Слѣдуя за нею, онъ невольно залюбовался ея стройною фігурой съ прелестно изваянной спиной и дѣвственно округленными плечами. Ея плавная, но

твердая поступь являла чудную смѣсь женственной граціи и энергіи, свидѣтельствуя о бодромъ, здоровомъ развитіи всего ея изящнаго существа. Шаловливый рой золотистыхъ завитковъ отгнѣялъ прозрачную бѣлизну открытой шеи.

— Ну что, какъ вамъ нравится, спросила она, поворачивая назадъ голову, причѣмъ ея розовыя плечи дрогнули подъ туго облегающею ихъ кисею, обрисовывая набѣжавшія ямочки.

Онъ растерялся, какъ застигнутый врасплохъ школьникъ. Графиня подмѣтила это смущеніе, и незримая усмѣшка самодовольства скользнула по ея лицу.—Здѣсь собраны всѣ разнообразности, какія только удалось совдѣть современному садоводству, продолжала она, указывая на возвышавшіяся кругомъ сплошныя стѣны цвѣтущихъ и зацвѣтающихъ розъ,—вотъ *Alzace-Sorgaine*—темно пурпуровая, почти черная, не правда ли какъ пристало это трогательное названіе къ ея мрачной красотѣ, вотъ *La France*—взгляните что-за роскошь, эта чайная—*bagonne Rothschild*, а та, бѣлая, большая—*souvenir de Malmaison*. Какое прелестное разнообразіе отгнѣнковъ, формъ и ароматовъ—можетъ ли быть что-нибудь лучше!

Глаза ея свѣтились почти дѣтскою радостью. Наклоняясь надъ роскошными, благоухающими цвѣтами, она сама вся сіяла красотою и молодостью, словно только распустившійся царственный цвѣтокъ.

— Тутъ полная гамма для нагляднаго изображенія всѣхъ отгнѣнковъ чувства, улыбнулся Крицкій, опьяненный разлитымъ кругомъ ароматовъ цвѣтовъ и воспоминаній, превратившихся въ дѣйствительность.

— Какъ такъ, спросила недоумѣвая графиня.

— А пресловутый „языкъ цвѣтовъ“, которому васъ нѣкогда учила сосѣдка Щетинина—забыли?

— Да, правда, помню отлично: роза—царица цвѣтовъ и эмблема любви; ярко пунсовая—*amour ardent*, желтая—*indifference*, вѣдь такъ, кажется, толковала старушка; помните, какая она была смѣшная съ синими очками на носу и томикомъ поэзіи Ламартина въ ридикюль?

Отдаленный звукъ гонга донесся со стороны дома.

— Какъ, неужели уже время обѣда, спокватилась графиня, пойдемте скорѣе, а то мужъ будетъ недоволенъ, что мы заста вили себя ждать—онъ образецъ аккуратности.

Тѣньзатаенной тревоги отразилась на ея подвижномъ лицѣ

къ изумленію Николая Николаевича, недоумѣвавшаго о причинахъ такого безпокойства.

— Я водила Николая Николаевича въ свою „долину розъ“, пояснила, улыбаясь, Елена Дмитріевна, когда вошли на террасу, гдѣ уже находился графъ, окруженный обычно свитою.

— Ты могла бы выбрать для этого болѣе подходящее время, холодно замѣтилъ Леонидъ Алексѣевичъ, окидывая жену недověрчивымъ взглядомъ, отъ котораго Крицкому стало за нее неловко.

Она вся вспыхнула, но ничего не отвѣтила.

IV.

Двѣ недѣли спустя, Николай Николаевичъ Крицкій, покончивъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ, дѣла съ крестьянами, возвращался обратно въ С—ь, куда рассчитывалъ поспѣть къ вечернему поѣзду, отходившему около восьми часовъ. Онъ твердо рѣшился, несмотря на данное при прощаніи обѣщаніе, миновать Кленовое, лежавшее по пути, считая безцѣльнымъ вновь переживать впечатлѣнія, шевелившія въ душѣ образы прошлаго. Несмотря однако на такое рѣшеніе, мысли его во время дороги безпрестанно возвращались къ очаровательному уголку, пахнувшему на него живительною свѣжестью далекой молодости. Поглядывая на часы, онъ не безъ нѣкотораго удовольствія убѣдился, что ни въ какомъ случаѣ не поспѣетъ въ городъ къ отходу поѣзда, и естественнымъ послѣдствіемъ такого вывода явился вопросъ — не вернуться ли переночевать въ Кленовое вмѣсто того, чтобы проводить цѣлыя сутки въ скучномъ номерѣ губернской гостиницы? Для успокоенія своей нравственной щепетильности Николай Николаевичъ сталъ мысленно подыскивать доводы въ пользу такого исхода. Не крылось ли въ самомъ дѣлѣ нѣкоторое малодушіе и рисовка въ его мнимомъ подвигѣ; чего ему опасаться новой встрѣчи съ Еленою Дмитріевной? Помыслы его были чисты, а если невольное волненіе и ускоряло бѣненіе его сердца подлѣ этой женщины, которую онъ когда-то любилъ высокими и святымъ чувствомъ, то кто же могъ подмѣтить и вмѣнить ему въ укоръ такую безотчетную дань прошлому. Не въ правѣ ли будетъ и сама графиня послѣ оказаннаго дружескаго, довѣрчиваго приѣма, истолковать въ обидномъ для себя смыслѣ непонятное равнодушіе, побудившее его проѣхать

мимо ея дома, не воспользовавшись представлявшимся случаемъ еще разъ пожать ея руку передъ новой, можетъ быть опять многолѣтнею разлукой. При этой мысли сердце его болѣзненно скалось: Богъ вѣсть когда ему снова доведется заглянуть въ родныя мѣста! Имущественные интересы были, повидимому, довольно прочно устроены, а недосугъ трудовой жизни не позволялъ помышлять о безцѣльныхъ развѣздахъ. Да наконецъ, одно уже стремленіе къ поддержанію искусственнымъ путемъ случайно возобновленныхъ отношеній, явилось бы предосудительнымъ легкомысліемъ и недостаткомъ уваженія къ графинѣ.

Прошлое было, положимъ, безвозвратно схоронено, но все же еще недостаточно глубоко, чтобы безнаказанно пытаться вызывать его къ жизни новыми встрѣчами. Иное дѣло теперь, когда счастливая случайность и даже простой долгъ вѣжливости предоставляли возможность провести нѣсколько отрадныхъ часовъ. Рѣшено—ямщикъ повернулъ въ широкую аллею, въ концѣ которой виднѣлся бѣлый бельведеръ съ развѣвавшимся надъ нимъ желтымъ флагомъ.

Знакомый слуга встрѣтилъ его у подъѣзда съ почтительною предупредительностью человѣка, уже ознакомленнаго со щедростью наѣзжаго гостя. Графъ оказался уже третій день уѣхавшимъ въ одно изъ имѣній, расположенныхъ въ сосѣднемъ уѣздѣ, графиня была дома, но еще не возвратилась съ обычной предобѣденной прогулки верхомъ. Несмотря на приглашеніе слуги отдохнуть на террасѣ, Николай Николаевичъ раздумывалъ о томъ, какъ надлежало ему поступить. Навязываться на гостепрѣимство въ отсутствіи хозяина дома казалось неловкимъ, повернуть оглобли, не повпдавшись съ Еленой Дмитриевной — смѣшно и невѣжливо. Прислуга конечно не преминетъ доложить ей о его посѣщеніи, и въ такомъ случаѣ что можетъ она подумать о старомъ знакомомъ, не пожелавшемъ обождать полчаса ея возвращенія. Не приметъ ли она подобную выходку за непочтительное равнодушіе и недостатокъ уваженія не только къ хозяйкѣ дома, но и къ женщинѣ? Онъ рѣшился обождать, приказавъ ямщику не отпрягать лошадей, рассчитывая черезъ часъ отправиться далѣе, до ближайшей станціи, расположенной верстахъ въ трехъ отъ усадьбы, и прошелъ въ садъ. Графиня вернулась въ урочное время. Онъ еще издали слышалъ галопъ ея лошади и поспѣшилъ къ подъѣзду. Его неожиданное появленіе, казалось, нѣсколько ея смутило. Она торопливо высвободила ногу изъ стремени и едва

коснулась его плеча, когда онъ помогъ ей спуститься. Какъ жаль, что Леонидъ уѣхалъ, были ея первыя слова и затѣмъ, словно сообразивъ холодность такого приѣма, она добавила: впрочемъ въ его отсутствіе я очень рада васъ видѣть и принять у себя.

— Мнѣ не хотѣлось проѣхать мимо Кленоваго, не воспользовавшись случаемъ поблагодарить еще разъ графа и васъ за сердечный приѣмъ, отвѣчалъ онъ, нѣсколько озадаченный и оскорбленный ея, какъ показалось ему, слишкомъ заученною фразою, — если мое присутствіе васъ не стѣснить, я останусь еще нѣсколько минутъ.

— Напротивъ, я рассчитываю задержать васъ гораздо дольше; мужъ возвращается завтра къ обѣду и никогда не проститъ мнѣ, если я васъ отпущу.

— При всемъ желаніи повидаться еще разъ съ Леонидомъ Алексѣевичемъ, едва-ли мнѣ удастся это исполнить, такъ какъ я завтра утромъ непременно долженъ быть въ С—ѣ.

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, ничто не мѣшаетъ вамъ переночевать здѣсь и уѣхать послѣ завтрака; графъ, очень можетъ быть, вернется ранѣе, чѣмъ намѣревался, а если и нѣтъ, то поскучаете нѣсколько часовъ со мною. Знакомыя комнаты къ нашимъ услугамъ, а я только сброшу амазонку и буду ждать васъ въ столовой.

И не ожидая его возраженій, она поспѣшно удалилась, увѣренная, что онъ теперь не уѣдетъ.

Панъ Матусевичъ въ своемъ неизмѣнномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ находился уже въ столовой, когда Николай Николаевичъ, переодѣвшійся и оправившійся послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ тарантасѣ, вновь предсталъ передъ хозяйкою дома. Лѣсничій уѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ, а завѣдующій конторою почему-то на этотъ разъ не присутствовалъ за обѣдомъ. Передъ Крицкимъ обрисовывался цѣлый вечеръ тихой, интимной бесѣды глазъ на глазъ съ графинею, но несмотря на отрадное чувство, внушаемое такимъ ожиданіемъ, онъ не въ силахъ былъ побѣдить присоединявшееся къ нему смущеніе.

Ожиданія однако не оправдались. Допивъ свою чашку кофе, Матусевичъ взялся было за шляпу, но графиня разсудила иначе.

— Побудьте съ нами, любезный Сигизмундъ Ромуальдовичъ, любезно остановила она собиравшася ретироваться

управителя, вы, кажется, большой любитель музыки, а я намѣрена сдѣлать маленькое испытаніе Николаю Николаевичу, съ которымъ мы нѣкогда довольно гладко исполняли нетрудныя вещи.

— Я совершенно отсталъ и едва-ли буду въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно вамъ вторить, отговаривался Крицкій.

— Это только такъ кажется, замѣтила Елена Дмитріевна, подходя къ этажеркѣ съ нотами, — Сигизмундъ Ромуальдовичъ будетъ снисходителенъ. Для начала возьмемъ что-нибудь хорошо знакомое изъ стараго, ну хоть это.

Она раскрыла старую тетрадь, помѣченную ея дѣвичьими инициалами, и, перевернувъ нѣсколько страницъ, положила ее на пульпитръ.

— Что это — увертюра „Рюи-Блаза“, словно недоумѣвая, спросилъ Крицкій.

— Да, попробуемъ, если только вы не разлюбили Мендельсона — нынче вѣдь находятъ его приторнымъ.

Невольная дрожь пробѣжала по спинѣ Николая Николаевича — эта увертюра „Рюи-Блаза“ была послѣднюю вещь, которую онъ разучилъ съ Еленой Дмитріевною передъ злополучнымъ событіемъ, разъединившимъ на вѣки ихъ судьбы. Выборъ этой пьесы свидѣтельствовалъ яснѣе всякихъ словъ о томъ, какъ свято чтитъ она память прошлаго.

Онъ окинулъ ее глубокимъ, признательнымъ взглядомъ, исполненнымъ такою краснорѣчивою нѣжностью, что графиня невольно потупилась.

— Начнемъ, сказала она, сбрасывая съ руки массивную золотую цѣпь съ навѣшенными брелоками, чтобы избѣжать ихъ непріятнаго бряцанья и стука о клавиши.

Крицкій похолодѣвшими руками смѣло и отчетливо взялъ начальные аккорды, находя утраченный навыкъ въ ярко озарившемъ его воспоминаніи о прошломъ. Не видя графини, онъ чувствовалъ подлѣ себя ея тихое, мѣрное дыханіе, чувствовалъ тонкій ароматъ лѣсной фіалки, составлявшій словно ея прирожденную атмосферу, вздрагивалъ, когда случайная оплошность сталкивала ихъ пальцы на клавиатурѣ, и она, улыбаясь его неловкости, проворно принимала свои руки.

— Вотъ видите, что недурно, словно въ Отрадномъ, весело проговорила Елена Дмитріевна, когда они кончили. — Сигизмундъ Ромуальдовичъ, довольны ли вы нами?

—Отмѣнно хорошо, ваше сіятельство, похвалилъ управитель.

— А теперь, чтобы поразнообразить удовольствія, мы сыграемъ всѣ вмѣстѣ à la guette, или въ пирамиду. Она повонила и приказала появившемуся слугѣ освѣтить биллиардную.

— Тутъ уже я окажусь совершенно несостоятельнымъ, возразилъ Крицкій, такъ какъ не бралъ кія въ руки чуть-ли не съ выхода изъ университета.

— Мы вамъ дадимъ впередъ, замѣтила графиня.

Крицкій теперь понялъ, что она рѣшительно избѣгаетъ оставаться съ нимъ наединѣ, хотя и не могъ объяснить себѣ причину такого страннаго каприза. Онъ не былъ фатомъ и притомъ слишкомъ уважалъ себя и Елену Дмитриевну, чтобы допустить въ ней мысль о возможности какихъ-либо „опасеній“. Смѣшная pruderie столь не соотвѣтствовала ея характеру, что, конечно, и не она могла побудить замужнюю, свѣтскую женщину искать воображаемой защиты въ докучливомъ присутствіи посторонняго человѣка, видимо тяготившагося наложенною обязанностью. Еще менѣе имѣлось оснований отнести эту выходку къ предумышленному кокетству. Оставалось еще одно предположеніе — подмѣченная уже прежде несчастная ревность графа. Только она могла побуждать Елену Дмитриевну, видимо дорожившую воспоминаніями о прошломъ, запастись этимъ несноснымъ соглядатаемъ, какъ спасительнымъ громостводомъ на случай скучной семейной сцены. Кто знаетъ, не наложилъ ли и самъ графъ обязательность такого позорнаго надзора на несчастную женщину, принужденную спокойствія ради покоряться его сумасбродствамъ? Въ подобномъ случаѣ, можетъ быть, самое его теперешнее пребываніе въ этомъ домѣ явится поводомъ новыхъ нравственныхъ страданій и униженій для Елены Дмитриевны, не рѣшившейся ради соблюденія своего достоинства и обязанностей гостепріимства выпроводить его подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ?

Ему стало грустно отъ такого предположенія, еще болѣе отъ нервной, шумной веселости графини, шутлившей и смѣявшейся при каждой наудачѣ либо промахѣ партнеровъ. Онъ взглядывалъ на нее порою съ грустною улыбкой взрослого, но распалившагося школьника, забывающаго о неизбѣжности строгаго взысканія.

Послѣ чая, Елена Дмитриевна, подъ предлогомъ усталости, первая подала сигналъ къ удаленію. Поручивъ Матусевичу проводить гостя въ отведенные ему покои, она пожелала Ни-

колаю Николаевичу спокойной ночи и предупредила его, что утренній завтракъ послѣдуетъ нѣсколько ранѣе, въ виду намѣренія выѣхать на встрѣчу графа въ сосѣднее имѣніе, отстоящее въ пятнадцати верстахъ отъ Кленоваго. Можетъ быть, и вы рѣшитесь подарить намъ лишній день, и не откажете мнѣ сопутствовать?

Но Крицкій рѣшительно извинился, ссылаясь на необходимость поспѣть къ двумъ часамъ въ городъ, гдѣ ему-де предстояло еще покончить кое-какія дѣла. Онъ крѣпко пожалъ протянутую ему руку—рука эта горѣла какъ бы въ лихорадкѣ.

Плохо спалось Николаю Николаевичу и въ эту ночь, хотя майскіе соловьи ужъ не тревожили болѣе своими сладкозвучными руладами темной тишины окружавшаго сада. Мрачно, душно показалось ему въ уютныхъ комнатахъ, съ опущенными на ночь густыми драпировками и темнымъ ковромъ, скрадывавшимъ шумъ его собственныхъ шаговъ. Отпустивъ слугу, онъ открылъ окно и долго, безмолвно всматривался въ зявшій передъ нимъ мракъ безлунной ночи. Къ чему эта встрѣча, горько спрашивалъ онъ себя, эта безумно проснувшаяся подъ ея воздѣйствіемъ жажда невозможнаго, неизвѣданнаго счастья?! Завтра жизнь снова вступитъ въ свои суровыя права и замететъ въ сѣрой пыли повседневныхъ заботъ эти случайные блески, между тѣмъ какъ здѣсь, такъ же спокойно и ровно, будетъ продолжать биться среди ледящей атмосферы богатства и роскоши давно чуждое ему сердце...

Свѣжій, ночной воздухъ мало по малу его успокоилъ. Закрывая окно, онъ взглянулъ на верхъ, откуда изъ бездонной глубины, словно горсть алмазовъ, разсыпанная по черному бархату, таинственнымъ, холоднымъ блескомъ, мерцали равнодушныя звѣзды.

На утро первую заботою Николая Николаевича было заказать почтовыхъ лошадей, но слуга доложилъ, что графиня распорядилась предоставить къ его услугамъ собственную коляску съ тройкою, которая будетъ заложена по первому приказанію. Онъ попросилъ, чтобы это сдѣлали одновременно съ заказомъ экипажа для графини. За завтракомъ присутствовалъ неизбѣжный панъ Матусевичъ. Елена Дмитріевна была разсіянна и словно озабочена. Слѣды утомленія были замѣтны и ея подвижномъ лицѣ—она объяснила ихъ внезапную мигрень вызванною будто-бы неумѣренною прогулкою верхомъ и мѣциономъ билліарда. Освѣдомившись о намѣреніяхъ гостя, о

не стала настаивать, когда онъ заявилъ о необходимости скорого отъѣзда. Разговоръ въ продолженіи завтрака касался постороннихъ предметовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ личнымъ настроеніемъ присутствовавшихъ. Графиня принимала въ немъ лишь слабое участіе, и только панъ Матусевичъ почтительно давалъ реплику какъ-то неестественно оживившемуся Крицкому. Когда встали изъ-за стола, услужливый управляющій удалился для распоряженія объ экипажахъ.

— Пройдемте въ садъ—здѣсь невыносимо душно, замѣтила графиня, спускаясь съ террасы,—намъ доложить, когда будутъ поданы.

Онъ побрелъ рядомъ съ нею по широкой аллеѣ, направлявшейся къ теплицѣ.

— Графъ, надѣюсь, не будетъ на меня въ претензіи, что я не обождалъ его возвращенія, и не вмѣнить вамъ въ вину радушный пріемъ, оказанный неблагодарному?

— Я совершенно свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, Николай Николаевичъ, и могу безъ всякаго стѣсненія и страха принимать въ „своемъ домѣ“ не только нашихъ общихъ друзей, но и моихъ собственныхъ „даже“ въ отсутствіи мужа, отвѣчала Елена Дмитріевна, и сдержанный гнѣвъ послышался подъ спокойнымъ тономъ ея рѣчи.

— Вы не совсѣмъ вѣрно поняли значеніе моихъ словъ, примирительно замѣтилъ Крицкій, подмѣтившій этотъ проблескъ грозы.

— Нѣтъ, я поняла вѣрно, если не буквальный смыслъ, то скрытую подъ нимъ нѣсколько странную мысль, твердо повторила графиня,—но только ваши заключенія въ данномъ случаѣ не совсѣмъ основательны: я никогда не признавала нужнымъ посвящать мужа въ прошлую лѣтопись своего сердца, оно можетъ и худо, но упрекать мнѣ себя не въ чемъ и „не передъ кѣмъ“.

Гордая, вызывающая усмѣшка сложилась на ея губахъ.

— Я право глубоко огорченъ, если несчастный оборотъ моей фразы могъ подать вамъ поводъ заключить о какихъ-либо неумѣстныхъ и нескромныхъ, совершенно мнѣ чуждыхъ, намекахъ.

Она встрѣтила его откровенный, задумчивый взглядъ, исполненный почтительной покорности, и горечь затронутаго женскаго самолюбія мгновенно улеглась, уступая мѣсто иному, болѣе свѣтлому чувству.— Извините, я право сегодня невыно-

*

сима—что значить дурно проведенная ночь, произнесла она съ примирительною улыбкою.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ, остававшихся до раскрытыхъ дверей теплицы.

— Взгляните еще разъ не мои розы, задумчиво проговорила Елена Дмитріевна,—Богъ вѣсть, когда судьба занесетъ васъ опять въ наши страны.

Онъ вошелъ вслѣдъ за нею. Роскошные, всѣ озаренные яркимъ свѣтомъ, падавшимъ сверху сквозъ широкіе пролеты поднятыхъ рамъ, цвѣты Киприды сіяли въ царственной красотѣ своихъ бархатныхъ уборовъ, разливая вокругъ нѣжные, чайные ароматы. Неосохнувшія капли скропнушаго ихъ утренняго дождя искрились алмазными слезами въ глубокнхъ складкахъ пышныхъ чашечекъ и на зелени листьевъ. Графиня тихо проходила по кирпичной настилкѣ, обозрѣвая безмолвные ряды своихъ душистыхъ полчищъ. Взглядъ ея, внимательно устремленный на благоухающую пестроту окружающихъ красавицъ, казалось, отыскивалъ достойнѣйшую предпочтенія. Маленькія золотыя ножнички, мелькнувшія въ ея рукахъ, повидимому, свидѣтельствовали о намѣреніи украсить ею свой скромный утренній нарядъ. Наконецъ она остановилась передъ чуднымъ, только-что распустившимся за ночь, ярко-пунцовымъ цвѣткомъ, и легкимъ движеніемъ отдѣливъ его отъ куста, стала подрѣзывать острые, угрожающіе шипы.

— Вы не могли выбрать лучше, замѣтилъ Крицкій, любясь розой, какая чудная форма и несравненный оттѣнокъ.

— Возьмите ее, какъ воспоминаніе о Кленовомъ и его негостепріимной причудницѣ, проговорила графиня, протягивая ему цвѣтокъ.

Онъ вспыхнулъ и почтительно наклонился къ протянутой рукѣ.

— Надѣюсь, ты и для меня подыщешь соотвѣтственный цвѣтокъ, раздался позади насмѣшливый голосъ.

Они обернулись—графъ блѣдный, съ сверкавшими ревностію глазами и комически искривленнымъ лицомъ стоялъ въ дверяхъ теплицы въ непроставшей къ его фигуркѣ повѣ театральнаго злодѣя.

Крицкій думалъ-было скрыть злосчастный цвѣтокъ, но тотчасъ же, устыдившись своего движенія, спокойно и почтительно продѣлъ дарованную розу за бортъ дорожной жакетки подъ взглядомъ наблюдавшаго за нимъ графа.

— Ты уже вернулся, небрежно замѣтила Елена Дмитриевна, снова обращаясь къ своимъ любимцамъ, а я только что собиралась тебѣ на встрѣчу, въ Хозаровку.

— Но, повидимому, „розы задержали“, усмѣхнулся графъ.

— Не брани ихъ—смотри, какой дивный экземпляръ, улыбнулась она какою-то загадочною улыбкою, поднося ему желтую пентифолю.

— Что-за странный выборъ!

— Другъ мой, я забыла „языкъ цвѣтовъ“ въ своихъ дѣвичьихъ тетрадкахъ, спокойно отвѣчала графиня, это *Maréchal Niel*—если не нравится, можешь бросить тутъ же, я не обижусь.

И, не ожидая его возраженій, она вышла изъ теплицы.

Д. ПОЗНЯКЪ.

* * *

На торжищахъ влача тяжелый крестъ поэта,
У дикарей пощады не проси, —
Молчи и не зови ихъ въ Скинію завѣта,
И съ ними жертвъ не приноси.

Будь правды жаждущихъ невольнымъ отголоскомъ,
Разнузданныхъ страстей не прославляй,
И модной мишуры за золото подъ лѣскомъ
Блестящихъ рифмъ не выдавай.

И если чернь слѣпа, не жаждетъ и не проситъ,
И если свѣтъ—къ злу равнодушный свѣтъ
Надменно, какъ трофей свои оковы носить, —
Знай, что для нихъ поэта нѣтъ...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

„Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“, О. М. Достоевскаго. 1)

ХІ.

Иванъ Карамазовъ начинаетъ свой рассказъ... Сцена переносится въ далекую страну. на крайній западъ, вѣка раздвигаются, и открывается XVI-е столѣтіе, эпоха смѣшенія и борьбы различныхъ элементовъ европейской цивилизаціи, первыхъ путешествій въ новооткрытую Америку и религиозныхъ войнъ, Лютера и Лойолы, шумливыхъ гуманистовъ и первыхъ генераловъ ордена іезуитовъ. Шумъ и смятеніе этой борьбы происходятъ однако въ центрѣ материка, тамъ же, за Пиринейми, въ Испаніи только видятъ далекую борьбу, крѣпче замыкаются въ себѣ и остаются неподвижны. Еще дальше, въ темной глубинѣ временъ, виднѣется бѣдная, обоженная солнцемъ страна, гдѣ совершилась великая тайна искупленія, была пролита на землю кровь за грѣхи этой земли, для спасенія страждущаго человѣчества. Пятнадцать вѣковъ уже прошло, какъ тайна совершилась; погибла чудовищная имперія, и на ея остовѣ возникъ міръ иныхъ и свѣжихъ народовъ и государствъ, которые просвѣтились новою вѣрою, укрѣпились искупляющею кровью своего Бога и Спасителя. Съ неугасною жаждою и надеждою они ждутъ Его, ждутъ исполненія обѣтованія, которое оставилъ Его ученикъ: „Се, гряду скоро“, и о времени котораго Онъ самъ изрекъ на землѣ: „о днѣ же семъ и часѣ не знаетъ даже и Сынъ, но токмо Отецъ мой небесный“. Даже съ большею еще вѣрою ждутъ Его, ибо „пятнадцать вѣковъ уже минуло съ тѣхъ поръ, какъ прекратились залогн съ небесъ человѣку:

1) См. Р. В. 1891 г. февраль.

„Вѣрь тому, что сердце скажетъ,
„Нѣтъ залоговъ отъ небесъ“.

И только безграничное упованіе въ святую слова поддерживаетъ человѣка. „Но дьяволъ не дремлетъ, и въ человѣчествѣ началось уже сомнѣніе. Какъ разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страшная новая ересь. Огромная звѣзда, подобная свѣтильнику ¹⁾, пала на источники водъ, и стали они горьки. Но тѣмъ пламеннѣе вѣрятъ оставшіеся вѣрными. Слезы человѣчества восходятъ къ Нему по-прежнему, ждуть Его, любятъ Его, надѣются на Него, жаждутъ пострадать и умереть за Него, какъ и прежде. И вотъ столько вѣковъ молило человечество съ вѣрой и пламенемъ: „Бо Господи, явися намъ“! столько вѣковъ взывало къ Нему, что Онъ, въ неизмѣримомъ состраданіи своемъ, возжелалъ снизойти къ молящимъ“.

Сцена сдвигается, и рассказъ сосредоточивается. Открывается Севилья, на знойныя улицы которой спускается тихій вечеръ. Толпы народа расходятся туда и сюда; вдругъ появляется *Онъ*, „тихо, незамѣтно, въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ 33 года между людьми пятнадцать вѣковъ назадъ. По виду, по внѣшности, Онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ, но, странное дѣло, „все узнаютъ Его. Народъ непобѣдимою силой стремится къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, заливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила. Вотъ изъ толпы восклицаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: „Господи, исцѣли меня, да и я Тебя узрю“, и вотъ какъ бы чешуя сходитъ съ глазъ его, и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ передъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіютъ Ему: „Осанна!“

¹⁾ „Т. е. церкви“, замѣчаетъ Достоевскій. Образъ звѣзды, падающей съ неба, взятъ изъ Откровенія Св. Іоанна, IX, 1, какъ и нѣкоторыя дальнѣйшія сравненія, которыми изображается судьба христіанской церкви на землѣ. Въ настоящемъ мѣстѣ высказывается взглядъ на реформацію, какъ на *подобіе* церкви, которое увлекаетъ людей своимъ кажущимся сходствомъ съ нею, и черезъ это отвлекаетъ ихъ отъ церкви дѣйствительной.

„Это Онъ, это самъ Онъ, повторяютъ всё, это долженъ быть Онъ, это никто какъ Онъ“. Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь въ цвѣтахъ. „Онъ воскреситъ твое дитя“, кричатъ изъ толпы плачущей матери: Вышедшій на встрѣчу гроба соборный паптеръ смотритъ въ недоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль матери умершаго ребенка. Она повергается къ ногамъ Его: „если это Ты, то воскреси дитя мое!“ восклицаетъ она, простирая къ Нему руки. Процессія останавливается, гробикъ опускаютъ къ ногамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданіемъ, и уста Его тихо еще разъ произносятъ „Талифа куми“—„и возра дѣвица“¹⁾. Дѣвочка подымается въ гробѣ, садится и смотритъ,

¹⁾ Поразительна жизненность, влитая Достоевскимъ въ эту удивительную картину: мы какъ будто не читаемъ строки, но передъ нами проходятъ видѣніе—вторичнаго появленія, и уже почти въ наше время, Христа среди народа. Въ біографіи его есть нѣкоторыя мѣста, которыя до извѣстной степени могутъ объяснить эту странную, непостижимую жизненность фантастической, сверхъестественной сцены. Однажды,—рассказывается тамъ,—Достоевскій находился въ обществѣ людей, чуждыхъ и даже враждебныхъ ко всякой религіи. Неожиданно среди говорящихъ кто-то упомянулъ объ І. Христѣ, и сдѣлавъ это безъ достаточнаго уваженія, Достоевскій вдругъ страшно поблѣднѣлъ, и на глазахъ его показались слезы. Это было еще въ дни его молодости и очевидно уже тогда онъ проникновенно вдумывался въ Его образъ. Затѣмъ, въ смыслѣ „Библія“ была единственною книгою, которую онъ могъ читать и, постоянно перечитывая евангельскіе рассказы, онъ очевидно вжилъ въ нихъ до ясности ощущенія всего того, о чемъ тамъ передается. Наконецъ, воскресеніе дѣвочки, описываемое такъ, что мы какъ будто видимъ совершеніе самого факта, также имѣетъ біографическое объясненіе. Вотъ что читаемъ мы въ его жизнеописаніи (см. „Біографія и письма“, отд. I стр. 296): „рожденіе доче ри (22 февраля 1862 г.) было большимъ счастьемъ для обоихъ супруговъ и очень оживило Федора Михайловича. Всѣ свободныя минуты онъ проводилъ у ея колясочки и радовался каждому ея движенію. Но это продолжалось менѣе трехъ мѣсяцевъ. Смерть ея была страшнымъ и неожиданнымъ ударомъ. Федоръ Михайловичъ всю жизнь не могъ забыть свою первую дѣвочку и всегда вспоминалъ о ней съ сердечною болью. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Эмсъ, онъ нарочно сѣздалъ въ Женеву, чтобы побывать на ея могилѣ“. Безъ сомнѣнія, онъ живо представлялъ, когда писалъ приведенную выше сцену, свое чувство, еслибы любимая дѣвочка какимъ-нибудь чудомъ вдругъ поднялась изъ гроба.

улыбаясь удивленными, раскрытыми глазками кругомъ. Въ рукахъ ея букетъ бѣлыхъ розъ, съ которымъ она лежала въ гробу. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія“.

Въ это самое время проходитъ мимо собора девяностолѣтній старикъ, съ исхудалымъ лицомъ, въ грубой волосяной рясѣ— великій инквизиторъ страны—кардиналъ римской церкви. Онъ останавливается, издали наблюдаетъ все происходящее, и взглядъ его омрачается. Крики народа доносятся до него, онъ слышитъ рыданія стариковъ и „осанна“, изъ дѣтскихъ устъ, видитъ поднимающагося изъ гроба ребенка, — и вотъ, обернувшись, онъ подымаетъ жестомъ священную стражу и указываетъ ей на Виновника смятенія и торжества. И народъ, „уже приученный, покорный и трепетный“, раздвигается, воины подходятъ къ Нему, берутъ Его и уводятъ. Толпа склоняется до земли передъ сумрачнымъ старикомъ, онъ благословляетъ народъ и проходитъ далѣе. Плѣнникъ приводится въ темное подземелье Святаго Судилица и запирается тамъ.

Вечеръ кончается и настаетъ „тихая и бездыханная“ южная ночь. Воздухъ горячъ еще и сильнѣе наполненъ ароматомъ цвѣтущаго лавра и лимона. Среди тишины вдругъ за скрипѣли ржавыя петли тюремной двери, она отворяется и въ подземелье входитъ старикъ-инквизиторъ. Дверь запирается за нимъ тотчасъ, и онъ остается наединѣ со своимъ Плѣнникомъ. Долго онъ всматривается въ Его лицо, ставитъ тусклый свѣтильникъ на столъ, подходитъ ближе и шепчетъ:

— „Это Ты? Ты? Но, не получая отвѣта, быстро прибавляетъ: не отвѣчай, молчи. Да и что бы Ты могъ сказать? Я слишкомъ знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавить къ тому, что уже сказано Тобою прежде. *Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать?* Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать, и Самъ это знаешь. Но знаешь ли, что будетъ завтра? Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобіе Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію, бросится подгрести къ Твоему костру угли,—знаешь Ты это? Да, Ты, можетъ быть, это знаешь, прибавилъ онъ въ проникновенномъ раздумьи, яи на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ своего Плѣнника“.

Въ этихъ напряженныхъ, порывистыхъ словахъ уже взяты всѣ вариации послѣдующей діалектики: признаніе Божествен-

наго сохранено до ясности ощущенія Его, до созерцанія; и ненависть къ Нему простирается до угрозы—завтра же истребить Его, сжечь и растоптать. Это—величайшее въ исторіи соединеніе и одновременно разъединеніе человѣческой души съ ея Предвѣчнымъ Источникомъ. Вдали какъ въ перспективѣ показывается какое-то странное отношеніе къ народу, къ милліонамъ пасомыхъ душъ: въ этомъ отношеніи есть несомнѣнно тревожная забота, т. е. уже любовь, и вмѣстѣ презрѣніе, и какой-то обманъ, что-то скрытое. Въ молчаніи Плѣнника и въ словахъ: „да, Ты, можешь быть, это знаешь“ скользить кощунственная мысль, что для самого Спасителя открывающаяся сцена обнаруживаетъ что-то новое и неожиданное, какую-то великую міровую тайну, которой Онъ не зналъ ранѣе и начинаетъ понимать только теперь. И тайну эту хочетъ ему высказать человѣкъ, „дрожащая тварь“ чувствуетъ въ себѣ такую силу убѣжденія, вынесеннаго изъ всей своей судьбы, что не боится встать за него передъ своимъ Творцомъ и Богомъ.

Во всемъ дальнѣйшемъ исповѣданіи, которое высказываетъ старикъ, раскрывается движущая идея римской церкви, но очень трудно отрѣшиться отъ мысли, что эта идея есть вмѣстѣ и исповѣданіе всего человѣчества, самое мудрое и проникновенное сознаніе имъ судебъ своихъ, и притомъ какъ минувшихъ, такъ, и главнымъ образомъ — будущихъ. Западная церковь, конечно, есть только романское пониманіе христіанства, какъ православіе—греко-славянское пониманіе и протестантизмъ—германское. Но дѣло въ томъ, что изъ этихъ трехъ вѣтвей, на которыя распалась всемірная церковь, только первая возросла во всю величину своихъ силъ, другія же двѣ лишь возрастаютъ; католицизмъ законченъ, завершенъ въ своемъ внутреннемъ сложеніи, онъ отчетливо созналъ свой смыслъ и непреодолимо до нашего времени стремится провести его въ жизнь, подчинить ему исторію,—напротивъ, остальные церкви чужды столь яснаго о себѣ сознанія ¹⁾. Вотъ почему,

¹⁾ Протестантизмъ, открывъ свободу для индивидуальнаго пониманія христіанства, не только въ настоящемъ не представляетъ чего-либо завершеннаго, окончательнаго, но и въ будущемъ очевидно никогда не получитъ подобнаго завершения. Что касается до православія, то до сихъ поръ оно находилось въ стольтяжелыхъ историческихъ условіяхъ, такъ извнѣ стѣснено было то варварствомъ (монгольское иго), то магметанствомъ (турецкое иго), то, наконецъ, самимъ католицизмомъ, что отстоять бытіе свое и какъ-нибудь выполнить все нужное для ду-

повторяемъ, невозможно удержаться отъ того, чтобы не обобщить до крайней степени, до объема всего человѣчества и всей исторіи, страшное признаніе инквизитора, высказываемое наединѣ Христу.

Онъ начинаетъ съ утвержденія, что все завѣщанное Христомъ ученіе, какъ оно сохранено Провидѣніемъ, есть нѣчто вѣчное и неподвижное, и какъ изъять изъ него ничего нельзя, такъ нельзя и ничего къ нему надбавить. Оно вошло уже, какъ камень во главу угла, въ воздвигнувшуюся часть всемірной исторіи и было бы поздно теперь что-нибудь поправлять, уяснять или ограничивать въ немъ: это пошатнуло бы пятнадцать вѣковъ зиждительной работы. Это не только по отношенію къ человѣчеству, которое не можетъ же постоянно перестраиваться; но и по отношенію къ Богу—чѣмъ было бы новое Откровеніе, дополненіе къ сказанному, какъ не сознаніе недостаточности сказаннаго уже, и кѣмъ же? сказаннаго самимъ Богомъ! Наконецъ, и это самое главное, подобное дополненіе было бы нарушеніемъ человѣческой свободы: Христосъ оставилъ человѣчеству образъ свой, которому оно могло бы слѣдовать свободнымъ сердцемъ, какъ идеалу, соответствующему его (скрыто божественной) природѣ, отвѣчающему его смутнымъ влеченіямъ. Слѣдованіе это должно быть свободно, въ этомъ именно состоитъ его нравственное достоинство. Между тѣмъ всякое новое откровеніе съ неба явилось бы какъ чудо и внесло бы въ исторію принужденіе, отняло бы у людей свободу выбора и съ нимъ нравственную заслугу. Поэтому смотря на Христа и думая о второмъ обѣщанномъ пришествіи Его на землю, инквизиторъ говоритъ: „теперь Ты не приходи хоть вовсе; не приходи до времени, по крайней мѣрѣ“, поправляется онъ, думая о незавершенности только своего дѣла на землѣ.

Онъ все время странно задумчивъ; передъ ликомъ Спасителя, контрастъ между великими завѣтами Его и дѣйствительностью представляется ему особенно яркимъ и вызываетъ въ

шеннаго спасенія среди обдѣленныхъ и приниженныхъ народностей составило пока весь его историческій трудъ; о томъ же, чтобы возвести свое скрытое внутреннее содержаніе къ свѣту яснаго сознанія,—онъ еще не имѣло средствъ озаботиться. Попытки славянофиловъ (какъ Хомякова, Ю. Самарина) и самого Достоевскаго выяснить особенности и идею православія въ исторіи объясняются этимъ его состояніемъ и были бы невозможны при другомъ положеніи дѣла.

немъ грустную иронию. Онъ припоминаетъ Христу, какъ часто пятнадцать вѣковъ назадъ онъ говорилъ людямъ: „Хочу сдѣлать васъ свободными“, и добавляетъ: „вотъ Ты теперь увидѣлъ этихъ свободныхъ людей“. Иронія замѣчанія этого относится не только къ тѣмъ, кого хотѣлъ возвысить Христосъ своимъ ученіемъ, но и къ Нему самому: „Это дѣло“, продолжаетъ онъ, „намъ дорого стоило, но мы докончили его—во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ мучились мы съ этою свободой, но теперь это кончено и кончено крѣпко“.

Здѣсь говорится про начало авторитета, которое всегда и глубоко проникало римскую церковь и было причиною гораздо бѣльшей ея нетерпимости ко всякимъ отступленіямъ отъ догмы, нежели какая была присуща другимъ церквямъ. Въ XVI вѣкѣ, къ которому относится описываемая сцена, необходимость авторитета и неразсуждающаго подчиненія была особенно сильно сознаваема Римомъ въ виду угрожающаго движенія реформации, нарушившей тысячелѣтнее духовное единство западной Европы. Явленія, въ которыхъ оно выразилось, были: введеніе инквизиціи и цензуры книгъ; проводниками этой идеи выступили: Тридентскій соборъ и орденъ іезуитовъ съ его ученіемъ о безусловномъ подчиненіи старшимъ, о совершенномъ подавленіи индивидуальной воли. Но, какъ и повсюду въ рассматриваемой „Легендѣ“, указаніе на основную черту католицизма сдѣлано здѣсь съ умысломъ: она совпала съ тѣмъ, что по необходимости вытекло въ исторіи изъ вѣковѣчныхъ чертъ человѣческой природы. Это становится ясно изъ дальнѣйшихъ объясненій инквизитора. Онъ говоритъ:

„Только теперь, когда мы побороли свободу, стало возможнымъ подумать въ первый разъ о *счастіи людей*. Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми?“ спрашиваетъ онъ.

Христосъ принесъ на землю истину; инквизиторъ же говоритъ, что земная жизнь человѣка управляется закономъ страданія, вѣчнаго убѣганія отъ него, или, когда это невозможно, вѣчнаго слѣдованія по пути наименьшаго страданія. Между истиною, которая безотносительна и присуща только абсолютному Богу, и между этимъ закономъ страданія, которому подчиненъ человѣкъ, вслѣдствіе относительности своей природы, лежитъ непереступаемая бездна. Пусть, кто можетъ, влечетъ человѣка по пути первой; онъ будетъ слѣдовать всегда по пути втораго. Это именно и высказываетъ инквизиторъ:

не отрицая высоты принесенной Спасителемъ истины, онъ отрицаетъ только соотвѣтствіе этой истины съ природою человѣка, и съ тѣмъ вмѣстѣ отрицаетъ возможность слѣдованія его за ней. Другими словами, онъ отвергаетъ, какъ невозможное, построеніе земныхъ судебъ человѣка на завѣтахъ Спасителя и слѣдовательно утверждаетъ необходимость построенія ихъ на какихъ-то *иныхъ* началахъ.

Къ нимъ онъ тотчасъ и переходитъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ ихъ разсмотрѣнію, отмѣтимъ фактъ кореннаго измѣненія въ воззрѣніи Достоевскаго на человѣческую свободу, которое произошло у него со времени „Записокъ изъ подполья“. Тамъ, также какъ и здѣсь, свободная воля человѣка выставляется какъ главное препятствіе къ окончательному устроенію человѣческихъ судебъ на землѣ; но, въ силу этого, отрицается только необходимость и возможность подобнаго устроенія, она же остается къ человѣкѣ, какъ его драгоценнѣйшая черта. Во взглядѣ на эту свободу тамъ есть что-то одобрительное, и въ этой одобрительности слышенъ бодрый тонъ еще не усталого человѣка. Достоевскій съ видимымъ удовольствіемъ рисуетъ себѣ картину, какъ въ моментъ всеобщаго благополучія, наконецъ достигнутаго, вдругъ явится человѣкъ „съ ретроградною и насмѣшливою фізіономіей“, который скажетъ своимъ счастливымъ и только нѣсколько скучающимъ братьямъ: „а что, не столкнутъ ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ,—единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логариемы отправились къ чорту и чтобы намъ опять на своей глупой волѣ пожить“ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ многое въ воззрѣніяхъ Достоевскаго измѣнилось, нѣтъ прежней бодрости въ его тонѣ, и также нѣтъ болѣе насмѣшливости и шутокъ. Сколько страданія за человѣка выносилъ онъ въ себѣ и сколько ненависти къ человѣку—объ этомъ свидѣтельствуется весь рядъ его послѣдующихъ произведеній, и между ними „Преступленіе и наказаніе“, съ его безотвѣтными мучениками, съ его бессмысленными мучителями. Усталость и скорбь смѣнили въ немъ прежнюю увѣренность, и жажда успокоенія сказывается всего сильнѣе въ „Легендѣ“.

¹⁾ „Записки изъ подполья“, отд. I, гл. IX. Тм. также гл. X, о предпочтительности временнаго „курятника“, въ общественно-историческомъ строѣ именно потому, что онъ не окончателенъ и не убиваетъ навсегда свободу, передъ „хрустальнымъ зданіемъ“, которое ненавистно именно своею неразрушимостью.

Высокіе дары свободы, истины, нравственнаго подвига—все это отстраняется, какъ тягостное, какъ излишнее для человѣка,—и зовется одно—*какое-нибудь* счастье, *какой-нибудь* отдыхъ для „жалкаго бунтовщика“ и все-таки измученнаго, все-таки болящаго существа, состраданіе къ которому заглушаетъ все остальное въ его сердцѣ, всякій порывъ къ божескому и высокочеловѣческому. „Легенду объ Инквизиторѣ“ до извѣстной степени можно разсматривать какъ идею окончательнаго устроенія судебъ человѣка, — что безусловно было отвергнуто въ „Запискахъ изъ подполья“, но съ тою разницею, что тогда какъ тамъ говорилось объ устроеніи рациональномъ, основанномъ на тонкомъ и детальномъ изученіи законовъ физической природы и общественныхъ отношеній, здѣсь говорится объ устроеніи религіозномъ, исходящемъ изъ глубочайшаго проникновенія въ психическій строй человѣка.

— „Тебя предупреждали, говорить инквизиторъ Христу,— Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ ихъ и отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми“. И затѣмъ онъ высказываетъ свою идею, слѣдя за которою серьезно, невозможно не почувствовать нѣкотораго ужаса, который тѣмъ сильнѣе возрастаетъ, чѣмъ яснѣе чувствуешь ея неотразимость. Нити всемірной исторіи, будущія судьбы человѣка, мистическій полусвѣтъ и величайшая жажда религіи въ соединеніи съ отчаяніемъ, что она невозможна—все это переплетено здѣсь самымъ непостижимымъ образомъ, и вмѣстѣ все стройно и правдиво, образуя въ цѣломъ глубочайшее слово, самое проникновенное и мудрое, какое когда-либо было произнесено человѣкомъ о себѣ самомъ.

— „Страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія, такъ начинается инквизиторъ,—великій духъ говорилъ съ Тобой въ пустынѣ, и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто бы искушалъ Тебя. Такъ ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ, и что Ты отвергъ, и что въ книгахъ названо „искушеніями“? А между тѣмъ, если было когда-нибудь на землѣ совершенно настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалась чудо. Еслибы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ на-

до возстановить, вновь придумать и сочинить, чтобы внести опять въ книги, и для этого собрать всёхъ мудрецовъ земныхъ—правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, поетовъ и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того что соотвѣтствовали бы размѣру событія, но и выражали бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ только фразахъ человѣческихъ, *всю будущую исторію міра и человечества!*—то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ? Ужь по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, но съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всё неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Тогда это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо, но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“.

Пятнадцать вѣковъ минувшей исторіи здѣсь названы потому только, что самый разговоръ инквизитора съ Христомъ представляется происходящимъ въ XVI-мъ столѣтіи; но онъ писанъ въ XIX в., и, еслибы возможно было сдѣлать это безъ грубаго нарушенія правдоподобія, инквизитору слѣдовало бы сослаться на всё девятнадцать вѣковъ: все, о чемъ онъ говорить далѣе и на что указалъ словами—„это не могло быть еще видно тогда“—обнаружилось окончательно только въ наше текущее столѣтіе, и никакихъ даже предвѣстниковъ этого не было еще въ эпоху, когда происходила описываемая сцена. Какъ это ни странно, перенесеніе историческихъ противорѣчій, раскрывшихся въ XIX в., въ бесѣду, происходящую въ XVI-мъ вѣкѣ, не производитъ никакого дурнаго впечатлѣнія и даже не замѣчается: въ разбираемой „Легендѣ“ все временное до того отходитъ на задній планъ и выступаютъ впередъ черты только глубокаго и вѣчнаго въ человѣкѣ, что смѣшеніе въ ней прошлаго, будущаго и настоящаго, какъ бы

совмѣщеніе всего историческаго времени въ одномъ моментѣ, не только не является чѣмъ-то чудовищнымъ, но, напротивъ, совершенно умѣстно и кажется необходимымъ. Уже въ приведенныхъ словахъ инквизитора мы чувствуемъ, что онъ какъ будто самъ забываетъ, что обращаетъ свою рѣчь къ другому: она звучитъ, какъ монологъ, какъ исповѣдь вѣры 90-лѣтняго старика, и чѣмъ далѣе она развивается, тѣмъ яснѣе выступаетъ изъ-за его „высокой и прямой фигуры“ небольшая и истощенная фигура человѣка XIX вѣка, выносившая въ душѣ своей гораздо болѣе, нежели могъ выносить старикъ, хотя бы и вкушавшій акриды и медь въ пустынѣ и сожигавшій потомъ еретиковъ сотнями „ad majorem gloriam Dei“.

Инквизиторъ съ точки зрѣнія трехъ искушеній, какъ бы образно представившихъ будущія судьбы человѣка, начинаетъ говорить объ этихъ судьбахъ, анализируя смыслъ самыхъ искушеній. Такимъ образомъ вскрытіе смысла исторіи и какъ бы измѣреніе нравственныхъ силъ человѣка дѣлается здѣсь въ видѣ обширнаго толкованія на краткій текстъ Евангелія. Вотъ простыя и глубокия слова, въ которыхъ записано о первомъ искушеніи у св. Матеея: „И приступилъ къ Нему искушитель, и сказалъ: если Ты Сынъ Божій,— скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: написано: „не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ, — но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (отъ Мате. гл. IV, ст. 2—3).

— „Рѣши же Самъ, кто былъ правъ, говоритъ инквизиторъ: Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ; хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они, *въ простотѣ своей и въ врожденномъ безчинствѣ своемъ*, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся,—ибо никогда и ничего не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы ¹⁾! А видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? *Обрати изъ въ хлѣбы, и за Тобой поблжситъ человечество какъ стадо*, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку свою, и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ пред-

¹⁾ Впервые мысль эта, очень глубокая, была высказана Достоевскимъ въ 1847 г. въ одномъ изъ самыхъ безобразныхъ его произведеній „Хозяйка“, см. стр. 374 „Сочиненій“, т. 2, изд. 1882 г.

ложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами. Ты возразилъ, что человекъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя, и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: „Кто подобенъ зетру сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси!“

Здѣсь въ апокалипсическомъ образѣ представлено возстаніе всего земнаго, тяжелѣющаго долу въ человекѣхъ, противъ всего небснаго въ немъ, что устремляется вверху, и указанъ побѣдннй исходъ этого возстанія, котораго мы всѣ — грустные свидѣтели. Нужда, гнетущее горе, боль несогрѣтыхъ членовъ и голоднаго желудка заглушить искру божественнаго въ человекской душѣ, и онъ отвернется отъ всего святаго и преклонится какъ передъ новою святинею передъ грубымъ и даже низкимъ, но кормящимъ и согрѣвающимъ. Онъ осмѣетъ, какъ ненужныхъ людей, своихъ прежнихъ праведниковъ, и преклонится передъ новыми праведниками, станетъ составлять изъ нихъ новые календари святыхъ и чтить день ихъ рожденія, какъ „благодѣтелей человечества“. Уже Ог. Контъ на мѣсто христіанства, которое онъ считалъ отживающею религіею, пытался изобрѣсти нѣкоторое подобіе новаго религіознаго культа, съ празднествами и чествованіемъ памяти великихъ людей, и культъ служенія человечеству все сильнѣе и сильнѣе распространяется въ наше время, по мѣрѣ того какъ ослабѣваетъ служеніе Богу. Человѣчество обоготворяетъ себя, оно прислушивается теперь только къ своимъ страданіямъ и утомленными глазами ищетъ кругомъ, кто бы утолилъ ихъ, утишилъ или по крайней мѣрѣ заглушилъ. Робкое и дрожащее, оно готово кинуться за всякимъ, кто что-нибудь для него сдѣлаетъ, готово благоговѣнно преклониться передъ тѣмъ, кто удачною машиною облегчитъ его трудъ, новымъ составомъ удобрить его поле, хотя бы путемъ вѣчной отравы заглушить его временную боль. И сматенное, страдающее, оно точно утратило смыслъ пѣлаго, какъ-будто не видитъ за подробностями жизни своей главнаго и чудовищнаго зла, со всѣхъ сторонъ на нее надвигающагося: что чѣмъ болѣе пытается человекъ побороть свое страданіе, тѣмъ сильнѣе оно возрастаетъ и всеобъемлюще становится, и люди уже гибнутъ не единицами, не тысячами, но милліонами и народами, все бы стрѣе и все неудержимѣе, забывъ Бога и проклиная себя.

Мы приведемъ величественный образъ изъ Откровенія св

Гоанна, на который указано въ выписанныхъ выше словахъ: „И далъ (звѣрю) драконъ (дiаволь) силу овою и престолъ свой и великую власть. И видѣлъ я, что одна изъ головъ его какъ бы смертельно была ранена; но эта смертельная рана исцѣлѣла, и двиглась вся земля, слѣдя за звѣремъ, и поклонились дракону, который далъ власть звѣрю, и поклонились звѣрю, говоря: „кто подобенъ звѣрю сему? и кто можетъ сразиться съ нимъ?“ И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно... И отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущихъ на небѣ. И дано было ему вести войну со святыми, и побѣдить ихъ; и дана была ему власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ, и языкомъ, и племенемъ. И поклонятся ему всѣ живущіе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца, закланнаго отъ созданья міра. Имѣющій ухо да слышитъ“. (Гл. XIII, ст. 1—8).

Званіе, кормящее, но уже не просвѣщающее человѣка, великій промѣнъ духовныхъ даровъ на вещественные дары, чистой совѣсти на сытое брюхо — представлены въ этомъ поразительномъ образѣ. Съ заботою объ единомъ хлѣбѣ закроются алтари, исчезнетъ великая устрояющая сила, и люди вновь примутся за возведеніе зданія на пескѣ, за построеніе своими силами и своею мудростью Вавилонской башни своей жизни. На все это указываетъ инквизиторъ въ проникновенныхъ словахъ, и тутъ же предсказываетъ, чѣмъ все это и кончится:

„— Знаешь ли Ты, говорить онъ, что пройдутъ вѣка, и человечество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что *преступленія нѣтъ*, а, стало быть, *нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные*“ ¹⁾. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“ Вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ *разрушится храмъ Твой*. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе ²⁾, воздвигнется

¹⁾ Говорится о теоріи относительности преступленія, по которой оно ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда другихъ фактовъ, совершаемыхъ человѣкомъ, и, какъ всѣ они, вызывается вліяніемъ среды, воспитанія и вообще внѣшнихъ обстоятельствъ. Воля, всецѣло опредѣляемая этими обстоятельствами, безсильна не совершить какого-нибудь факта, въ данномъ случаѣ преступленія, поэтому не свободна и слѣдовательно не виновна („грѣха нѣтъ“).

²⁾ Въ силу теоріи о невинности индивидуальной воли, всѣ преступления, какъ и всякое зло, относятся, какъ къ причинѣ своей, къ неправильному устройству общества. Отсюда вопросъ о борьбѣ со

вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все же Ты бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей,—ибо къ намъ же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ со своею башнею“¹⁾! Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся, ибо мы будемъ вновь гонимы и мучимы²⁾, найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небеси, его не дали“. И тогда уже мы и *достроимъ ихъ башню*, ибо достроить тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. *О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя!* Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и сважутъ намъ: „лучше поработите насъ, но накормите насъ“³⁾. Поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ немислимы, ибо никогда, никогда не сѣумѣютъ они раздѣлиться между собою⁴⁾! Убѣдятся тоже, что не только

зводится къ вопросу о лучшемъ устроеніи человѣческаго общества,—что вводитъ теоретическую мысль, какъ зиждущее начало въ исторію, на мѣсто безсознательныхъ силъ, въ ней дѣйствующихъ. Сравни приведенныя выше мѣста изъ „Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“.

¹⁾ Достоевскій часто и настойчиво указывалъ, что наука, отрицая свободную волю въ человѣкѣ и абсолютность въ преступленіи, доведетъ людей до антропофагіи („Бѣсы“ и др.) и тогда-то въ отчаяніи „заплачетъ земля по старымъ богамъ“, и люди вновь обратятся къ религіи. Такимъ образомъ обращеніе къ Богу, думалъ онъ, увѣнчаетъ исторію, и это тѣмъ непремѣннѣе совершится, чѣмъ большія бѣдствія ожидаютъ человѣчество въ будущемъ.

²⁾ Здѣсь говорится о періодѣ нестерпимыхъ гоненій противъ религіи, которыя само устраивающееся и несчастное человѣчество воздвигнетъ на нѣкоторое время, и именно передъ тѣмъ, какъ обратиться къ Богу.

³⁾ Отчаяніе экономическихъ бѣдствій приведетъ (и уже приводитъ) къ забвенію всѣхъ другихъ идеаловъ, которые первоначально были неотдѣлимы отъ идеала равномернаго распредѣленія богатствъ: такъ уже теперь крайніе демократы становятся индифферентны къ завѣтамъ политической и общественной свободы (конституціонализму), а равно и къ успѣхамъ наукъ и просвѣщенія, готовы безразлично соединиться и съ военнымъ деспотизмомъ, и съ торжествомъ церкви надъ государствомъ, лишь бы сила, военная ли, церковная ли—для нихъ все равно—разрѣшила экономическій вопросъ, „накормила всѣхъ“.

⁴⁾ При заботѣ „о хлѣбѣ единомъ“ померкнетъ совѣсть въ людяхъ, и съ нею—состраданіе, такъ какъ невозможно этихъ чувствъ ни возвести

гутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщаль имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабого, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагогоднаго людскаго племени—съ земнымъ? И если за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что станется съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго?“

XII.

„— Или Тебѣ дороги, продолжаетъ инквизиторъ, лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, остальные же милліоны, многочисленныя, какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, должны лишь послужить матерьяломъ для великихъ и сильныхъ?“

Этими словами начинается поворотъ въ его мысли, обращеніе ея къ вѣчному смыслу исторіи, который несомнѣстимъ съ абсолютною правдою и милосердіемъ. Пока этотъ смыслъ только мелькомъ указывается, но затѣмъ на немъ именно инквизиторъ основываетъ свое отрицаніе.

Слишкомъ извѣстенъ взглядъ, по которому высшій цвѣтъ культуры вырабатывается только немногими избранными, людьми высшихъ способностей, и для того, чтобы они могли выполнять свою миссію свободно и неторопливо, имъ доставляется обезпеченіе и досугъ трудомъ и страданіями нищенской

„къ хлѣбу“, ни изъ него заботъ о немъ вывести. Каждый возьметъ себѣ наибольшее, на что имѣетъ право по количеству и качеству своего труда, и гений потребуетъ, чтобы были удалены съ пиршества неспособные, потому что они отнимаютъ у него излишнее. Въ вопросѣ объ устроеніи общества на экономическихъ началахъ распредѣленіе продуктовъ производства, по праву—*visum suique*, по правдѣ сердца человѣческаго—Богъ за всѣхъ, представляетъ главное и въ строгомъ смыслѣ—неразрѣшимое затрудненіе. Именно оно является предметомъ нескончаемыхъ разногласій среди теоретиковъ общественной жизни, и если они такъ непримиримы въ мысли, такъ несогласимы въ книгахъ, то трудно и представить себѣ, къ какому хаосу столеновѣи приведетъ неразрѣшимость этого вопроса въ дѣйствительности, гдѣ господствуютъ страсти, гдѣ гнѣвъ не забывается и жалость имѣетъ свою убѣдительность, гдѣ всякая діалектика разбивается о честное непониманіе людей сердца

жизни огромныхъ народныхъ массъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ взглядѣ, слишкомъ грубомъ, и приведемъ величественныя слова изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится о маломъ числѣ оправданныхъ въ день послѣдняго суда. Очевидно, ихъ именно имѣетъ въ виду выясняющій *свою* правду инквизиторъ:

„И взглянулъ я“, передаетъ св. Іоаннъ о своемъ видѣніи, „и вотъ, Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ нимъ *сто сорокъ четыре тысячи*, у которыхъ имя Отца Его написано на челѣ“.

„И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы искусно играющихъ на гусляхъ.“

„Они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ Престоломъ и передъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ *ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли*.“

„Это тѣ, которые не осквернились съ женами,—ибо они дѣвственники; это тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. *Они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу*.“

„И въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны предъ Престоломъ Божиимъ“. (Откровеніе св. Іоанна, гл. XIV, ст. 1—5; срав. тамъ же, гл. VII, ст. 4).

Какой чудный, зовущій идеалъ въ этомъ великомъ образѣ, какъ поднимаетъ онъ въ насъ тоскующее желаніе, какъ мало удивляемся мы, только взглянувъ на него, тому глубокому и быстрому перевороту, который совершило Евангеліе на переходѣ изъ древняго міра въ новый.

И, все-таки, именно потому, что красота этого идеала такъ велика, что одинъ порывъ къ нему даетъ уже счастье—въ насъ пробуждается непреодолимая жалость къ тѣмъ „многочисленнымъ какъ песокъ морской“ человѣческимъ существамъ, которыя, выдѣливъ изъ себя эти „сто сорокъ четыре тысячи“—остались гдѣ-то забытыми и затоптанными въ исторіи¹⁾.

Это чувство жалости наполняетъ и душу инквизитора, и онъ говоритъ твердо: „нѣтъ, намъ дороги и слабѣе“, и быстро мелькаетъ въ его умѣ мысль о томъ, какъ онъ и тѣ, которые пой-

¹⁾ Въ главѣ „Кошмаръ Ивана Федоровича“, которая вообще представляетъ варіаціи на „Легенду о Великомъ Инквизиторѣ“, бѣсъ говоритъ: „сколько надо было погубить душъ.. чтобъ получить одного только праведнаго Іова“. („Бр. Карамазовы“, т. 2, стр. 355. Изд. 1882 г.).

мутъ его, устроятся съ этими слабыми, но уже устроятся совершенно одни, безъ *Нею*, хотя — за отсутствіемъ другой устрояющей идеи — во имя Его:

„Они порочны и бунтовщики, говоритъ онъ, но подъ конецъ они-то и станутъ послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу и надъ ними господствовать, — такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы уже не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать“.

И затѣмъ онъ переходитъ къ другимъ сторонамъ человѣческой природы, къ вѣчнымъ требованіямъ его души, которыя ищутъ себѣ удовлетворенія въ исторіи и на точномъ знаніи которыхъ должно быть возведено прочное зданіе человѣческой жизни: „въ вопросѣ о хлѣбахъ, говоритъ онъ, заключалась великая тайна міра сего. Принявъ „хлѣбы“, Ты бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣчную тоску человѣческую какъ единичнаго существа, такъ и цѣлаго человечества вмѣстѣ — это: „предъ кѣмъ преклониться“. Нѣтъ заботы непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе то, передъ чѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоятъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непременно *есть мѣсть*. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единично, какъ и цѣлаго человечества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечемъ. Они созидали боговъ и взывали другъ къ другу: „бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ“. И такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда, когда исчезнутъ въ мірѣ и боги: все равно падутъ предъ идолами¹⁾. Ты зналъ, Ты не могъ не знать эту основную тай-

¹⁾ Въ „Подросткѣ“ Макаръ Ивановичъ, старикъ, сходный по типу со старцемъ Зосимомъ въ „Бр. Кар.“, хотя и безъ нѣкоторыхъ существенныхъ чертъ послѣдняго, говоритъ: „невозможно и быть человѣку,

ну природы человѣческой, но Ты отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою безспорно, — знамя хлѣба земнаго, и отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Вагляни же, что сдѣлалъ Ты далѣе, и все опять во имя свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть. Съ хлѣбомъ давалось Тебѣ безспорное знамя: дать хлѣбъ, и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣба, но если въ то же время кто-нибудь овладѣетъ его совѣстью помимо Тебя, — о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за тѣмъ, который обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ. Ибо тайна бытія человѣческаго заключается не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ, для чего ему жить, человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы ¹⁾. Это такъ, но что же вышло: вмѣсто того, чтобы овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ, что спокойствіе и даже смерть человѣку дороже ²⁾ свободного выбора въ познаніи добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. И вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти человѣческой раз навсегда — Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе, — и это кто же: Тотъ, Который пришелъ отдать за нихъ жизнь свою! Вмѣсто того, чтобы овладѣть людскою свободой, Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка вѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою. Вмѣсто твердаго древняго закона, — свободнымъ сердцемъ долженъ

чтобы не преклониться, не снести себя такой человѣкъ, да и никакой человѣкъ. И Бога отвергнетъ, такъ идолу поклонится — деревянному, или златому, или мысленному". Изд. 3-е. Спб. 1882 г. стр. 363.

¹⁾ Черта, вѣрно подмѣченная, и одна своимъ идеализмомъ уравновѣщивающая все низкое, что въ этой же „Легендѣ“ приписывается человѣку.

²⁾ Безъ сомнѣнія это обмолвка и нужно читать „удобиѣе, выгоднѣе, нужнѣе и дучше“.

былъ человекъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твоей образъ предъ собою,—но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же наконецъ и опровергнетъ даже и Твой образъ и Твою правду, если его нагнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію своего же царства и не вини въ этомъ никого болѣе¹⁾.

Другими словами, ученіе, пришедшее спасти міръ, своею высокою погубило его, внесло въ исторію не примиреніе и единство, но хаосъ и вражду. Исторія не закончена, и между тѣмъ она должна закончиться, именно этого ищутъ народы въ своей жадѣ найти предметъ общаго и согласнаго поклоненія. Они и истребляютъ другъ друга для того, чтобы хотя

¹⁾ „Бѣсы“, изд. 82 г., стр. 362: „конечное разрѣшеніе вопроса (объ устроеніи человека на землѣ)—это раздѣленіе человечества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятими. Ты же должны потерять личность и обратиться въ родъ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій *первобытной невинности въ родъ какъ бы первобытнаго рая*, хотя и будутъ работать. Мѣры... для *отнятія* у девяти десятыхъ человечества *воли* и передѣлки его въ стадо посредствомъ *перевоспитанія* цѣлыхъ поколѣній (могутъ быть) *основаны на естественныхъ данныхъ*“. За исключеніемъ средствъ достигнуть цѣли (знанія „естественныхъ данныхъ“) — все здѣсь очень походитъ на мысль инквизитора. Про автора этого проекта другое лицо романа замѣчаетъ: „Шигалевъ — гениальный человекъ... Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Все это доступно только высшимъ способностямъ — не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами... Да, горы сравнять — хорошая мысль, не смѣшная. Не надо образованія, довольно науки!“ И безъ науки хватить матерьялу на тысячу лѣтъ, но надо *устроиться послушанію*. Въ мірѣ одного только недостаетъ — послушанія. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь — вотъ уже и желаніе собственности. *Мы умиримъ желаніе... Мы всякаго гоня погубимъ въ младенчествѣ... Необходимо лишь необходимое — вотъ девизъ земнаго шара отседѣ... Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ 30 лѣтъ пускается и судорога и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, по извѣстной черты, единственно, чтобы не было скучно (вспомнимъ) о золотыхъ булавахъ Клеопатры въ „Запискахъ изъ подполья“* Скука есть ощущеніе аристократическое, въ шигалевщинѣ не будетъ желаній. *Желаніе и страданіе для насъ, а не для рабовъ*“. Тамъ же стр. 374.

путемъ гибели многихъ непримиренныхъ, наконецъ, соединились оставшіеся. Христіанство не отвѣтило этой потребности человѣческаго сердца, предоставивъ все индивидуальному рѣшенію, ложно понадѣявшись на человѣческую способность различенія добра и зла. Даже древній, не столь высокій, но точный и суровый законъ болѣе удовлетворялъ этой потребности: побіеніе камнями обѣщалось всякому, кто отступилъ бы отъ него, и люди насильно приводились къ единству. Еще лучше отвѣтило бы этой потребности, правда уже совсѣмъ грубое, средство — „земные хлѣбы“, закрытіе отъ глазъ его всего небеснаго, напитавъ его — оно и усыпило бы тревоги его совѣсти, правда бесполезно усиливъ его — оно однако избавило бы его отъ страданія.

Быть можетъ, мы не отойдемъ далеко отъ истины, если скажемъ, что съ искушеніемъ прибѣгнуть, овладѣвая судьбами человѣчества, къ „земнымъ хлѣбамъ“, адѣсь разумѣется одинъ страшный, но дѣйствительно мощный исходъ изъ историческихъ противорѣчій: это — пониженіе психическаго уровня въ человѣкѣ. Погасить въ немъ все неопредѣленное, тревожное, мучительное, упростить его природу до ясности короткихъ желаній, понудить его въ мѣру знать, въ мѣру чувствовать, въ мѣру желать — вотъ средство удовлетворить его наконецъ и успокоить...

ХІІІ.

Все болѣе и болѣе склоняя свою рѣчь къ переходу отъ хаоса, въ который ввергло человѣчество христіанство и его ученіе о свободѣ, къ изображенію будущаго и окончательнаго успокоенія его на землѣ, инквизиторъ обращается къ разбору двухъ остальныхъ покушеній дьявола. Вотъ слова, въ которыхъ они записаны у Евангелиста Маттея.

„Потомъ беретъ Его дьяволъ въ святой городъ, и поставляетъ Его на крышѣ храма, и говоритъ Ему: если Ты Сынъ Божій — бросься внизъ; ибо написано: „Ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“. Иисусъ же сказалъ ему: написано также: „не искушай Господа Бога твоего“.

„Опять беретъ Его дьяволъ на высокую гору, и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ, и говоритъ Ему: все это

дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ. Тогда Иисусъ говоритъ Ему: отойди отъ Меня, сатана; ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему единому служи“.

„Тогда оставляетъ Его дѣволъ, и се; Ангелы приступили и служили Ему“ (отъ Матѣ. гл. IV, стр. 5—11).

Инквизиторъ, сказавъ объ элементахъ саморазрушенія, которыми наполнено христіанство, продолжаетъ, обращаясь къ Христу: „между тѣмъ то ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и *пльнуть соотъ* этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастья, эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то, и другое, и третье, и самъ подаль примѣръ тому. Когда страшный и премудрый духъ поставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказалъ Тебѣ: „если хочешь узнать, Сынъ ли Ты Божій, то верзись внизъ, ибо сказано про Того, что ангелы возьмутъ и понесутъ Его, и не упадетъ, и не преткнется, и узнаешь тогда, Сынъ ли Ты Божій, и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ Отца Твоего“,—то Ты, выслушавъ предложеніе, и не поддался, и не бросился внизъ. О, конечно, Ты *поступилъ тутъ гордо и великолѣпно, какъ Богъ*, но люди-то, но слабое бунтующее племя это—оно-то боги ли? О, Ты понялъ тогда, что, сдѣлавъ лишь шагъ, лишь движеніе броситься внизъ, Ты тотчасъ бы и искусилъ Господа, и вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился бы о землю, которую спасать пришелъ, и *возрадовался бы умный духъ*, искушавшій Тебя“.

Удивительно невѣріе въ мистическій актъ искупленія, выраженное въ первыхъ отмѣченныхъ нами словахъ, соединенное съ совершенною вѣрою въ искушеніе Иисуса и даже въ мистическое его значеніе—въ попытку дьявола помѣшать пришествію Его какъ Спасителя, въ міръ, которая выражена въ послѣднихъ отмѣченныхъ словахъ.

„Но, повторяю“, продолжаетъ инквизиторъ, „много ли такихъ, какъ Ты? И неужели Ты въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и людямъ будетъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ ли создана природа человѣческая, чтобы отвергнуть чудо и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ¹⁾ своихъ оставаться лишь со свободнымъ рѣшеніемъ

¹⁾ Говорится объ отношеніи человѣка къ мистическому акту искупленія, вѣрою въ который онъ живъ будетъ,—и нужно бы эту вѣру,

сердца? О, Ты зналъ, что подвигъ твой сохранится въ книгахъ, достигнетъ глубины временъ ¹⁾ и послѣднихъ предѣловъ земли, и понадѣлся, что, слѣдуя Тебѣ, и человѣкъ останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога ²⁾, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ силахъ, то насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ ³⁾, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству ⁴⁾, хотя бы онъ сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ. Ты не сошелъ со креста, когда кричали Тебѣ, надѣваясь и дразня Тебя: „Сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты“. Ты не сошелъ, потому что, опять-таки, не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждаль свободной вѣры, а не чудесной. Жаждаль свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ ⁵⁾. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до Себя?

эту жизнь подкрѣпить чѣмъ-нибудь болѣе, нежели какъ только подкрѣпляетъ ее высота Христова лика.

¹⁾ Опять, какая удивительная вѣра звучитъ въ этихъ словахъ.

²⁾ Говорится, и съ величайшимъ презрѣнiемъ, о томъ, какъ въ исторiи и до нашего времени борьба противъ религiи почти отождествлялась съ борьбою противъ чудеснаго, равно и обратно, — и едва распухавъ что-нибудь, прежде казавшееся въ природѣ сверхъестественнымъ, человѣкъ трусливо перебѣгалъ отъ вѣры къ невѣрiю.

³⁾ Говорится о позднѣйшихъ открытiяхъ науки и еще болѣе о техническихъ изобрѣтенiяхъ, которымъ такъ дивится человѣкъ въ наше время, такъ снова и снова любитъ повторять себѣ о нихъ, едва вѣря, что они есть, и что ихъ нашелъ онъ самъ — человѣкъ.

⁴⁾ Говорится о той особенной заинтересованности, съ которою во времена безбожiя люди прислушиваются ко всему странному, исключительному, въ чемъ бы нарушался законъ природы. Можно сказать, что въ подобныя времена ничто не ищется людьми съ такою жадностью, какъ именно чудесное, — но лишь съ непремѣннымъ условiемъ, чтобы оно не было также и божественнымъ. Увлеченiя спиритизмомъ, о которыхъ съ насмѣшкою упоминается въ „Дневникѣ Писателя“, безъ сомнѣнiя напомнили Достоевскому общность и постоянность этой психической черты въ человѣкѣ.

⁵⁾ Говорится о неизяснимой высотѣ христіанства, съ его простою и человѣчностью, надъ всѣми другими религiями земли, въ которыхъ элементъ чудеснаго такъ преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ.

Клянусь, человекъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ Ты о немъ думаешь!.. 1). Столь уважая его, Ты поступилъ, какъ бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ,—и это кто же, Тотъ, Который возлюбилъ его болѣе самого себя! Уважая его менѣе, менѣе бы отъ него и потребовалъ, а это было бы ближе къ любви, ибо легче была бы ноша его⁴.

Изъ чрезмѣрной высоты завѣтовъ Спасителя вытекло непониманіе ихъ человекѣмъ, сердце котораго извращено и умъ потемнѣлъ. Надъ величайшею святынею, которая принесена была на землю, онъ надругается, и это одновременно съ тѣмъ, какъ преклонится передъ низкимъ, но поражающимъ его дѣтское воображеніе. Мощными словами инквизиторъ рисуетъ картину возстанія противъ религіи, только малый уголокъ котораго видѣла еще всемірная исторія, и проникающимъ взглядомъ усматриваетъ то, что за этимъ послѣдуетъ:

„Человѣкъ слабъ и подлъ. Что въ томъ, что онъ теперь 2) повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти и гордится, что онъ бунтуетъ! Это гордость ребенка и школьника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіяся въ классѣ и выгвавшія учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятешекъ—онъ будетъ дорого стоить имъ. Они ниспровергнутъ храмы и зальютъ кровью землю 3). Но догадаются, наконецъ, глупыя дѣти, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего не выдерживающіе. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтов-

1) Основная мысль „Легенды“. Ниже мы также отмѣтимъ нѣсколько фразъ, въ которыхъ какъ бы сконцентрированъ ея смыслъ, или точнѣе—указаны ея исходные пункты.

2) Говорится не о реформаціонномъ движеніи, современномъ діалогу „Легенды“, потому что духъ глубокой вѣры, проникавшій это движеніе, былъ слишкомъ высокъ для презрительнаго отзыва о немъ (см. нѣсколько словъ объ этомъ духѣ у Достоевскаго въ „Рѣчи о Пушкинѣ“ по поводу стиховъ: „Однажды странствуя среди пустыни дикой“ и пр.). Безъ сомнѣнія, слова „Легенды“ вызваны антирелигіознымъ движеніемъ отчасти XVIII-го, но главнымъ образомъ нашего XIX-го вѣка, въ которомъ на борьбу съ религіей также мало тратится усилій и серьезности, какъ и на борьбу съ какими-нибудь предрасудками.

3) Говорится не о временахъ первой французской революціи, какъ можно бы подумать, но о томъ, что непремѣнно совершится въ будущемъ—о попыткѣ насильственно подавить въ цѣломъ человечествѣ религіозное сознаніе. Слова эти соответствуютъ нѣкоторымъ уже приведеннымъ выше мѣстамъ „Легенды“.

щиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Скажутъ это они въ отчаяніи, и сказанное ими будетъ богохульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо природа человѣческая не выноситъ богохульства, и, въ концѣ концовъ, сама же всегда и отмститъ за него¹⁾.

Загѣмъ, подводя общій итогъ совершившемуся въ исторіи, инквизиторъ переходитъ къ раскрытію своей тайны, которая состоитъ въ *поправленіи* акта искупленія черезъ принятіе всѣхъ трехъ совѣтовъ „могучаго и умнаго духа пустыни“,—что, въ свою очередь, совершилось ради любви къ человѣчеству, для устроенія земныхъ судебъ его. Оправданіе имъ этого преступнаго исправленія возводится къ тому образу немногихъ искупаемыхъ, который мы привели выше изъ Апокалипсиса (именно, къ главѣ VII-й его):

„Итакъ, беспокойство, смятеніе и несчастіе—вотъ теперешній удѣлъ людей“, говоритъ инквизиторъ, „послѣ того, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великій пророкъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что видѣлъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ изъ каждаго колѣна по двѣнадцати тысячъ. Но если было ихъ столько, то были и они какъ бы не люди, а боги. Они вытерпѣли крестъ Твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой пустыни, питаея акридами и кореньями,—и, ужь, конечно, Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ, во имя Твое¹⁾. Но вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? *Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣститъ столь страшнаго*

¹⁾ Достоевскій, всегда стоя выше своихъ героевъ (на которыхъ никогда не любитъ, но скорѣе выводитъ ихъ для выраженія своей мысли), любить наблюдать, какъ, несмотря на великія свои силы, они ослабѣваютъ подъ давленіемъ душевныхъ мукъ, какъ они не выдерживаютъ своей собственной „широты“ и преступности, хотя прежде возводили это въ теорію (последній разговоръ Н. Старогина съ Лизой въ „Вѣсахъ“, последнее свиданіе Ив. Карамазова со Смердяковымъ). Почти повсюду изображеніе очень сильнаго человѣка, если онъ не оканчивается раскаяніемъ (какъ Раскольниковъ), у Достоевскаго завершается описаніемъ какъ бы расслабленія его силъ, униженіемъ и издѣвательствомъ надъ „прежнимъ сильнымъ человѣкомъ“.

¹⁾ Какое удивительное, глубокое и вѣрное пониманіе истиннаго смысла духовной свободы.

даровъ ¹⁾). Да неужто же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна и намъ не понять ея“.

Здѣсь, на этой непостижимости великой тайны искупленія, и начинается поворотъ, какъ и выше, въ исповѣди Ив. Карамазова, его отреченіе основывалось на непониманіи тайны безвиннаго страданія. И какъ этотъ послѣдній, не отрицая Бога, отказывается отъ правосудія Его,—такъ и здѣсь инквизиторъ, стоя передъ ликомъ смотрящаго на него Бога, отказывается за Нимъ слѣдовать, чтобы остаться и устроиться съ погибающимъ малосильнымъ родомъ людскимъ.

„Если же тайна“, продолжаетъ онъ, „то и мы въ правѣ были проповѣдовать тайну и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердець ихъ важно ²⁾ и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слѣпо, даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сдѣлали. Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели, какъ стадо, и что съ сердець ихъ снять, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки ³⁾. Правы мы были, уча и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовью облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильной природѣ его хотя бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія? Къ чему же теперь пришелъ намъ мѣшать? И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю, съ Кѣмъ

¹⁾ Вторая центральная мысль „Легенды“.

²⁾ Это положеніе, какъ извѣстно, составляетъ дѣйствительно особенность католическаго ученія, и она именно повела ко всему формализму въ западной церкви и къ нравственному растлѣнію народовъ, ею пасомыхъ. Изъ него вытекло такъ называемое ученіе о добрыхъ дѣлахъ, которія, какъ бы ни совершались — для души одинаково спасительны (отсюда — индульгенція, т. е. отпущеніе грѣховъ первоначально идущимъ положить жизнь за святую вѣру и церковь, потомъ какимъ-нибудь образомъ способствующимъ этому, и, наконецъ, вообще дѣлающимъ денежныя пожертвованія на нужды церкви, откуда уже только одинъ шагъ для продажи различной цѣной спасающихъ отъ грѣха благовѣстий). На этомъ именно средствѣ оправданія и разошелся протестантизмъ со старою церковью, противопоставивъ ей формальному способу спасать души людей черезъ мертвенное дѣло — оправданіе вѣроу, т. е. актомъ живаго внутренняго движенія.

³⁾ Т. е. свобода и свободное различеніе добра и зла.

говору? То, что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: мы не съ Тебей, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна!.. Мы взяли отъ него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря“.

Съ этихъ только словъ начинается раскрытіе частной католической идеи въ исторіи. Все, что было сказано раньше, имѣетъ совершенно общее значеніе, т. е. представляетъ собою діалектику христіанства въ его основной идеѣ, одинаковой для всѣхъ вѣрующихъ, въ связи съ раскрытіемъ, осужденіемъ и состраданіемъ къ природѣ человѣческой. Но развиваясь далѣе и далѣе и наконецъ заканчиваясь мыслью о религіозномъ устроеніи человѣческихъ судебъ на землѣ, *окончательномъ и всеобщемъ*, эта діалектика, до сихъ поръ совершенно абстрактная, совпала съ историческимъ фактомъ, ей отвѣчающимъ, и невольно вовлекла его въ себя, цѣпляясь оборотами мысли съ выдающимися чертами дѣйствительности. Этотъ фактъ — римско-католическая церковь, съ ея универсальными стремленіями, съ ея внѣшнею объединяющею мощью, христіанское сѣмя, выросшее на языческой почвѣ.

Инквизиторъ, оговариваясь, что дѣло ихъ еще „не приведено къ окончанію“, что оно „только началось“, высказываетъ, тѣмъ не менѣе, твердую увѣренность, что оно завершится: „долго еще ждать этого, говоритъ онъ, и еще много выстрадаетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ кесарями и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастіи людей ¹⁾. А между тѣмъ Ты могъ бы еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ Ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго духа, Ты исполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то есть: предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій и

¹⁾ Мысль исключительно Достоевскаго и вовсе не принадлежащая Риму, который если и стремился въ древнее и новое время къ всемірному господству, то вовсе не для счастья людей. Изъ этого примѣра лучше всего можно видѣть, какъ вплетаетъ Достоевскій въ историческій фактъ, какъ его душу, свою мысль.

согласный муравейникъ ¹⁾, ибо потребность всемірнаго соединенія ²⁾ есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человечество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непрерывно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемірному и

¹⁾ Это уже языкъ и мысли, специально выработавшіяся у Достоевскаго и звучація нѣсколько странно въ устахъ инквизитора, въ XVI вѣкѣ. „Муравейникъ“, „Хрустальный дворецъ“ и „Кураятникъ“—это три образа выраженія идеи всемірнаго соединенія людей и ихъ успокоенія, которыя впервые обсуждаются у Достоевскаго въ „Запискахъ изъ подполья“. „Кураятникъ“—это бѣдная и неудобная дѣйствительность, которая однако предпочтительнѣе всего другаго, потому что она хрупка, всегда можетъ быть разрушена и измѣнена, и слѣдовательно, не отвѣчая второстепеннымъ требованіямъ человеческой природы, отвѣчаетъ главной и самой существенной ея особенностямъ,—свободной волѣ, прихотливому желанію, которое не стѣсняется въ индивидуумѣ. „Хрустальный дворецъ“—это искусственное, возведенное на началахъ разума и искусства аданіе человеческой жизни, которое хуже всякой дѣйствительности, потому-что, удовлетворяя всѣмъ человеческимъ нуждамъ и потребностямъ, не отвѣчаетъ одной и главной—потребности индивидуальнаго, особеннаго желанія; оно подавляетъ личность. Въ „Запискахъ изъ подполья“ отвергается вторая формула и остается первая, за отсутствіемъ для человѣка третьей—„Муравейника“: подъ этимъ названіемъ разумѣется всеобщее и согласное соединеніе живыхъ существъ какого-либо вида, основанное на присутствіи въ нихъ одного общаго и безошибочнаго инстинкта построенія общаго жилища. Такимъ инстинктомъ надѣлены всѣ живущія общества животныхъ, но его лишены человѣкъ; поэтому въ то время, какъ они строятъ всегда одинаково, повсюду одно и постоянно мирно, человѣкъ строитъ повсюду различное, вѣчно трансформируется въ своихъ желаніяхъ и понятіяхъ и едва приступитъ къ построенію всеобщаго—разойдется въ представителяхъ своихъ, единичныхъ личностяхъ, и притомъ со смертельною враждою и ненавистью. Эти три формулы необходимо постоянно помнить при чтеніи сочиненій Достоевскаго.

²⁾ Нужно различать это „соединеніе“ отъ „всеобщаго преклоненія“ передъ чѣмъ-нибудь человеческой совѣсти, о которомъ говорилось раньше. То было внутреннее, душевное соединеніе людей; здѣсь говорится объ ихъ внѣшнемъ соединеніи, о согласной общественно-исторической жизни. Между этими двумя понятіями есть соотношеніе, но не тождество; соотноствуя другъ другу, какъ душа и тѣло, они суть части одного третьяго—всемирной гармоніи человеческой жизни.

всеобщему единенію. Принявъ міръ и порфиру Кесаря, основали бы всемірное царство и дали всемірній покой. Ибо кому же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбъ ихъ. Мы и взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя и пошли за мимъ“.

Такимъ образомъ въ совѣтахъ „могучаго и умнаго духа“, искушавшаго въ пустынѣ Иисуса, заключалась тайна всемірной исторіи и отвѣтъ на глубочайшія требованія человѣческой природы; совѣты эти были преступны, но это потому, что самая природа человѣка уже извращена. И нѣтъ орудства иначе какъ черезъ преступленіе отвѣтить на ея требованія, нѣтъ возможности другимъ способомъ устроить, сберечь и пожалѣть племя извращенныхъ существъ, какъ принявъ это самое извращеніе въ основу—собрать ихъ разсыпавшееся стадо извращенною мыслью, ложь которой отвѣтила бы лжи ихъ природы.

Большаго отчаянія, чѣмъ какое залегло въ эту странную и очень трудно опровержимую идею, никогда не было. Можно сказать, что это—самая грустная мысль, когда-либо проходившая черезъ человѣческое сознаніе, и приведенныя страницы—самыя тяжелыя въ цѣлой всемірной литературѣ. Полнымъ отчаяніемъ онѣ и кончаются—падениемъ лжи, за которою не стоитъ никакой правды, разрушеніемъ обмана, которымъ еще только и могутъ жить люди. Это высказано какъ толкованіе на таинственныя и страшныя слова XII-й и XVII-й главъ Откровенія св. Іоанна, въ которыхъ, по толкованіямъ богослововъ, аллегорически представлены земныя судьбы Христовой церкви. Вотъ эти слова:

„И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ.“

„Она имѣла во чревѣ; и кричала отъ боли и мукъ роженія.“

„И другое знаменіе явилось на небѣ. Вотъ большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ семь діадемъ.“

„Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ, и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца“

„И родила она младенца мужскаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхитещя было дитя ея къ Богу и престолу Его.“

„А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовлено было для нея мѣсто отъ Бога, чтобы питать ее тамъ тысячу двѣсти шестидесять дней“... Далѣе описывается судьба дракона:

„И низверженъ былъ великій драконъ, древній змѣй, называемый диаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную...“

„И услышалъ я громкій голосъ, говорящій на небѣ: нынѣ настало спасеніе и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его; потому что низверженъ клеветникъ братій нашихъ, клеветавшій на нихъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь.“

„Они побѣдили его кровію Агнца и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбили души своей, даже до смерти...“

„Когда же драконъ увидѣлъ, что низверженъ на землю, то началъ преслѣдовать жену, которая родила младенца мужскаго пола.“

„И даны были женѣ два крыла большаго орла, чтобы она летѣла въ пустыню въ свое мѣсто отъ лица змѣя, и тамъ питалась въ теченіе времени, временъ и полвременъ.“

„И пустилъ змѣй изъ пасти своей въ слѣдъ жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою.“

„Но земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои, и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей.“

„И разсвирипѣлъ драконъ на жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея, сохраняющими заповѣди Божіи и имѣющими свидѣтельство Иисуса Христа“.

Затѣмъ образы мѣняются: является новое видѣніе, о которомъ было говорено уже выше; изъ водъ морскихъ выходитъ звѣрь, которому драконъ передаетъ свою силу и власть. Очевидно, именно черезъ него онъ возстаетъ на брань съ „сохраняющими заповѣди Божіи“. Вся земля слѣдитъ за нимъ съ удивленіемъ; народы преклоняются передъ его чудною мощью, потому что онъ творитъ всякія знаменія и даже низводитъ съ небесъ огонь. Онъ кладетъ свою печать на людей, и ее принимаютъ всѣ, „имена которыхъ не написаны въ книгѣ Агнца“. Видѣніе снова мѣняется: показывается Агнецъ, „закланннй отъ созданія міра“, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, искупленныхъ его кровью, которые не осквернились землею скверною. Пролетаетъ Ангелъ, въ рукахъ котораго вѣчное Евангеліе, чтобы благовѣствовать живущимъ на землѣ, и всякому племени, и колену, и языку, и народу. За нимъ слѣдуетъ

*

другой Ангелъ, восклицая: „паль, паль Вавилонъ, городъ великій, потому что онъ яростнымъ виномъ блуда своего наполнилъ всѣ народы“. Это первое предвозвѣстіе великаго падеденія, изображеніе котораго еще впереди, но оно уже надвигается. Появляется свѣтлое облако, и на немъ „подобный Сыну человѣческому“, держащій острый серпъ. Ангелъ говоритъ ему: „пусти серпъ твой и пожни, потому что пришло время жатвы,—ибо жатва на землѣ созрѣла“. И великая жатва совершается. Потомъ открывается новое видѣніе: „побѣдившіе звѣря и образъ его, и начертаніе его и число имени его, стоятъ, держа гусли Божіи, и поютъ пѣснь Моисея, раба Божія, и пѣснь Агнца, говоря: „велики и чудны дѣла Твои Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святыхъ! Кто не убоятся Тебя, Господи, и не прославить имени Твоего? ибо Ты единъ святъ: всѣ народы прійдутъ и поклонятся предъ Тобою, ибо открылись суды Твои!“! Вслѣдъ за этимъ выходятъ семь Ангеловъ, держащихъ семь фіаловъ гнѣва Божія, и изливаютъ ихъ на землю. Муки постигаютъ людей, поклонившихся образу звѣриному и принявшихъ начертаніе его, вся природа извращается въ свойствахъ своихъ, и страданія все возрастаютъ. „И они хулили имя Бога, имѣющаго власть надъ сими азвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу“. Когда пятый Ангелъ излилъ свой фіаль, „царство звѣря стало мрачно, и люди кусали языки свои отъ страданія, и хулили Бога небеснаго отъ страданій своихъ; и не раскаялись въ дѣлахъ своихъ“. Когда излился на землю послѣдній фіаль гнѣва Божія, изъ таинственнаго храма на небесахъ, гдѣ стоитъ престолъ Бога, послышался голосъ, говорящій: „свершилось“, и вслѣдъ за тѣмъ открывается видѣніе суда надъ блудницею:

„И пришелъ одинъ изъ седми Ангеловъ, имѣвшихъ фіалы, сказалъ мнѣ: „подойди, я покажу тебѣ судъ надъ великою блудницею, *сидящею на водахъ многихъ*.“

„Съ нею блудодѣйствовали цари земные, и виномъ ея блудодѣянія упивались живущіе на землѣ“.

„И повелъ меня въ духѣ въ пустыню; и я увидѣлъ жену *сѣдящую на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульми съ семью головами и десятью рогами*.“

„И жена облечена была въ порфиру и багряницу, украшена ялотомъ, драгоценными камнями и жемчугомъ, и держала

лотую чашу въ руки своей, наполненную мерзостью и нечистою блудодѣйствіемъ ея.

„И на чель ея написано имя: тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ.

„Я видѣлъ, что жена упоема была кровію святыхъ и кровію свѣдѣтелей Иисусовыхъ, и видя ее, дивился удивленіемъ великимъ“.

Видя его удивляющимся, Ангелъ дѣлаетъ ему поясненія:

„Воды, которыя ты видѣлъ, гдѣ сидитъ блудница, суть люди и народы, и племена, и языки.

„И десять роговъ, которые ты видѣлъ на звѣрѣ, сіи возненавидятъ блудницу, и разорятъ ее, и обнажатъ, и плоть ея съдыатъ, и сожгутъ ее въ снѣгъ. Потому что Богъ положилъ имъ на сердцѣ исполнить волю Его.

„Жена же, которую Ты видѣлъ, есть великій городъ, царствующій надъ земными царями“.

Вслѣдъ за этимъ наступаетъ видѣніе и самаго суда торжествующей блудницы, „введшей волшебствомъ своимъ въ заблужденіе всѣ народы“ (XVIII, 23) и „растлившей землю своимъ блудодѣйствомъ“ (XIX, 2). Цари земные, которые съ нею блудодѣйствовали, и торговцы, обогатившіеся отъ нея, „стоятъ вдали, отъ страха мученій ея, плача и рыдая“, и ударяя въ груди свои, восклицаютъ горестно и изумленно: „какой великій городъ былъ подобенъ этому!“

Чтобы сталъ болѣе понятенъ смыслъ всѣхъ этихъ словъ, замѣтимъ, что послѣ суда надъ блудницею сходитъ на послѣднюю брань со звѣремъ и съ народами, которые поклонились ему, пораженны были язвами, но еще не побѣждены, „Господь господствующихъ и царь царствующихъ“, о которомъ повторяются (XIX, 15) слова, сказанныя о младенцѣ, рожденномъ женою, котораго хотѣлъ поглотить драконъ, но онъ былъ ваятъ къ Богу.

Теперь мы будемъ продолжать рѣчь инквизитора уже безъ перерывовъ. Сказавъ, что онъ и съ нимъ единомышленныя, отвергнувъ Христа и принявъ совѣты дьявола, овладѣютъ совѣстью людей, и мечемъ и царствомъ Кеосаря, онъ такъ представляетъ отношеніе къ себѣ человѣчества, для котораго все это сдѣлано.

„Пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума, ихъ науки и антропофагіи, потому что, начавъ возводить свою Вавилонскую башню безъ насъ, они кончатъ антропофагіей“.

Наука, какъ точное познаніе дѣйствительности, не заклю-

часть въ себѣ многихъ непреодолимо сдерживающихъ нравственныхъ сторонъ, и возводя при помощи ея окончательное знаніе человѣческой жизни, никакъ нельзя отрицать, что, когда потребуется, не будетъ употреблено и чего-нибудь жестокаго и преступнаго. Идея Мальтуса, раздѣляемая даже такимъ мыслителемъ, какъ Д. С. Милль, что единственное средство для рабочихъ классовъ удержать на извѣстной высотѣ заработную плату заключается въ воздержаніи рабочихъ отъ брака и семьи, чтобы не размножалось число ихъ, другими словами — въ низведеніи громадной массы женщинъ на степень простаго придатка къ извѣстной функціи, можетъ служить примѣромъ жестокости и безнравственности, до которой можетъ доходить теоретическая мысль, когда ей не закрываетъ уста неизблемый религіозный законъ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ наукою же найдены безболѣзненные способы умирать (увеличенныя дозы анестезирующихъ средствъ), то почему не явиться третьему Мальтусу, также одушевляемому любовью къ ближнему, какъ и упомянутые два, который скажетъ, что пусть браки будутъ, но дѣти отъ нихъ пусть пойдутся, — что можетъ дѣлаться не непременно родителями, не будетъ стоить никакого страданія и станетъ выгоднымъ для всего человѣчества.

„Но тогда-то и приползаетъ къ намъ звѣрь“, продолжаетъ инквизиторъ, и будетъ ливать ноги наши, и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ глазъ своихъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и на ней будетъ написано: „Тайна“. Но тогда лишь и тогда настанетъ для людей царство покоя и счастья. Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Да и такъ ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ могучихъ, которые могли бы стать избранниками, *устали, наконецъ, ожидая Тебя и понесли и еще понесутъ силу духа своего и жаръ сердца своего на иную ниву и кончатъ тѣмъ, что на Тебя же и воздвигнутъ свободное знамя свое. Но Ты самъ воздвигъ это знамя*“.

Какія удивительныя слова, какое глубокое пониманіе всего антирелигіознаго движенія великихъ европейскихъ умовъ въ послѣднія столѣтія, съ признаніемъ мощи ихъ и великодушія, съ грустью за нихъ, но и вмѣстѣ съ указаніемъ ихъ заблужденія.

„У насъ же всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей,

повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что же, правы мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспомнать, до какихъ ужасовъ рабства и смѣшенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ тѣя дебри и поставятъ передъ такими чудами и неразрѣшенными тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и овирѣпые, истребятъ себя самихъ ¹⁾, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга ²⁾, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ“.

Въ абсолютной покорности и безволиіи массъ откроется это спасеніе. Ничего не привлекутъ новаго имъ мудрые, взявшіе у нихъ волю; но что прежде было недостижимо, они достигнутъ, мудро направивъ ихъ волю и распредѣливъ ихъ трудъ.

„Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ же родать, безъ всякаго чуда; увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но во истину болѣе, чѣмъ самому хлѣбу рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы“.

Это говорится о нашемъ времени, когда, при свободномъ соперничествѣ, несмотря на необъятныя массы производимыхъ продуктовъ—необъятныя народныя массы едва влачатъ скудное существованіе, и все уходитъ куда-то, вождѣствіе несогласованности человѣческихъ желаній и дѣйствій. Напротивъ, когда укротятся желанія роскошествующихъ теперь и согласуется въ одно цѣлое трудъ всего человѣчества, даже если

¹⁾ См. соответствующую теорію самоубійства въ „Дневникѣ Писателя“.

²⁾ Соответствующую мысль см. въ „Бѣсахъ“, слова Кирилова Петру Верховенскому, передъ самоубійствомъ: „убить другаго будетъ самымъ низкимъ пунктомъ моего своеволія, и въ этомъ (предложеніи)—весь ты. Я не ты: я хочу высшій пунктъ и себя убью“. Стр. 552 изд. 82 г.

онъ и не будетъ обременителенъ, какъ теперь повсюду, произведенныхъ продуктовъ хватить для безбѣднаго существованія всѣхъ.

„Слишкомъ, слишкомъ оцѣнять они, что значитъ разъ навсегда подчиниться! И пока люди не поймутъ сего, они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и рассыпалъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже разъ навсегда. *Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы* ¹⁾. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ; что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но *что дѣтское счастье слаще всякаго*. Они станутъ робки и станутъ прижиматься къ намъ въ страхъ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ расслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселію и смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣсенкѣ ²⁾. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ ³⁾, они слабы и бессильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если одѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволимъ же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи передъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запре-

¹⁾ Эти и тотчасъ ниже отмѣченныя слова составляютъ третью центральную мысль „Легенды“.

²⁾ Это „расслабленіе“ человѣческой природы въ сущности тоже искусственному пониженію ея психическаго уровня, и совѣщается лишь не насильственно, но мирно.

³⁾ Преступное въ исторіи, ставъ предусмотрѣннымъ и разрѣшеннымъ въ предѣлахъ необходимаго, тотчасъ утратитъ свой опасный угрожающій характеръ.

щать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей,—все судя по ихъ послушанію,—и они будутъ намъ покоряться съ веселіемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти,—все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободаго“.

Едва-ли въ послѣднихъ словахъ не содержится указаніе и на возможность регулировать самое народонаселеніе, его ростъ или умаленіе, все смотря по нуждамъ текущаго историческаго момента. Общая же мысль этого мѣста состоитъ въ томъ, что весь размахъ страсти будетъ удаленъ изъ человѣчества, людямъ будутъ оставлены лишь подробности и мелочи грѣха, а его во всей его глубинѣ возьмутъ тѣ, которые въ силахъ сдержать всякій размахъ и вынести всякую тягость. Такимъ образомъ и неразрѣшимыя противорѣчія исторіи, и непостижимыя тайныя движенія человѣческой души—все то, что мѣшаетъ человѣку жить на землѣ—будетъ сосредоточено на плечахъ немногихъ, которые въ силахъ выдержать познаніе добра и зла. Можно сказать—исторія умолкнетъ, и останется только тайная исторія немногихъ великихъ душъ, которой конечно никогда не будетъ суждено стать разсказанною.

XIV.

„И всѣ будутъ счастливы, заканчиваетъ инквизиторъ, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ и для ихъ же счастья будемъ манить ихъ наградою небесною и вѣчною. Ибо *если и было что на томъ свѣтѣ, то ужь, конечно, не для такихъ, какъ они.*“

Гордость словъ этихъ, такъ просто сказанныхъ, неизяснима: за ними чувствуется мощь, дѣйствительно свободно озирающая нескончаемые пути исторіи и твердо взвѣшивающая въ своей рукѣ мѣру человѣческаго сердца и человѣческой мысли. Мы не удивляемся, слыша далѣе такіа слова, относящіяся къ приведенному выше откровенію св. Іоанна:

„Говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь и вновь побѣдишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажемъ, что они спасли лишь себя, а мы спасли всѣхъ. Говорятъ, что опозорена будетъ блудница, сидящая на звѣрѣ и держащая въ рукахъ своихъ тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея и обнажатъ ея „гадкое“ тѣло. Но я тогда встану и укажу Тебѣ на тысячи миллионъ счастливыхъ младенцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, ваявшіе грѣхи ихъ для счастья ихъ на себя, мы станемъ предъ Тобою и скажемъ: „Суди насъ, если можешь и смѣешь“. Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которую Ты благословилъ людей, и я готовился стать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и применилъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили* подвигъ Твой. Я ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннѣмъ для счастья этихъ смиренныхъ. То, что я говорю Тебѣ, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгрѣбать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то, что припелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто болѣе всѣхъ заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi“.

Инквизиторъ останоуился. Среди глубокаго безмолвія тѣноу сводчатой тюрьмы, онъ глядитъ на своего Узника и ждетъ Его отвѣта. Ему тягостно молчаніе, и тягостенъ проникновенный и тихій взглядъ, которымъ Онъ продолжаетъ еще смотрѣть на него, какъ и во все время рѣчи. Пусть бы что-нибудь горькое и страшное сказалъ Онъ, но только не оставлялъ бы его безъ отвѣта. Вдругъ Узникъ приближается къ нему и молча цѣлуетъ его въ его блѣдныя, старческія уста. „Вотъ и весь отвѣтъ“. Инквизиторъ вздрогнулъ, что-то зашевелилось въ его губахъ. „Онъ подходитъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: Ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда!“ Узникъ выходитъ на „темныя стогна града“. Севильская ночь также бездыханна. Съ темныхъ небесъ яркія звѣзды льютъ тихій свѣтъ на безмятежную землю. Городъ спитъ, и только старикъ стоитъ и смотритъ на дремлющую природу, у отворенной двери, съ тяжелымъ ключемъ въ рукѣ.

На его сердцѣ горитъ поцѣлуй, но... „онъ остается въ прежней идеѣ“ и... его царство совиждется.

Такъ оканчивается поэма. Вѣка снова сдвигаются, умершіе уходятъ въ землю, и передъ нами снова маленькій трактиръ, гдѣ двое братьевъ часъ тому назадъ заговорили о разныхъ тревожныхъ вопросахъ. Но, чтобы они ни говорили теперь, мы ихъ не будемъ болѣе слушать. Душа наша полна иныхъ мыслей, и въ ушахъ все звучитъ, точно какая-то мефистофелевская пѣсня, пропѣтая съ надзвѣздной высоты надъ нашей бѣдной землей.

Мы разсчленили ее на части и вдумались въ каждое ея слово; но вотъ они прозвучали всѣ, и у насъ остается только воспоминаніе о цѣломъ, въ которомъ мы еще не отдали себѣ отчета.

Прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная сложность ея и разнообразіе, соединенныя съ величайшимъ единствомъ. Самая горячая любовь къ человѣку въ ней сливается съ совершеннымъ къ нему презрѣніемъ, безбрежный скептицизмъ—съ пламенною вѣрою, самоубійство въ зыбкихъ силахъ человѣка—съ твердою вѣрою въ достаточность своихъ силъ для всякаго подвига; наконецъ, замысль величайшаго преступленія, какое было совершенно когда-либо въ исторіи—съ неизъяснимо высокимъ пониманіемъ праведнаго и святаго. Все въ ней необыкновенно, все чудно. Точно тѣ зыбкія струи добра и зла, которыя льются и переливаются въ исторіи, сплетая ея многосложный узоръ, вдругъ соединились, слились между собою, и какъ въ тотъ первый моментъ, когда человѣкъ впервые научился различать ихъ и началъ свою исторію—мы снова видимъ ихъ нераздѣльными и также, какъ онъ тогда, пораженъ ужасомъ и недоумѣніемъ. Гдѣ Богъ, и истина, и путь, спрашиваемъ мы себя, потому что вдругъ, какъ никогда еще, чувствуемъ неудержимую свою гибель, ощущаемъ приближеніе страшнаго и отвратительнаго существа, о которомъ намъ такъ много передавали въ поэзіи и прозѣ, что мы серьезно начали считать его простой забавой фантазіи, и вдругъ теперь слышимъ его ледящее прикосновеніе и звукъ его голоса. Одинъ человѣкъ, который жилъ между нами, но конечно не былъ похожъ ни на кого изъ насъ, непостижимымъ и таинственнымъ образомъ почувствовалъ *дѣйствительное* отсутствіе Бога и присутствіе *другаго*, и передъ тѣмъ, какъ умереть, передалъ намъ ужасъ своей души, своего одинокаго сердца, бессильно бью-

цагося любовью къ тому, кого нѣтъ, бессильно убѣгающаго отъ того, что есть. Всю жизнь онъ проповѣдывалъ Бога, и изъ тѣхъ, которые слышали его, одни смѣялись надъ его постоянствомъ и негодовали на его привязчивость, другіе ей умилялись, на него указывали. Но онъ будто не слышалъ ни этого негодованія, ни этого умиленія. Онъ все говорилъ одно, и только удивительно было всѣмъ, почему онъ, съ такой радостною, утѣшительною идеею въ сердцѣ—самъ такъ безпросвѣтно сумраченъ, такъ тоскливъ и тревоженъ. Онъ говорилъ о радости въ Богѣ, онъ всѣмъ указывалъ на религію, какъ на единоспасительную для человѣка, и слова его звучали горячо и страстно, и самую природу, о которой онъ никогда не упоминалъ обыкновенно, онъ какъ будто начиналъ любить въ это время, понимать ея трепеть, красоту и жизнь ¹⁾. Точно какъ и она увяла отъ дыханія какого-то ледянаго ощущенія въ душѣ его, и оживала, когда онъ забывался отъ него хоть въ звукѣ своихъ словъ. Были и признанія въ его словахъ, но они всѣ были непонятны. Онъ проговаривался, что человѣкъ, у котораго дѣйствительно нѣтъ Бога въ душѣ, тѣмъ и страшенъ, что „прислуживать съ именемъ Бога на устахъ“ ²⁾. Эти слова читали, но ихъ смысла никто не уразумѣвалъ. И онъ сошелъ въ могилу, не узанный, но „тайну“ души своей не унесъ съ собою; точно толкаемый какимъ-то инстинктомъ, вовсе не чувствуя еще приближенія смерти, онъ оставилъ намъ удивительный образъ, взглянувъ на который мы наконецъ все понимаемъ. „И *ты* съ нимъ“? Эти слова, которыя обращаетъ горестно Алеша къ своему брату, когда выслушалъ его рассказъ, мы неудержимо обращаемъ къ самому автору, который такъ ясно стоитъ за нимъ; „и ты съ нимъ, съ могучимъ и умнымъ духомъ, предлагавшимъ искушающіе совѣты въ пустынѣ Тому, Кто пришелъ спасти міръ, и которые ты такъ хорошо понялъ и истолковалъ, какъ будто придумалъ ихъ самъ“! Признаніе въ частномъ письмѣ, которое дѣлаетъ Достоевскій задолго до написанія романа и которое мы указали выше, слова, написанныя имъ въ своей записной книжкѣ не задолго до смерти: „моя осанна сквозь горнило испытаній прошла“, и ссылка при этомъ именно на „Легенду“, наконецъ совершенная отдѣльность

¹⁾ Сравни описанія природы (точнѣе—скудныя слова о ней) въ „Бѣннхъ людяхъ“ въ „Запискахъ изъ подполья“ и пр., со словами о нестарца Зосимы („Бр. Карамазовы“) и Макара Ивановича („Подростокъ“

²⁾ „Подростокъ“, стр. 363 (изд. 82 г.).

легенды отъ романа и вмѣстѣ центральное положеніе не только въ немъ, но и во всемъ длинномъ рядѣ его произведеній—все это не оставляетъ въ насъ болѣе сомнѣній на счетъ истиннаго ея смысла. Душа автора очевидно вплелась во все удивительныя строки, которыя мы выписали выше, лица переѣшиваются переѣ нами, сквозя одно изъ-за другаго, мы забываемъ говорящаго за инквизиторомъ, мы видимъ даже и не инквизитора, передъ нами стоитъ злой духъ, съ колеблющимся и туманнымъ образомъ, и какъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, развиваетъ свое искусительное слово, такъ кратко сказанное тогда. И въ самомъ дѣлѣ, ему нужно говорить подробнѣе — его слушаютъ теперь люди, и нельзя передъ ними въ двухъ-трехъ словахъ замыкать всю исторію.

В. РОЗОНОВЪ.

(Окончаніе въ слѣд. №)

Стихотворенія А. А. Фета.

I.

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты, какъ легкое похмѣлье,
Проливаешь въ пѣснь мою.

Иль еще того чудеснѣй
За моей дрожащей пѣсней
Таесть думъ невольныхъ мгла,
И за то ли, оттого ли
До томленія, до боли
Ты привѣтливо свѣтла.

II.

Весь вешній день среди стремленья
Ты безотрадно провела,
И слѣдь улыбки утомленья
Въ затишьи ночи принесла.

Но вѣрить и любить готова
Душа къ стопамъ твоимъ летитъ,
И все мнѣ кажется, что снова
Живѣе цвѣтъ твоихъ ланитъ.

Кто сердцеѣдецъ разгадаетъ,
Что въ этомъ кроется огнѣ?
Былая скорбь, что угасаетъ,
Или заря на встрѣчу мнѣ?

Коммисіи по освобожденію крестьянъ.

Отъ редакціи. Начиная печатаніе статей о Коммисіяхъ, считаемъ нужнымъ здѣсь сказать нѣсколько словъ.

Двѣ недѣли тому назадъ Россія встрѣчала 30-ую годовщину одной изъ величайшихъ реформъ:—19-го февраля 1861 года русскій народъ, по выраженію манифеста, призвалъ „Божіе благословеніе на свой свободный трудъ, залогъ его домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Съ тѣхъ поръ прошло три десятилѣтія. Мы, люди настоящаго времени, не можемъ не обращаться мыслью къ этой реформѣ, чтобы дать себѣ отчетъ о дѣйствительномъ ходѣ дѣла и о результатахъ по приведенію въ дѣйствіе этого важнѣйшаго акта минувшаго царствованія. Уже цѣлое поколѣніе русскихъ людей всецѣло выросло на почвѣ новыхъ отношеній. И лишь старики, доживающіе свой вѣкъ, стоятъ живыми свидѣтелями давно пережитаго времени.

Помимо высокаго интереса хода работъ группы лицъ, призванныхъ верховною властью къ устройству новаго уклада, самыя подробности и условія, при которыхъ эти работы производилось, складъ убѣжденій и мысли дѣйствовавшихъ лицъ, по скольку онъ отражается въ имѣющихся по этому предмету документахъ, имѣютъ чрезвычайное значеніе для изслѣдованія.

За это тридцатилѣтіе многое выяснилось уже съ достаточною опредѣленностью. Нельзя, конечно, было ожидать, что такой коренной переворотъ, такая полная и безусловная ломка сложившихся вѣками отношеній и цѣлаго строя жизни многомилліоннаго государства—могли бы обойтись безъ потрясеній, безъ жертвъ, безъ ошибокъ, крайнихъ увлеченій, боръ-

бы, гибели для однихъ, возвышенія для другихъ... Но были мнѣнія, что иногда особый характеръ всѣхъ этихъ явленій для тѣхъ, кого кровно касались результаты реформы—не жалъ ли такой характеръ въ самомъ способѣ дѣйствій лицъ, завѣдывавшихъ дѣломъ. Говорили о предвзятости, незнакомствѣ съ жизнью страны, нѣкоторомъ легкомысліи, съ какимъ рѣшались самые важные вопросы, объ увлеченіи крайностями, доходившими до того, что иногда уклонялись какъ отъ началъ, положенныхъ въ основу Высочайшею волею, такъ и отъ интересовъ собственно дѣла, на путь симпатій и антипатій принципиальныхъ, на путь чисто теоретическихъ воззрѣній, упускаемая при этомъ изъ виду требованія жизни; что рѣшали иногда безъ нужды и безъ осторожности по живому мѣсту.

Всѣ эти вопросы представляютъ чрезвычайную важность. Въ настоящее время реформа отошла уже въ область исторіи. Теперь не столь важны восторги по поводу событія, сколько его внимательное разсмотрѣніе. Безъ такого разсмотрѣнія многія неурядица настоящаго становятся совсѣмъ непонятны и потому, не уясняя себѣ подробностей и ошибокъ приведенія въ дѣйствіе всей реформы, теперь часто обращаются не къ мѣрамъ исправленія этихъ ошибокъ, а къ мѣрамъ, не имѣющимъ совсѣмъ къ нимъ отношенія или имѣющимъ значеніе второстепенное и неважное, почему мѣры эти и неприводятъ ни къ какимъ результатамъ. Указываютъ, что тѣ освобожденные и надѣленные землею, для которыхъ и дѣлалась вся реформа, находятся теперь въ такой степени разстройства, что блуждаютъ въ уныніи съ мѣста на мѣсто, что столько усилій надо употреблять для ихъ поддержки; что всѣ многомилліонныя ссуды и жертвы государства крестьянству не могутъ подправить дѣла; поразительна эта общая несостоятельность въ земельныхъ долгахъ крестьянъ и землевладѣльцевъ. По обыкновенію, не желая углубляться въ дѣло, у насъ непременно валяютъ вину на лица, на личный характеръ народа, на его апатичность, отсутствіе инициативы — апатичность и отсутствіе инициативы народа, создавшаго такое великое, могучее царство отъ края земли и до края! Говорятъ, что возвышенная въ своемъ значеніи съ упадкомъ разореннаго дворянства, разночинная бюрократія съ охотою взводитъ вину на это, естественно потерявшее духъ, дворянство и не имѣетъ даже интереса углубляться въ ошибки реформы, ибо тогда, быть можетъ, выразилась бы сомни-

тельность компетентности ея рѣшать въ своихъ канцеляріяхъ живыя дѣла государственнаго земельного устройства.

Говорили, что въ такую минуту, когда въ виду великихъ колебаній жизни нужно было особенно крѣпко стянуть брады власти, стремились тогда эту власть во всѣхъ отрасляхъ жизни распатать и ослабить. Освободить жизнь, не безъ основанія говорили другіе, отъ неудовлетворительнаго устройства и не дать никакого—это далеко не значитъ рѣшить дѣло. Освободить отъ дурной квартиры и выбросить совсѣмъ на улицу—весьма странное устройство...

Реформа была великая и необходимая—она застала цѣлѣй сложившійся прочный и твердый складъ. Въ земледѣльческомъ государствѣ было полное и стройное „страхованіе“, такъ-сказать, земледѣльческаго труда и посѣва. Была прочная система запасныхъ магазиновъ. Крестьянинъ, разоренный и разстроенный, былъ неудобенъ, прежде всего, своему помѣщику; помѣщикъ обязанъ былъ его прокормить, и онъ же отвѣчалъ за государственныя подати. Необходимо было устранить фактъ душевладѣнія, и противъ этого не говорилъ *никогда и никто*. Не надѣленіе землею опять таки встрѣчало противниковъ, а тотъ способъ лишь отрицательныхъ дѣйствій, то предвзятое отношеніе и ничѣмъ не вызванныя усилія подсесть въ корнѣ помѣстное дворянство, изъ боязни, что своимъ вліяніемъ оно помѣшаетъ успѣху социальнo-политической стороны реформы.

Во всякомъ случаѣ, говорили, послѣ разрѣшительной и упразднительной дѣятельности или, лучше, рядомъ съ нею, должна была идти дѣятельность охранительная и созидательная. Разорвавъ по всѣмъ швамъ прежній укладъ, надо было тотчасъ же и замѣнять его инымъ, но также стройнымъ и обдуманымъ, новымъ. Объ этомъ твердомъ укладѣ деревенской жизни едва-ли достаточно озаботились.

Интересно прослѣдить, на сколько всѣ эти замѣчанія имѣютъ основанія.

Въ очеркѣ своемъ, какъ читатель увидитъ, авторъ воздерживается отъ всякихъ выводовъ, представляя лишь въ послѣдовательномъ разсказѣ ходъ работъ Коммисій.

I.

Первое собраніе.—Учрежденіе секретнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ.—Первоначальный проектъ и планъ освобожденія крестьянъ.—Высочайшая резолюція.—Разъясненія генераль-губернаторамъ и начальникамъ губерній.—Открытіе губернскихъ комитетовъ и ихъ программы.—Общій характеръ и направленіе дѣла освобожденія крестьянъ до учрежденія редакціонныхъ комиссій.

3-го января 1857 года въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора были собраны: предсѣдатель Государственного Совѣта генераль-адъютантъ князь Орловъ, предсѣдатель департамента законовъ Совѣта статсъ-секретарь графъ Блудовъ, министры: императорскаго двора генераль-адъютантъ графъ Адлербергъ, внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской и финансовъ—статсъ-секретарь Брокъ, шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ князь Долгоруковъ и члены Государственного Совѣта, дѣйствительные тайные совѣтники князь Гагаринъ и баронъ Корфъ, и генераль-адъютанты Чевкинъ и Ростовцевъ.

¹⁾ Главными источниками для настоящаго очерка послужили:

- 1) Изданіе сенатора Н. П. Семенова, „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“.
- 2) Журналы главнаго комитета по крестьянскому дѣлу.
- 3) Матеріалы редакціонныхъ комиссій.
- 4) Доклады редакціонныхъ комиссій.
- 5) Проекты губернскихъ комитетовъ (большинства и меньшинства, съ отзывами на нихъ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ) по 46 губерніямъ Россіи и 2-мъ западной Сибири.
- 6) Журналы пяти мѣстныхъ комитетовъ.
- 7) 6 томовъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ свыше 100 душъ.
- 8) Замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ по проекту положеній, составленныхъ дворянскими губернскими комитетами.
- 10) А. Скребицкаго—„Крестьянское дѣло“. 1862 г. (5 том.).
- 11) Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ съ 1857 года.
- 12) Статьи современныхъ той эпохѣ изданій русскихъ и заграничныхъ. Замѣчанія графа Панина на проектъ положенія мѣстныхъ комитетовъ, мнѣнія членовъ комиссій по частнымъ вопросамъ и другіе архивные и рукописные матеріалы.

Изложенные источники, конечно, далеко не исчерпываютъ всей массы матеріаловъ по исторіи крестьянскаго дѣла, но сколько-нибудь внимательное изученіе даже перечисленныхъ источниковъ наводитъ уже на столько выводовъ и обобщеній, что изъ нихъ достаточно ясно присматриваются важнѣйшіе моменты дѣятельности редакціонныхъ комиссій.

Государь изъяснилъ присутствующимъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи давно занимаетъ правительство. Введенное сначала неточными и неясными постановленіями и распоряженіями правительства, впоследствии же получившее настоящіе размѣры и свойство отъ недоразумѣній, неправильныхъ толкованій закона и отъ злоупотребленій власти, крѣпостное у насъ состояніе почти отжило свой вѣкъ. Въ Божѣ почившіе Августѣйшіе предшественники Его Величества постоянно старались объ уничтоженіи или по крайней мѣрѣ улучшеніи сего состоянія; но старанія ихъ не имѣли и, по обстоятельствамъ времени, не могли имѣть полного, ими желаемого, успѣха. Слѣдя за ходомъ и развитіемъ всѣхъ мѣръ, касающихся до сего вопроса въ продолженіи царствованія Императора Николая Павловича, Его Величество, со времени вступленія своего на престолъ, обратилъ особое вниманіе на сей важный предметъ. Было поручено министру внутреннихъ дѣлъ составить общее обзорѣніе всѣхъ мѣръ, что были предположены въ разное время правительствомъ къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Составленную, вслѣдствіе того, записку Государь и предложилъ на обсужденіе собранія. За симъ государственный секретарь, тайный совѣтникъ Бутковъ, прочиталъ представленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ докладъ и особую записку, содержащую краткій историческій обзоръ крѣпостнаго состоянія въ Россіи и мѣръ правительства по сему предмету.

По выслушаніи записки, Государь предложилъ къ обсужденію вопросъ: слѣдуетъ ли приступить теперь къ какимъ-либо мѣрамъ для освобожденія крѣпостныхъ людей? Собраніе признало единогласно, что въ настоящее время умы и помѣщиковъ, и принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей находятся въ какомъ-то ожиданіи. Помѣщики знаютъ или же предполагаютъ, что правительство думаетъ объ освобожденіи ихъ крестьянъ, но, не имѣя свѣдѣній: на какихъ основаніяхъ и когда совершится это освобожденіе, и получаютъ ли они или не получаютъ какое-либо, болѣе или менѣе соразмѣрное, за свои права, вознагражденіе, видимо и сильно беспокоятся. Крестьяне, предугадывающіе желаніе правительства освободить ихъ, думаютъ, что одни помѣщики препятствуютъ исполненію видовъ онаго. Конечно, такое ожиданіе и самое волненіе умовъ не ново, оно бываетъ почти всегда при началѣ каждаго царствованія и при другихъ важныхъ событіяхъ; но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что если оно теперь и не сильнѣе бывшихъ

въ другое время, то все-таки существуетъ и, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ имѣть послѣдствія болѣе или менѣе вредныя, даже опасныя (?). При томъ и само по себѣ крѣпостное состояніе есть зло, требующее исправленія. Мѣры, которыя до сихъ поръ были принимаемы къ уничтоженію у насъ крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, почти не имѣли никакого успѣха. Это были, такъ сказать, однѣ мысли безъ тѣла. Законъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ (названныхъ въ послѣдствіи государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ), дѣйствуя болѣе 50 лѣтъ, имѣлъ такъ мало успѣха, что въ теченіе такого долгаго времени уволено всего въ свободные хлѣбопашцы только 138.000 душъ. Законъ 1842 г. объ обязанныхъ поселенцахъ, дѣйствуя 15 лѣтъ, также не имѣлъ почти никакого примѣненія: въ это время обращены въ обязанные только 3 имѣнія, въ коихъ числится лишь до 26.000 душъ. Между тѣмъ послѣдній законъ, по отзыву Императора Николая Павловича, при разсмотрѣніи закона въ Государственномъ Совѣтѣ, изданъ именно, чтобы служить мѣрою переходною, которая безъ всякихъ крутыхъ переворотовъ, безъ вида даже нововведенія, дала бы каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе крестьянъ своихъ и, не налагая сего по принужденію или съ стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляла все доброй волѣ и влеченію собственнаго его сердца. При такомъ неуспѣхѣ всѣхъ мѣръ, въ настоящее время и для успокоенія умовъ, и для упроченія будущаго благосостоянія государства, необходимо приступить безотлагательно къ подробному пересмотру всѣхъ изданныхъ постановленій о крѣпостныхъ людяхъ, при чемъ однако необходимо, чтобы при этомъ пересмотрѣ были положительно указаны начала, на которыхъ можетъ быть приступлено къ освобожденію у насъ крѣпостныхъ крестьянъ, *впрочемъ, къ освобожденію постепенному, безъ крутыхъ и рѣзкихъ мѣръ, по плану, тщательно и зрѣло во всѣхъ подробностяхъ обдуманному.*

За симъ Его Величество объявилъ собранію, что одобряя мысль о приступѣ теперь же къ пересмотру постановленій и къ указанію началъ, на которыхъ можетъ и должно быть совершено постепенное освобожденіе въ Россіи крѣпостныхъ крестьянъ, учреждаетъ для сего, въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, особый подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта генералъ-адъютанта князя Орлова, комитетъ изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ состояло настоя-

щее собраніе, для того чтобы въ этотъ комитетъ были переданы на разсмотрѣніе всѣ находящіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ бумаги о предположеніяхъ, относящихся до сего предмета. Въ важныхъ случаяхъ комитетъ будетъ собираться въ личномъ присутствіи Его Величества.

Такимъ образомъ 3-е января 1857 г. слѣдуетъ считать началомъ правительственной дѣятельности минувшаго царствования по отношенію къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія. Вновь учрежденный главный комитетъ, который первоначально именовался секретнымъ, и официальное учрежденіе котораго послѣдовало лишь черезъ годъ—8 января 1858 г., энергично приступилъ къ своей дѣятельности и уже въ августѣ мѣсяцѣ 1857 г. представилъ Государю свое заключеніе—какъ приступить къ дѣлу общаго освобожденія у насъ отъ крѣпостнаго состоянія. Для этого составленъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые были заблаговременно разосланы членамъ, и отвѣты на нихъ обсуждены въ двухъ засѣданіяхъ комитета, отъ 14 и 17 августа 1857 года.

Редакціонныя комисіи, характеристикѣ дѣятельности которыхъ преимущественно посвященъ настоящій очеркъ, явились сначала только какъ часть главнаго комитета, и вообще соображенія главнаго комитета, въ засѣданіяхъ котораго очень часто предсѣдательствовалъ самъ Государь, являются очень интересными съ точки зрѣнія тѣхъ основаній, на которыхъ первоначально предположено было произвести освобожденіе крестьянъ, поэтому мы и считаемъ полезнымъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на дѣятельности его. Свои соображенія о томъ, какъ слѣдуетъ вести все дѣло освобожденія крестьянъ, главный комитетъ начинаетъ слѣдующимъ образомъ ¹⁾.

„Послѣ тщательнаго и подробнаго обсужденія всѣхъ вообще обстоятельствъ, до настоящаго дѣла относящихся, комитетъ пришелъ къ положительному убѣжденію, *что намъ невозможно приступить къ общему освобожденію крестьянъ*, что они вовсе неподготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы; *что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ всякія отношенія ихъ къ помѣщикамъ* и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, и что потому въ семъ важномъ государственномъ дѣлѣ надо дѣйствовать не вдругъ, но, какъ неоднократно уже

¹⁾ Журналъ главнаго комитета отъ 18 августа 1857 года.

указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, осторожно и благоразумно“.

Обращаясь затѣмъ къ разработкѣ плана и порядка дѣятельности правительства въ этомъ отношеніи, комитетъ, „принимая во вниманіе, что для общаго освобожденія крѣпостнаго сословія не только помѣщики и крестьяне, но даже само правительство еще не приготовлены, считаетъ необходимымъ прежде всего приготовить всё, что для этого будетъ нужно и потомъ уже приступить къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, но *приступить не вдругъ, а постепенно.*

„Руководствуясь симъ правиломъ, комитетъ полагаетъ весь порядокъ дѣйствій для освобожденія крѣпостнаго сословія въ Россіи раздѣлить на три періода.

„*Первый періодъ*, по мнѣнію комитета, долженъ быть *приготовительный*. Въ продолженіе его правительство должно: всячески смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всё способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и собрать всё вообще матеріалы, свѣдѣнія и необходимыя данныя.

„*Второй періодъ* долженъ быть *переходный*. Въ продолженіе его правительство должно принять мѣры къ освобожденію крѣпостнаго сословія, но освобожденію не по взаимному уже соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, а обязательному; только не вдругъ, а постепенно, шагъ за шагомъ. Въ этомъ періодѣ крестьяне должны постепенно приобрѣтать личныя права людей свободнаго сословія, оставаясь болѣе или менѣе крѣпкими землѣ.

„Наконецъ *третій* или послѣдній періодъ долженъ быть окончательный, когда крестьяне, получивъ права личныя, будутъ поставлены въ отношеніяхъ своихъ къ помѣщику, какъ люди совершенно свободныя“.

Установивъ такимъ образомъ общій планъ дѣйствій правительства, комитетъ указалъ и тѣ мѣры, которыя должно немедленно же принять въ первомъ или пригготовительномъ періодѣ.

Въ ряду этихъ мѣръ первое мѣсто занимали тѣ, которыя были направлены къ тому, чтобы открыть помѣщикамъ всё средства для увольненія крестьянъ по взаимному съ ними соглашенію. Въ этомъ отношеніи комитетъ полагалъ:

1) Не отменяя закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, предоставить каждому помѣщику, желаю-

щему отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или частями селеній, заключать съ крестьянами условія по обоюдному ихъ соглашенію, не стѣсняясь правилами, въ означенныхъ двухъ законахъ предписанными, и эти условія представлять чрезъ предводителей дворянства и губернаторовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) При составленіи этихъ условій принять за правило, чтобы: а) крестьянамъ была оставляема осѣдность; б) въ условіяхъ были обеспечены способы какъ для существованія увольняемыхъ крестьянъ, такъ и для выполненія тѣхъ обязанностей, кои будутъ ими приняты предъ помѣщикомъ, и в) была также обеспечена уплата податей и денежныхъ сборовъ съ переложеніемъ ихъ на всю вообще землю, какъ отдѣляемую крестьянамъ, такъ и оставляемую во владѣніи помѣщика. За тѣмъ всѣ натуральныя повинности должны быть отправляемы крестьянами.

3) Выѣнить въ обязанность министерства внутреннихъ дѣлъ не затруднять, но всемѣрно стараться поощрять взаимныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами и затѣмъ заключенныя ими условія представлять на Высочайшее утвержденіе черезъ комитетъ министровъ.

По этому вопросу возникло разногласіе въ комитетѣ. Въ основѣ его лежало надѣленіе освобожденнаго крестьянина осѣдлостью, т. е. жилищемъ съ принадлежащими къ нему строеніями, съ огородомъ и даже выгономъ, но при этомъ необходимымъ условіемъ освобожденія ставилось взаимное соглашеніе помѣщика и крестьянина. Возражая противъ этого послѣдняго требованія, членъ комитета дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Гагаринъ замѣтилъ, что встрѣчается очень много случаевъ, когда крестьяне, несмотря на самыя выгодныя предложенія помѣщика, отказываются отъ заключенія съ нимъ условія, поэтому, для успѣха въ дѣлѣ общаго освобожденія крѣпостнаго сословія, онъ предложилъ предоставить помѣщику право дать свободу своимъ крѣпостнымъ безъ заключенія какихъ бы то ни было съ ними условій съ тѣмъ непремѣннымъ однако правиломъ, чтобы крестьянамъ при этомъ всегда была оставляема ихъ осѣдность.

Прочіе члены комитета, находя, что такого рода предложеніе сдѣлало бы увольненіе для крестьянъ обязательнымъ, что не должно было имѣть мѣсто въ первомъ пріуготовительномъ періодѣ, во время котораго освобожденіе должно было проис-

ходить путемъ соглашеній,—не согласились съ предложеніемъ князя Гагарина, который и остался при особомъ мнѣніи.

Намѣтивъ затѣмъ рядъ мѣръ, при посредствѣ которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ могъ бы собрать свѣдѣнія и приготовить матеріалъ для разработки мѣропріятій втораго, переходнаго, періода, комитетъ въ заключеніе своего журнала отъ 18 августа 1858 г. излагаетъ слѣдующее:

„Такимъ образомъ, при этомъ порядкѣ дѣйствій, въ первомъ или приуготовительномъ періодѣ, крѣпостное сословіе все вообще получитъ такіа облегченія, которыя выведутъ крѣпостныхъ людей изъ состоянія рабства; помѣщикамъ откроются пути, или, такъ сказать, развяжутся руки отпускать своихъ крестьянъ на волю по своему ближайшему усмотрѣнію, а правительство, наблюдая за такими добровольными соглашеніями между помѣщиками и крестьянами, поощряя ихъ и содѣйствуя ихъ заключенію, получитъ возможность извлечь изъ этого всѣ нужныя ему свѣдѣнія и данныя. Такимъ образомъ, дѣло общаго освобожденія крѣпостнаго сословія не будетъ упущено изъ вида правительства: оно будетъ готовиться къ этому дѣлу, будетъ собирать свѣдѣнія, будетъ обрабатывать матеріалы, однимъ словомъ, будетъ идти къ своей цѣли, но будетъ идти постепенно и осторожно, какъ указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ“.

На этомъ журналѣ главнаго комитета, до самаго основанія редакціонныхъ комисій бывшаго однимъ изъ краеугольныхъ камней создаваемого зданія новой реформы, была положена слѣдующая собственноручная резолюція покойнаго Государя:

„Исполнить, относительно же разногласія (предложеніе князя Гагарина) раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемому результату. Искренно благодарю и членовъ за первый ихъ трудъ и надюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса“.

Этотъ общій планъ веденія дѣла освобожденія выработанъ и утвержденъ былъ въ августѣ 1857 г., и затѣмъ, уже въ ноябрѣ, послѣдовалъ первый Высочайшій рескриптъ на имя Виленскаго, Гродненскаго и Ковенскаго генераль-губернатора, въ которомъ изложены были главныя основанія, на которыхъ правительство предполагало провести дѣло освобожденія. Затѣмъ, 5-го декабря 1857 года, данъ былъ рескриптъ С.-Петербургскому военному губернатору, въ которомъ были повто-

рены тѣ же основанія, и который послужилъ образцомъ для подобныхъ же рескриптовъ остальнымъ начальникамъ губерній и областей.

Въ виду такого его общаго значенія, приводимъ главныя основанія этого рескрипта:

„Дворянство С.-Петербургской губерніи, — такъ начинается, рескриптъ, — изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

„Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербургской губерніи приступить къ составленію проекта Положенія, на основаніи котораго подобныя похвальные намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно моимъ видамъ и желаніямъ, впрочемъ, *не иначе, какъ постепенно*, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

„Для сего повелѣваю открыть теперь же въ С.-Петербургской губерніи особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства“.

Перечисливъ, затѣмъ, членовъ этого комитета, въ рескриптѣ слѣдующимъ образомъ изложены тѣ основанія, которымъ долженъ слѣдовать комитетъ въ своей работѣ.

1) Помѣщикамъ ссхраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадьбная осѣдность, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянамъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбиваютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція.

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть обезпечена, надлежащимъ образомъ исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ...

„...Открывая, такимъ образомъ, дворянству С.-Петербургской губерніи средства устроить и упрочить бытъ свои

крестьянъ на указанныхъ мною *твердыхъ* началахъ, я увѣренъ, что дворянство вполне оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участию въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей, и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ окончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

„Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ должномъ повиновеніи у помѣщиковъ, не вникали никакимъ злонамѣреннымъ толкамъ и внушеніямъ“.

Совершенно такіе же рескрипты были отправлены въ теченіе слѣдующаго года остальнымъ начальникамъ губерній, и вслѣдъ за ихъ полученіемъ въ губерніяхъ началась горячая дѣятельность мѣстныхъ комитетовъ.

Для ближайшаго ихъ руководства, рескриптъ сопровождался разъясненіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ разъясненіи этомъ графъ Ланской сообщаетъ слѣдующія свои соображенія по поводу того, какъ должно быть поставлено дѣло освобожденія.

„I. Будущее, на основаніяхъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, устройство сословія помѣщичьихъ крестьянъ должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне должны быть первое время въ состояніи переходномъ—болѣе или менѣе крѣпки землѣ; а потомъ уже въ окончательномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію комитета, не свыше 12 лѣтъ...“

II. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распределены на мірскія общества, завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщика.

III. Для надзора за веденіемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія.

IV. Въ проектѣ, который будетъ составленъ комитетомъ, должны быть опредѣлены и указаны:

1) Правила управленія крестьянами рекрутской повинности.

2) Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей.

3) Мѣры необходимыя: для утвержденія между крестьянами правилъ вѣры и нравственности, для распространенія между ними грамотности, полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п.⁴

Наконецъ, 21 апрѣля 1858 г., губернскимъ комитетамъ, исключая нижегородскаго, который окончилъ къ этому времени свои занятія, была разслана выработанная главнымъ комитетомъ подробнѣйшая программа ихъ занятій.

Пока, такимъ образомъ, энергическая работа кипѣла по губерніямъ, въ столицѣ не менѣе усиленно шли приготовленія къ предстоящему пересмотру вносимыхъ комитетами проектовъ.

4 марта 1858 года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденъ земскій отдѣлъ, въ составѣ центрального статистическаго комитета. Этотъ отдѣлъ, въ которомъ въ настоящее время сосредоточивается все веденіе крестьянскаго дѣла въ Имперіи, первоначальной своей задачей имѣлъ: предварительное обсужденіе и обработку всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйскаго устройства въ Имперіи. Отдѣлъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ (въ то время Милютина) изъ трехъ членовъ. Директора департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ по званію своему состояли совѣщательными членами отдѣла; кромѣ того, въ засѣданія приглашались, съ разрѣшенія министра: губернаторы, предводители дворянства, извѣстные ученые, помѣщики, купцы и т. п.

Земскій отдѣлъ поставленъ былъ въ первое время въ распоряженіе главнаго комитета. 15 іюля того же года, для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ положеній, образована при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу особая коммисія изъ четырехъ членовъ. Этими членами были: министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Ланской, министръ юстиціи, графъ Панинъ, министръ государственныхъ имуществъ, графъ Муравьевъ, и генераль-адъютантъ Ростовцевъ. Дѣлопроизводителемъ ея назначенъ былъ д. с. с. Жуковскій.

Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ было предписано каждому губернскому комитету по окончаніи проекта прислать въ

Петербургъ двухъ членовъ, для представленія высшему правительству свѣдѣній и объясненій.

Учредивъ такимъ образомъ органы разработки проектовъ, поступающихъ изъ мѣстныхъ комитетовъ, главный комитетъ, въ засѣданіяхъ 18-го октября и 19-го, 24-го и 29-го ноября 1858 года, въ которыхъ предсѣдательствовалъ самъ Государь, установилъ тѣ общія начала, на которыхъ должно было имѣть мѣсто разсмотрѣніе и обсужденіе положеній, выработанныхъ губернскими комитетами.

Такъ, въ засѣданіи комитета 18-го октября, Государь послѣ бывшихъ по этому предмету сужденій повелѣлъ: „принять къ руководству слѣдующія правила:

„При разсмотрѣніи и впослѣдствіи при обнародованіи всѣхъ законодательныхъ по настоящему дѣлу работъ, соблюсти *непрѣменно три условія:*

„а) *чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что быть его улучшенъ;*

„б) *чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены; и*

„в) *чтобы сильная власть ни на минуту на мѣсть не колебалась, отъ чего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушался*“.

По мѣрѣ поступленія проектовъ губернскихъ комитетовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, оно должно разсматривать каждый отдѣльно, провѣривъ при этомъ:

а) нѣтъ ли въ немъ отступленій отъ изложенныхъ Высочайше утвержденныхъ для крестьянскаго вопроса началъ;

б) нѣтъ ли вообще отступленій отъ духа государственныхъ узаконеній, и

в) дѣйствительно ли улучшенъ быть крестьянъ и чѣмъ именно.

Сдѣлавъ свои замѣчанія, министерство должно внести проектъ губернскаго комитета въ главный комитетъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ замѣчаніями поступаетъ на разсмотрѣніе комисіи (изъ 4-хъ членовъ); въ этой послѣдней каждый проектъ можетъ быть разсмотрѣнъ отдѣльно и особо, но утвержденіе и обнародованіе *всѣхъ вообще губернскихъ положеній должно быть сдѣлано въ одно и то же время по всей Россіи для сличенія единства системы и коренныхъ постановленій и для употребленія лучшихъ мыслей каждой губерніи на пользу всѣхъ.* Затѣмъ комисіи было предписано пересмотрѣть и составить разныя особыя законоположенія, необходимыя для успѣшнаго дѣйствія тѣхъ поло-

женій, кои будутъ введены по губерніямъ. Ей, наконецъ, было предоставлено право приглашать въ свои засѣданія лица, кои своими познаніями въ сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ могутъ принести пользу“.

Таковы были утвержденныя Государемъ основанія, которыя главный комитетъ передалъ учрежденной при немъ особой комисіи. Затѣмъ въ засѣданіяхъ 19 го, 24-го и 29-го ноября были изслѣдованы, согласно Высочайшей волѣ, тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ можетъ служить основаніемъ предстоящихъ комисіи и главному комитету работъ. Послѣ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ къ совокупности и отдѣльно Государь повелѣлъ: „при разсмотрѣніи какъ предварительно, такъ и окончательно въ главномъ комитетѣ губернскихъ проектовъ, руководствоваться слѣдующими началами:

„1) При обнаруженіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ предоставляются симъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя по имуществу и по праву жалобъ.

„2) Крестьяне сіи входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ.

„3) Крестьяне раздѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое мірское управленіе. Для всѣхъ губерній мірское управленіе обязательно только въ отношеніи административномъ; въ тѣхъ же губерніяхъ или уѣздахъ, гдѣ по народному обычаю существуетъ уже общинное пользованіе угодьями, мірское управленіе завѣдуетъ этими угодьями.

„4) Власть надъ личностью крестьянина по исполненію или по нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ.

„5) Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей.

„6) Міръ отвѣчаетъ круговою порукою за cadaго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ.

„7) Необходимо стараться, чтобъ крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для сего слѣдуетъ: сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ...

„12) ... Способствовать всѣми возможными мѣрами къ огражденію большаго сельскаго хозяйства, дабы сохранить нашу зем-

ледѣльческую промышленность и устранить всякое опасеніе въ доставленіи хлѣба, нужнаго для продовольствія войска и городовъ, и поддержать нашу хлѣбную торговлю съ иностранными государствами“.

Не ограничиваясь такимъ подробнымъ опредѣленіемъ началъ, главный комитетъ обратилъ вниманіе и на необходимость замѣненія существующихъ на мѣстѣ органовъ управленія.

Обсужденію этого вопроса, по предварительномъ тщательномъ его изслѣдованіи, онъ посвятилъ засѣданія 29 января, 18-го и 25-го фѣвраля и 16-го марта 1859 года, подѣ предѣдательствомъ Государя, и выработалъ подробный проектъ будущаго устройства уѣздной полиціи и учрежденій для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами.

Государь повелѣлъ положить слѣдующія начала въ основаніи этого проекта.

1) Для обезпеченія порядка, въ продолженіи срочно обязаннаго періода, существующее уѣздное управленіе должно быть усилено.

2) Управленіе уѣздною полиціею должно быть сосредоточено въ рукахъ лица, назначеннаго отъ правительства.

3) Сему лицу предоставить и большее значеніе, и большія права и большую степень власти, поставивъ его чрезъ то въ возможность дѣйствовать самостоятельно и немедленно для прекращенія всякихъ неурядицъ и безпорядковъ“.

Этимъ лицомъ долженъ былъ, по мысли проекта, сдѣлаться уѣздный исправникъ, новое званіе въ чинѣ VI класса съ съ 1.500 руб. содержанія.

Затѣмъ, для посредства между помѣщиками и крестьянами и для разбора взаимныхъ между ними споровъ и недоумѣній, по уѣздамъ должны были быть учреждены: а) мировые судьи и б) уѣздныя управы, въ которыхъ должны были быть чины отъ трехъ сторонъ: отъ правительства, отъ дворянъ и отъ крестьянъ.

Наконецъ, для высшаго наблюденія за общественнымъ спокойствіемъ на мѣстахъ, при приведеніи въ дѣйствіе Положенія о новомъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, необходимо, чтобы на мѣстѣ были такія лица, кои имѣли бы право въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать именемъ Высочайшей власти.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ началу 1859 года, когда губернскіе комитеты заканчивали свои проекты и депу-

таты ихъ готовились везти ихъ въ Петербургъ, въ главномъ комитетѣ была уже выработана, подробная программа всего плана работъ и тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ должно было произойти дѣло освобожденія крестьянъ.

Характерными признаками дѣятельности правительства въ этомъ періодѣ работъ въ дѣлѣ реформы была осторожность и осмотрительность, соединенная съ твердымъ, заранѣе опредѣленнымъ планомъ дѣйствій. Затѣмъ второй характерной чертой этого періода является перенесеніе всего центра тяжести работъ въ губернскіе комитеты и стремленіе по возможности ослабить всякое давленіе на нихъ.

Сдѣлавъ разъясненіе къ Высочайшему рескрипту генераламъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній, министръ внутреннихъ дѣлъ спѣшилъ изъяснить, какъ слѣдуетъ понимать изложенныя въ его бумагахъ предложенія.

„Прежде всего я здѣсь долженъ повторить, что въ отношеніяхъ моихъ, какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ, не надобно искать подробной для сужденій комитета программы“ — такъ сказано въ этомъ циркулярѣ, который разсылался по всѣмъ губерніямъ, по мѣрѣ открытія въ нихъ губернскихъ комитетовъ. — „Мысли и предположенія мои не должны быть понимаемы какъ бы предрѣшеніемъ подлежащихъ вопросовъ — продолжаетъ министръ, — ихъ слѣдуетъ принимать только за указаніе на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію комитетовъ. Развитіе сихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены Высочайшимъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія совѣтами, которые изложены въ моихъ отношеніяхъ“.

Когда разнесся слухъ, что губернскимъ комитетамъ нечего работать, такъ какъ порядокъ и способъ освобожденія крестьянъ заранѣе уже предрѣшены правительствомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ начальникамъ губерній, отъ 29-го августа 1858 года, спѣшилъ разсѣять эти опасенія и увѣдомляетъ комитеты: „что Государь Императоръ изволитъ ожидать отъ ихъ усердія, что они оправдаютъ высокое довѣріе Его Величества постоянными своими трудами во исполненіе возложеннаго на нихъ порученія, не упуская изъ виду Высочайше утвержденнаго начала, не подлежація измѣненію и толкованіямъ“.

Наконецъ, какъ третій характерный признакъ, нельзя не отмѣтить желаніе правительства, чтобы мѣстныя губернска

положенія были опубликованы повсемѣстно, „дабы употребить лучшія мысли каждой губерніи на пользу всѣхъ“.

Мы останавливаемъ особенное вниманіе на этихъ трехъ характерныхъ признакахъ перваго періода правительственныхъ работъ въ дѣлѣ реформы: на осмотрительной и вмѣстѣ съ тѣмъ основанной на твердомъ планѣ дѣятельности, на значеніи, предоставляемомъ дворянству и трудамъ мѣстныхъ комитетовъ, и наконецъ на стремленіи избѣгать всякой келейности при окончательной разработкѣ общаго для всей Россіи Положенія о крестьянахъ. Мы отмѣчаемъ эти черты потому, что напрасно стали бы искать ихъ въ послѣдующей дѣятельности, когда все дѣло реформы сосредоточилось во вновь образованныхъ редакціонныхъ комисіяхъ.

II.

Учрежденіе редакціонныхъ комисій. — Взгляды Ростовцева на крестьянское дѣло. — Первые засѣданія и предложеніе Ростовцева. — Пріемъ членовъ комисій Государемъ. — Отчего распубликованъ былъ указъ объ учрежденіи редакціонныхъ комисій.

Мысль объ учрежденіи редакціонныхъ комисій высказана была впервые въ двухъ запискахъ, одновременно поданныхъ Государю. Одна изъ нихъ, составленная Н. А. Милютинимъ, была внесена министромъ внутреннихъ дѣлъ въ особый комитетъ, одобрена имъ и затѣмъ черезъ главный комитетъ представлена Государю; вторая была подана непосредственно Ростовцевымъ. Въ обѣихъ проводилась мысль о необходимости учредить *въ помощь существующимъ учрежденіямъ* еще новую инстанцію, именно: редакціонныя комисіи при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. 17 февраля 1859 г. утверждено было предположеніе объ учрежденіи редакціонныхъ комисій съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ комисіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцеву, *если онъ согласится принять эту обязанность на себя.*

Когда предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Орловъ объявилъ о Высочайшей волѣ, Ростовцевъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ характернымъ письмомъ, которое, въ виду его интереса, приводимъ цѣликомъ:

„М. Г. Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдате-
Р. В. 1891. III.

лемъ комисіей составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и воѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, „если только я буду на это согласенъ“, какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

Съ молитвою къ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя, съ благоговѣніемъ къ Государю, удостоившему меня такого святаго призванія, со страхомъ предъ Россіей и предъ потомствомъ, съ чувствомъ долга передъ моею совѣстью.

Да простятъ мнѣ Богъ и Государь, да проститъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть передъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало“.

Какимъ Я. И. Ростовцевъ высказался въ этомъ письмѣ, такимъ и остался, вѣрнымъ, беззаветно преданнымъ слугою престола. И въ этомъ дѣлѣ, хотя для него лично и мало знакомомъ, онъ усиливался дѣлать то, что находилъ наилучшимъ.

Намъ не разъ въ послѣдующемъ изложеніи придется воспользоваться характеристиками этой выдающейся личности. Теперь же въ краткихъ словахъ мы рисуемъ вѣшнюю его біографію. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Родился онъ 28 декабря 1803 г.; пяти лѣтъ записанъ былъ въ Пажескій корпусъ и въ 1822 г. былъ произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, а черезъ шесть лѣтъ назначенъ былъ адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Участвовалъ въ первой турецкой кампаніи и въ усмиреніи перваго польскаго возстанія и былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1831 году онъ былъ назначенъ въ управленіе главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и въ 1835 г.—начальникомъ штаба этого управленія. Въ этой области Яковъ Ивановичъ навсегда обезомертилъ свое имя. Съ неутомимымъ рвеніемъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла работалъ онъ въ полезномъ дѣлѣ воспитанія въ надлежащемъ духѣ и направленіи подростающаго

военнаго поколѣнія и заслужилъ многократныя похвалы и поощренія Государя.

1-го января 1849 г. Ростовцевъ назначенъ былъ генераль-адъютантомъ и вскорѣ затѣмъ въ его руки всецѣло было передано завѣдываніе всѣмъ дѣломъ военно-учебнаго воспитанія въ Россіи. Съ этого поста, отъ этого дѣла, которымъ Ростовцевъ занимался всю жизнь, и угодно было Государю призвать и поставить его во главѣ крестьянской реформы въ Россіи.

Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій послѣдовало 16 февраля 1859 г. ¹⁾. Въ немъ было сказано, что редакціонныя комиссіи учреждаются „для составленія *сводою* изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ Общаго Положенія о крестьянахъ“.

Первоначально предполагалось учредить двѣ комиссіи: одну для составленія проектовъ *общихъ* положеній, другую— для составленія *мѣстныхъ* положеній, и хотя очень скоро обѣ комиссіи слились въ одну, за нею все-таки сохранилось множественное названіе: „Редакціонныя комиссіи“.

Предсѣдателемъ ихъ, какъ было сказано, назначенъ былъ генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ. Ему, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 17-го февраля 1859 г., было предоставлено „право дать обѣмъ комиссіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго комиссіямъ дѣла“. На томъ же основаніи ему предоставляется: „распредѣлять занятія между обѣими комиссіями и между всѣми ихъ членами и чиновниками и направлять всѣ вообще работы комиссій“.

Въ виду такихъ широкихъ полномочій, данныхъ предсѣдателю, и въ виду личнаго особеннаго довѣрія Государя, имѣя ежедневныя почти доклады, — Ростовцевъ не могъ не имѣть сильнаго и подчасъ рѣшающаго вліянія въ засѣданіяхъ; поэтому небезынтересно будетъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ его личными взглядами на крестьянское дѣло, взглядами, которые онъ выразилъ въ многочисленныхъ запискахъ, поданныхъ имъ Государю, и въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ ²⁾.

¹⁾ Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ. Томъ I.

²⁾ Напечатаны въ Мат. Редакц. комиссій, т. I, кн. I.

Главной его идеей было — освобожденіе крестьянъ съ землею. „Россіи, — писалъ онъ, — подлежатъ къ разрѣшенію двѣ задачи: первая — собственно освобожденіе, вторая — надѣленіе крестьянъ землею“.

Относительно того, какъ это сдѣлать: путемъ ли обязательнаго выкупа или иначе, мысли его были сбивчивы и подчасъ даже противорѣчивы. Такъ, въ своей статьѣ „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса“ Я. И. Ростовцевъ пишетъ: „Выкупъ крестьянами земель въ собственность *необходимъ*; безъ него освобожденіе крестьянъ совершиться не можетъ; чѣмъ скорѣе онъ произойдетъ, тѣмъ Россія будетъ спокойнѣе и счастливѣе“. Въ своей же запискѣ: „Дополненіе къ статьѣ „Ходъ и исходъ““, онъ высказываетъ по тому же вопросу убѣжденіе совершенно противоположное. „Казалось бы, съ перваго взгляда, — говоритъ онъ, — полезнымъ объявить немедленно выкупъ крестьянами поземельнаго надѣла и продажу его помѣщиками крестьянамъ обязательными. Но *выкупъ* и продажа земли обязательны *несправедливы и бесполезны*. Несправедливы для помѣщика потому, что онъ былъ бы обязанъ продать свою землю по нормальной оцѣнкѣ, определенной правительственными учрежденіями для цѣлыхъ губерній или уѣздовъ; для крестьянина потому, что онъ былъ бы поставленъ въ обязательную необходимость купить именно такую собственность, приобрѣтать которую онъ по своимъ расчетамъ считалъ бы, можетъ быть, невыгоднымъ“.

Что касается отношеній освобожденныхъ крестьянъ къ прежнему ихъ помѣщику, то Ростовцевъ стоялъ на точкѣ зрѣнія патримоніальной власти. Взгляды его на этотъ счетъ, выраженные отдѣльными фразами, удачно сгруппированы въ книгѣ Н. П. Семенова.

Ростовцевъ предполагалъ слѣдующее: „Начальникъ всей общины есть владѣлецъ имѣнія, на землѣ котораго община водворена“. Власть помѣщика состоитъ въ попечительствѣ и наблюденіи. Оскорбленіе помѣщика крестьяниномъ, равно какъ и члена его семейства, судится какъ преступленіе уголовное; *въ семь случаевъ оскорбленіе самаго помѣщика равняется оскорбленію отца*. Помѣщикъ имѣетъ право высылать изъ своего имѣнія крестьянина, признаннаго имъ вреднымъ и опаснымъ.

Таковы были по главнымъ вопросамъ крестьянскаго дѣла воззрѣнія председателя редакціонныхъ комиссій въ то время, когда онъ принялъ на себя эту обязанность и не успѣлъ еще

подпасть вліянію извѣстныхъ кружковъ. Это были не убѣжденія, такъ какъ они не имѣли прочнаго основанія на почвѣ знанія условій дѣйствительной жизни деревни, а скорѣе личныя симпатіи Ростовцева, и это объясняетъ, почему онъ такъ легко отступалъ, въ теченіе развитія дѣла, отъ этихъ своихъ первоначальныхъ предположеній.

На второй недѣлѣ великаго поста, 2-го марта 1859 года, были разосланы повѣстки всѣмъ присутствующимъ членамъ редакціонныхъ коммисій, и 4-го марта, въ 8 часовъ вечера, на квартирѣ у Якова Ивановича Ростовцева (на Васильевскомъ острову, въ домѣ 1-го кадетскаго корпуса) собрались на открытіе редакціонныхъ коммисій одиннадцать человекъ. Это были: Степанъ Михайловичъ Жуковский, Яковъ Александровичъ Соловьевъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Александръ Карловичъ Гирсъ, Маркъ Николаевичъ Любоцинскій, Николай Петровичъ Семеновъ, Василій Ивановичъ Булыгинъ, Николай Васильевичъ Калачовъ, Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ и Петръ Петровичъ Семеновъ.

Сначала отслуженъ былъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и затѣмъ всѣ перешли въ особо устроенную комнату для засѣданій, находившуюся между бібліотекой и кабинетомъ Ростовцева. Это первое засѣданіе было посвящено чтенію нѣкоторыхъ журналовъ главнаго комитета, и затѣмъ между присутствующими завязался оживленный разговоръ о задачахъ коммисій, изъ котораго, судя по замѣткамъ Н. П. Семенова, выяснился единственно фактъ совершеннаго почти незнакомства членовъ коммисій съ крестьянскимъ дѣломъ въ Россіи вообще и съ условіями нашего сельскаго быта. Но это обстоятельство нисколько не приводило ихъ въ смущеніе, наоборотъ, придавало имъ какую-то своеобразную бодрость.

Такъ, напримѣръ, на замѣчаніе Любоцинскаго, что онъ очень мало знакомъ съ хозяйствомъ и бытомъ крестьянъ, Ростовцевъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, вы не бойтесь, мы всѣ люди новые въ этомъ дѣлѣ; это такой огромный переворотъ, котораго никто не предвидѣлъ, и *готовиться было некогда; мы должны, въ продолженіи нашихъ занятій, все учиться*; намъ нужны всѣ свѣдѣнія; мы пойдемъ постепенно, а не вдругъ. Я имѣю такой планъ. Къ намъ уже начали поступать проекты губернскихъ комитетовъ, мы должны ихъ обозрѣвать и, *вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомиться съ дѣломъ*. Сначала мы, такъ сказать, оболванимъ нашъ проектъ“... и проч.

Читая эти бесѣды, записанныя Н. П. Семеновымъ (т. I, стр. 52), рождается невольное недоумѣніе. Кто собирается учиться, знакомиться съ крестьянскимъ дѣломъ? Молодые любознательные люди, работающіе для самообразованія?! Нѣтъ, такъ разсуждали люди, въ руки которыхъ было передано вершеніе судьбы нашего отечества, рѣшеніе самага великаго и кореннаго переворота во всей нашей внутренней государственной жизни...

Засѣданіе кончилось въ половинѣ одиннадцатаго, и на слѣдующій же день, въ четвергъ 5-го марта, тѣ же лица снова собрались въ 8 часовъ вечера у Ростовцева. На этотъ разъ засѣданіе носило болѣе дѣловой характеръ. Оно началось заявленіемъ Ростовцева, что онъ, въ силу предоставленнаго ему права, предлагаетъ первую *общую* комисію раздѣлить на отдѣленія, юридическое и административное, а вторую, или такъ называемую комисію мѣстныхъ положеній, обратить въ хозяйственное отдѣленіе и установить такой *порядокъ дѣлопроизводства*, чтобы доклады этихъ трехъ отдѣленій вносились въ общее присутствіе всѣхъ трехъ отдѣленій.

Уже одно это развитіе редакціонныхъ комисій, первоначально возникшихъ какъ пособіе работамъ особой комисіи (изъ Ланскаго, Панина, Муравьева и Ростовцева) при главномъ комитетѣ указываетъ, что члены ихъ намѣрены были заняться не *свободы* губернскихъ положеній, а выработкой своего собственнаго Положенія о крестьянахъ.

По утвержденіи этого раздѣленія комисій на три отдѣленія, председателемъ ихъ было прочитано заранѣе имъ составленное предложеніе о главныхъ основахъ крестьянской реформы.

Какъ и всѣ первыя данныя о ходѣ крестьянскаго дѣла, это первое предложеніе комисіямъ, заключавшее въ себѣ 12 пунктовъ, представляетъ значительный интересъ.

Вотъ текстъ его, напечатанный въ т. I „Матеріаловъ редакціонныхъ комисій“, представляющихъ библиографическую рѣдкость.

1) „Предстоящій намъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и улучшеніи быта крестьянъ долженъ быть рѣшенъ со строгою справедливостью и безпристрастіемъ д обѣихъ сторонъ, и притомъ такъ, чтобы не подать ни малѣшаго повода къ враждебнымъ столкновеніямъ между двумя сословіями,—другими словами, чтобы въ мирномъ разрѣшеніи

этого вопроса Россія нашла *на долгое время* вѣрное застрахованіе отъ государственныхъ потрясеній.

2) „Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ крестьяне должны получить полную возможность на приобрѣтеніе въ собственность достаточнаго для обезпеченія ихъ быта и осѣдлости количества земли, безъ чего улучшеніе крестьянскаго быта было бы только словомъ, а не дѣломъ.

3) „Одна усадьба, особливо въ земледѣльческой Россіи, обезпеченія такого не представляетъ.

4) „Отдѣльный выкупъ усадьбы есть только полумѣра, не достигающая своей цѣли и опасная, потому что она можетъ *раздражить*: а) крестьянина, который *не пойметъ, за что онъ платитъ*, б) помѣщика, закрѣпивъ въ сердцѣ его владѣній чужой элементъ, между тѣмъ какъ выдѣлъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ со всѣмъ ихъ надѣломъ окончательно устранить столкновенія двухъ *расходящихся* словей.

5) „Обязательныя отношенія, въ особенности *барщина*, есть то же крѣпостное право, только *облеченное въ законныя формы* и потому еще болѣе для крестьянина невыносимое и не соответствующее благимъ намѣреніямъ Государя объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и улучшенія быта крестьянъ.

6) „Обязательныя отношенія вошли въ правительственную программу только какъ неизбежная переходная мѣра, но если бы нашимъ коммисіямъ удалось въ своемъ проектѣ сократить ее и даже *совсѣмъ обойти*, то улучшеніе быта тѣмъ самымъ было бы упрочено и на переходное время (?).

7) „Подлежащая выкупу крестьянъ поземельная собственность должна состоять нераздѣльно изъ усадьбъ и достаточнаго надѣла въ отдѣльномъ отъ остальной помѣщичьей земли участкѣ.

8) „Помѣщики должны быть вознаграждены за уступаемыя ими земли, *справедливо, по мѣрѣ возможности*, безъ потерь и безъ разоренія.

9) „Ежегодная плата крестьянами, какъ процентовъ, такъ и погашенія выкупнаго капитала, не должна никакъ превосходить цифры существующихъ среднихъ повинностей ихъ, иначе не было бы улучшенія быта ихъ.

10) „Чѣмъ скорѣе произойдетъ, или по крайней мѣрѣ начнется выкупъ поземельной собственности, тѣмъ будетъ онъ выгоднѣе: а) для крестьянъ потому, что цѣнность земель въ

Россіи постоянно возрастаетъ, б) для помѣщика потому, что ему необходимъ капиталъ для хозяйственныхъ реформъ, необходимыхъ при измѣненіи хозяйственнаго быта его имѣній. (Вѣроятно на этомъ основаніи и былъ уничтоженъ опекунскій совѣтъ).

11) „А потому для ускоренія выкупа и для уравновѣшенія могущихъ придти въ столкновеніе интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, правительство должно участвовать своимъ посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями въ процессъ выкупа.

12) „Вопросъ о томъ, будетъ ли выкупаемая земля находиться въ общинномъ или частномъ владѣніи крестьянъ— должно *предоставить разрѣшенію исторіи*, а не *насиловать его правительственными мѣрами*, тѣмъ болѣе, что административная и хозяйственная община по существу своему совершенно различны“.

Предложеніе это было единогласно одобрено воими присутствующими, затѣмъ, Ростовцевъ установилъ, что каждое изъ сихъ отдѣленій будетъ заниматься специально разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ постановленій губернскихъ комитетовъ и составленіемъ своихъ проектовъ и затѣмъ *проекты эти будутъ вноситься постепенно на обсужденіе общаго присутствія комиссій и затѣмъ измѣняться и совершенствоваться сообразно съ вновь поступающими проектами губернскихъ комитетовъ*. Сверхъ того при окончаніи этого засѣданія предсѣдатель заявилъ, что депутатамъ губернскихъ комитетовъ *будутъ предоставляемы въ свое время „всѣ работы, составленныя отдѣленіями и разсмотрѣнныя общимъ присутствіемъ редакціонныхъ комиссій“*. Какъ извѣстно, отъ обоихъ этихъ весьма важныхъ положеній комиссіи безусловно отказались впоследствии.

Второе засѣданіе окончилось также около 11 часовъ вечера и на слѣдующее утро всѣ одиннадцать членовъ собрались у предсѣдателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать представляться Государю. Но прежде этого знаменательнаго представленія всѣ члены редакціонныхъ комиссій in cogrore съ предсѣдателемъ во главѣ являлись къ князю Орлову, предсѣдателю главнаго комитета. Князь принялъ ихъ сухо. „Господа,—сказалъ онъ членамъ комиссіи,—на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ ужъ сдѣлалось; пойти назадъ невозможно; вы должны идти по тому направленію, которое дано ему. *Вамъ остается исполнить то, что вамъ ука-*

зано; а что вы не такъ сдѣлаете—мы поправимъ;—и такъ дай Богъ вамъ успѣха“.

Затѣмъ всѣ члены коммисіи отправились во дворець, гдѣ Ростовцевъ представилъ каждого изъ нихъ порознь. Каждому Государь сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ и затѣмъ, обратившись ко всѣмъ вообще, произнесъ слѣдующее (Семеновъ т. I стр. 103).

„Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть цѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю. Мой выборъ палъ на васъ: обо всѣхъ васъ я слышалъ отъ вашего предсѣдателя; онъ мнѣ всѣхъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ Я ее люблю, и надѣюсь, что вы исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. На случай сомнѣнія и недоразумѣній при исполненіи моихъ предначертаній посредникомъ между вами и мной будетъ вашъ предсѣдатель. Онъ будетъ доводить до свѣдѣнія моего обо всемъ происходящемъ. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду. Прощайте!“

9-го и 13-го марта происходили еще два засѣданія на квартирѣ Ростовцева, носившія частный, келейный, какъ онъ выразился, характеръ и, наконецъ, 30-го марта 1859 года послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената объ учрежденіи редакціонныхъ коммисій, и дѣятельность ихъ пріобрѣтаетъ совершенно уже иной характеръ.

Этотъ значительный промежутокъ времени, истекшій между Высочайшимъ повелѣніемъ объ учрежденіи редакціонныхъ коммисій (над. 17-го февраля 1859 г.) и распубликованіемъ его, объясняется тѣмъ, что предсѣдатель редакціонныхъ коммисій, Я. И. Ростовцевъ, былъ противъ этого. Хотя его убѣждали Н. П. Семеновъ и другіе, что келейность въ такомъ важномъ общегосударственномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, недопустима и неосновательна, онъ въ этомъ случаѣ упорно настоялъ на своемъ. „Помилуйте, я имѣю Высочайшее повелѣніе, — говорилъ онъ, — чего больше! Сохрани Богъ обнародовать его, какъ будто мы хотимъ хвастаться тѣмъ, что Государю угодно было поручить намъ приготовить проектъ этого важнаго преобразования. Надо, чтобы это дѣбалось, такъ сказать, келейно между нами, какъ въ семьѣ; я и не смѣю выстав-

лать всего, что на насъ возложено, на публичное зрѣлище... Это дѣло должно пока остаться тайной между нами ¹⁾).

Эта боязнь оглашенія въ такомъ важномъ дѣлѣ долго быть можетъ держала бы въ неизвѣстности всю Россію по вопросу о томъ: въ чьи руки передана судьба крестьянскаго дѣла, еслибы одно незначительное обстоятельство не заставило поднять той завѣсы, за которую стремились скоронить свою дѣятельность редакціонныя комисіи.

Этимъ незначительнымъ обстоятельствомъ оказалась случайность: несговорчивость одного чиновника почтамта.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ марта нѣкъ редакціонныхъ комисій привесли на почту цѣлую кипу пакетовъ. Чиновникъ почтамта потребовалъ оплатить ихъ какъ частную корреспонденцію. Ему возразили, что редакціонныя комисіи, посылающія ихъ, — учрежденіе правительственное, и пакеты должны быть поэтому приняты бесплатно. Но чиновникъ заявилъ, что онъ никакого такого новаго учрежденія не знаетъ, такъ какъ о немъ нигдѣ общеустановленнымъ порядкомъ опубликовано не было, а посему слѣдуетъ конвертъ оплачивать. Объ этомъ инцидентѣ доложили Ростовцеву и *volets polens*, воочію убѣдившись въ невозможности таить далѣе Высочайшее повелѣніе, онъ рѣшилъ подать установленнымъ порядкомъ объ опубликованіи этого указа Сенатомъ.

Такимъ образомъ чиновнику почтамта обязана оффиціальная и неоффиціальная Россія, что она 30 марта, а не позже, узнала о томъ, что учреждены были редакціонныя комисіи, имѣвшія такое рѣшающее вліяніе на устройство у насъ всего крестьянскаго вопроса въ томъ видѣ, какой существуетъ и по нынѣ.

А. ВЕЛИЦЫНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Книга Семенова, стр. 107.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

III.

В. М. Гаршинъ. ¹⁾

I.

Произведенія Гаршина, изданіе которыхъ закончилось недавно вышедшею въ свѣтъ 3-ею книжкой *Разказовъ*, даютъ весьма незначительный матеріалъ для художественной критики. Произведенія эти не представляютъ собою, такъ сказать, „малый міръ“, каковымъ являются созданія художественныя, по отношенію къ которымъ задача критики заключается въ томъ, чтобы раскрыть *смыслъ* этого „малаго міра“, такъ же какъ философія раскрываетъ смыслъ мірозданія. Но въ произведеніяхъ Гаршина, безъ сомнѣнія, отразились иные, хотя и немногія черты той странной и смутной эпохи, которую мы пережили начиная съ семидесятыхъ годовъ и кончая нашимъ временемъ, той странной и смутной эпохи, послѣдствіемъ которой являются и теперешнія увлеченія „толстовщиной“ и прочимъ подобнымъ. Съ этой стороны только и интересны произведенія Гаршина, съ этой стороны мы ими и займемся. Но и такая задача представляетъ не мало затрудненій. Дѣло въ томъ, что въ художественныхъ произведеніяхъ, въ большей или меньшей степени, что зависитъ отъ размѣра дарованія автора, всегда высказана не только *правда*, но и *вся* правда и *ничего* кромѣ правды. Въ произведеніяхъ Гаршина мы напрасно искали бы

¹⁾ В. Гаршинъ. Первая и вторая книжки *Разказовъ*. Третья книжка *Разказовъ*. Спб. 1891 г. *Памяти В. М. Гаршина*. Художественно-литературный сборникъ.

хотя стремленія приблизиться къ этому идеалу, къ которому долженъ приблизиться всякій художникъ. Въ его произведеніяхъ есть правда, но не *вся* правда и многое кромѣ правды. Правда этихъ произведеній только въ ихъ *искренности*—не болѣе. Въ нихъ нѣтъ сознательной лжи, желанія представить дѣло не только не такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности, но даже и не такъ, какъ оно въ глубинѣ души представляется самому автору, однако такой искренности, конечно, недостаточно, чтобы нарисовать правдивую и живую картину. Чтобы сѣмъ выразить въ художественныхъ образахъ правду и ничего кромѣ правды, надо пережить въ мысли и чувствѣ не одно только, а всѣ настроенія изображаемой эпохи и, кромѣ того, выйти изъ всѣхъ этихъ настроеній побѣдителемъ, стать *выше* ихъ. Только при этомъ условіи возможно объективное художественное творчество. Гаршинъ же пережилъ лишь одно изъ настроеній эпохъ и лишь оно, оторванное отъ цѣлаго, а потому и бессмысленное, отражается въ его произведеніяхъ. Мало того, что онъ пережилъ лишь это одно настроеніе, онъ не вышелъ изъ него побѣдителемъ, онъ не сталъ выше его, а напротивъ, оно, это настроеніе, захватило и несло его, какъ несетъ потокъ оторванную вѣтку, помимо его воли. Вотъ почему правдиво освѣтить тѣ черты времени, которыя, преломленныя сквозь призму уносившаго его настроенія, отразились въ его произведеніяхъ, очень затруднительно. Эти произведенія не только не являются безпристрастнымъ резюме предсѣдателя, они не представляютъ собою даже обвинительной или защитительной рѣчи. Продолжая сравненіе, можно сказать, что эти произведенія есть всего только показаніе свидѣтеля, не знакомаго со всѣми обстоятельствами дѣла, свидѣтеля искренняго, но который самъ не можетъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Чтобы извлечь что-нибудь изъ такого показанія, нужно отнестись къ нему съ большою осторожностью и съ большою подозрительностью. Самая форма произведеній Гаршина напоминаетъ такое свидѣтельское показаніе. Большею частью онъ предлагаетъ намъ „дневники“ своихъ героевъ и героинь или ведетъ рассказъ отъ ихъ имени.

По внутреннему содержанію, всѣ рассказы Гаршина тѣсно связаны между собою; вездѣ авторъ развиваетъ одну ту же тему, вездѣ, подъ разными именами, является, въ сущности, одинъ и тотъ же герой. И этотъ герой есть маленький человѣкъ, разсуждающій, или, лучше сказать, „убивающійся“ надъ большими вопросами. Какъ видите, типъ соврѣ-

менный, даже до сихъ поръ, ибо и сейчасъ у насъ множество маленькихъ людей „убивающихся“ надъ большими вопросами; какъ видите, тема касается одной изъ основныхъ болячекъ нашего, и до сихъ поръ, взбудораженнаго времени.

Въ своихъ разсказахъ Гаршинъ, повторяю, какъ будто собралъ разрозненные и отрывочные листки изъ дневника маленькаго человѣка, къ-мъ-то и чѣмъ-то сбитаго съ толку...

Однако, есть у Гаршина одинъ разсказецъ *Встрѣча*—гдѣ является тотъ же маленький человѣкъ, но, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своей индивидуальности, не совсѣмъ еще сбитый съ толку. У этого маленькаго человѣка, Василя Ивановича, какъ то и сообразно его званію „маленькаго человѣка“, маленькій умъ, маленькое сердце, маленькія надежды и желанія, маленькая любовь и ненависть, маленькія претензіи даже. Отъ всей его фигурки, ограниченной и немножко сентиментальной, отъ всѣхъ его разсужденій, и еще больше отъ всѣхъ его грезъ и мечтаній, такъ и отдаетъ маленькою пошлостью, маленькимъ мѣщанствомъ, слащаво-сентиментальною претензіей и резонерствомъ. Но у него, какъ говорится, „всѣ дома“, и поэтому онъ, органически и во всѣхъ частяхъ соотвѣтственно развиваясь, мирно и благополучно шествуетъ по проторенной тропинкѣ. Покорствуя „вѣяніямъ времени“ и онъ разсуждаетъ о разныхъ „вопросахъ“, но единственно для собственнаго внутренняго услажденія, для себя и про себя. Но онъ себѣ на умъ—и „вопросы“ остаются сами-по-себѣ, а онъ самъ-по-себѣ. Инстинктивный, присущій даже всякому звѣрку, маленький здравый смыслъ указалъ ему мѣрку его собственныхъ силъ и средствъ, подсказалъ ему, что лѣзть куда не слѣдуетъ дѣло опасное, часто кончающееся для маленькихъ людей весьма плачевно. Но вотъ „вѣянія времени“ вынули у маленькаго человѣка какую-то заклепку—и онъ сорвался съ рельсовъ, началъ убиваться надъ „вопросами“, стоящими внѣ силъ и средствъ его чувства и мысли и, наконецъ, дошелъ до того, что увелъ пришлось развязывать пистолетнымъ выстрѣломъ, какъ то намѣревается одѣлать герой разсказа *Ночь*.

Вотъ этимъ-то маленькимъ человѣкомъ занимается Гаршинъ почти во всѣхъ его разсказахъ. Вездѣ у него тотъ же Василій Ивановичъ, но ужъ безъ колорита пошлости, безъ осторожнаго „себѣ на умъ“—въ этомъ только все различіе.

Вотъ въ разсказѣ *Четыре дни* и въ другомъ *Трусъ*—маленькій человѣкъ „убивается“ о войнѣ. Вопросъ, какъ видите, огромный...

Сколько головъ надъ нимъ билось,
 Сколько онъ муки принесъ...
 Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
 Въ черныхъ берегахъ, въ чалмахъ,
 Головы въ пудрѣ и всякаго рода
 Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ...

Бился надъ нимъ и маленькій человѣкъ, конечно, ни до чего не добился, а только себя измучилъ. Вотъ онъ (въ рассказѣ *Четире дня*), вопреки своимъ маленькимъ разсужденіямъ, повинувся лишь „смутному влеченю чего-то жаждущей души“, отправляется на войну. Но, оказывается, что война „не мечта“, что тамъ въ самомъ дѣлѣ другъ-друга убиваютъ, что реальныя подробности ея страшны, и, хуже того, отвратительны,—и вотъ, маленькій человѣкъ возвращается разочарованнымъ.

Конечно, уловить во всемъ этомъ явленіи черту высокаго трагизма, понять и почувствовать, что здѣсь люди „душу свою полагаютъ за други своя“, что это именно то, о чемъ сказано: „нѣтъ больше сея любви“, конечно, отыскать среди ужасающихъ реальныя подробности войны верно вѣчнаго и неперемѣннаго, почувствовать ту красоту, высшую красоту: красоту трагическаго страданія, которая скрыта въ этомъ явленіи—конечно, это для маленькаго человѣка недоступно. И вотъ—онъ неудовлетворенъ. Заклепка маленькаго здраваго смысла у него вынута, и онъ никакъ не можетъ понять, что, прежде всего, война—не его ума дѣло. И не понимая этого—„убивается“.

Наученный уже относительно войны своимъ или чужимъ опытомъ, онъ (въ рассказѣ *Трусъ*) еще ничего не видя „убивается“, и хотя на минуту, мелькомъ, но задается вопросомъ: идти ли ему на войну, или „уклониться“, воспользовавшись протекціей? И маленькій человѣкъ до того обить съ толку, что простое объясненіе этого недоумѣнія, сдѣланное другимъ маленькимъ человѣкомъ, только менѣе сбитымъ съ толку, является для него какъ бы нѣкоторымъ „просіяніемъ“.

„Кто вамъ сказалъ, что я люблю войну (объясняетъ Марья Петровна, менѣе сбитая съ толку). Только... какъ бы вамъ это разсказать? Война—зло, и вы, и я, и очень многіе такой мѣнны, но вѣдь она неизбежна; любите вы ее или не любите все равно она будетъ, и если не пойдете драться вы, возьмутъ другаго, и все же человѣкъ будетъ изуродованъ или измученъ походомъ. Я боюсь, что вы не понимаете меня, я плохо выражаюсь. Вотъ что: по-моему война есть *общее горе, общее стра*

даніе, и уклоняться отъ нея быть можетъ и позволительно, но мнѣ это не нравится“.

„Я молчал“, рассказываетъ далѣе герой разсказа.—„Слова Марьи Петровны яснѣе выразили мое смутное отвращеніе къ уклоненію отъ войны. Я самъ чувствовалъ то, что она чувствуетъ и думаетъ, только думалъ иначе“.

Ясно, что Марья Петровна, въ данномъ случаѣ, и думаетъ, и чувствуетъ одинаково именно потому, что здравый смыслъ ей подсказываетъ тщету для нея разсужденій по существу о такомъ явленіи, какъ война; маленькій же человѣкъ разсуждаетъ, и эти безплодныя разсужденія мутятъ источникъ его чувства, дѣлаютъ это чувство болѣзненнымъ и извращеннымъ...

Въ разсказѣ *Художники* все тотъ же маленькій человѣкъ, художникъ Рябининъ опять разсуждаетъ и именно „убивается“ о большомъ вопросѣ—о вопросѣ искусства. Онъ не можетъ, подобно своему товарищу Дѣдову, совершенно пошлону и достаточно яркому шарлатану, смотрящему на искусство, какъ на выгодное ремесло, онъ не можетъ „пока писать картину—быть художникомъ, а написавши—торгашемъ“, не можетъ размышлять о томъ, чтобы у него „не одинъ холстикъ даромъ не пропалъ“,—онъ хочетъ другаго...

Но... „изъ Теневъ, Каррьеревъ, Куглеровъ и всѣхъ, писавшихъ объ искусствѣ, включительно до Прудона, не слѣдуетъ ничего. Они все толкуютъ, какое значеніе имѣетъ искусство, а въ моей головѣ при чтеніи ихъ непремѣнно шевелится мысль: „если оно имѣетъ его““.

Такъ разсуждаетъ этотъ новѣйшій Фаустъ, исправленный и дополненный сообразно съ требованіями журнальныхъ фельетоновъ, толкующихъ объ искусствѣ и его значеніи.

И что жъ? Прійти въ концѣ къ тому
Путемъ обиднаго сознанья,
Что мы не знали ничего,
Что точно стоило бы знанья...

Только Фаустъ, вѣдь онъ и „философіи служилъ, и богословіе съ правами, и медицину изучилъ“; онъ пережилъ въ мысли и чувствѣ все, что пережило и перестрадало человѣчество до него—и переживши, въ ужасѣ отступилъ передъ тою страшною гранью, гдѣ разумъ человѣческій мутится, осознавая свое безсиліе, а чувство требуетъ *стыи* въ таинственное, невѣдѣнное, управляющее судьбами міра и жизни... А маленькій человѣкъ, сбитый съ толку современными журнальными „благоглупостями“—ибо Тень, Каррьеръ „и всѣ, писавшіе объ

искусствѣ“, приходятъ ему въ голову единственно для красоты слога—опускаетъ руки и, сорвавшись съ рельсовъ, обращается изъ художника „подающаго надежду“ въ сельскаго учителя, которымъ онъ дѣлается, чтобы приносить „осязательную пользу“, такую пользу, какой не могли принести, по его мнѣнiю, Рафаэли и Тиціаны. Но и на новомъ поприщѣ онъ „не преуспѣлъ“, какъ замѣчаетъ авторъ отъ себя. „Не преуспѣлъ“ именно потому, что сбился съ проторенной тропинки, съ которой нельзя сбиваться маленькимъ людямъ, „не преуспѣлъ“ именно потому, что вздумалъ „убиваться“ надъ тѣми вопросами, надъ которыми „головы всякаго рода бились въ слезахъ“—головы Кантовъ и Лессинговъ, Шекспировъ и Шиллеровъ; „не преуспѣлъ“ потому, что въ добытому эгими головами счумѣли лишь отнестись совершенно такъ, какъ насѣкомья въ сказкѣ того же Гаршина *To, чего не было*, къ разсказу Гнѣдка о томъ, что за ихъ муравейникомъ есть еще цѣлый міръ: „я не понимаю вашихъ мудреныхъ словъ, да признаться и не гонюсь за ними“, сказала улетка, выслушавши разсказъ Гнѣдка.—„Мнѣ быль бы лопухъ, а его довольно“.

Маленькій человекъ не хотѣлъ удовлетвориться лопухомъ, но точно такъ же не понималъ „мудреныхъ словъ, сказанныхъ Шекспирами и Лессингами, хотѣлъ выдумать свои слова, но ничего не выдумалъ, а лишь искренно воспринялъ въ свою душу пустопорожнюю журнальную болтовню—и, конечно, не только „не преуспѣетъ“ а, напротивъ, „безъ всякой пользы пропадетъ—съ“, какъ говоритъ Тургеневскій „охотникъ Владиміръ“ про Сучка, отправившагося, при маломъ ростѣ, отыскивать бродъ въ глубокомъ пруду.

Отъ той же причины пропадетъ и маленький человекъ, ибо онъ, при маломъ ростѣ, отправился отыскивать бродъ уже не въ прудѣ, а въ гровномъ и безбрежномъ океанѣ...

И вотъ, когда въ душу маленькаго человека, измученнаго самимъ имъ созданными привраками и фантомами, на мгновение проникаетъ лучъ сознанія, хотя слабый и колеблящійся, онъ самъ о себѣ говоритъ:

... „Въ прошломъ нѣтъ опоры, потому что тамъ все ложь и обманъ. И лгалъ, и обманывалъ я самъ и самого себя, не оглеadyваясь. Такъ обманываетъ другихъ мошенникъ, притворяющійся богачемъ, разсказывающій о своихъ богатствахъ, которыя гдѣ-то „тамъ“, „не получены“, но которыя есть, и занимающій деньги направо и налѣво. Я всю жизнь должалъ са-

мому себѣ. Теперь насталь срокъ расчета — и я банкротъ, злостный, завѣдомый“ (рассказъ *Ночь*).

Конечно, это слишкомъ торжественно для маленькаго человѣка, но самая напряженная торжественность показываетъ, что и тутъ, уже рѣшившись на самоубійство, онъ, по обыкновенію, что-то фальшивить и старается извернуться передъ самимъ собой, во имя своей маленькой претензіи.

Но все же, хотя о чемъ-нибудь онъ догадался. Догадался, что „лгалъ и обманывалъ самого себя“, преувеличивая размѣръ своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ; лгалъ и обманывалъ, считая и желая считать мотивомъ своихъ чувствъ и поступковъ не то, что дѣйствительно было въ подкладкѣ ихъ; лгалъ и обманывалъ себя, отлынивая отъ жизни и ея суровыхъ требованій, во имя призраковъ, созданныхъ своимъ собственнымъ воображеніемъ — созданныхъ, чтобы какъ-нибудь заглушить укоряющій голосъ еще не въ конецъ помраченныхъ здороваго чувства и здраваго смысла.

Я уже замѣтилъ, что каждый рассказъ Гаршина есть будто вырванный листокъ изъ дневника маленькаго человѣка. Поэтому мы узнаемъ объ этомъ маленькомъ человѣкѣ очень немного: мы узнаемъ лишь то, что *кажется* маленькому человѣку, но что на самомъ дѣлѣ живетъ въ глубинахъ его души, что на самомъ дѣлѣ руководитъ имъ, лишь отражаясь этимъ *кажется* — этого авторъ намъ не показалъ. Онъ не показалъ намъ, какъ и что сбило съ толку его героевъ, не показалъ, какъ на нихъ отражались литературныя и жизненныя вліянія, атрофируя и искажая ихъ непосредственное чувство, не рассказалъ, какъ его герой живетъ, что любитъ и что ненавидитъ, словомъ не обнажилъ передъ нами души своего героя, не показалъ намъ его такимъ, каковъ онъ есть, а лишь рассказалъ, что самъ о себѣ думаетъ его маленькій человѣкъ. Вотъ почему онъ далъ намъ всего только „образы безъ лицъ“, по которымъ лишь можно догадываться о самой сущности дѣла. Такъ случилось волѣдствіе колеблящагося отношенія самого автора къ своимъ героямъ. Безъ сомнѣнія, самъ Гаршинъ, какъ то можно заключить изъ біографическихъ данныхъ о немъ, а, главнымъ образомъ, изъ опубликованныхъ его писемъ, былъ шире и глубже своихъ героевъ. Но его настроенія до того переплетались съ ихъ настроеніемъ, что онъ не могъ взглянуть на нихъ со стороны. Онъ любитъ маленькаго человѣка, но не *зрячею* любовью, онъ жалѣетъ его, но не *зрячею* жалостью. Ибо зрячая любовь

и зрячая жалость привели бы его къ объективному отношенію къ своему герою, дали бы ему возможность обнаружить его душу и показать ту язву, которая завелась въ ней, а не констатировать лишь признаки болѣзни, да и то слабо и неувѣренно, безъ попытки даже рѣшить, болѣзнъ это или нѣтъ.

II.

Въ одной критической статьѣ, напечатанной въ сборникѣ, посвященномъ памяти Гаршина, констатируется тотъ фактъ, что онъ подражалъ гр. Л. Н. Толстому: „Подобныя невольныя подражанія неизбѣжны,—замѣчаетъ авторъ статьи,—когда передъ глазами стоитъ такой образецъ, какъ Толстой, и нужно сказать, что они будутъ встрѣчаться у всякаго правоописателя военнаго быта. Но это нисколько не мѣшаетъ индивидуальности Гаршина. Онъ вноситъ нѣчто свое въ свои военные рассказы и это свое намъ можетъ быть особенно дорого“.

Я привелъ эти слова не для того, чтобы спорить съ ихъ авторомъ: цѣль его—преувеличить, ради проведенія своей тенденціи, значеніе произведеній Гаршина—слишкомъ очевидна. Мы видѣли, что *свое* внесъ Гаршинъ: нѣкоторыя черты настроенія эпохи. Но сравненіе съ Толстымъ невольно напрашивается, хотя оно очень затруднительно. Съ одной стороны, мы имѣемъ удивительное художественное созданіе, *Севастопольскіе очерки*, съ другой—блѣдные рассказы Гаршина. Задача облегчилась бы, еслибы эпоха послѣдней войны нашла для себя такого же художника, какъ Толстой. Но этого, къ сожалѣнію, нѣтъ, значить, приходится довольствоваться тѣмъ, что есть. Безъ сомнѣнія, и въ послѣднюю войну были живы и дѣйствовали всѣ тѣ удивительные типы русскихъ солдатъ и офицеровъ Толстаго, но, безъ сомнѣнія же, къ этому прибавился и иной типъ—того маленькаго человѣка съ извращеннымъ уже чувствомъ, намеки на который мы находимъ въ рассказахъ Гаршина. Вотъ тутъ невольно и напрашивается сравненіе между обыкновеннымъ молодымъ человѣкомъ пятидесятихъ годовъ и обыкновеннымъ молодымъ человѣкомъ семидесятихъ годовъ. Вѣдь это одинъ и тотъ же молодой человѣкъ, только воспитывался онъ подъ разными вліяніями, въ иной средѣ, при иномъ складѣ жизни. Одинъ, среди хотя аляповатаго, но прочнаго уклада жизни дореформенной, другой—среди эмансипаціонной ломки.

Искать объекта для сравненія незначѣмъ. Толстой какъ бы нарочно даетъ намъ изумительное, по своей повѣи и свѣжести, изображеніе молоденькаго офицера Володи Козельцова—

тогдашняго обыкновеннаго молодаго человѣка. Съ этимъ Володей мы встрѣчаемся въ разсказѣ, который, конечно, всѣмъ хорошо памятенъ: *Севастополь въ августъ 1855 года*. Володя, только-что выпущенный изъ корпуса въ гвардію, перепрашивается въ армію, и, подобно героямъ Гаршина, по своей охотѣ идетъ на войну. Я не буду напоминать прелестной сцены на станціи, встрѣчи Володи съ братомъ—всего, изумительно переданнаго колорита этого радостнаго энтузіазма и восторга ѣдущихъ на войну почти мальчиковъ. Этотъ-то колоритъ прежде всего бросается въ глаза, какъ рѣзкій контрастъ тому *уммию*, которое сопровождаетъ такихъ же молодыхъ героевъ Гаршина, также своею охотой ѣдущихъ на войну. Откуда же этотъ контрастъ? Очевидно, онъ коренится въ общемъ настроеніи тѣхъ и этихъ молодыхъ людей, въ общемъ настроеніи, сообщенномъ имъ окружающею ихъ жизнью.

Приведу нѣсколько выписокъ, характеризующихъ настроеніе Володи.

„Когда прошло минутъ пять, во время которыхъ они успѣли помолчать немного, старшій братъ спросилъ, отчего меньшей (Володя) вышелъ не въ гвардію, какъ этого всѣ ожидали“.

— „Поскорѣ въ Севастополь хотѣлось: вѣдь если здѣсь счастливо пойдеть, такъ можно еще скорѣ выиграть, чѣмъ въ гвардіи: тамъ въ десять лѣтъ въ полковники, а здѣсь Тотлебенъ такъ въ два года изъ подполковниковъ въ генералы. Ну, а убьютъ, такъ что же дѣлать“...

— „Вотъ ты какой! сказалъ братъ улыбаясь“.

— „А, главное, знаешь ли что братъ? сказалъ меньшей, улыбаясь и краснѣя, какъ будто собирался сказать что-нибудь очень стыдное:—*все это пустяки, я затѣмъ просился, что все-таки какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ умираютъ за отечество*“.

Конечно, только такой мастеръ, какъ Толстой, могъ отгнѣнить съ такою тонкостью и изяществомъ эту черту стыдливаго юношескаго героизма, простаго и простодушнаго—но, безъ сомнѣнія, никакой въ мірѣ художникъ не могъ бы уже найти этой черты въ героѣ Гаршина, уныло идущемъ на войну по какому-то смутному и неопредѣленному чувству. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что у Володи непосредственное чувство чисто и свѣжо, а у героевъ Гаршина оно уже извращено, атрофировано и занесено всякимъ хламомъ и соромъ.

Я не буду останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ душевной

*

драмы Володи: его наивной робости, неувѣренности въ себѣ, боязни передъ предстоящей близкою опасностью, но приведу здѣсь сцену, заключающую эту его душевную борьбу.

... „Но вдругъ ему пришла мысль, что прилетитъ бомба, пробьетъ крышу и убьетъ его; надъ самою его головой слышались шаги батарейнаго командира“.

„Впрочемъ, если и прилетитъ, подумалъ онъ, то прежде убьетъ наверху, а потомъ меня.—По крайней мѣрѣ, не меня одного“. Эта мысль успокоила его немного; онъ сталъ было засыпать. „Ну, что, если вдругъ ночью возьмутъ Севастополь, и французы ворвутся сюда? Чѣмъ я буду защищаться?“ Онъ опять всталъ и походилъ по комнатѣ. Страхъ дѣйствительной опасности подавилъ таинственный страхъ мрака. Кромѣ сѣдла и самовара въ комнатѣ ничего твердаго не было. „Я подлець, я трусь, мерзкій трусъ!“ вдругъ подумалъ онъ и снова перешелъ къ тяжкому чувству презрѣнія, отвращенія даже къ самому себѣ. Онъ снова легъ и старался не думать. Тогда впечатлѣнія дня невольно возникли въ воображеніи, при непрерывающихся звукахъ, заставляющихъ дрожать стекла въ единственномъ окнѣ, и снова напоминали объ опасности: то ему грезились раненые и кровь, то бомбы и осколки, которые влетаютъ въ комнату, то хорошенькая сестра милосердія, дѣлающая ему, умирающему, перевязку и плачущая надъ нимъ, то мать его, провожающая его въ уѣздномъ городѣ и горячо, со слезами, молящаяся передъ чудотворной иконой, и снова сонъ кажется ему невозможнымъ. Но вдругъ мысль о Богѣ всемогущемъ, Который все можетъ сдѣлать и услышитъ всякую молитву, ясно пришла ему въ голову. Онъ сталъ на колѣни, перекрестился и сложилъ руки такъ, какъ его въ дѣтствѣ еще учили молиться. Этотъ жестъ вдругъ перенесъ его къ давно забытому, отрадному чувству“.

„Если нужно умереть, нужно, чтобы меня не было, сдѣлай это, Господи, — подумалъ онъ, — поскорѣй сдѣлай это!.. Но если нужна храбрость, нужна твердость, которыхъ у меня нѣтъ, дай мнѣ ихъ, избави отъ стыда и позора, которыхъ я не могу перенести, но научи, что мнѣ дѣлать, чтобы исполнить Твою волю“.

„Дѣтская запуганная, ограниченная душа вдругъ возмужала, просвѣтлѣла и увидѣла новые, обширные, свѣтлые горизонты. Много еще передумалъ и переживалъ онъ въ то короткое время, когда продолжалось это чувство; онъ заснулъ скоро, покойно и безопасно, подъ звуки продолжавшагося гула

бомбандированія и дрожанія стеколъ“. И вотъ мы видимъ того же Володю въ дѣлѣ, на бастионѣ, среди непрерывнаго визга непріятельскихъ пуль, среди непрерывнаго грохота орудій.

„Володя былъ въ чрезвычайномъ восторгѣ, ему не приходила мысль объ опасности. Радость, что онъ исполняетъ свою обязанность, что онъ не только не трусь, но даже храбръ, чувство командованія и присутствія двадцати человекъ, которые, онъ зналъ, съ любопытствомъ смотрѣли на него, сдѣлали изъ него совершеннаго молодца. Онъ даже тщеславился своею храбростью, франтилъ передъ солдатами, влѣзалъ на банкетъ и нарочно разстегнулъ шинель, чтобы его замѣтнѣе было. Начальникъ бастиона, обходившій въ это время свое хозяйство, какъ онъ выражался, какъ ни привыкъ въ восемь мѣсяцевъ ко всѣмъ родамъ храбрости, не могъ не полюбоваться на этого хорошенькаго мальчика, въ разстегнутой шинели, изъ-подъ которой видна была красная рубашка, обхватывающая бѣлую, нѣжную шею, съ разгорѣвшимся лицомъ и глазами, похлопывающаго руками, звонкимъ голосомъ командующаго: „второе, первое!“ и весело вбѣгающаго на брустверъ, чтобы посмотрѣть, куда падетъ его бомба“.

Весь рассказъ гр. Толстаго, какъ и приведенные отрывки, проникнутъ радостнымъ, свѣтлымъ чувствомъ, чувствомъ освобожденной отъ земной суеты души—весь онъ такъ же проникнутъ колоритомъ просвѣтленной, осмысленной грусти. И какимъ сѣрымъ, страннымъ пятномъ являлась бы на фонѣ этого рассказа унылая и безсильная фигура какого-нибудь героя изъ рассказа Гаршина... Посмотрите, какою безсильною, какою безцвѣтною представляется душевная жизнь обыкновеннаго молодого человека изъ рассказовъ Гаршина, сравнительно съ душевною жизнью Володи. Въ рассказѣ *Трусъ*—герой его, въ концѣ концовъ, оказывается храбрымъ, но какая это унылая, безцвѣтная храбрость. Мы почти не видали душевной жизни и душевной борьбы героевъ изъ рассказовъ Гаршина, но если бы такой же мастеръ, какъ Толстой, взялся бы за этихъ героевъ, обнаружилъ бы передъ нами ихъ душу—то, конечно, въ этой душѣ онъ не нашелъ бы того, что нашелъ въ душѣ своего Володи. Въ душѣ ихъ, тоже „запуганной“, тоже „ограниченной“, нѣтъ уже того чувства, которое заставило душу Володи вдругъ „возмужать, просвѣтлѣть и увидеть новыя, обширныя, свѣтлыя горизонты“—это чувство вытравлено изъ души этихъ героевъ, и въ этомъ все дѣло, и въ этомъ все объясненіе ихъ вѣчной, не ведущей ни къ чему мелочной ре-

флексіи. У Володи, душевная жизнь котораго не испорчена, не отравлена, не надорвана, всѣ вѣковѣчные вопросы разрѣшены помимо его ума, въ его чувствѣ, и разрѣшены крѣпко, разъ навсегда, хотя, вѣроятно, онъ самъ бы не могъ себя отдать отчета въ этихъ рѣшеніяхъ; у героевъ Гаршина, у которыхъ чувство уже надорвано, эти вопросы лишь праздно раздражаютъ ихъ мысль, приводятъ къ безвыходному унынію и не къ возрожденію, не къ просвѣтлѣнію, не къ расширенію, а къ ослабленію всѣхъ душевныхъ силъ. Дѣло въ томъ, что когда вѣковѣчные вопросы возбуждаютъ рефлексію въ людяхъ сильнаго ума, мы присутствуемъ при явленіи трагическомъ, что бы ни случилось, выйдетъ ли сильный человѣкъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ; но когда зараза времени возбуждаетъ эту рефлексію въ людяхъ маленькихъ, мы присутствуемъ при явленіи комическомъ и жалкомъ, а результатомъ ея всегда является моральная и умственная анемія. На нашихъ глазахъ, благодаря разложенію стараго строя жизни, мы видѣли и до сихъ поръ видимъ, какъ эта нравственная и умственная анемія широко охватила нашу молодежь, отражаясь явленіями жалкими и печальными...

Таковъ печальный результатъ для нашего времени, получившійся отъ сравненія, которое мы сдѣлали между обыкновеннымъ молодымъ человѣкомъ дореформеннымъ и теперешнимъ. Тамъ—жизнь, нравственное здоровье, крѣпкое чувство, возвышающее душу,—здѣсь безжизненность, моральная болѣзнь, извращенное, больное чувство, мелочная рефлексія, ослабляющая душу, приводящая къ вѣчной лжи передъ самимъ собой, къ вѣчному уклоненію отъ жизни и ея суровыхъ запросовъ...

III.

Особенно яркое подтвержденіе всему сказанному мы найдемъ въ разсказѣ Гаршина *Красный цѣттокъ*.

Герой этого разсказа—сумасшедшій, только-что заключенный въ домъ умалишенныхъ—но, очевидно, это все тотъ же герой, котораго мы уже знаемъ. Описаны только нѣсколько сутокъ его заключенія, впродолженіи которыхъ онъ, сломленный внутренними терзаніями, умираетъ.

Но лучше предоставимъ говорить самому автору. Вотъ какъ описываетъ онъ внутреннее состояніе своего героя:

„Его состояніе было странною смѣсью правильныхъ сужденій и нелѣпостей. Онъ понималъ, что вокругъ него всѣ больные, но, въ то же время, въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ какое-

нибудь тайно скрывающееся или скрытое лицо, которое онъ зналъ прежде, или о которомъ читалъ и слыжалъ. Больница была населена людьми всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Тутъ были и живые и мертвые. Тутъ были знатные и сильные міра, и солдаты, убитые въ послѣднюю войну и воскресіе. Онъ видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ, заколдованномъ кругѣ, собравшемъ въ себѣ всю силу земли, и въ *юрделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга*. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему *итантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія*“.

Наконецъ онъ узналъ, въ чемъ будетъ состоять это дѣло—безумный бредъ скоро подсказалъ рѣшеніе. Въ больничномъ саду онъ замѣтилъ три красныя цвѣтка мака.

„При первомъ взглядѣ сквозь стеклянную дверь,—читаемъ мы въ рассказѣ,—алые лепестки привлекли его вниманіе, и ему показалось, что съ этой минуты онъ постигъ, что именно долженъ онъ совершить на землѣ. Въ этотъ яркій красныя цвѣтъ собралось все зло міра“.

„Надо было сорвать его и убить, но этого мало. Цвѣтокъ могъ при надыханіи своемъ излить все зло свое въ міръ. Поэтому-то онъ (сорвавши) и спряталъ его у себя на груди. Онъ надѣялся, что къ утру цвѣтокъ потеряетъ всю свою силу. Его зло перейдетъ въ его грудь, въ его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдितъ—тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ *честный боецъ и какъ первый боецъ человечества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться со всѣмъ зломъ міра*“.

И вотъ онъ сорвалъ всѣ три цвѣтка, но, не выдержавши напряженія—умеръ. Уже изъ подчеркнутыхъ мною въ выпискахъ изъ рассказа строкъ читатель видитъ, что „если это безуміе, то это безуміе систематическое“, какъ говоритъ Полоній въ Гамлетѣ: это то самое „безуміе“, которое еще такъ недавно захватило широкую полосу нашей молодежи. Въ рассказѣ намѣчено дѣло „мрачное, фантастическое, нашего времени дѣло, когда питуется, что „кровь освѣжаетъ“, когда *помутилось сердце человеческое*“. Вотъ одно изъ такихъ помутившихся сердецъ и пытается изобразить Гаршинъ. Что же это за сердце? Отчего оно помутилось? На эти вопросы мы не находимъ отвѣта у автора—попробуемъ найти этотъ отвѣтъ сами.

Страшное, тяжелое время пережили мы какъ разъ передъ тѣмъ, когда появился рассказъ Гаршина—время убійствъ и казней, время общей спутанности мыслей, чувствъ и понятій, болѣе—время почти всеобщей паники ума и чувства. Запуганный умъ, подавленное чувство съ ужасомъ отступали передъ развернувшееся картиной. Немногіе могли уловить среди этой сумятицы глубокия причины совершающихся фактовъ, немногіе могли увидѣть въ нихъ послѣдовательное развитіе историческаго процесса, ту кару исторической Немезиды, которая обрушилась на насъ за историческіе грѣхи наши. Появились жестокіе, ограниченные и угрюмые фанатики, написавшіе на своемъ знамени лозунгъ борьбы *со всемъ зломъ міра*—лозунгъ, отравившійся кровью и злодѣяніемъ—кровью, пролитою, какъ утверждали жестокіе фанатики, во имя *любви*, злодѣйствами, совершенными во имя счастья рода человѣческаго... Пренебрегая своею жизнью, они ни во что ставили чужую—и въ этомъ пренебреженіи ими своею жизнью многіе хотѣли видѣть признакъ подвига и героизма. Людямъ съ шаткимъ умомъ, съ малодушнымъ сердцемъ, съ извращеннымъ чувствомъ, неясно различающимъ добро и зло, начало казаться, что во имя *любви* можно играть *чужою* жизнью, проливать *чужую* кровь; что на это *имѣютъ право* люди, ни во что не ставящіе свою жизнь... Упускали изъ виду, что истинные герои и мученики высоко цѣнили жизнь человѣческую вообще; что поэтому, отдавая *свою* жизнь во имя высшихъ запросовъ души, они никогда не посягали на чужую жизнь, никогда не осмѣливались „своимъ судомъ судить“... Упускали изъ виду, что во имя любви нельзя бороться со зломъ посредствомъ зла же, потому что *любовь*, говоря словами апостола, „долго терпитъ, милосердствуетъ. Любовь не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ даже своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ. Она все покрываетъ, всему вѣритъ, на все надѣется, все переноситъ“.

Я привелъ это опредѣленіе любви, сдѣланное апостоломъ, столь ясное, понятное и отчетливое, что даже индифферентисты и невѣрующіе, если они захотятъ остаться добросовѣстными, ничего не возразятъ противъ его правильности. Несомнѣнно, что въ подвигахъ нашихъ фанатиковъ не могло быть и тѣни такой любви. Что же затемнило для людей шаткаго ума, для людей малодушныхъ, столь ясное дѣло? Затемнила его вся обстановка высокихъ цѣлей, великихъ словъ, безкорыстнаго самопожертвованія. Какъ, у людей, жертвующихъ положеніемъ

въ обществѣ, имуществомъ, самыми интимными своими чувствами и привязанностями, наконецъ, самою жизнью—у такихъ людей нѣтъ любви? Но развѣ возможны безъ любви такія жертвы?

Эти и подобныя возраженія и разсужденія казались доказательными. Не хотѣли, не могли понять сущности дѣла, такъ прекрасно разъясненной тѣмъ же апостоломъ, сказавшимъ: „если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая и кимваль бряцающій“. И далѣе: „если я раздамъ все мое имѣніе и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“. Какъ видите, апостоль мудро пояснилъ, что можно и имущество раздать и даже тѣло свое отдать на растерзаніе—и все же не имѣть любви — пояснилъ самую глубочайшую сущность любви...

Но малодушные люди съ шаткимъ умомъ не поняли этого, яснаго какъ день, и запутались въ своемъ собственномъ внутреннемъ противорѣчii. Сочувствуя лозунгу, провозглашенному во имя любви, подавленные въ то же время ужасомъ злодѣйскихъ дѣяній, приписывая своему безсилію, а не тому нравственному началу, которое безсознательно все еще жило въ нихъ, невозможность *для себя* бороться злодѣйскими средствами, они становились въ невозможное положеніе вѣчныхъ нравственныхъ терзаній, вѣчной раздвоенности, вѣчнаго протеста безъ основнаго страданія безъ исхода, жажды безъ удовлетворенія. Все это еще усиливалось теоретическимъ раздраженіемъ сердца, книжными мечтами, оторванностью отъ живой жизни, неумѣніемъ уловить въ этой жизни то идеальное начало, которое даетъ ей смыслъ и значеніе, наконецъ, раздраженнымъ тщеславіемъ, толкавшимъ на роль *перваго бойца человечества*.

Такимъ образомъ являлась необходимость разрѣшить неразрѣшимую задачу: какъ безъ злодѣйства, *во имя любви*, сразу уничтожить все зло въ мірѣ или, скорѣе, то, что казалось зломъ людямъ малодушнымъ и съ шаткимъ умомъ.

Разрѣшить такую задачу можно было, конечно, только среди галлюцинаціи и безумнаго бреда—и герой разсказа Гаршина разрѣшилъ ее, сорвавши „красный цвѣтокъ“...

Какъ всегда, Гаршинъ и въ этомъ разсказѣ, лишь намекнулъ на болѣзненные проявленія души своего героя, а не *показалъ* намъ эту душу. Но смыслъ дѣла все-таки, какъ видите, можно было выяснить. Этимъ разсказомъ, галлюцинаціей и бредомъ, очевидно, *въ идеѣ*, такъ сказать, заканчивается

судьба всегдашняго героя разказовъ Гаршина — маленькаго человѣка съ большою претензіей, съ извращеннымъ чувствомъ и съ затемненнымъ умомъ. Будемъ надѣяться, что, переживши этотъ странный періодъ галлюцинаціи и бреда, мы освобождаемся отъ нихъ и никогда къ нимъ не вернемся; будемъ надѣяться, что маленький человѣкъ, подъ вліяніемъ иныхъ вѣяній, снова воротитъ себѣ утраченный здравый смыслъ, утраченное имъ здоровое чувство, будемъ надѣяться, что исчезающіе мало по малу призраки вовсе исчезнутъ, а настоящая, живая жизнь, суровая, но здоровая — снова вступитъ въ свои права...

Въ заключеніе—два слова о самомъ Гаршинѣ. Я уже замѣтилъ, что онъ шире и глубже своихъ героевъ. Но онъ, какъ и многіе русскіе молодые люди семидесятыхъ годовъ, со всѣмъ міромъ не имѣлъ никакихъ кровныхъ, органическихъ связей. Если была у нихъ связь съ чѣмъ-нибудь, то развѣ отвлеченная, а слѣдовательно безжизненная. Русскій молодой человѣкъ того времени былъ оторванъ рѣшительно отъ всего, былъ до ужаса одинокъ нравственно. Увлекаясь европейскими доктринами, онъ, въ то же время, былъ чуждъ и Европѣ, съ нею у него не было кровной связи, онъ былъ чуждъ ея духу, ея интересамъ, чуждъ всей ея жизни. Сочувствіями къ Европѣ, къ ея стремленіямъ, къ ея идеаламъ, онъ, самъ того не замѣчая, лишь *механически* старался наполнить свое опустошенное сердце, свою опустошенную душу, и, конечно, *механическое* наполненіе этой пустоты вело только къ явленіямъ болѣзненнымъ, къ теоретическому раздраженію чувства, а не къ примиренію, не къ умиротворенію. Это было все равно, какъ еслибы въ зіяющую рану влили вмѣсто цѣлительнаго, умѣряющаго боль бальзама какое-нибудь раздражающее вещество, лишь бы наполнить пустоту. Но такой русскій молодой человѣкъ точно такъ же былъ оторванъ и отъ Россіи. У него была только инстинктивная любовь къ своей родинѣ, но было мало общаго съ Россіей. Все, чѣмъ полна, чѣмъ жива душа народная, было вытравлено изъ его души „вѣяніями времени“, и, любя свою родину, онъ не зналъ ее, а потому не могъ сочувствовать ея духовнымъ нуждамъ, не могъ раздѣлять чувствъ своего народа. Таковъ былъ и Гаршинъ, отразившій въ своихъ произведеніяхъ чувства и мысли своего поколѣнія—унылыя, больныя и безсильныя.

Ю. ЕЛАГИНЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкахъ. Сочиненіе В. Якушкина. Выпускъ первый. XVIII Пред. VIII-204 стр. Прилож. 150 стр. Москва 1890 г.

Названная книга магистерская диссертация, а авторъ ея, доцентъ Московскаго университета, взялся, на основаніи Полнаго Собранія Законовъ, изслѣдовать, начиная съ прошлаго вѣка, характеръ и развитіе нашей поземельной политики, на сколько она выразилась въ нашемъ законодательствѣ. Выполненіе этой задачи требовало преимущественно, если не исключительно, разработки матеріала по этому предмету, содержащагося въ Полномъ Собраніи Законовъ, что онъ и сдѣлалъ. Впрочемъ, какъ видно изъ приложений къ первому выпуску изслѣдованія г. Якушкина, онъ пользовался также и архивными документами, находившимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи—именно указами Вотчиннаго Архива (Указными Книгами) и указами Сената, а также указами Коллегіи Экономіи и ея журналами. Извлеченія изъ этихъ матеріаловъ занимаютъ 150 стр. приложений къ настоящему выпуску, хотя, по словамъ самого автора, этотъ архивный матеріалъ *„не вноситъ никакихъ существенныхъ измѣненій* въ общее изображеніе нашей поземельной политики, какъ оно дается въ Полномъ Собраніи Законовъ“. Понятію поземельной политики авторъ придаетъ широкій объемъ, включивъ въ него не только отношенія правительства къ распредѣленію поземельной собственности между классами населенія, но и всѣ мѣропріятія, касающіяся правъ пользованія и распоряженія недвижимымъ имуществомъ ча-

стныхъ лицъ вообще (гл. I). Вслѣдствіе такой постановки вопроса, книга г. Якушкина, т. е. настоящій выпускъ его изслѣдованія, раздѣлена на двѣ части: въ первой разсматриваются ограниченія и стѣсненія, которымъ подвергалось въ XVIII вѣкѣ частное землевладѣніе въ интересахъ государства, а во второй—разбирается вопросъ о поземельномъ надѣлѣ. Первая часть (гл. II—VIII) разсматриваетъ разные виды существовавшего, въ XVIII вѣкѣ, ограниченія частныхъ землевладѣльцевъ въ пользованіи лѣсами, ископаемыми богатствами и иными статьями земельного хозяйства. Въ этой же первой части своего труда авторъ перечисляетъ виды *условнаго* землевладѣнія. Эти различные виды условнаго землевладѣнія отчасти были унаслѣдованы и перешли въ XVIII вѣкъ отъ прошлаго времени, отчасти же были созданы, въ этомъ вѣкѣ, правительственной властью, въ видахъ новыхъ нуждъ и потребностей государства (поссессионное владѣніе, поссессионное право). Этому предмету посвящена VI глава изслѣдованія г. Якушкина, наиболѣе самостоятельная и интересная во всей первой части труда г. Якушкина, который, излагая ограниченія землевладѣльцевъ въ пользованіи правами землевладѣнія, имѣлъ передъ собой извѣстный капитальный трудъ покойнаго Неволлина „Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ“¹⁾, за которымъ онъ весьма благообразно и послѣдовалъ въ своемъ изложеніи. Вопросъ этотъ такъ солидно разработанъ Неволлинымъ, что всякое поползновеніе исправить его взгляды свидѣтельствовало бы лишь о самонадѣянности молодого ученаго и его желаніе во что бы то ни стало заявить оригинальность своихъ взглядовъ. Г. Якушкинъ этого не сдѣлалъ, что мы и ставимъ ему въ нѣкоторую заслугу.

VI глава этой первой части „Условное владѣніе“ (стр. 57—66) имѣетъ болѣе самостоятельное значеніе и представляетъ въ частности и деталяхъ нѣкоторыя новыя указанія, характеризующія нашу государственную политику прошлаго вѣка. „Послѣ окончательнаго утвержденія на Балтійскомъ побережьѣ,—говоритъ г. Якушкинъ,—Петръ I сталъ внимательнѣе заботиться объ экономическомъ развитіи новопріобрѣтеннаго края и прежде всего объ его заселеніи; съ послѣдней цѣлью онъ началъ раздавать помѣстному классу земли въ новомъ край съ обязан-

¹⁾ См. Полное Собраніе Сочиненій К. А. Неволлина, т. IV. „Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ“. С.-Петербургъ 1857 г.

ностью заселить полученный участокъ, перевести на него крестьянъ; и послѣ Петра Великаго дѣло продолжалось, но вкравшіяся злоупотребленія заставили правительство остановить такой способъ заселенія“ (стр. 58).

Въ 1712 году Петръ издалъ два указа о заселеніи Ингерманландіи. Въ первомъ изъ нихъ опредѣляются размѣры подворнаго надѣла и отношеніе разнаго рода земель для ихъ сдабриванія при уравниеніи участковъ. (П. С. З. 1712 г. іюня 3 дня № 2.536). Черезъ три дня былъ изданъ другой указъ, повторявшій почти всё распоряженія перваго и болѣе подробно опредѣлявшій самый порядокъ раздачи участковъ. Этимъ вторымъ указомъ предписано: кромѣ земель, вятыхъ къ дому Царя и Царицы и данныхъ Невскому Монастырю, въ Ингерманландіи, отдавать, по описи Манукова 1711 года — свѣтлѣйшему князю, на 1.000 дворовъ, въ которыхъ мѣстахъ взять похочеть, а прочемъ, по статьямъ, отъ 500 до 50 четвертей въ полѣ, въ двухъ потому жъ; а крестьянъ поселять на 100 четвертей 10 дворовъ. „А давать земли въ дачу всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, по числу крестьянъ и бобыльскихъ дворовъ,—за кѣмъ 700 дворовъ и выше, тѣмъ первая статья“ и т. д. А за кѣмъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ нѣтъ, а похотятъ имѣть дачи и крестьянъ селить и тѣмъ давать дачи противъ новоуказной меньшей статьи (П. С. З. 1712 г. іюня 6 № 2540). Назначивъ ровданную въ Ингерманландіи землю для заселенія, правительство слѣдило, чтобы это условіе раздачи было исполнено; въ 1713 году было указано: кто на пожалованной землѣ поселилъ меньше дворовъ, чѣмъ сколько слѣдовало, по размѣрамъ полученнаго участка, тѣмъ дается еще три года срока, а послѣ этого въ случаѣ недостаточнаго все-таки заселенія, земля должна быть отобрана. Въ 1715 г. вмѣстѣ съ подтвержденіемъ о раздачѣ въ Ингерманландіи участковъ для заселенія, объяснено, что *данныя*, т. е. окончательные документы на такіе участки, могутъ быть получены только послѣ *дѣйствительнаго заселенія каждаго участка* ¹⁾. Въ 1719 г. Петръ, для упорядоченія дѣла этой раздачи, передалъ ее въ владѣніе Юстицъ-Коллегіи.

При преемникахъ Петра раздача земель въ Ингерманландіи, для заселенія и при томъ подъ поселенія „*русскими крестьянами*“, продолжалась, хотя правительственная политика уже не

¹⁾ П. С. З. №№ 2743, 2923.

проявляла прежней твердости и послѣдовательности въ проведеніи государственныхъ цѣлей, намѣченныхъ Петромъ, и менѣе заботилась о *націонализациі крестьянской земли*. Кромѣ того были допущены многія злоупотребленія, въ явный ущербъ для государства. Въ 1740 году состоялся указъ императрицы Анны Ивановны, конимъ было предписано учредить комиссію, въ которой разсмотрѣть о всѣхъ розданныхъ помѣщикамъ и прочимъ чиновъ людямъ, въ Ингерманландіи, въ Петербургскомъ, Ямбургскомъ и прочимъ уѣздахъ, а равно и въ Выборгскомъ—мызахъ и малыхъ деревняхъ и земляхъ, кто на сколько дворовъ подъ поселеніе русскими билъ челомъ и кому именно по какимъ указамъ сколько дано земли... Назначеннымъ въ эту комиссію членамъ было приказано начать тое комиссію немедленно... и чтобъ она, комиссія, могла окончена быть въ самой скорости и разсмотря о вышеописанномъ сочинить вѣдомость и подать въ кабинетъ императрицы (П. С. З. 1740 г. № 8028). При Елизаветѣ велѣдствіе многихъ злоупотребленій раздача земель прежнимъ порядкомъ въ Ингерманландіи временно пріостановлена, и затребована вновь вѣдомость о розданныхъ земляхъ, при чемъ было указано, что земли могутъ раздаваться не иначе, какъ по указамъ Сената. Въ 1748 г. повелѣно было изъ розданныхъ въ Ингерманландіи земель отнимать тѣ, которыя были даны неправильно *для владѣнія*, такъ какъ, по Высочайшимъ указамъ, онѣ могли раздаваться лишь для заселенія крестьянами, а не для владѣнія (П. С. З. № 9471).

При Екатеринѣ II возобновилась раздача участковъ земли въ Ингерманландіи, для заселенія, но уже не русскими крестьянами, а иностранными колонистами. Если въ теченіе десяти лѣтъ эти участки не были заселены, ихъ отбирали, со вниманіемъ за владѣніе землей и за порубку лѣса (П. С. З. № 12503).

Далѣе авторъ излагаетъ другіе виды условнаго владѣнія, извѣстные нашему законодательству XVIII вѣка (отводъ земли подъ дворы, подъ солянныя амбары, подъ лавки и т. д.); все это—говоритъ онъ,—были владѣнія, обусловленныя извѣстнымъ назначеніемъ. Характеръ такихъ отводовъ опредѣленъ въ одномъ изъ указовъ Екатерины II. Въ 1782 году велѣно въ Петербургѣ на рынкахъ отвести для лавокъ купцамъ, преимущественно малоимущимъ, начиная съ 3-ей гильдіи, но никому не отводить болѣе одного мѣста; „учиненный полиціей отводъ мѣстъ подъ лавки“,—говорится далѣе въ указѣ,—не можемъ мы

почитать за право къ вѣчному и потомственному владѣнію, а потому у тѣхъ, кто не исполнить условій, на которыхъ отданы участки, именно не выстроить каменной лавки, участки отбирать и отдавать другимъ“ (П. С. З. №№ 15451 и 15576). Отводъ мѣстъ, подъ извѣстнымъ условіемъ, встрѣчается въ законодательныхъ актахъ и конца вѣка; такъ, въ 1797 году въ Москвѣ были отводимы мѣста, по Яузѣ, подъ условіемъ завести сады, кромѣ того отводились земельные участки для рудокопанія, къ мучнымъ и пильнымъ мельницамъ, а также къ кирпичнымъ заводамъ. Такимъ образомъ сложился особый видъ условнаго землевладѣнія, получившій названіе *поссеціонана*, образовалось поссеціонное право. Общее основаніе этому праву было положено указомъ 1721 г., въ которомъ объяснялось: позволяется симъ нашимъ указомъ... къ... заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія Бергъ-и-Мануфактуръ Коллегіи токмо подъ такой кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно (П. С. З. № 3711). Это право подвергалось разнымъ измѣненіямъ, то развивалось, то сокращалось, но все-таки оно перешло въ XIX вѣкъ и было уже отмѣнено при Александрѣ I. Самыя же поссеціонныя имѣнія продолжали существовать, какъ во время отмѣны права новыхъ покупокъ (при Екатеринѣ II), такъ и послѣ окончательнаго уничтоженія этого права.

Г. Якушкинъ настаиваетъ, что правительство тщательно слѣдило за поссеціями, къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ приписанными, и предписывало (напр. какъ это видно изъ указа 1797 года) повсемѣстно производить свидѣтельство казенныхъ земель и прочихъ поссецій, „точно ли они употребляются для тѣхъ надобностей, которыя къ непремѣнному и дѣйствительному существованію заводовъ и фабрикъ необходимы и для которыхъ они къ нимъ приписаны“. Такимъ образомъ авторомъ представленъ довольно полный и обстоятельный очеркъ законодательныхъ распоряженій касательно поссеціоннаго владѣнія, хотя конечно для болѣе точнаго и яснаго представленія объ этомъ предметѣ весьма бы желательно было имѣть свѣдѣнія о примѣненіи на практикѣ этихъ законовъ. къ какимъ результатамъ они привели, напр. было ли дѣйствительно произведено повсемѣстное свидѣтельство казенныхъ земель и прочихъ поссецій, приписанныхъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ, какъ то было указано закономъ 1797 г.

и что обнаружилось при этомъ освидѣтельствovaniи, если оно было въ самомъ дѣлѣ произведено.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, нѣкоторымъ армянамъ и французамъ (напр. купцу Буссеролю) отводились земли въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, для разведенія шелководныхъ садовъ.

Можно усомниться, существовали ли когда въ дѣйствительности въ этихъ губерніяхъ тутовныя плантаціи, на отведенныхъ вышеозначеннымъ лицамъ земляхъ, по крайней мѣрѣ въ Саратовской губерніи отъ нихъ не осталось не только слѣда, но и воспоминаній, въ памяти народной и въ разказахъ старожилловъ.

Вторая и такъ сказать главная часть перваго выпуска изслѣдованія г. Якушкина посвящена поземельному надѣлу. Она состоитъ изъ семи главъ (Надѣлъ Служилый. Разныхъ службъ служилые люди. Надѣлъ городовъ. Госуд. поселяне. Помѣщичьи крестьяне. Теоретическая постановка вопроса, и заключеніе или общій обзоръ нашей поземельной политики). Она отличается большей оригинальностью и самостоятельностью какъ въ выводахъ, такъ и въ постановкѣ вопроса. Авторъ придаетъ понятію поземельнаго надѣла весьма широкое и нѣсколько произвольное значеніе. Въ его представленіи равномерный поземельный надѣлъ служилъ заботой Московскаго правительства и въ то отдаленное время, когда слагалась помѣстная система и служилые люди обезпечивались земельными участками „за службу и для службы“. Поземельный надѣлъ въ первомъ своемъ видѣ, по мнѣнію г. Якушкина, такимъ образомъ былъ *служилымъ*. Когда же помѣстная система пала и правительство начало обезпечивать свою военную силу не прямо землями, а деньгами, шедшими съ податныхъ земель и людей, тогда прежняя забота, при помѣстной системѣ, о служиломъ поземельномъ надѣлѣ замѣнилась, при новой денежной системѣ, заботой о крестьянскомъ поземельномъ надѣлѣ: и та и другая забота—одинаковаго происхожденія и значенія (стр. 96).

Этимъ взглядомъ г. Якушкина опредѣляется все содержаніе второй части его труда, т. е. настоящаго перваго выпуска, но такое широкое обобщеніе нашей государственной поземельной политики, сливающее въ одно понятіе служилый надѣлъ съ крестьянскимъ и надѣлъ государственныхъ крестьянъ съ надѣломъ помѣщичьихъ,—является во всякомъ случаѣ нѣ-

сколько натянутымъ и произвольнымъ. Автору можно возразить и при томъ съ весьма полновѣсными фактами въ рукахъ, что наша правительственная система въ XVIII относилась весьма различно къ дѣлу обезпеченія крестьянъ, на земляхъ казенныхъ и помѣщичьихъ; относительно послѣднихъ, какъ не безъ основанія замѣтилъ вышеуказанный критикъ, единственной политикой правительства, исключая можетъ быть послѣдніе годы столѣтія, была политика полнѣйшаго невмѣшательства.

Что же касается надѣла крестьянъ на государственныхъ земляхъ, то въ отношеніи къ нимъ правительственная дѣятельность главнымъ образомъ руководилась широкимъ проведеніемъ вотчинныхъ правъ государства въ сферѣ казеннаго хозяйства.

Взглядъ автора на поземельный надѣлъ т. е. слишкомъ широкое его обобщеніе настойчиво проведено во всей второй части труда г. Якушкина. Исходя изъ этого руководящаго положенія, онъ послѣдовательно знакомитъ читателя съ отношеніемъ правительства сначала къ надѣлу служилыхъ людей (гл. IX и X), затѣмъ къ надѣлу городовъ (гл. XI), къ надѣлу государственныхъ поселенъ (гл. XII) и наконецъ помѣщичьихъ крестьянъ (гл. XIII). Въ концѣ изслѣдованія авторъ даетъ обзоръ взглядовъ на поземельный вопросъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ прошлаго вѣка (гл. XIV) и затѣмъ заключаетъ настоящій выпускъ своего изслѣдованія изложеніемъ своихъ общихъ выводовъ. По мнѣнію автора, господство государственнаго интереса надъ свободой частнаго землевладѣнія смѣнилось, при Екатеринѣ II, признаніемъ безусловности этого послѣдняго. „Екатерининское законодательство“,—говоритъ г. Якушкинъ,—„вводитъ у насъ понятіе о полномъ правѣ собственности (стр. 201). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, государство не отказалось въ принципѣ отъ своего верховнаго права ограничивать для своихъ цѣлей частновладѣльческія права“ (стр. 202). Въ своихъ финансовыхъ интересахъ, оно, въ XVIII вѣкѣ, создало и разработало „законодательный принципъ крестьянскаго надѣла“ и передало его XIX вѣку. Настоящій выпускъ изслѣдованія г. Якушкина представляетъ какъ бы обширное введеніе къ его главной задачѣ—разработкѣ нашей поземельной политики, выразившейся въ Положеніи 19 февраля 1861 года. Попытки установить историческую связь между нѣкоторыми принципами крестьянской реформы 1861 года и нашимъ законодательствомъ прош-

лаго вѣка не лишены интереса. Усиленное желаніе автора провести историческое начало ограниченія частнаго землевладѣнія, ради государственныхъ цѣлей и интересовъ, именно для обезпеченія крестьянскаго надѣла, по словамъ г. Якушкина, законодательнаго принципа, завѣщаннаго намъ нашимъ историческимъ прошлымъ, однако, не лишено очевидныхъ натяжекъ. Задавшись этой мыслью, нашъ молодой ученый обнаруживаетъ нѣкоторую склонность гнуть факты и законодательные акты, подводя ихъ подъ эту предвзятую теорію. Можно пожелать, чтобы авторъ, продолжая свои изслѣдованія, по исторіи нашей поземельной политики, держался объективнаго, научнаго метода и оставался историческимъ изслѣдователемъ, не слишкомъ увлекаясь мишурными лаврами бьющаго на популярность публициста. Нѣкоторые критики направляютъ автора на путь тенденціознаго отношенія къ изслѣдуемымъ имъ вопросамъ нашей государственной политики, издѣваясь надъ наивнымъ восхваленіемъ въ его книгѣ поземельной политики государства въ прошедшемъ. Но тенденціозное отношеніе къ предметамъ научнаго содержанія всегда только вредитъ достоинству этихъ послѣднихъ.

II.

Любеке.—Иллюстрированная исторія искусствъ.—Архитектура, скульптура, живопись, музыка.—Съ 140 рисунками и портретами композиторовъ XIX вѣка.—Второе дополненное изданіе перевода Ө. Булгакова.—Петербургъ.—Изданіе А. С. Суворина.

Въ свое время мы уже познакомили читателей нашего журнала съ первыми изданіями этой интересной и полезной книги. Книги, подобныя этой, важны для нашего общества уже въ томъ отношеніи, что, какъ совершенно справедливо говоритъ переводчикъ, искусству принадлежитъ важная воспитательная роль, ибо „оно развиваетъ и изошряетъ прирожденное каждому чувство красоты, внушаетъ любовь къ великимъ и свѣтлымъ идеямъ, научаетъ вѣрить въ идеалы, добро и правду. Неудивительно поэтому, что въ Германіи исторія изящныхъ искусствъ внесена даже въ учебную программу, въ Англійи школы въ изобиліи снабжаются пособіями въ видахъ художественнаго развитія учащихся, во Франціи возможно-широкое популяр-

зированіе искусства служить предметомъ живѣйшихъ заботъ правительства.

Въ книгѣ Любке, несмотря на сравнительно незначительный объемъ, составляющій, по нашему мнѣнію, даже удобство сравнительно съ тяжелыми и пространными монографіями, разсмотрѣна дѣятельность болѣе пятисотъ художниковъ и композиторовъ, и отмѣчены всѣ главнѣйшія теченія въ исторіи искусствъ съ древнихъ временъ и до нашихъ дней. Сравнительно съ первымъ изданіемъ, въ ней сдѣланы слѣдующія дополненія. Помѣщены свѣдѣнія объ искусствѣ новѣйшаго времени, именно о школахъ французской, бельгійской, голландской и англійской. Кромѣ того переработанъ г. Ивановымъ, извѣстнымъ композиторомъ и музыкальнымъ критикомъ, прекрасно составленный, отдѣлъ музыки, причемъ достаточное мѣсто отведено русскимъ композиторамъ. Этотъ отдѣлъ снабженъ портретами композиторовъ. Издана книга очень изящно, почти роскошно, масса художественно исполненныхъ рисунковъ составляютъ большую помощь при чтеніи, и вообще книга совершенно удовлетворяетъ той цѣли, для которой и издана, т. е. для самообученія и справокъ.

III.

Записки юнкера.—Повѣсть въ двухъ частяхъ. П. Райскаго (псевдонимъ). Петербургъ. 1890 г.

Наши беллетристы рѣдко берутъ темой для своихъ разсказовъ военную жизнь. А между тѣмъ эта жизнь, поневолѣ достаточно замкнутая въ себѣ самой, представляетъ много интереснаго, и вотъ почему, когда появляется произведеніе, рисующее этотъ мало знакомый намъ бытъ, и притомъ рисуемое безъ преувеличеній, безъ прикрасъ, а съ искреннимъ чувствомъ,— это произведеніе невольно обращаетъ на себя вниманіе. Талантливый авторъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ „П. Райскій“, рисуетъ намъ своего героя только за время пребыванія его въ юнкерскомъ училищѣ. Дѣло происходило еще въ шестидесятыхъ годахъ, и самъ герой разсказа, юнкеръ Волковъ, отъ имени котораго ведутся эти записки, признается, что теперъ воспитываютъ иначе. Мы тоже увѣрены въ этомъ, иначе получилось бы очень тяжелое впечатлѣніе. Авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старается сгустить

*

и безъ того уже довольно темныя краски, выдвинуть впередъ и такъ достаточно рельефныя тѣни. Юнкеръ Волковъ, герой записокъ, выставленъ безхарактернымъ, слабымъ юношей, при каждомъ удобномъ случаѣ предающимся самооплакиванію—типъ, мѣтко подмѣченный и къ сожалѣнію довольно у насъ распространенный. Намъ кажется, что герой разказа напрасно подавленъ такой массой несчастій, обрушивающихся на него. Въ книгѣ разсыпано много любопытныхъ бытовыхъ подробностей, рисующихъ интересующую насъ жизнь, картинны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень эффектны, разказъ ведется живо, душевный анализъ героя сдѣланъ рукою прямо художника. Повторяемъ, книга интересная и читается съ удовольствіемъ, специально военнаго мало. Талантъ г. Райскаго надо признать выдающимся.

ПИСЬМА ИЗЪ ГУБЕРНІЙ.

I.

О сельско-хозяйственномъ винокуреніи.

Всякому, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ, хорошо извѣстна затруднительность веденія его, при отсутствіи ка-кого-нибудь подсобнаго техническаго производства, когда при-ходится ограничиваться однимъ хлѣбопашествомъ.

Къ сожалѣнію, число такихъ подсобныхъ производствъ крайне ограничено; изъ нихъ главнѣйшія: винокуренное, свеклосахарное, крахмальное и маслобойное производства, но важнѣе другихъ, по особо полезному своему значенію для сельскаго хозяйства, должно несомнѣнно считаться виноку-реніе. Производство это, по сущности своей, весьма несложно, не требуетъ, подобно сахарному, огромныхъ основныхъ за-тратъ, а между тѣмъ представляетъ сельскому хозяину очень много преимуществъ. Важнѣе всего при этомъ то, что хозяинъ, перекуривая на мѣстѣ урожай своего имѣнія, имѣетъ возмож-ность не отчуждать составныя части почвы, произведшія этотъ урожай, а всецѣло переводить ихъ вновь въ землю, такъ какъ на образованіе спирта, какъ извѣстно, идутъ только составныя части зерна, взятая растеніемъ изъ атмосферы, а именно: крахмалъ, все же остальное, т. е. минеральныя веще-ства (зольныя), а равно и азотистыя, бывшія въ винокуренномъ матеріалѣ, составляютъ остатокъ отъ винокуренія, такъ-назы-ваемую, барду. Последняя, въ особенности при винокуреніи изъ хлѣбныхъ припасовъ, служитъ для скота прекраснымъ добавочнымъ кормомъ. Въ свою очередь, отъ скота получается навозъ, содержащій въ себѣ въ удобоусвояемой формѣ всѣ

составныя части, бывшія въ бардѣ и въ прочемъ кормѣ. Такимъ образомъ, еслибъ не было при этомъ неизбежныхъ потерь, зависящихъ отъ выкормки скота, въ особенности молодого, и другихъ причинъ, винокуренный заводчикъ могъ бы поддерживать, на неопредѣленное время, плодородіе своей земли. При болѣе усиленномъ производствѣ, когда, кромѣ продуктовъ своего урожая, заводчикъ прикупаетъ еще со стороны матеріалъ для винокурения, плодородіе это можетъ быть даже усилено въ значительной степени. Но, помимо этого, винокурение чрезвычайно важно даже тѣмъ, что даетъ возможность хозяину засаживать значительную часть его полей картофелемъ, отчего весьма сильно возрастаетъ доходность имѣнія и облегчается веденіе полеваго хозяйства. При недостаткѣ сѣнныхъ покосовъ, барда даетъ возможность, съ большою пользою, а главное съ удобствомъ, скармливать скотомъ солому и гумennyй кормъ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ, въ зимнее время, для скота прекрасное теплое поило. Изъ этого слѣдуетъ, что, при винокурениі, скотоводство можетъ быть значительно расширено и даже составлять, при благоприятныхъ условіяхъ, выгодную доходную статью.

Результатомъ всего этого оказывается, что, при помощи винокурения, веденіе сельскаго хозяйства значительно облегчается и дѣлается болѣе прибыльнымъ, но, конечно, только при томъ условіи, чтобы винокурение само себя окупало или, по крайней мѣрѣ, не шло въ слишкомъ большой убытокъ; иначе сказать, чтобы получаемыя невыгоды отъ продажи спирта не превышали бы то усиленіе дохода, которое можетъ зависѣть отъ вышеупомянутыхъ преимуществъ, связанныхъ съ винокурениемъ.

Выгоды, представляемыя винокурениемъ сельскому хозяйству, до такой степени очевидны для всякаго и такъ завлекательны, что, не будь особыхъ препятствій къ устройству значительнаго числа винокуренныхъ заводовъ, ихъ бы настроилось несмѣтное количество. Такихъ примѣровъ чрезвычайнаго развитія сельско-хозяйственнаго винокурения, въ той или другой мѣстности, можно бы было привести нѣсколько, какъ въ прошедшемъ времени, такъ и въ настоящемъ.

Преимущественно такое скопленіе заводовъ замѣчалось всегда тамъ, гдѣ наиболѣе процвѣтало сельское хозяйство, а между тѣмъ почва требовала удобренія и, въ то же время, сбытъ вина находился въ благоприятныхъ условіяхъ; во всѣхъ

этихъ случаяхъ преобладало мелкое сельско-хозяйственное винокурение.

Понятно, что при такомъ скопленіи винокуренныхъ заводовъ въ одной мѣстности, отнимается, въ соотвѣтственной степени, возможность у хозяевъ другихъ мѣстностей производить въ ихъ имѣніяхъ винокурение, такъ какъ сбытъ спирта вообще крайне ограниченъ. Но еще большій вредъ, въ экономическомъ отношеніи, приносятъ тѣ заводы, которые устраиваются такихъ большихъ размѣровъ, что не въ состояніи съ пользою для себя, и даже для другихъ, употребить всю получаемую барду, а потому спускаютъ ее въ рѣки и овраги.

Одинъ такой заводъ сразу лишаетъ десятки хозяевъ возможности производить у себя винокурение. При устройствѣ подобныхъ огромныхъ заводовъ преслѣдуются, главнымъ образомъ, уже не сельско-хозяйственныя цѣли, а имѣется въ виду, по возможности, удешевить, предъ другими заводчиками, стоимость производства вина и получать непосредственныя выгоды отъ торговли таковымъ. Изъ подобнаго сельско-хозяйственнаго производства выходитъ, такимъ образомъ, предприятие промышленное, коммерческое. Къ этой же категоріи должны быть отнесены всѣ тѣ заводы, которые устраиваются въ городахъ, или вообще внѣ имѣній, какъ на примѣръ, при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пристаняхъ, а также заводы, перекуривающіе остатки отъ свеклосахарнаго производства (паточные), такъ какъ получаемая при этомъ барда не можетъ быть употреблена въ кормъ скоту. То же самое можно сказать и объ винокурении, производимомъ въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы, при чемъ барда, обыкновенно, пропадаетъ безъ пользы. Принимая въ соображеніе вышесказанное важное значеніе винокурения для сельскаго хозяйства, было бы въ высшей степени желательнымъ, чтобы винокурение, по возможности, распредѣлялось равномерно и притомъ такъ, чтобы число заводовъ и размѣры ихъ выкурки согласовались съ потребностью хозяйства въ удобреніи.

Безъ этого, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ винокурение въ Россіи приметъ тотъ же характеръ, который оно получило въ Англіи, гдѣ число заводовъ крайне ограничено, но за то размѣры ихъ громадны.

Англія и вообще Великобританія, по географическому своему положенію, имѣетъ возможность легко подвозить необ-

ходимыя для земледѣлія удобрительныя вещества, тогда какъ для Россіи это оказалось бы крайне затруднительнымъ.

Между тѣмъ оплодотворяющая сила барденнаго навоза такъ велика, что имѣнія, въ коихъ производилось винокурение въ продолженіи 15 или болѣе лѣтъ, дѣлаются положительно неузнаваемыми по своему плодородію и, несомнѣнно, что, и по прекращеніи винокурения, они еще на долгое время будутъ представлять изъ себя цвѣтушіе оазисы плодородія, посреди истощенныхъ сосѣднихъ полей.

Къ сожалѣнію, при настоящемъ положеніи винокуренной промышленности, а именно при ежегодной выкуркѣ, не превышающей 80 милліоновъ ведеръ въ 40°, только весьма незначительная часть площади всей пахотной земли, имѣющейся въ Россіи, можетъ воспользоваться выгодами, представляемыми винокурениемъ. Приблизительно это составитъ не болѣе одного процента. Но, какъ ни мало это количество, было бы крайне неразумно имъ по этому случаю пренебрегать, тѣмъ болѣе, что, въ будущемъ, количество потребляемаго вина будетъ несомнѣнно увеличиваться, частью отъ нарастанія народонаселенія, частью же отъ болѣе правильнаго потребленія вина.

Въ настоящее время вино служитъ, преимущественно, какъ опьяняющее средство, чѣмъ и приноситъ огромный вредъ, тогда какъ при умѣренномъ ежедневномъ употребленіи оно могло бы даже приносить пользу въ гигиеническомъ отношеніи.

Для достиженія такого результата нужно, чтобы вино было не дорого, т. е., чтобы акцизъ былъ не высокъ и затѣмъ, чтобы народонаселеніе было зажиточно и воздержно.

По мѣрѣ увеличенія потребленія вина народомъ, акцизъ можетъ быть соотвѣтственно понижаемъ.

Впрочемъ спиртъ, кромѣ потребленія какъ напитка, можетъ имѣть еще значительное число примѣненій въ технику, для чего онъ отпускается обыкновенно безъ акциза; по мѣрѣ развитія такихъ производствъ, количество выкуриваемаго спирта будетъ значительно увеличиваться.

Наконецъ, желательнo, чтобы спиртъ составлялъ, по возможности, значительную статью вывоза за границу.

Послѣ всего вышесказаннаго, будетъ не безъинтереснымъ прослѣдить постепенный ходъ измѣненій въ характерѣ винокурения за послѣднія 25 лѣтъ и затѣмъ рассмотреть, отъ какихъ именно причинъ зависѣло наступленіе того стѣсненнаго поло-

женія, въ которомъ находится винокуреніе въ настоящее время въ Россіи.

Характеръ и размѣръ винокуренія уже издавна установился въ Россіи чрезвычайно различный; смотря по мѣстностямъ. Разнообразіе это зависѣло отчасти отъ климатическихъ и почвенныхъ условій, но въ гораздо большей степени отъ дѣйствовавшего, въ томъ или другомъ случаѣ, законодательства по обложенію винокуренія налогомъ въ пользу казны.

Наибольшій размѣръ заводовъ, по величинѣ ихъ и по количеству выкурки, встрѣчался всего болѣе въ губерніяхъ восточной Россіи, а за ними слѣдуютъ среднія черноземныя и, отчасти, сѣверо-восточныя. Но, вообще, можно сказать, что въ черноземныхъ мѣстностяхъ число заводовъ было не велико и выкурка на нихъ едва покрывала мѣстную потребность въ винѣ. Напротивъ того, въ губерніяхъ западной полосы и вообще въ такъ-называвшихся привилегированныхъ губерніяхъ, число заводовъ было, сравнительно, весьма велико, размѣры ихъ очень малы, но общая выкурка велика; въ особенности это имѣло мѣсто въ Прибалтійскихъ провинціяхъ и въ Царствѣ Польскомъ. Къ числу привилегированныхъ губерній принадлежали Малороссійскія, а также сѣверо-западные и юго-западные губерніи.

Большинство этихъ мелкихъ заводовъ имѣло характеръ чисто сельско-хозяйственный, иначе сказать, эти заводы находились въ самой тѣсной связи съ земледѣліемъ и служили ему важнымъ подспорьемъ.

Земля въ этихъ мѣстностяхъ была, вообще, плохого качества и требовала удобренія; въ Малороссійскихъ же губерніяхъ барда имѣла значеніе преимущественно для откормки скота. Во многихъ случаяхъ винокуренное производство было до такой степени мелко, что имѣло видъ почти кустарнаго промысла.

Подобное положеніе могло существовать только при полной свободѣ винокуренія и торговли виномъ, которыми пользовались въ то время привилегированныя губерніи, но, главнымъ образомъ, этому способствовало, такъ-называемое, пропинаціонное право, существующее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго края еще по настоящее время. На основаніи этого права землевладѣлецъ пользуется исключительною привилегіею торговли виномъ въ извѣстномъ районѣ и можетъ сбывать мѣстному народонаселенію выкуренное имъ вино по

выгодной для себя цѣнѣ, не терпя конкуренціи; при этомъ невыгоды отъ слишкомъ мелкаго производства могутъ съ избыткомъ покрываться высокою цѣною продаваемого вина. Надобно также замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ топливо было тамъ чрезвычайно дешево, почти безъ цѣны. Съ другой стороны, въ этихъ мѣстностяхъ крупное производство было даже невыгодно, ибо, вслѣдствіе малой величины запашекъ и плохихъ урожаевъ, хлѣбные матеріалы были дороги, и заводчики ограничивались перекуриваніемъ своего урожая, въ особенности тамъ, гдѣ винокурение производилось изъ картофеля.

Въ черномезныхъ мѣстностяхъ и, вообще, въ прочихъ частяхъ Россіи, гдѣ дѣйствовала откупная система, условія винокурения были совершенно другія; такъ какъ казна дѣлала здѣсь заказы вина заводчикамъ, соотвѣтственно силѣ ихъ заводовъ, то послѣдніе дѣлались какъ можно большіхъ размѣровъ. Съ этою цѣлью у нѣкоторыхъ заводчиковъ даже бывало по нѣскольку заводовъ, изъ коихъ не всѣ дѣйствовали.

Естественное плодородіе земли не требовало здѣсь заботъ объ ея удобреніи, а потому барда, большею частью, пропадала непродуцательно; устройство заводовъ и самое производство было въ высшей степени несовершенное, винокурение производилось совсѣмъ безъ солоду, и потому выходы спирта изъ пуда муки были весьма малые.

Картофельнаго винокурения въ Великороссійскихъ губерніяхъ совсѣмъ почти не было, но уже въ западныхъ губерніяхъ оно начинало значительно распространяться. Дровъ сжигалось въ то время при винокурении несмѣтное количество, ибо перегонные аппараты были самаго первобытнаго устройства, а бражки очень жидкія.

Въ такомъ положеніи застала винокурение акцизная система, замѣнившая собою бывшую откупную.

Начало введенія акцизной системы относится къ 1863-му году. На первый разъ она была введена въ Имперіи во всѣхъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ Царства Польскаго, и затѣмъ постепенно дѣйствіе ея распространено на разныя другія области, такъ что въ настоящее время она дѣйствуетъ въ Россіи повсемѣстно, за исключеніемъ Финляндіи.

Въ эту четверть вѣка дѣйствія акцизной системы винокуренное производство претерпѣло значительныя измѣненія, развившіяся, главнымъ образомъ, въ томъ, что производство

повсемѣстно стало гораздо совершеннѣе, но число дѣйствующихъ заводовъ значительно уменьшилось, между тѣмъ какъ общая выкурка на нихъ увеличилась, иначе говоря, винокурение на отдѣльныхъ заводахъ стало, вообще, болѣе крупнымъ.

Результаты эти сдѣлаются болѣе наглядными черезъ сопоставленіе слѣдующихъ чиселъ:

При началѣ дѣйствія акцизной системы, именно въ періодъ винокурения за 18³³/₆₄ годы, въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго, всего дѣйствовало 4.209 заводовъ, съ выкуркой на всѣхъ 65½ милліоновъ ведеръ въ 40° (въ среднемъ приблизительно по 15½, тысячъ ведеръ для каждаго завода).

Въ Царствѣ Польскомъ, въ періодъ 18⁶⁹/₇₀ годовъ, когда въ немъ также была введена акцизная система, всѣхъ заводовъ дѣйствовало 1.263, которые всѣ вмѣстѣ выкуривали 9½ милліоновъ ведеръ въ 40°.

Изъ числа 4.209 заводовъ было съ выкуркой:

		число заводовъ въ процентахъ	
менѣе	— до 10.000 ведеръ	2.272	53,9%
отъ 10.000	" 25.000 "	1.328	31,6%
" 25.000	" 50.000 "	411	9,8%
" 50.000	" 100.000 "	156	3,7%
" 100.000	" 300.000 "	42	1%
—	—	<u>4.209</u>	<u>100%</u>

Изъ этого видно, что болѣе половины (53,9%) всѣхъ заводовъ были весьма малаго размѣра, съ выкуркой менѣе 10.000 ведеръ, и крупное винокурение, хотя и существовало, но составляло незначительный процентъ ко всему количеству.

Въ Царствѣ Польскомъ средняя выкурка составляла въ періодъ 18³⁴/₇₀—6.570 ведеръ.

Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ средняя выкурка была 5.983 ведра при 1.201 дѣйствующихъ заводахъ. Затѣмъ въ слѣдующіе годы дѣйствія акцизной системы происходятъ слѣдующія перемѣны:

Общая выкурка вина по всей Имперіи увеличилась, но, въ то же время, число заводовъ уменьшилось до чрезвычайности; такъ, напримѣръ, въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго, вмѣсто 4.209 заводовъ сдѣлалось ихъ только 1.681, т. е. сократилось болѣе, чѣмъ на 60%. Въ гу-

берніяхъ же Царства Польскаго, въ періодъ 18^{77/88} годовъ, дѣйствовало всего 413 заводовъ, вмѣсто бывшихъ 1.263, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь нѣсколько уменьшилась и общая выкурка; средняя же величина выкурки возросла въ 3^{1/2} раза. Для всей Россіи средняя выкурка, за это время, увеличилась болѣе, чѣмъ въ 2^{1/2} раза, а именно съ 15^{1/2} тысячъ дошла до 41 тысячи ведеръ.

Хотя такой результатъ увеличенія средней выкурки на заводахъ оказывается повсемѣстнымъ, но выражается онъ различно для разныхъ частей Имперіи. Такъ, напримѣръ, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ средняя выкурка на заводахъ увеличилась въ 4^{1/2} раза, а въ южныхъ губерніяхъ въ 4 раза. Если, затѣмъ, обратиться къ разсмотрѣнію выкурки по отдѣльнымъ губерніямъ, то окажется, что на первомъ мѣстѣ, по размѣрамъ средней выкурки, стоитъ въ настоящее время Тамбовская губернія, въ которой средняя выкурка возросла съ 36.918 ведеръ до 165.640.

Кромѣ того, на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ заводахъ, размѣры годовой выкурки сдѣлались значительно большими, чѣмъ это было прежде; такъ, напримѣръ, въ настоящее время существуютъ заводы, которые выкуриваютъ въ годъ почти 700 тысячъ ведеръ, а выкуривающихъ свыше 500 тысячъ имѣется нѣсколько, тогда какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, только въ исключительныхъ, рѣдкихъ случаяхъ выкурка доходила до 300 тысячъ ведеръ въ годъ.

Вообще въ этотъ промежутокъ времени исчезло почти 2.800 заводовъ, курившихъ въ среднемъ около 25.000 ведеръ, и они замѣнились небольшимъ числомъ болѣе или менѣе крупныхъ заводовъ.

Что касается до количества вина, выкуриваемаго на заводахъ разнаго размѣра, то оказывается, что на заводахъ, съ выкуркою меньшею 25.000 ведеръ, стало выкуриваться въ 3 раза менѣе вина, а на большихъ заводахъ, съ выкуркою, превышающею 100 тысячъ ведеръ, выкуривается почти въ 4 раза болѣе, чѣмъ прежде.

Этотъ краткій историческій очеркъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ постепеннаго и, притомъ, весьма быстраго вымиранія мелкихъ заводовъ и замѣны ихъ болѣе крупными.

Если, кромѣ величины выкурки, еще обратить вниманіе на самый характеръ производства, то окажется, что исчезаютъ преимущественно заводы сельско-хозяйственные, курившіе для

нуждѣ имѣній и, вмѣсто нихъ, усиливается винокурение чисто промышленное, коммерческое, доходя до размѣровъ огромныхъ винокуренныхъ предпріятій. Въ этой роковой борьбѣ крупнаго винокуреннаго производства съ мелкимъ главнымъ факторомъ служитъ значительное удешевленіе стоимости производства на крупныхъ заводахъ, сравнительно съ малыми. На первомъ планѣ, при этомъ, стоитъ топливо, котораго идетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ въ сутки болѣе выкуривается вина и чѣмъ значительнѣе сразу затираемое количество матерьяла. Разница эта настолько велика, что, при дорогомъ топливѣ, она можетъ выразиться для очень малаго завода излишкомъ расхода на 20 и болѣе копѣекъ на ведро, и еще несравненно большею величиною, если крупный заводъ пользуется дешевымъ топливомъ, что обыкновенно и имѣетъ мѣсто. Но, кромѣ расхода на топливо, есть множество еще другихъ условій, дѣлающихъ крупное производство болѣе выгоднымъ, чѣмъ мелкое, такъ, напримѣръ: всѣ накладные расходы по администраціи, по продажѣ вина, по содержанію мастеровыхъ, по ремонту,—все это падаетъ на цѣну ведра вина, на крупномъ заводѣ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ на мелкомъ.

Слѣдующій примѣръ лучше всего сдѣлаетъ эту разницу наглядною.

Очень крупные заводчики весьма часто платятъ своему винокуру по пяти и даже болѣе тысячъ рублей. Директоръ завода получаетъ иногда три и болѣе тысячи. При выкуркѣ въ 500 тысячъ ведеръ такой расходъ на винокура составитъ только одну копѣйку на ведро. Взявъ же для сравненія маленькій заводъ съ выкуркою, напримѣръ въ 10 тысячъ ведеръ, если только заплатить винокуру 500 рублей въ годъ, то это уже составитъ 5 копѣекъ на ведро; между тѣмъ искусства курить на маломъ заводѣ нужно никакъ не менѣе, чѣмъ на большемъ, если даже не болѣе, ибо работу винокура на большемъ заводѣ чрезвычайно облегчаютъ усовершенствованныя машины и прочія механическія приспособленія. Первоначальное устройство малаго завода тоже обходится относительно несравненно дороже, чѣмъ крупнаго, ибо стоимость матерьяла, изъ котораго дѣлаются машины и аппараты, играетъ незначительную роль, а главное въ цѣнѣ ихъ составляетъ работа и расходы по установкѣ. Въ особенности тяжело падаютъ на мелкіе заводы расходы по продажѣ вина. Всѣ эти невыгоды, сопряженные съ малымъ производствомъ, до того велики, что

можно бы было усомниться вообще въ возможности вести мелкое винокуренное производство, при существованіи вблизи крупныхъ заводовъ. Въ дѣйствительности такъ и случается, что, при возникновеніи крупнаго завода, мелкіе заводы вскорѣ закрываются. Но кромѣ коммерческой стороны, на постепенное исчезаніе мелкихъ заводовъ въ значительной степени оказываютъ вліяніе различныя требованія акцизной системы.

Сущность этой системы, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что правительство взимаетъ съ cadaго выкуриваемаго ведра вина въ 40° извѣстный акцизъ, который въ настоящее время составляетъ 3 рубля 70 копѣекъ съ ведра въ 40°, или за каждый градусъ по 9¼ копѣекъ. Чтобы обезпечить себѣ исправное полученіе этого дохода съ выкуриваемаго вина, установлены правительствомъ нормы, то-есть опредѣленныя закономъ извѣстныя количества вина, которыя заводчикъ обязанъ выкурить изъ пуда того или другаго матерьяла; такъ на примѣръ: изъ пуда зерноваго хлѣба или, вообще, муки требуется получить не менѣе 38 градусовъ; изъ пуда картофеля не менѣе 12 градусовъ¹⁾ и при томъ должно быть соблюдено условіе, чтобы броженіе затора производилось въ посудѣ, коей емкость не должна превышать 6 ведеръ на каждый пудъ затертаго хлѣбнаго матерьяла, или 1¼ ведра на пудъ картофеля. Еслибы заводчикъ по неумѣлости винокура, по дурному качеству матерьяла, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, получилъ бы выходъ менѣе нормы, т. е. имѣлъ бы, какъ это называется, недокуръ, то все недостающее количество спирта должно быть тѣмъ не менѣе оплачено упомянутымъ акцизомъ за каждый недокурный градусъ. За всякую потерю накуренаго спирта, при его сохраненіи или перевозкѣ и, вообще, отъ чего бы эта неявка ни произошла, заводчикъ отвѣчаетъ предъ казною тѣмъ же акцизомъ. Впрочемъ на покрытіе естественной усышки и, вообще, потерь, заводчику предоставляется нѣкоторый процентъ съ выхода безъакцизнаго вина, но только въ томъ случаѣ, если заводчикъ имѣетъ достаточное

¹⁾ 38 градусовъ означаетъ одно ведро спиртовой жидкости, показывающей по ареометру 38 градусовъ или, что то же, 0,38 ведра въ 100°. 1 градусъ ареометра показываетъ содержаніе одного объема безводнаго спирта въ 100 объемахъ спиртовой жидкости при нормальной температурѣ

для этого количество перекура, т. е. если выходы спирта, на столько же, или на большее количество, превышаютъ норму.

Кромѣ того заводчикъ поставленъ акцизною системою въ самыя тѣсныя рамки по отношенію времени для производства работъ, часовъ дня, въ которые работа должна быть окончена, непрерывности работъ въ продолженіи объявленнаго срока и разныхъ другихъ, болѣе или менѣе стѣснительныхъ, условій. За всякое отступленіе отъ установленныхъ правилъ заводчикъ отвѣчаетъ штрафомъ, а за злоупотребленія, которыя могли бы произойти на заводѣ, даже помимо воли заводчика и безъ его вѣдома, послѣдній отвѣчаетъ имущественно и, при томъ, съ огромными пенями. Обезпечить себя отъ всѣхъ этихъ случайностей можно только при личномъ, бдительномъ и умѣломъ надзорѣ, или же оставивъ заводское дѣло вполнѣ надежными мастерами и администраціею. Безъ этого заводчикъ рискуетъ, вмѣсто ожидаемыхъ барышей, получить большіе, иногда вполнѣ разорительные, убытки.

Чрезвычайно также рискованнымъ для заводчиковъ представляется отправка транспортовъ спирта, вслѣдствіе отвѣтственности предъ казною за акцизъ, въ случаѣ гибели такого транспорта въ пути. Такъ, напримѣръ, при перевозкѣ транспорта въ 10.000 ведеръ, вся стоимость коего не превышаетъ 5 или 6 тысячъ рублей, отвѣтственность заводчика предъ казною составляетъ 37.500 рублей, и часто при этомъ заводчикъ не только не ожидаетъ отъ продажи спирта барыша, а прямо терпитъ убытокъ, лишь бы скорѣе забавиться ему отъ уснышки и выручить свои деньги для дальнѣйшаго веденія дѣла.

Винокуреніе можно поистинѣ назвать Дамокловымъ мечомъ, постоянно занесеннымъ надъ заводчикомъ; ни минуты, пока длится винокуреніе, онъ не можетъ быть спокоенъ за свое состояніе. Нужно, право, удивляться энергіи тѣхъ немногихъ мелкихъ заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ, которые еще рѣшаются, при такихъ условіяхъ, вести винокуренное дѣло. Для этого нужна особая любовь къ сельско-хозяйственному дѣлу.

На увеличеніе размѣровъ винокуренія имѣли вліяніе еще многія другія причины, кромѣ поименованныхъ, а именно: почти повсемѣстное введеніе для винокуренія картофеля, при помощи аппаратовъ, дѣйствующихъ паромъ высокаго давленія, а также разныя новыя приспособленія для расхолодки заторовъ, что дало возможность производить винокуреніе и въ теплое время года, тогда какъ прежде оно ограничивалось

одними только зимними мѣсяцами. Въ значительной степени способствовало увеличенію выкурки установившееся, по требованію акцизной системы, дѣланіе болѣе густыхъ заторовъ (въ $1\frac{1}{2}$ раза) и сокращеніе сроковъ броженія.

Но самымъ главнымъ побудительнымъ поводомъ къ чрезвычайному усиленію выкурки послужила практиковавшаяся система перекура.

Перекуромъ, какъ выше сказано, называется часть выкурки, превышающая норму. Въ началѣ дѣйствія акцизной системы весь перекуръ отчислялся въ пользу заводчика, т. е. причитающійся за него акцизъ оставался въ распоряженіи заводчика и въ казну не поступалъ. Въ первое время акцизъ былъ не великъ и составлялъ всего 4 копейки съ градуса, или 1 рубль 60 копѣекъ на ведро въ 40°; такимъ образомъ, если цѣна ведру вина была, положимъ, 50 копѣекъ, то заводчикъ, при продажѣ перекура, получалъ за него 2 рубля 10 копѣекъ. Такая большая льгота имѣла своимъ послѣдствіемъ чрезвычайное развитіе винокуренія, и при томъ наиболѣе усовершенствованнаго. Для увеличенія перекура, кромѣ усиленія, вообще, выкурки, стали прибѣгать къ перекуриванію матерьяла самаго высокаго качества; напимѣръ, вмѣсто обыкновеннаго размолотаго зерна (муки), употребляли пеклеванную (отбѣянную) муку, дававшую гораздо большіе выходы съ пуда. Винокуреніе было въ то время такъ выгодно, что всѣ затраты на устройство завода окупались въ одинъ, много въ два года, а потому въ короткое время ихъ настроилось очень много, а изъ прежде существовавшихъ—значительное число перестроилось и увеличило свое производство. Со временемъ количество льготнаго перекура правительство стало ограничивать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышало нормы, но такъ какъ въ то же время возростала величина акциза, и изъ 1 рубля 60 копѣекъ постепенно дошла до 3 рублей 70 копѣекъ, то суммы, выручаемыя отъ перекура, за покрытіемъ уснышки, все-таки оказывались значительными и продолжали завлекать заводчиковъ увеличивать свою выкурку.

Малые заводы и, въ особенности, сельско-хозяйственные не могли поспѣвать въ этой погонѣ за перекуромъ и должны были закрываться, тѣмъ болѣе, что крупныя заводы, получая такіе барыши, сильно сбавляли цѣну на вино, ниже его дѣйствительной стоимости.

Наконецъ, правительство обратило вниманіе на это пода-

вляющее дѣйствіе крупныхъ заводовъ на мелкіе, и изданъ былъ законъ въ 1886-мъ году, по которому впервые дѣлалось различіе въ процентѣ льготнаго перекура, приходящагося на долю крупной и мелкой выкурки.

Но, чтобы не дѣлать различія между заводами по ихъ силѣ, а только по количеству выкуреннаго ими вина, назначено было, безразлично для всѣхъ заводовъ, за первый миллионъ градусовъ выкурки 7% льготнаго перекура со всего выхода, а за всю, превышающую одинъ миллионъ градусовъ, выкурку, сколько бы ея ни было,—5%.

Черезъ два года послѣ того, въ видахъ еще большаго сокращенія льготнаго перекура, за 1-й миллионъ градусовъ выкурки было назначено только 5%, а за всю остальную выкурку 3%.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ, установленная разница на 2% льготнаго безъакцизнаго отчисленія для крупнаго и мелкаго винокурений, которая, въ крайнемъ случаѣ, составляла, при акцизѣ въ 9½ копѣекъ, всего 7,4 копѣекъ на ведро въ 40°, не оказала особаго дѣйствія, въ пользу мелкаго винокурения и, даже отчасти, эта мѣра повліяла въ противоположномъ смыслѣ, ибо побудила заводчиковъ, курившихъ прежде менѣе 1-го миллиона градусовъ, подтянуться къ этому предѣлу. Между тѣмъ, оставленные для крупнаго винокурения 3% льготнаго отчисленія значительно превышали потерю отъ усышки, и въ результатѣ оказалось, что крупные заводчики продолжали получать въ видѣ перекура весьма значительныя суммы, тѣмъ большія, чѣмъ болѣе они накуривали вина. Такъ, напримѣръ: при выкуркѣ въ 700 тысячъ ведеръ (28 миллионъ градусовъ) 3% льготное отчисленіе выражается огромною суммою въ 79.550 рублей, получаемой заводчикомъ, если не считать усышки. Такимъ образомъ, законъ этотъ оказался полумѣрою по отношенію къ уравненію мелкаго винокурения съ крупнымъ, но онъ имѣлъ другое важное значеніе, ибо значительно уменьшилъ, противъ прежняго, величину безъакцизнаго отчисленія (перекура) и принципиально установилъ нѣкоторое покровительство мелкому винокурению передъ крупнымъ.

Но этимъ вопросъ далеко не исчерпывался.

Главная его сторона даже не была затронута, а именно: ничего не было сдѣлано въ видахъ поощренія сельско-хозяйственнаго винокурения, по сравненію съ коммерческимъ, промыш-

леннымъ. Кромѣ того, необходимо было усилить въ болѣе значительной степени разницу въ безъакцизномъ отчисленіи между мелкимъ и очень крупнымъ винокурениемъ и положить начало къ нѣкоторому ограниченію, на будущее время, устройства громаднхъ винокуренныхъ предпріятій.

Для правильнаго, по возможности, рѣшенія этого сложнаго вопроса былъ предпринятъ Департаментомъ Неокладныхъ Сборовъ цѣлый рядъ изысканій объ дѣйствительномъ положеніи винокурения въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и объ отношеніи винокурения къ сельскому хозяйству. Необходимо было выслушать мнѣнія по этому предмету самихъ сельскихъ хозяевъ, производящихъ винокурение.

Съ этою цѣлью были устроены послѣдовательно одиннадцать сѣздовъ сельскихъ хозяевъ и заводчиковъ, подъ предсѣдательствомъ директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ Алексѣя Сергѣевича Ермолова, въ различныхъ частяхъ Имперіи. Изъ всѣхъ заявленныхъ на этихъ сѣздахъ мнѣній былъ составленъ сводъ, который былъ подвергнутъ разсмотрѣнію особой административной комисіи и, затѣмъ, выработанный комисіею проектъ былъ внесенъ вновь на обсужденіе собраннаго въ Петербургѣ весьма многочисленнаго сѣзда изъ сельскихъ хозяевъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Въ число членовъ этого сѣзда были приглашены, кромѣ чиновъ акцизнаго вѣдомства, еще представители отъ Министерствъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, а предсѣдательство на сѣздѣ было, по Высочайшему повелѣнію, поручено г. Товаришу Министра Государственныхъ Имуществъ, статсъ-секретарю Вешнякову. Сѣзду былъ представленъ Департаментомъ Неокладныхъ Сборовъ самый разнообразный и обширный статистическій матерьялъ по всѣмъ частямъ, касающимся винокурения, какъ въ послѣднее время, такъ и за все существованіе акцизной системы.

Результатомъ трудовъ этого сѣзда, имѣвшаго 9 засѣданій, былъ проектъ закона, представленный въ теченіе послѣдующаго года, за общую подписью Министровъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, при въ высшей степени сочувственномъ отавѣ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ.

По всестороннемъ обсужденіи въ соединенныхъ Департаментахъ Государственной Экономіи и Законовъ, проектъ этотъ, съ нѣкоторыми послѣдовавшими въ немъ измѣненіями, вне-

сень былъ на благоусмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта, въ которомъ онъ единогласно былъ одобренъ и, наконецъ, 4-го іюня 1890 года удостоился Высочайшаго утвержденія.

Въ главнѣйшихъ чертахъ законъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія измѣненія и дополненія къ существующему законоположенію:

Начиная съ 1-го іюля 1890 года воспрещается строить винокуренные заводы съ совокупною емкостью квасильныхъ чановъ, превышающею 9.000 ведеръ, а также увеличивать на существующихъ заводахъ емкость сверхъ этого размѣра.

Примѣчаніе. Такая сила завода приблизительно соотвѣтствуетъ выкуркѣ 100 тысячъ ведеръ въ 200 дней, но можетъ быть значительно усилена при винокурени изъ картофеля, а также при уменьшеніи времени броженія и болѣе густомъ затираниіи припасовъ.

Съ того же срока воспрещается устройство вновь винокуренныхъ заводовъ въ городахъ, а также содержаніе и пріобрѣтеніе винокуренныхъ заводовъ акціонерными компаниями.

Всѣ нижеслѣдующія за симъ узаконенія вступаютъ въ силу только съ 1-го іюля 1891 года.

Закономъ 4-го іюня полагается различіе между двумя родами винокурени, а именно: между сельско-хозяйственнымъ и коммерческимъ (промышленнымъ). Сельско-хозяйственною признается выкурка, производимая въ 200 заторныхъ дней, заключающихся между 1-мъ сентября и 1-мъ іюня и, въ общей сложности, не превышающая 75 ведеръ вина въ 40° на каждую десятину пахатной земли, имѣющей въ имѣніи, при которомъ находится заводъ. Земли имѣнія могутъ находиться въ одномъ или въ нѣсколькихъ участкахъ, но эти отдѣльные участки принимаются въ расчетъ при опредѣленіи общей площади пахатной земли имѣнія, только въ томъ случаѣ, когда они находятся отъ завода не далѣе 15 верстъ, по прямому пути; кромѣ того требуется, чтобы количествомъ пахатной земли въ имѣніи было не менѣе 60 десятинъ.

Въ противоположность сему, сельско-хозяйственнымъ не можетъ считаться винокурение, производимое на дрожжево-винокуренныхъ заводахъ, винокурение изъ свекло-сахарныхъ остатковъ и винокурение на заводахъ, взятыхъ въ арендное содержаніе, отдѣльно отъ имѣній.

*

Существующее безакцизное отчисленіе перекура оти́мается съ 1-го іюля 1891 года.

Вмѣсто этого отчисленія, въ видахъ различенія сельскохозяйственнаго винокуренія отъ коммерческаго и особой поддержки для перваго, устанавливаются двѣ категоріи безакцизныхъ отчисленій.

Одно изъ этихъ новыхъ отчисленій есть общее для всѣхъ заводовъ и для всякой выкурки, за исключеніемъ производимой на дрожжево-винокуренныхъ заводахъ и въ лѣтнее время на всѣхъ заводахъ вообще, такъ какъ въ этихъ случаяхъ никакого безакцизнаго отчисленія производиться не будетъ. Лѣтнимъ винокурениемъ называется то, которое производится въ теченіе 120 лѣтнихъ дней, включая въ нихъ обязательно мѣсяцы іюнь, іюль и августъ. Остальное число лѣтнихъ дней избирается самимъ заводчикомъ, по его желанію, изъ майскихъ и сентябрьскихъ дней. Общее отчисленіе имѣеть цѣлью вознаградить заводчика, въ нѣкоторой степени, за понесенныя имъ естественныя усышку и утечку спирта. Согласно установленной для сего шкалѣ отчисленіе это уменьшается вмѣстѣ съ увеличеніемъ выкурки, такъ какъ предполагается, что мелкіе заводы терпятъ бѣльшую потерю отъ усышки, чѣмъ крупныя.

Отчисленіе это производится въ размѣрѣ извѣстнаго процента, опредѣляемаго нижеслѣдующею шкалою со всего выхода спирта, а въ случаѣ недокура—съ количества спирта, подлежащаго оплатѣ акцизомъ, т. е. съ нормы.

Пользоваться этимъ отчисленіемъ можетъ заводчикъ не ранѣе того, когда онъ оплатитъ нормальное вино акцизомъ, или обезпечить этотъ акцизъ залогами.

Такимъ образомъ, на первый выкуренный въ періодъ	
1 миллионъ градусовъ отчисляется	2%
На выкурку свыше одного миллиона до 3-хъ	
милліоновъ	1½%
На выкурку свыше 3-хъ миллионовъ и до 12	
милліоновъ	½%

Примѣчаніе. Одинъ миллионъ градусовъ — то же, что 25 тысячъ ведеръ въ 40° крѣпостью.

Затѣмъ на выкурку сверхъ 12 миллионовъ градусовъ уже болѣе никакого отчисленія не полагается, и заводчику будетъ причитаться только то отчисленіе, которое ему слѣдуетъ за предъидущую выкурку и, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ бу-

детъ ее увеличивать, тѣмъ все менѣе и менѣе будетъ становиться процентъ отчисленія для всей выкурки.

Заводы, удовлетворяющіе вышесказаннымъ условіямъ сельско-хозяйственнаго винокуренія, пользуются, сверхъ общаго для всѣхъ заводовъ безъакцизнаго отчисленія, еще особымъ дополнительнымъ, со спирта ихъ сельско-хозяйственной выкурки, въ слѣдующемъ размѣрѣ:

За первые выкурены въ періодъ 500 тысячъ градусовъ.	4 ⁰ / ₁₀
На выкурку свыше 500 тысячъ до одного милліона	2 ¹ / ₁₀
Свыше одного милліона до 3-хъ милліоновъ.	1 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀
Отъ 3-хъ милліоновъ до 6 милліоновъ	1 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀

За выкурку свыше 6 милліоновъ или, иначе, 150 тысячъ ведеръ, дополнительнаго отчисленія болѣе не полагается.

Примѣчаніе. Лѣтная выкурка, производимая во вторую половину лѣта, т. е. съ 1-го іюля, принимается въ расчетъ при опредѣленіи процента безъакцизнаго отчисленія по обѣимъ шкаламъ. Такъ, если въ это лѣтнее время былъ выкурень 1 милліонъ градусовъ, то безъакцизное отчисленіе на спиртъ дальнѣйшей выкурки производится въ размѣрѣ, установленномъ для втораго милліона градусовъ, и т. д.

Въ окончательномъ результатѣ заводчикъ за сельско-хозяйственную свою выкурку получить сумму отчисленій по двумъ этимъ шкаламъ, тогда какъ за коммерческое будетъ слѣдовать отчисленіе только по первой, т. е. по общей шкалѣ.

По дѣйствующему еще въ настоящее время закону (до 1-го іюля 1891 года) для того, чтобы воспользоваться безъакцизнымъ отчисленіемъ (перекуромъ), необходимо предварительно оплатить акцизомъ все нормальное вино или обезпечить его залогами. Кроме того, при отчисленіи перекура выходы спирта должны быть на столько выше нормы, чтобы хватило этого избытка для слѣдующаго отчисленія.

При новомъ же законѣ для полученія дополнительнаго отчисленія не требуется ни того, ни другаго условія, что въ особенности важно для заводчика въ томъ случаѣ, когда выходы отъ плохаго матеріала не особенно высоки, а также, когда происходитъ задержка въ продажѣ нормальнаго вина.

Слѣдующіе примѣры разъясняютъ примѣненіе этихъ шкалъ.

1-й примѣръ: заводъ коммерческій, т. е. не имѣющій никакихъ правъ на сельско-хозяйственное винокуреніе, произведъ

выкурку въ 400 тысячъ ведеръ, что составляетъ 16 миллионѣвъ градусовъ.

Примѣрная общую шкалу за

1-й милл. градусовъ причтется.	2%	— 20.000 гр.
Отъ 1-го до 3-хъ миллионѣвъ.	1½%	— 30.000 "
" 3-хъ до 12-ти "	½%	— 45.000 "
" 12-ти до 16-ти "	—	— —
Итого.	—	— 95.000 гр.

или 2.375 ведеръ въ 40° безъакцизнаго отчисленія; иначе сказать, заводчикъ, продавъ это вино, удержитъ въ свою пользу весь акцизъ, слѣдующій за это количество, а слѣдовательно:
 $2.375 \times 3,70 = 8.787$ руб. 50 коп.

На каждое ведро выкурки это дастъ 2,19 копѣйки.

А въ процентахъ безъакцизное отчисленіе составитъ 0,593%, или безъ малаго 0,6% со всей выкурки.

Еслибы заводчикъ остановился на 10 миллионѣхъ градусовъ выкурки, то онъ получилъ бы по тому же разсчету:

за 1-й миллионъ	2 ⁰ / ₁₀	— 20.000 град.
отъ 1-го до 3-хъ миллионѣвъ.	1½ ⁰ / ₁₀	— 30.000 "
отъ 3-хъ до 10 миллионѣвъ .	½ ⁰ / ₁₀	— 35.000 "
Итого	—	— 85.000 град.

что составитъ на всю выкурку въ 10 миллионѣвъ градусовъ 0,85%, или на ведро 3,14 копѣйки и, слѣдовательно, на каждое ведро копѣйкою болѣе, хотя онъ въ сущности получитъ сумму денегъ на 925 рублей менѣе. Иначе сказать, куривши вмѣсто 400 тысячъ ведеръ только 250 тысячъ, заводчикъ получитъ 2.500 рублей, при той же цѣнѣ на вино, на покрытіе того удорожанія стоимости производства, которое будетъ зависѣть отъ уменьшенія выкурки.

2-й примѣръ. Заводчикъ имѣетъ при заводѣ 1000 десятинъ пахатной земли и выкурилъ всего въ періодъ 350 тысячъ ведеръ въ 40°, что составляетъ 14 миллионѣвъ градусовъ.

Соотвѣтственно количеству пахатной земли, заводчикъ имѣетъ право на 75.000 ведеръ сельско-хозяйственной выкурки, или на 3 миллионѣа градусовъ, выкуренныхъ въ теченіе времени, не превышающаго 200 дней.

По общей шкалѣ онъ получитъ:

За 1-й миллионъ градусовъ	20.000
Отъ 1-го до 3-хъ миллионѣвъ	30.000
Отъ 3-хъ до 12 миллионѣвъ	45.000
Итого	95.000

и по дополнительной шкалѣ:

на первые $\frac{1}{2}$ милліона градусовъ по 4%	20.000
отъ $\frac{1}{2}$ милліона до 1-го " " 2%	10.000
отъ 1-го до 3-хъ " " $1\frac{1}{2}\%$	20.000
Итого . . .	60.000

А по обѣмъ шкаламъ 155.000 градусовъ, или 3.875 ве-
деръ въ 40° безъакцизнаго отчисленія, что составитъ сумму
акциза 14.337 руб. 50 коп., и на ведро выкурки 4,09 копѣекъ.

Между тѣмъ, еслибы заводчикъ могъ удовлетвориться вы-
курою въ 100.000 ведеръ, то онъ получилъ бы по общей шкалѣ:

За 1-ый милліонъ	20.000
отъ 1-го до 3-хъ милліоновъ . . .	30.000
отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ . . .	5.000
Итого . . .	55.000

и по дополнительной шкалѣ

За первый $\frac{1}{2}$ милліонъ	20.000
отъ $\frac{1}{2}$ милліона до 1-го	10.000
отъ 1-го до 3-хъ	30.000
отъ 3-хъ до 4-хъ	5.000
Итого . . .	65.000

А всего по обѣмъ шкаламъ 120.000 градусовъ, или 3.000
ведеръ, на сумму 11.100 рублей, что составитъ на ведро вы-
курки 11,1 копѣйки, или на 7 копѣекъ на ведро болѣе про-
тивъ выкурки въ 350 тысячъ

Это дастъ сумму въ 7.000 рублей приблизительно на покрыв-
тіе убытковъ отъ уменьшенія производства. Затѣмъ заводчику
останется рѣшить, что будетъ для него выгоднѣе, лишиться
ли этой суммы и накуривать болѣе вина, или же удоволь-
ствоваться меньшею выкурою. Въ томъ или другомъ рѣше-
ніи, конечно, заводчикъ будетъ руководиться потребностью въ
винѣ, въ бардѣ, возможностью болѣе или менѣе выгодно про-
дать вино и тѣмъ удешевленіемъ стоимости производства, ко-
торое, по мѣстнымъ условіямъ, будетъ зависѣть отъ увеличе-
нія его размѣровъ до известнаго предѣла.

Чтобы судить наглядно объ томъ, какое числовое значеніе
будетъ имѣть новый законъ по сравненію съ настоящимъ по-
ложеніемъ винокурения, можетъ служить слѣдующая неболь-
шая табличка, изъ которой видна разниа въ величинѣ и стои-
мости безъакцизнаго отчисленія отъ $\frac{1}{4}$ милліона до 28 милліо-
новъ градусовъ, какъ для сельско-хозяйственнаго, такъ и для
коммерческаго (промышленнаго) винокурения.

В К У Р С А	Существующее отчисленіе поперекъ.				Сельско-хозяйственное отчисленіе по суммарной шкалѣ.			Промышленное отчисленіе по общей шкалѣ.					
	Градусы въ милліонахъ.	Всего въ 40°	Процентъ отчисленія.	Число ведеръ въ 40°.	На сумму рублей.	На ведро приходится копѣекъ.	Процентъ отчисленія.	Число ведеръ въ 40°.	На сумму рублей.	На ведро приходится копѣекъ.			
1/4	6,250	5	312,5	1.156,25	18,5	6	375	1.387,5	22,2	2	125	462,5	7,4
1/2	12,500	5	625	2.312,5	18,5	6	750	2.775	22,2	2	250	925	7,4
1	25,000	5	1,250	4.625	18,5	5	1,250	4.625	18,5	2	500	1.850	7,4
1 1/2	37,500	4,38	1.625	6.012,5	16	4,38	1.625	6.012,5	16	1,38	687,5	2.548,75	6,78
2	50,000	4	2,000	7.400	14,8	4	2,000	7.400	14,8	1,75	875	3.237,5	6,475
3	75,000	3,66	2,750	10.175	13,56	3,66	2,750	10.175	13,56	1,66	1,250	4.625	6,16
4	100,000	3,5	3,500	13,950	12,95	3	3,000	11.100	11,1	1,375	1,875	5.087,5	5,08
5	125,000	3,4	4,250	15,725	12,58	2,6	2,250	12,025	9,51	1,2	1,500	5,550	4,44
6	150,000	3,3	5,000	18,500	12,38	2,38	3,500	12,950	8,63	1,08	1,625	6.012,5	4,01
8	200,000	3,25	6,500	24,050	12,03	1,87	3,750	18,875	6,94	0,93	1,875	6,937,5	3,47
12	300,000	3,166	9,500	35,150	11,72	1,41	4,250	15,725	5,24	0,79	2,375	8.787,5	2,92
16	400,000	3,125	12,500	46,250	11,56	1,06	4,250	15,725	3,98	0,59	2,375	8.787,5	2,19
20	500,000	3,1	15,500	57,350	11,48	0,83	4,250	15,725	3,14	0,475	2,375	8.787,5	1,76
24	600,000	3,08	18,500	68,450	11,41	0,7	4,250	15,725	2,62	0,395	2,375	8.787,5	1,46
28	700,000	3,07	21,500	79,550	11,36	0,6	4,250	15,725	2,24	0,339	2,375	8.787,7	1,26

Изъ разсмотрѣнія чиселъ этой таблицы можно усмотрѣть, что, по сравненіи съ существующимъ положеніемъ, величина безъакцизнаго отчисленія для выкурки, лежащей въ предѣлахъ отъ 1-го до 3-хъ милліоновъ градусовъ (т. е. отъ 25 до 75 тысячъ ведеръ въ 40°) осталась безъ измѣненія для сельско-хозяйственной выкурки. Для болѣе мелкой выкурки сдѣлана небольшая прибавка, не превышающая 37 копѣекъ на ведро, въ крайнемъ случаѣ, а именно: для выкурки въ $\frac{1}{2}$ милліона градусовъ и менѣе. Что же касается до крупной выкурки, то съ 3-хъ милліоновъ безъакцизное отчисленіе начинаетъ уменьшаться и чѣмъ далѣе возрастаетъ выкурка, тѣмъ быстрѣе идетъ уменьшеніе отчисленія, причитающагося на ведро выкурки.

Сравнивая сельско-хозяйственное отчисленіе съ коммерческимъ, замѣчается, что разница между ними вообще значительная, но она постепенно уменьшается, вмѣстѣ съ увеличеніемъ выкурки, что и вполне справедливо, ибо очень крупное сельско-хозяйственное винокуреніе мало чѣмъ отличается отъ крупнаго коммерческаго. Кромѣ того, для казны мелкіе коммерческіе заводы представляютъ гораздо болѣе риска, чѣмъ такіе же сельско-хозяйственные, а потому послѣдніе заслуживаютъ большей поддержки. Изъ той же таблицы можно видѣть, на сколько огромны тѣ суммы, которыя получаютъ крупныя заводчики отъ казны въ видѣ перекура, такъ напримѣръ, при выкуркѣ въ 700 тысячъ ведеръ, заводчикъ получаетъ 21.500 ведеръ безъакцизнаго вина, съ котораго акцизъ составляетъ сумму въ 79.550 рублей, тогда какъ, по новому закону, онъ получитъ всего 15.725 рублей, если винокуреніе сельско-хозяйственное, и только 8.787 рублей 50 копѣекъ, если оно вполне коммерческое.

Такъ какъ свыше 11 милліоновъ градусовъ выкурки всякое безъакцизное отчисленіе прекращается, то результатомъ этого будетъ то, что заводчики получатъ въ такомъ случаѣ одно и то же безъакцизное отчисленіе, какъ бы велика выкурка ни была, что и видно ясно изъ таблицы, какъ для суммированной сельско-хозяйственной, такъ и для общей шкалы. Переводя же эти суммы на одно ведро выкурки, понятно, что будутъ получаться все меньшія и меньшія числа.

Въ новомъ законѣ уничтожаются низшая норма и 4-хъ суточное броженіе, какъ оказавшіяся изъ практики бесполез-

ными и коими почти никто въ дѣйствительности, въ послѣднее время, не пользовался.

Правами на сельско-хозяйственное винокурение, т. е. на дополнительное безакцизное отчисленіе, могутъ пользоваться только тѣ изъ вновь устраиваемыхъ послѣ 1-го іюля 1890 года заводовъ, у которыхъ совокупная емкость квасильныхъ чановъ не будетъ превышать 6 ведеръ на каждую десятину пахатной земли.

Для существующихъ винокуренныхъ заводовъ, во избѣжаніе ихъ передѣлокъ, сельско-хозяйственная выкурка опредѣляется отношеніемъ количества десятинъ пахатной земли не къ емкости квасильныхъ чановъ, а къ произведенной въ опредѣленное время выкуркѣ, такъ что такіе заводы могутъ имѣть смѣшанный характеръ сельско-хозяйственнаго и коммерческаго.

Для заводовъ, имѣющихъ характеръ чисто сельско-хозяйственныхъ, т. е. удовлетворяющихъ вышеозначенному отношенію между емкостью и количествомъ пахатной земли и которые притомъ будутъ въ періодъ производить винокурение только въ продолженіе 200 дней (въ означенное закономъ время года), считается сельско-хозяйственною вся ихъ выкурка, хотя бы она и превышала 75 ведеръ на одну десятину пахатной земли.

Къ числу облегченій, сдѣланныхъ новымъ закономъ, слѣдуетъ отнести право пополненія недокура тѣми излишками, которые получаются по слѣдующимъ свидѣтельствамъ въ продолженіи цѣлаго полугодія, при чемъ полугодія считаются: отъ начала винокурения по 1-е января, и отъ 1-го января до окончанія производства. При расчетахъ съ заводчикомъ, до истеченія этихъ полугодій, недокуръ въ расходъ не сносится, а считается за заводчикомъ въ недоимкѣ.

Заводы, на которыхъ было обнаружено злоупотребленіе по утайкѣ спирта отъ оплаты акцизомъ, лишаются права на безакцизное отчисленіе (общее и дополнительное) за все время, въ теченіе котораго винокурение производилось съ нарушеніемъ установленныхъ правилъ, и затѣмъ они не получаютъ онаго въ теченіе 3-хъ лѣтъ со дня обнаруженія злоупотребленія. Въ случаѣ, если по обвиненію заводчика въ злоупотребленіи послѣдуетъ въ судебныхъ установленіяхъ оправдательный приговоръ, то, по вступленіи рѣшенія высшей судебной инстанціи въ законную силу, слѣдуемое безакцизное отчисленіе произ-

водится за все то время, въ теченіе котораго заводъ имъ не пользовался, т. е. со дня составленія акцизнымъ надзоромъ установленнаго протокола.

Болѣе всего, при проектированіи новаго закона, встрѣтило затрудненій опредѣленіе того, что должно характеризовать сельско-хозяйственный заводъ и отличать его отъ коммерческаго.

Казалось бы, что главнымъ признакомъ сельско-хозяйственнаго характера винокурения должна служить потребность хозяйства въ бардѣ и въ навозѣ, и то, въ какой степени заводчикъ, въ дѣйствительности, пользуется винокурениемъ для нуждъ своего сельскаго хозяйства. Это, несомнѣнно, было бы самымъ прямымъ и непосредственнымъ рѣшеніемъ вопроса, но, къ сожалѣнію, оно оказывается весьма трудно исполнимымъ на практикѣ, такъ какъ потребовало бы чрезвычайно сложной регламентаціи, и при томъ частаго вышпательства агентовъ правительства въ хозяйственныя распоряженія сельскихъ хозяевъ, чѣмъ вызывало бы цѣлый рядъ недоразумѣній и пререканій и отвлекало бы акцизный надзоръ отъ главной его обязанности слѣдить за правильностью поступленія акцизнаго дохода съ выкуриваемаго вина. Поэтому совершенно понятно, что хотя въ проектѣ закона, по особому настоянію западныхъ заводчиковъ, между прочими были влючены и эти признаки, но Государственный Совѣтъ нашелъ нужнымъ ихъ исключить, въ особенности, въ виду многихъ хозяйствъ въ южной Россіи, еще мало нуждающихся въ удобреніи земли навозомъ. Далѣе, въ проектѣ закона предполагалось опредѣлить отношеніе сельско-хозяйственной выкурки къ количеству пахатной земли числомъ 55, т. е., что сельско-хозяйственною можетъ считаться только такая выкурка, которая не превышаетъ въ 200 дней работы пятидесяти пяти ведеръ въ 40' на одну десятину пахатной земли. Число это было выведено на основаніи многочисленныхъ данныхъ, взятыхъ изъ существующей практики дѣйствительныхъ сельско-хозяйственныхъ заводовъ.

Такимъ образомъ оказалось бы, что на каждый пудъ затора (считая на хлѣбные припасы) приходится, въ среднемъ, 4 десятины пахатной земли.

Принявъ, что изъ каждыхъ 6 ведеръ емкости квасильнаго чана получается 44° спирта, вся выкурка въ 200 дней

опредѣлится по формулѣ: $\frac{200 \times 44}{4 \times 40} = 55$ ведеръ въ 40' на 1 десятину пахатной земли.

Кромѣ того, при этомъ назначеніи имѣлось въ виду по возможности ограничиться для сельско-хозяйственнаго винокуренія наименьшею величиною отчисленія, чтобы не поощрять и на будущее время перепроизводства спирта. Выкурка эта въ 55 ведеръ какъ разъ соотвѣтствуетъ тому количеству винокуренныхъ матерьяловъ (ржи и картофеля), которые заводчикъ можетъ получить, при среднемъ урожаѣ, съ своихъ собственныхъ полей, не прибѣгая къ покупкѣ на сторонѣ. При такомъ расчетѣ винокуренный заводчикъ могъ, слѣдовательно, только поддерживать уже существующую степень плодородія своей земли, чрезъ возвращеніе въ нее того, что было извлечено въ снятомъ урожаѣ. При болѣе значительной выкуркѣ заводчикъ переводилъ бы уже на свои поля урожай сосѣднихъ имѣній и улучшалъ бы ихъ, такъ сказать, на чужой счетъ. Такъ какъ подобное пользованіе винокурениемъ уже само по себѣ представляетъ достаточную выгоду для хозяина, то въ проектѣ закона остановились на первомъ, т. е. ограничились единственно поддержаніемъ плодородія. При опредѣленіи числа 55, выражающаго отношеніе количества пашни къ выкуркѣ, принятъ былъ въ проектѣ расчетъ выхода спирта въ 44° изъ каждаго 6 ведеръ емкости квасильнаго чана. Хотя, при очень доброкачественномъ картофелѣ и исключительномъ употребленіи его въ заторы, достигаютъ иногда и гораздо большихъ выходовъ (даже до 58'), но это встрѣчается болѣе въ западныхъ провинціяхъ Россіи, и потому принятъ былъ въ расчетъ наибольшій выходъ, получаемый изъ ржи, нѣсколько увеличенный прибавкою картофеля, какъ это дѣйствительно и встрѣчается на практикѣ въ большей части Россіи.

Государственный Совѣтъ, въ видахъ большаго соспѣшествованія и поддержки сельско-хозяйственнаго винокуренія, призналъ однако полезнымъ, вмѣсто числа 55, назначить 75 ведеръ въ 40° на каждую десятину пахатной земли.

Примѣчаніе. Такимъ образомъ въ основаніе опредѣленія числа 75 положенъ въ законѣ выходъ въ 45° съ пуда, при 3-хъ десятинахъ пахатной земли на каждый пудъ затора, или 60° выхода, при 4-хъ десятинахъ на пудъ затора

$$\frac{60 \times 200}{4 \times 4} = \frac{45 \times 200}{3 \times 4} = 75.$$

Признавая главнымъ признакомъ и принадлежностью сельско-хозяйственнаго винокурения существованіе при заводѣ известнаго количества пахатной земли, законодательство имѣло въ виду, что сама сила вещей и собственная польза побудятъ сельскихъ хозяевъ, ведущихъ винокурение, должнымъ образомъ озаботиться объ наилучшемъ употребленіи барды и что, если, на первое время, и будутъ встрѣчаться нѣкоторыя исключенія, то изъ-за нихъ не слѣдуетъ налагать стѣсненіе на всѣхъ заводчиковъ вообще.

Къ числу такихъ исключеній придется, вѣроятно, отнести разные случаи обхода закона, когда, на примѣръ, владѣлецъ завода, не имѣющій достаточнаго количества земли для веденія значительнаго сельско-хозяйственнаго винокурения, прикупить себѣ, иногда фиктивно, вблизи завода, потребное количество земли, единственно для счета десятинъ, или же обратить въ нѣчто подобное пашнѣ негодные пустыри, лежавшіе до того безъ обработки.

Подобные случаи, конечно, не укроются отъ вниманія правительства и, современемъ, могутъ вынудить его прибѣгнуть къ болѣе категорическимъ мѣрамъ, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, по смыслу закона, не одно землевладѣніе имѣется въ виду, а улучшеніе земледѣлія посредствомъ винокурения, чему доказательствомъ служить требуемая близость земли отъ завода (15 верстъ) и, слѣдовательно, нельзя допускать, чтобы изъ году въ годъ явно производился косвенный обходъ, если не буквы закона, то его прямого смысла, въ ущербъ государственной казны и интересовъ заводчиковъ, ведущихъ дѣйствительное сельско-хозяйственное винокурение.

Что касается разницы въ безъакцизномъ отчисленіи, назначенномъ для малыхъ и очень крупныхъ заводовъ, то, въ крайнемъ случаѣ, она, какъ видно изъ таблицы, не превышаетъ 20 копѣекъ на ведро въ 40°.

Отсюда являются вопросы: будетъ ли эта разница достаточно велика, чтобы во всѣхъ случаяхъ защитить мелкое винокурение отъ конкуренціи съ нимъ очень крупнаго и, съ другой стороны, не вызоветъ ли эта льгота постройку слишкомъ большаго количества мелкихъ заводовъ, единственно въ расчетъ на эту премію? Относительно перваго вопроса слѣдуетъ разъяснить, что правительство, устанавливая новый законъ, не имѣло въ виду во всѣхъ случаяхъ выравнивать выгодность винокурения на заводахъ различной величины, ибо условія

винокурения для разныхъ мѣстностей крайне разнообразны и зависятъ не отъ одной только величины выкурки. Главнымъ же образомъ имѣлось въ виду поставить мелкое винокурение и, въ особенностѣ, сельско-хозяйственное, въ такія условія по отношенію къ крупному, чтобы мелкіе заводы были въ состояніи удовлетворять требованіямъ акцизной системы, по найму сколько-нибудь знающаго винокура и прочей заводской администраціи.

Въ этомъ отношеніи положенная разница вполнѣ достаточна.

Такъ, напримѣръ, если сравнить два завода, изъ коихъ одинъ производитъ 50 тысячъ сельско-хозяйственной выкурки, и другой, съ выкуркою въ 500 тысячъ ведеръ, тоже сельско-хозяйственною, то разница въ безъакцизномъ отчисленіи составитъ на ведро 11,7 копѣйки или почти 12 копѣекъ и, слѣдовательно, первый заводъ будетъ имѣть сумму около 6.000 руб. на удовлетвореніе той потребности, которая безъ того слишкомъ тяжело отозвалась бы на заводскомъ бюджетѣ.

Что касается прочихъ условій винокурения, то ихъ можно сравнивать только для заводовъ различной величины, но работающих при одинаковыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Въ противномъ случаѣ сравненіе будетъ невозможно, ибо могутъ встрѣчаться такія обстоятельства, при которыхъ мелкое винокурение даже бываетъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ крупное. Между тѣмъ требованія, поставляемые акцизной системой, для всѣхъ мѣстностей одинаковы и, съ введеніемъ новаго закона въ дѣйствіе, послѣдняя, т. е. акцизная система, слагаетъ, можно сказать, уже съ себя всякую отвѣтственность за могущее, несмотря на то, оказаться въ той или другой мѣстности преобладаніе крупныхъ заводовъ надъ мелкими.

По второму, совершенно противоположному вопросу, а именно: не настроится ли подъ вліяніемъ новаго закона слишкомъ большое число мелкихъ заводовъ, надобно полагать, что даруемыя льготы будутъ имѣть мало значенія, ибо онѣ довольно ограничены и, сами по себѣ, еще не могутъ особо завлекать хозяевъ строить мелкіе заводы тамъ, гдѣ они по прочимъ условіямъ невыгодны.

Надобно замѣтить, что всѣ положенныя въ законѣ разницы суть только величины относительныя, а не безусловныя, и вполнѣ реализоваться онѣ могутъ для заводчика только при неубыточной цѣнѣ на вино, что главнымъ образомъ зависитъ

отъ существующаго на него спроса. А слѣдовательно сельскій хозяинъ, рѣшаясь на постройку новаго завода, долженъ не столько справляться съ вышеприведенною таблицею о безъакцизномъ отчисленіи, сколько съ положеніемъ спиртоваго рынка и прочими мѣстными условіями, въ которыхъ находится. Въ особенности нельзя ожидать, чтобы въ губерніяхъ средней черноземной полосы Россіи стали строиться мелкіе заводы, по случаю дороговизны топлива и особыхъ мѣстныхъ условій хозяйства.

Остается еще рассмотретьъ, какъ отзовется новый законъ для очень крупныхъ заводовъ и не будутъ ли они поставлены въ необходимость совершенно прекратить свое дѣйствіе вслѣдствіе значительнаго уменьшенія для нихъ безъакцизнаго отчисленія.

Въ этомъ отношеніи лучшій отвѣтъ даетъ сама практика. Цѣны на спиртъ стоятъ обыкновенно на столько ниже дѣйствительной стоимости его, на сколько казна даетъ крупнымъ заводчикамъ выгоды отъ перекура, изъ чего можно заключить, что крупные заводчики, чтобы сбыть свое огромное производство, понижаютъ цѣну на спиртъ на счетъ казенной субсидіи. Если еще принять въ соображеніе, что спиртъ крупнымъ заводчикамъ обходится гораздо дешевле, чѣмъ мелкимъ, то понятно, что послѣдніе не могутъ выдерживать борьбы и сходятъ весьма скоро со сцены. Такимъ образомъ крупные заводчики не могутъ особо жаловаться на новый законъ, ибо онъ отнимаетъ у нихъ то, чѣмъ они до сихъ поръ для себя пользовались, уступая складчикамъ спиртъ по удешевленной цѣнѣ. Тѣ изъ крупныхъ заводовъ, которые до сихъ поръ вели свое дѣло не экономно, имѣли, на примѣръ, слишкомъ дорогую администрацію и т. п., должны будутъ болѣе озаботиться объ удешевленіи производства, независимо отъ величины его.

Но жизнѣнность крупныхъ заводовъ до такой степени велика, что скорѣе можно ожидать противоположнаго результата, т. е., что положенныя въ законѣ различія окажутся недостаточными и потребуется, со временемъ, ихъ увеличить.

Положеніе заводовъ среднихъ по величинѣ выкурки отъ 1-го до 3-хъ милліоновъ градусовъ (отъ 25 до 75 тысячъ ведеръ въ 40°) несомнѣнно улучшится, ибо они будутъ поставлены въ болѣе благоприятныя, чѣмъ были до сихъ поръ, условія по отношенію къ крупнымъ, несмотря на то, что для среднихъ заводовъ не сдѣлано никакой прибавки въ безъакцизномъ

отчисленіи. Очень же мелкіе заводы, въ общей своей совокупности, не могутъ накуривать слишкомъ большаго количества вина, чтобы быть особо опасными для среднихъ заводовъ, и, наконецъ, прибавка, сдѣланная мелкому винокурению, весьма незначительна.

Вообще надобно полагать, что непремѣннымъ послѣдствіемъ новаго закона будетъ нѣкоторое уравненіе въ размѣрахъ выкурки между заводами и, по крайней мѣрѣ, на первое время установятся болѣе правильныя цѣны на спиртъ.

Отъ уничтоженія перекура и замѣны его безъакцизнымъ отчисленіемъ въ вышесказанныхъ размѣрахъ Государственное Казначейство получитъ значительную выгоду, которую трудно впередъ точно опредѣлить, ибо неизвѣстно, какъ измѣнится характеръ винокурения. Еслибы все осталось по-прежнему, то экономія казны выразилась бы суммою, не меньшею 2-хъ милліоновъ рублей. Въ будущемъ сумма эта будетъ расходоваться на поддержку развивающагося болѣе мелкаго сельско-хозяйственнаго винокурения, тогда какъ въ настоящее время она лежитъ на немъ тяжелымъ гнетомъ, служа къ искусственному пониженію цѣны на спиртъ ниже его стоимости.

Отъ нѣкоторыхъ приходится слышать упрекъ новому закону въ томъ, что отъ него пострадаютъ преимущественно Великороссійскія губерніи, въ которыхъ развилось очень крупное винокурение и, напротивъ того, выиграютъ наши западныя провинціи, такъ какъ въ нихъ и въ настоящее время уже существуетъ мелкое сельско-хозяйственное винокурение.

Фактически это, отчасти, справедливо, но съ этимъ обстоятельствомъ приходится мириться, такъ какъ оно есть неизбежное слѣдствіе того, что слишкомъ крупное винокурение вообще не желательно въ общегосударственномъ смыслѣ, и что оно вызвано было въ Великороссійскихъ губерніяхъ не столько экономическими потребностями края, сколько стремленіемъ заводчиковъ какъ можно скорѣе воспользоваться тѣми выгодами, которыя, на первое время, предоставляла акцизная система, а потому совершенно естественно, что, въ настоящее время, приняты правительствомъ мѣры къ нѣкоторому ограниченію такого положенія.

Во всякомъ случаѣ пониженіе размѣра безъакцизнаго отчисления не коснулось среднихъ по величинѣ заводовъ, курящихъ отъ 25 до 75 тысячъ ведеръ, а такіе заводы нельзя счи-

татъ очень малыми, въ особенности при винокурениі изъ картофеля.

Наконецъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что мелкіе заводы, требующіе себѣ поддержки, находятся не въ однѣхъ только западныхъ губерніяхъ Россіи; въ такомъ же точно положеніи находятся многія изъ Великороссійскихъ губерній съ нечерноземною почвою, какъ-то губерніи: Смоленская, Тверская, Новгородская, Ярославская, Костромская, Владимірская и другія.

Скорѣе можно бы было согласиться съ тѣми, которые находятъ, что для мелкихъ заводовъ оказана недостаточная помощь.

Между тѣмъ болѣе сильное премириваніе мелкаго винокурениі положительно невозможно безъ одновременнаго раздѣленія Россіи, по мѣстностямъ, на районы, съ различными размѣрами безъакцизнаго отчисленія.

Такого рода дѣленіе на районы, при первоначальномъ обсужденіи проекта, было признано совершенно неисполнимымъ, и слѣдовательно оставалось ограничиться примѣненіемъ ко всей Россіи одной и той же мѣры.

Условія мелкаго винокурениі въ разныхъ мѣстностяхъ до такой степени разнообразны, что трудно установить тотъ размѣръ преміи, при которой она оказалась бы достаточною для устройства вновь заводовъ въ средней Россіи и не вызвала бы, въ то же время, огромнаго производства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и безъ того существуетъ мелкое винокурение, не нуждаясь въ особой усиленной поддержкѣ.

Поэтому все вниманіе было обращено не столько на оказаніе прямой помощи, сколько на устраненіе тѣхъ вредныхъ сторонъ акцизнаго устройства, которыя производятъ давленіе на мелкое сельско-хозяйственное винокурение.

Кромѣ того, новый законъ коснулся самаго больнаго мѣста въ винокурениі дѣлѣ, а именно — существующаго перепроизводства спирта, и, въ этомъ отношеніи, сдѣланъ первый шагъ къ нѣкоторому ограниченію количества выкуриваемаго на заводахъ вина. Выразилось это тѣмъ, что на будущее время воспрещено строить очень большіе заводы, сверхъ извѣстнаго размѣра, и не дозволяется устройство заводовъ въ городахъ и акціонерными компаніями. Косвенно, въ томъ же смыслѣ, должно оказать вліяніе значительное ограниченіе величины безъакцизнаго отчисленія для большинства заводовъ.

Тѣмъ не менѣе было бы крайне ошибочно ожидать отъ дѣйствія новаго закона немедленнаго и полнаго исправленія винокуреннаго дѣла и установленія выгодныхъ для заводчиковъ цѣнъ на вино.

Такому желательному дѣйствию закона можетъ въ значительной степени помѣшать одно правительственное распоряженіе, вошедшее въ недавнее время въ силу, а именно постепенное сокращеніе и, въ будущемъ, совершенное уничтоженіе выдачи преміи за спиртъ, вывозимый за границу.

Какъ извѣстно, вывозъ спирта за границу достигъ, за послѣднее время, до огромнаго размѣра, а именно до $\frac{1}{3}$ всего выкуриваемаго въ Имперіи спирта, что составляетъ почти 19 милліоновъ ведеръ въ 40°. Цѣны за границею на спиртъ стоятъ на столько низкія, что вывозъ этотъ можетъ быть производимъ только при условіи уплаты заводчикамъ казною значительной преміи, которая доходила почти до 40 копѣекъ съ ведра въ 40° и, слѣдовательно, въ сложности требовала отъ казны жертвы въ $6\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Правительство не останавливалось, однако, предъ такимъ крупнымъ расходомъ, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду освобожденіе внутреннихъ рынковъ отъ избыточно накуреннаго спирта.

Результаты однако не оправдали сдѣланныхъ затратъ на преміи, ибо послѣднія только развили искусственно винокуреніе до небывалыхъ размѣровъ на западныхъ окраинахъ и вызвали, соотвѣтственное выдаваемой преміи, пониженіе спиртовыхъ цѣнъ на граничныхъ рынкахъ. Пользуясь этимъ, иностранцы стали на счетъ русской казны почти за безцѣнокъ получать въ видѣ спирта тѣ сельско-хозяйственные продукты, изъ которыхъ выкуривалось вино, при чемъ этому много способствовало сильное паденіе нашего денежнаго курса.

Такимъ образомъ, несмотря на кажущееся весьма важное значеніе для государства такого значительнаго вывоза спирта за границу, пришлось, въ виду сказанныхъ условій, отказаться отъ дальнѣйшаго поддержанія его посредствомъ столь высокой преміи.

Кромѣ Прибалтійскихъ провинцій и Царства Польскаго еще много накуривали спирта для экспорта губерніи южныя и юго-западные, но съ тою разницею, что спиртъ изъ этихъ мѣстностей былъ преимущественно паточный.

Если, по мѣрѣ уменьшенія вывозной преміи, не будетъ соотвѣтственно возвышаться цѣна на спиртъ за границею, и

заводчики, кутившіе для экспорта, не уменьшать своего обыкновеннаго производства, то неминуемымъ слѣдствіемъ прекращенія преміи—будетъ значительный наплывъ этого спирта на внутренніе рынки и окончательное разстройство винокуреннаго дѣла въ Великороссійскихъ губерніяхъ.

Что касается паточнаго спирта, накуриваемаго на югѣ и юго-западѣ Россіи, то надобно полагать, что количество его сильно уменьшится вмѣстѣ съ дѣйствіемъ новаго закона, лишившаго это производство всѣхъ его особыхъ, исключительныхъ привилегій.

Въ настоящее время за границу (въ Австрію) уже почти нѣтъ заводовъ, куращихъ изъ патоки, ибо тамъ стали предпочитать добываніе изъ нея продукта болѣе цѣннаго, а именно—сахара.

Паточный спиртъ, какъ извѣстно, очень трудно очищается отъ разныхъ вредныхъ для здоровья примѣсей, а потому было бы весьма желательно, чтобы онъ шелъ въ продажу какъ напитокъ, только вполне очищенный, посредствомъ особой перегонки, а въ сыромъ видѣ отпускался бы съ заводовъ только для техническихъ цѣлей, тамъ, гдѣ это возможно.

Но помимо этого спирта, который накуривался въ надеждѣ сбыть его за границу, существуетъ еще внутреннее перепроизводство, которое въ особенности характеризуется тѣмъ, что оно далеко не повсемѣстно, а сгруппировано преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, тогда какъ въ другихъ—даже чувствуется недостатокъ въ винѣ, и оно привозится туда изъ сосѣднихъ губерній.

Примѣрами мѣстностей съ огромнымъ производствомъ спирта могутъ служить губерніи Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Тульская, Эстляндская и другія.

За удовлетвореніемъ мѣстной потребности въ винѣ и спроса въ другія губерніи, избытокъ накуриваемаго вина ищетъ себѣ помѣщенія въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ. Здѣсь-то и начинается настоящее горе заводчиковъ. Правильной спиртовой биржи не имѣется; приходится обращаться къ посредству мелкихъ коммисіонеровъ по продажѣ спирта, обыкновенно изъ евреевъ.

Заводчики другъ предъ другомъ сбиваютъ цѣны, спѣша помѣстить свои партіи за какую бы то ни было цѣну, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, страдаютъ недостаткомъ оборотнаго капитала и желаютъ избавиться отъ усышки.

Складчики, конечно, всѣмъ этимъ пользуются и очень сдержанно назначаютъ цѣны на спиртъ, наученные опытомъ, что какъ бы, повидимому, дешево ни назначили цѣны, весьма часто случается, что является новое предложеніе по еще меньшей цѣнѣ.

Прежде было время, когда складчики спѣшили запасаться спиртомъ на весь годъ, опасаясь сильнаго возвышенія цѣнъ въ лѣтнее время; въ настоящее же время они этого избѣгаютъ, и за каждую продажею нужно особо хлопотать.

Объ помѣщеніи малыхъ партій, напримѣръ, въ 1.000 ведеръ, не можетъ быть и рѣчи; никто на нихъ не обратитъ вниманія, развѣ за сущій безцѣнокъ.

Трудно себѣ объяснить и даже представить, до чего иногда падаютъ, такимъ образомъ, цѣны на спиртъ. Бываютъ даже такіе случаи, когда ни за какую цѣну нельзя продать спирта въ Москвѣ.

Казалось бы, изъ этого можно заключить, что если заводчики въ состояніи такъ дешево продавать спиртъ, то дѣла ихъ должны быть въ цвѣтущемъ состояніи; между тѣмъ дѣйствительность далека отъ этого, и все объясняется неравсчитливымъ накуриваніемъ излишняго вина, въ надеждѣ его продать, не справляясь должнымъ образомъ съ положеніемъ рынка.

Можно утвердительно сказать, что не столько виновато въ этомъ случаѣ собственно перепроизводство спирта, сколько окончательное неустройство правильныхъ торговыхъ отношеній и отсутствіе всякой солидарности между заводчиками.

Впрочемъ не всѣ мѣстности Россіи находятся въ такомъ положеніи; такъ, напримѣръ, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ существуетъ самый тѣсный союзъ между заводчиками и, несмотря на громадную выкурку, никакихъ затрудненій въ продажѣ спирта не встрѣчается. На складчиковъ никто тамъ не жалуется, ибо они находятся въ полной зависимости отъ заводчиковъ и представляютъ скорѣе ихъ комиссіонеровъ по продажѣ вина. Нѣчто подобное устраивается въ Царствѣ Польскомъ.

Что же касается прочихъ русскихъ заводчиковъ, то по крайнему удаленію ихъ другъ отъ друга, а главное, по разнхарактерности въ ихъ общественномъ положеніи, образованіе такихъ оборонительныхъ союзовъ и товариществъ весьма проблематично. Тѣмъ не менѣе, было бы крайне полезно,

въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, устроятъ правильныя спиртовныя биржи, на которыхъ могли бы происходить свиданія, въ опредѣленные часы, между покупателями и продавцами спирта, и можно бы было во всякое время имѣть свѣдѣнія о состояніи заграничныхъ цѣнъ на спиртъ, а также объ имѣющихся запасахъ и, вообще, о положеніи винокурения въ той или другой мѣстности Россіи.

Все это значительно бы облегчило заводчиковъ при продажѣ ими спирта, и они менѣе впадали бы въ неизбѣжныя ошибки.

Главнымъ образомъ здѣсь грустно то, что отъ подобной сбавки цѣнъ на вино никто въ сущности не выигрываетъ, ибо, при столь высокомъ акцизѣ, на мелочной продажѣ это почти не отражается, а между тѣмъ заводчики разоряются, принимая на ведро убытка иногда 20 и болѣе копѣекъ, считая въ томъ числѣ то, что они получили отъ казны въ видѣ перекура.

Надобно надѣяться, что съ открытіемъ дѣятельности строящагося въ Москвѣ, на счетъ казны, спиртохранилища, будетъ положено начало къ болѣе правильной обстановкѣ торговли спиртомъ, если не по почину заводчиковъ, то хотя бы при участіи и содѣйствіи правительства.

Можетъ быть, со временемъ, подобныя спиртохранилища, устроенныя въ главнѣйшихъ центрахъ торговли спиртомъ, послужатъ основаніемъ и помощію для заводчиковъ къ образованію товариществъ для оптовой торговли спиртомъ, что было бы въ высшей степени желательно.

Сидѣмъ даже думать, что только этимъ путемъ подобныя спиртохранилища могутъ оказать заводчикамъ наибольшую помощь; въ противномъ случаѣ, ими воспользуются, въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ складчики.

Заграницею, въ послѣднее время, обращено во многихъ государствахъ чрезвычайное вниманіе на уравновѣшиваніе винокуренаго производства, съ дѣйствительнымъ потребленіемъ вина народонаселеніемъ, и также введены различныя мѣры къ поощренію мелкаго сельско-хозяйственнаго винокурения. Главнымъ способомъ къ ограниченію перепроизводства служить опредѣленіе для каждаго завода извѣстной нормы для годовой выкурки. При опредѣленіи такихъ нормъ принимается въ соображеніе отчасти величина выкурки за прежніе годы, но болѣе всего обращается вниманіе на количество потребляемаго

вина народонаселеніемъ въ данной мѣстности. Все, что будетъ накурено на заводѣ сверхъ назначеннаго такимъ образомъ количества, облагается болѣе высокимъ акцизомъ. По прошествіи 3-хъ лѣтъ, такая нормировка или иначе — раскладка выкурки по заводамъ измѣняется согласно перемѣнившимся условіямъ. Такимъ образомъ можно быть увѣреннымъ, что количество выкуриваемаго вина не будетъ значительно превышать существующей въ немъ потребности.

Нельзя не замѣтить, что выработанныя за границею, для этихъ цѣлей, законоположенія—чрезвычайно сложны и разнообразны. Едва-ли что-нибудь подобное можетъ быть примѣнено въ Россіи, въ особенности принимая въ соображеніе существующую крайнюю неравномѣрность въ производствѣ спирта, смотря по мѣстностямъ.

Единственнымъ средствомъ было бы для Россіи выработать особыя правила, по которымъ, на будущее время, устройство новыхъ заводовъ подлежало бы предварительному разрѣшенію правительствомъ, при чемъ должна бы была приниматься въ расчетъ большая или меньшая сравнительная потребность въ такихъ заводахъ для данной мѣстности. Такимъ образомъ, мало-по-малу, устоявилась бы болѣшая равномѣрность въ распредѣленіи винокурения по всей Россіи. Безъ этого будетъ постоянно продолжаться нескончаемое уничтоженіе однихъ заводовъ, вслѣдствіе появленія новыхъ безъ особой въ нихъ надобности. Каждое такое закрытіе завода и нерасчетливое устройство новаго имѣетъ послѣдствіемъ крупныя убытки и часто разореніе частныхъ лицъ и неизбежно отзывается на общемъ благосостояніи государства.

Хотя, согласно новому закону, вмѣстѣ съ увеличеніемъ выкурки, значительно понижается безъакцизное отчисленіе, но мѣра эта не всегда окажется достаточною, чтобы остановить заводчика отъ увеличенія его выкурки, производимой въ видахъ удешевленія производства и, вообще, увеличенія суммы получаемого отъ винокурения годового дохода.

Крайне было бы необходимо, со временемъ, въ дополненіе къ закону 4 іюня, ввести ограниченіе величины выкурки и на существующихъ заводахъ, и привести ихъ постепенно къ тому же предѣльному размѣру выкурки, который опредѣленъ закономъ для заводовъ, имѣющихъ строиться послѣ 1 іюля 1890 года.

Подобное ограниченіе величины выкурки практикуется почти повсемѣстно за границею.

Въ Финляндіи наибольшая величина выкурки не можетъ превышать на заводѣ 40 тысячъ ведеръ въ 40°, а также назначена и минимальная величина, и при томъ несравненно большая, чѣмъ въ Россіи.

Многіе изъ сельскихъ хозяевъ ожидали, что поощреніе сельско-хозяйственнаго винокуренія будетъ состоять, между прочимъ, въ томъ, что будетъ разрѣшено и даже правительствомъ оказать помощь при устройствѣ самыхъ мелкихъ заводовъ почти кустарнаго характера.

Нѣчто подобное существуетъ въ Россіи для фруктово-винограднаго производства, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣнено для всего винокуренія вообще, ибо крайне бы затруднило надворъ за поступленіемъ акциза и при томъ едва-ли, при настоящемъ положеніи винокуренной техники, такіе малые заводы могутъ съ выгодой дѣйствовать и, вообще, существовать.

По дѣйствующему въ Россіи законоположенію, наименьшій предѣлъ разрѣшаемыхъ винокуренныхъ заводовъ, по силѣ ихъ, соотвѣтствуетъ приблизительно выкуркѣ въ 3.000 ведеръ въ 40° въ 200 дней. Но увеличеніе размѣра безакцизнаго отчисленія останавливается, какъ выше было сказано, на $\frac{1}{2}$ милліонѣ градусовъ выкурки (т. е. 12 $\frac{1}{2}$ тыс. ведеръ). Изъ этого слѣдуетъ, что хотя законъ и допускаетъ болѣе мелкое винокуреніе, но правительство не считаетъ нужнымъ ему особо покровительствовать.

Въ виду всѣхъ предлагаемыхъ мѣръ ограниченій и регламентаціи, можно бы было усомниться, есть ли вообще надобность правительству входить въ такія подробности и прибѣгать къ ограниченію свободы производства?

Не говоря уже о примѣрѣ иностранныхъ государствъ, которыя не останавливаются ни предъ какими мѣрами, лишь бы только достигнуть благопріятнаго результата въ дѣлѣ упорядоченія винокуренія, Россія, извлекаящая изъ этого производства главнѣйшую часть своего бюджетнаго дохода, а именно $\frac{1}{3}$ часть его и содержащая на этотъ счетъ всю свою армію, находится въ особыхъ условіяхъ.

Вѣрное поступленіе этого дохода зависитъ отъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ: отъ дѣятельности и личнаго состава акцизнаго надзора и, еще въ большей степени, отъ личнаго

состава заводчиковъ, производящихъ винокурение и служащихъ какъ бы контрагентами правительства въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ, при томъ въ высшей степени тяжеломъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время винокурение, лучшіе дѣятели изъ заводчиковъ одинъ за другимъ покидаютъ это поприще.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не отнестись съ величайшею признательностью къ правительству за то, что оно, внявъ просьбамъ и ходатайствамъ сельскихъ хозяевъ, рѣшилось сдѣлать первый важный шагъ къ установленію должной связи винокурениа съ земледѣліемъ.

Винокурение чрезъ это перестало быть исключительно дѣломъ фиска и приобрѣло сразу важное экономическое значеніе въ нашемъ отечествѣ.

И такъ, благое начало положено, а дальнѣйшее развитіе его будетъ дѣломъ времени и неустанныхъ заботъ правительства о преуспѣяніи винокурениа и тѣсно связаннаго съ нимъ сельскаго хозяйства въ Россіи.

Л. ПИШКОВЪ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“.—Памяти А. Д. Пазухина.—
Плоды финляндской автономіи.—Борьба съ штундою.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

„Въ планѣ учебной программы Цесаревича входило ознакомленіе на мѣстѣ съ различными областями обширной родины, а также путешествіе и по иноземнымъ государствамъ. Цесаревичъ неоднократно сопровождалъ своихъ августѣйшихъ родителей въ поѣздкахъ по Россіи; передъ нимъ не разъ уже развертывалась панорама первопрестольной столицы; видѣлъ онъ и оживленіе макарьевской ярмарки въ Нижнемѣ, поднимался на пароходѣ вверхъ по Волгѣ до Рыбинска, посѣтивъ наши исконныя старыя города: Кострому, Угличъ и Ярославль.

„Привислинскія и Финляндскія губерніи, Придонской Край, Новороссія, Кавказъ и, наконецъ, Юго-Западный Край, вотъ перечень тѣхъ мѣстностей, гдѣ Цесаревичъ не только проѣзжалъ, но останавливался иногда на значительное время и имѣлъ возможность вглядываться въ картину прошлаго и знакомиться съ современнымъ ихъ состояніемъ. Какъ ни обширенъ былъ районъ Высочайшихъ путешествій, но сюда не могли войти наши громаднѣйшія восточныя области, привлекавшія вниманіе Цесаревича. Для исполненія этого желанія, отвѣчавшаго плану завершенія образованія, и предпринято настоящее путешествіе на дальній Востокъ, причемъ рамки маршрута, по сравненію съ предъидущими, расширились и охватили громадную цѣпь интереснѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ европейскихъ, африканскихъ и азійскихъ станцій.

„До настоящаго путешествія Наслѣдникъ Цесаревичъ уже не первый разъ переступаетъ пограничную черту; такъ, Его Императорское Высочество неоднократно гостилъ у державныхъ родныхъ въ Даніи, посѣщалъ Грецію, Австрію и Германію; причемъ въ 1888 году Цесаревичъ выполнилъ самостоятельную миссію представительства въ Берлинѣ по случаю смерти Императора Вильгельма I“.

Раньше чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, постараемся дать сжатый очеркъ общаго плана учебныхъ занятій Цесаревича, предшествовавшихъ большому образовательному путешествію.

„Въ апрѣлѣ 1877 года, къ девятилѣтнему великому князю Николаю Александровичу назначенъ былъ воспитателемъ директоръ 2-й военной гимназіи и педагогическихъ при ней курсовъ, генераль-маіоръ (нынѣ генераль-адъютантъ) Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, успѣвшій зарекомендовать себя въ военно-учебномъ вѣдомствѣ, какъ талантливый и опытный педагогъ-организаторъ. Съ этого времени великій князь, продолжая оставаться въ постоянномъ общеніи съ августѣйшими родителями, главными его воспитателями, приступилъ, подъ руководствомъ генерала Даниловича, къ систематическимъ учебнымъ занятіямъ.

„Подобно тому, какъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ предназначается восемь лѣтъ для гимназическаго курса и четыре года для занятій въ университетѣ (на юридическомъ факультетѣ), предполагалось и учебныя занятія Цесаревича распредѣлить на двѣнадцать лѣтъ, причемъ, по окончаніи общаго образованія, послѣдніе четыре года посвятить высшему курсу.

„Первые восемь учебныхъ лѣтъ обнимали предметы гимназическаго курса, съ тѣмъ, однако, рѣзкимъ отличіемъ, что вмѣсто изученія классическихъ языковъ введено было: въ младшемъ возрастѣ—элементарное преподаваніе минералогіи, ботаники и зоологіи, а впослѣдствіи—анатоміи и физиологіи. Кроме того, прибавлено преподаваніе англійскаго языка и расширено, по сравненію съ гимназическимъ курсомъ, изученіе политической исторіи, русской словесности, французскаго и нѣмецкаго языковъ.

„Курсъ высшихъ наукъ въ общемъ планѣ учебныхъ занятій Наслѣдника Цесаревича долженъ былъ отвѣчать двумъ цѣлямъ: изученію съ *достаточною подробностью военнаго дѣла и основательному знакомству съ главнѣйшими основаніями юридичес-*

скихъ и экономическихъ наукъ, необходимыхъ государственному дѣятелю.

Назовемъ нѣкоторыхъ изъ лицъ, которымъ, по волѣ Государя Императора, поручено было вести занятія съ Цесаревичемъ по отдѣлу военныхъ наукъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ именами наиболѣе популярныхъ военныхъ профессоровъ: Н. Н. Обручевъ—по военной статистикѣ, М. И. Драгомировъ—боевой подготовкѣ войскъ, Г. А. Лееръ—стратегии и военной исторіи, Н. А. Демьяненокъ—артиллеріи, П. Л. Лобко—военной администраціи, О. Э. Штубендорфъ—геодезии и топографіи, П. К. Гудимъ-Левковичъ—тактикѣ, Ц. А. Кюи—фортификаціи, А. К. Пузыревскій—исторіи военнаго искусства.

„Всѣ эти лица, въ выборѣ которыхъ близкое участіе принималъ военный министръ, съ честью работали на профессорскихъ кафедрахъ въ нашихъ военныхъ академіяхъ и почти всѣ имѣли возможность, занимая значительное положеніе въ войскахъ по строевой или административной дѣятельности, провѣрять свои научные взгляды на поучительномъ практическомъ поприщѣ.

„Собственно для усвоенія строевой службы и ознакомленія съ войсковымъ бытомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, послѣ предварительной подготовки, фактически вступилъ въ ряды лейбъ-гвардіи Преображенскаго и гусарскаго Его Величества полковъ. Сначала Его Императорское Высочество провелъ два лагерныхъ сбора въ пѣхотѣ, исполняя обязанности сперва субалтернъ-офицера, а потомъ ротнаго командира. Два послѣднихъ лѣтнихъ сезона Цесаревичъ посвятилъ кавалерійской службѣ, въ качествѣ взводнаго офицера и эскадроннаго командира.

„По второму отдѣлу высшаго учебнаго курса Его Величествомъ избраны были для преподаванія почтенные русскіе ученые, большинство которыхъ, помимо блестящей профессорской репутаціи, имѣли за собою опытъ обширной государственной дѣятельности. Приводимъ новый перечень яркихъ именъ, извѣстныхъ всей образованной Россіи: І. Л. Янышевъ—по каноническому праву въ связи съ исторіею церкви, главнѣйшимъ отдѣламъ богословія и исторіи религій; Н. Х. Бунге—по статистикѣ, политической экономіи и финансамъ; К. П. Побѣдоносцевъ—по энциклопедіи законовѣдѣнія, государственному, гражданскому и уголовному праву; М. Н. Капустинъ—по

международному праву; Е. Е. Замысловскій—по политической исторіи и А. Н. Бекетовъ—по химіи.

„Въ послѣдніе два года Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ званіи члена Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, принималъ участіе въ занятіяхъ этихъ двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій и такимъ путемъ познакомился съ законодательною и высшею административною дѣятельностью.

„Сложность программы высшаго учебнаго курса привела къ необходимости продолжить занятія Его Императорскаго Высочества, сверхъ предположеннаго срока, еще на одинъ годъ.

„Въ 1890 году, съ окончаніемъ полнаго курса, представилась возможность осуществить предположеніе Августѣйшаго ученика относительно большаго путешествія на Востокъ. На посѣщеніе дальнихъ окраинъ Цесаревичъ смотрѣлъ не какъ на увеселительную прогулку, а какъ на исполненіе долга, какъ на возможность пріобрѣтенія опыта и свѣдѣній, могущихъ впослѣдствіи быть полезными на службѣ Государю и Отечеству.

„Въ Сибирь Цесаревича влекло важное политическое и экономическое значеніе этой части русскаго государства, влекло и желаніе изучить на мѣстѣ вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ. Какъ атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, великому князю также весьма желательно было подробно осмотрѣть мѣстныя казачьи части. Путь въ Сибирь былъ, конечно, выбранъ морской, вносящій новый интересъ и высокую поучительность; кромѣ того, дальнее и продолжительное плаваніе ставило высокаго путешественника лицомъ къ лицу съ условіями и трудностями военно-морской службы.

„По дорогѣ въ Владивостоку, начальному пункту обозрѣнія отечественныхъ областей, — предположено было ознакомиться съ попутными землями. Являлась возможность осуществить одно изъ самыхъ завѣтныхъ пожеланій Цесаревича, а именно: поклониться св. Гробу Господню, отговѣть и причаститься св. Тайнъ въ Иерусалимѣ, среди памятниковъ старины и мѣстности, богатой воспоминаніями о земной жизни и Божественномъ ученіи Христа Спасителя.

„Этому пожеланію Цесаревича теперь не суждено было осуществиться, такъ какъ, по политическимъ соображеніямъ, поѣздку въ Палестину и на Аеонъ пришлось отложить до другаго времени.

„Великаго князя, помимо Палестины, а также и Греціи, въ

которой Его Императорское Высочество провелъ ранѣе пять недѣль, не могли не манить глубоко интересныя классическія страны древнѣйшаго періода культуры—Египетъ и Индія, а также наши ближайшіе сосѣди: Китай и Японія.

„Для путешествія выработанъ обстоятельный и полный маршрутъ. Подробности обзора Египта обсуждены при участіи великаго князя Сергія Александровича, посѣтившаго недавно эту страну, а также нашего посла въ Турціи и посланника въ Греціи. Тайный совѣтникъ Влангали, бывшій долгое время русскимъ посломъ въ Китаѣ, представилъ предположенія о посѣщеніи Индіи.

„Руководящимъ направлениемъ для движенія по Сибири Наолѣдникъ Цесаревичъ избралъ старый сибирскій трактъ. Разъясненія, которыя полезно было сдѣлать для этой главнѣйшей части путешествія, по дѣлу военному и историческимъ даннымъ, составлены по указаніямъ военнаго министра; а по вопросамъ экономическимъ и административнымъ справки изготовлены подъ руководствомъ управляющаго дѣлами Комитета Министровъ“.

* * *

27 января скончался въ Петербургѣ Алексѣй Дмитриевичъ Пазухинъ. Лично имѣвъ отношенія съ покойнымъ и зная его близко, мы глубоко чувствуемъ потерю такого живаго, исполненнаго горячей и безкорыстной любви къ дѣлу, человека. Направление его надеждъ, ожиданій и желаній въ такой мѣрѣ сходило съ нашими воззрѣніями, что мы бы посильно желали проводить его въ нашемъ журналѣ.

Въ своей замѣчательной статьѣ „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ“, шесть лѣтъ тому назадъ помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, покойный писалъ:

„Мы видимъ Россію какъ бы раздвоенною. Существуетъ Россія историческая, покоящаяся на тѣхъ основахъ, которыя выработаны тысячелѣтіемъ, преданная идеямъ, которыя завѣщаны ей прошлымъ, Россія вѣрующая и способная на великія жертвы. Рядомъ съ ней живетъ другая Россія, не знающая своей исторіи, не имѣющая никакихъ идеаловъ, никакого уваженія къ прошлому, никакихъ заботъ о будущемъ, ни во что не вѣрующая и способная лишь къ разрушенію. Положеніе,

въ которомъ находится та и другая, далеко не одинаково. Весь установившійся складъ жизни подавляетъ Россію историческую, которая осмѣливается возвышать свой голосъ лишь въ минуты испытаній, когда грозитъ опасность самому существованію государства, между тѣмъ какъ другая, враждебная ей Россія, заявляетъ о себѣ каждадневно и требованіемъ конституціи, и хищеніемъ общественнаго достоянія, и подвигами тайной крамолы“.

По крови и духу всецѣло принадлежа Россіи исторической, Алексѣй Дмитріевичъ ревностно послужилъ великому дѣлу обновленія и упроченія ея началъ въ нашей государственной жизни. Его имя неразрывно связано съ новѣйшимъ поворотомъ въ нашей внутренней политикѣ, связано съ тѣмъ отрешеніемъ умовъ, которое вызвало сознаніе необходимости заботы о мѣстномъ управленіи и его постановкѣ на твердыхъ основахъ сословности и единенія съ правительственною властью. Въ зиму 1884—1885 гг. еще работала т. н. Кахановская коммисія, въ средѣ которой и образовалась рѣшительная оппозиція направленію ея главнаго руководителя. Призванный къ участию въ занятіяхъ коммисіи, въ качествѣ свѣдущаго человѣка, алатырскій предводитель дворянства А. Д. Пазухинъ былъ душою этой оппозиціи и ея живымъ словомъ. Не довольствуясь протестами въ закрытыхъ засѣданіяхъ, Алексѣй Дмитріевичъ гласно выступилъ борцомъ за историческія основы порядка въ мѣстномъ управленіи, основы, которымъ угрожала опасность крушенія. Покойный графъ Д. А. Толстой тотчасъ тогда обратилъ вниманіе на такого дѣятеля. Нуждаясь въ энергическомъ сотрудничествѣ убѣжденныхъ и талантливыхъ людей, питавшихъ мнѣнія, давно исчезнувшія изъ среды нашихъ центральныхъ вѣдомствъ, графъ пригласилъ алатырскаго предводителя дворянства занять мѣсто правителя канцеляріи Мин. Внутр. Дѣлъ, а затѣмъ въ эту канцелярію были переданы и труды закрытой Кахановской коммисіи.

* * *

Можно себѣ представить, въ какія тяжелыя условія была поставлена дѣятельность человѣка, прямо отъ земли водвореннаго въ средѣ чуждой ему бюрократіи и горячо преданнаго служенію идеѣ, несимпатичной всему сонму разночинныхъ карьер-

еристовъ. Идя противъ теченія, онъ могъ полагаться только на свои собственныя силы и долженъ былъ еще поддерживать ослабленную тѣлеснымъ недугомъ энергію самого инициатора задуманныхъ преобразованій. Совершенно несправедливо ставить теперь въ заслугу А. Д. Пазухину одну „черную работу“. Ему, напротивъ, принадлежитъ основная мысль новыхъ проектовъ, съ такою ясностью и убѣдительною изложенная имъ сперва на страницахъ „Русскаго Вѣстника“. Во время же ихъ составленія на немъ одномъ лежала задача отражать нападенія противниковъ, бороться съ ними не только въ канцеляріяхъ, но и въ печати. Нужны были выдающіяся способности и большая сила воли, чтобы отстоять въ названныхъ проектахъ даже то, что уцѣлѣло въ нихъ по смерти графа Толстого. Чрезвычайное напряженіе нервовъ въ теченіе четырехъ лѣтъ стоило Пазухину жизни: онъ умеръ еще во цвѣтѣ лѣтъ (на 46-мъ году отъ роду) отъ послѣдствій нервной горячки, умеръ „слишкомъ поадно“, какъ не отъснѣются заявлять противники его идеи; но это самое заявленіе ихъ свидѣтельствуетъ о тяжести утраты, понесенной русскимъ дѣломъ. Заслуги покойнаго по достоинству оцѣнили люди, такъ же, какъ и онъ, близкіе къ землѣ и народу. Вдова Алексѣя Дмитриевича получила слѣдующую телеграмму отъ симбирскаго губернскаго и нѣсколькихъ уѣздныхъ предводителей дворянства:

„Съ душевнымъ прискорбіемъ узнали мы о кончинѣ достопамятнаго мужа вашего. Да укрѣпитъ васъ Господь въ тяжкомъ испытаніи, вамъ посланномъ. Велика ваша потеря, но и мы тоже потеряли въ лицѣ покойнаго вѣрнаго выразителя нуждъ нашихъ, нуждъ русской деревни, и не можемъ достаточно сожалѣть о невознаградивою потерѣ нашей. Съ вами молимъ Бога, да пошлетъ Онъ ему успокоеніе въ мірѣ горнемъ, а намъ, живымъ, доставить утѣшеніе видѣть начала вашего мужа укрѣпленными въ отечествѣ нашемъ“.

Смерть застигла Пазухина за разработкой обширнаго плана упорядоченія общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, пришедшаго въ послѣднія десятилѣтія совсѣмъ въ хаотическое состояніе. Соображенія, положенныя въ основаніе этого плана, намъ отчасти извѣстнаго, отличаются глубокою вѣрностью—это результаты многолѣтняго, разносторонняго опыта и серьезныхъ историческихъ изслѣдованій. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы, при необходимой въ настоящее время реформѣ

крестьянской общины, труды А. Д. Пазухина не только были приняты къ свѣдѣнію, но и легли въ основаніе дальнѣйшихъ подготовительныхъ работъ. Покойный принималъ также дѣятельное участіе въ разработкѣ новыхъ началъ земскаго обложения и въ послѣднее время былъ призванъ для обсужденія вопроса объ опекахъ и попечительствахъ.

Покойный во всѣхъ подробностяхъ зналъ нужды „русской деревни“. Послѣдовательно занимая выборныя общественныя должности (мироваго судьи, предсѣдателя земской управы и предводителя дворянства), онъ на опытѣ извѣдалъ неустройство нашей уѣздной жизни. Онъ ясно видѣлъ, что зло коренится въ безначаліи при многовластіи и въ анархіи, облеченной въ форму самоуправленія на началахъ безусловнаго представительства. То были начала измышленнаго, а не дѣйствительнаго общественнаго представительства. Вополнѣ понимая значеніе нравственнаго долга въ общественной дѣятельности и высоко ставя политическое призваніе помѣстнаго дворянства, доказавшаго свою способность въ дѣлѣ земскаго и государственнаго строенія, онъ питалъ надежду, что представители этого сословія будутъ призваны къ участію въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, и мало-по-малу равночинство вынуждено будетъ уступить имъ первенствующее мѣсто во всѣхъ учрежденіяхъ. Тогда только, полагалъ онъ, законодательная и административная дѣятельность правительства войдетъ въ историческую колею и будетъ неразрывно связана съ правильнымъ развитіемъ духовной и матеріальной жизни всего русскаго народа. При всемъ томъ, покойный не желалъ замкнутости дворянства и находилъ, что оно и теперь нуждается въ обновленіи свѣжими силами, но непремѣнно изъ среды *лучшихъ* людей, руководствомъ же для распознаванія такихъ людей не должно служить одно только прохожденіе службы въ канцеляріяхъ...

* * *

Мы коснулись нѣкоторыхъ мыслей А. Д. Пазухина о желанной будущности помѣстнаго дворянства, чтобы указать на ихъ цѣлостность и законченность, а также чтобы предотвратить, по возможности, невѣрное истолкованіе политическихъ убѣжденій покойнаго. Эти убѣжденія, при нѣсколько болѣе

благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы стать нашею политическою дѣйствительностью, которая не угрожала водвореніемъ въ правящихъ сферахъ ни олигархіи, ни плутократіи. Покойный горячо желалъ, чтобы государствомъ правилъ *культурный слой*, который, возвышаясь надъ уровнемъ умственного развитія толпы, долженъ являться представителемъ лишь истинныхъ интересовъ, выразителемъ мнѣній и истолкователемъ чувствъ и желаній своего народа. Онъ самъ считалъ необходимымъ пояснить, что такъ какъ народъ не есть только механическое сочетаніе единицъ, а совокупность живыхъ органическихъ союзовъ, бытовыхъ группъ, историческихъ сословій, то и культурный слой не есть элементъ однородный, способный представлять интересы всей массы народа: онъ можетъ быть представителемъ лишь извѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Только на сословной почвѣ воспитываются люди съ русскимъ чувствомъ, крѣпко связанные съ великимъ прошлымъ нашего отечества и глубоко вѣрующіе въ будущее его величіе. При переходѣ черезъ мостъ, отдѣляющій сословный бытъ отъ бессословной среды, русской человѣкъ разбрасываетъ весь нравственный и политическій багажъ, нажитый трудами поколѣній, и дѣлается гражданиномъ какого-то отвлеченнаго государства. Любовь къ отечеству и преданность престолу, являясь необходимымъ условіемъ сословной жизни, если не отсутствуютъ вполне, то составляютъ лишь случайный и ничтожный элементъ въ жизни бессословной *интеллигенции*. Нашъ *интеллигентъ*, какого бы ранга онъ ни былъ, питаясь книжными доктринами, скоро теряетъ всякое уваженіе къ дѣйствительной жизни. Онъ перестаетъ понимать интересы и чувства сословія, съ которымъ порвалъ связи. Онъ съ презрѣніемъ смотритъ и на мужицкій випуяъ, и на священническую рясу, и на дворянскій мундиръ, враждебно относится и къ народу, и къ историческому государственному строю.

Бессословность есть начало отрицательное и, какъ отрицательное, не могло стать основою жизни. Со времени реформъ, направленныхъ къ разрушенію сословій, явилось болѣзненное чувство тяжести жизни и общее недовольство. Бессословное общество не можетъ не сознавать, что оно стоитъ на колеблющейся, зыбкой почвѣ. Являясь средой, состоящею изъ механическаго сочетанія единицъ, изъ коихъ каждая предоставлена своимъ личнымъ силамъ, бессословное общество не можетъ не сознавать своей зависимости отъ случая, который является

распорядителемъ судьбы современнаго человѣка. Сознаніе этой зависимости есть источникъ нравственныхъ страданій, неизвѣстность судьбы—гнетущій вопросъ. „Можемъ ли, спрашивалъ покойный А. Д. Пазухинъ, — винить нашу интеллигенцію въ томъ, что, потерявъ основную почву, она ищетъ какого-нибудь исхода и готова подвергнуть Россію всевозможнымъ политическимъ экспериментамъ, съ цѣлью лишь добиться для себя болѣе прочнаго соціальнаго положенія?“

* * *

Уклоненія отъ начала единства власти въ государственномъ управленіи не проходятъ безнаказанно. По великодушію или по инымъ побужденіямъ дѣлаемые уступки въ пользу автономіи той или другой области, уступки эти всегда оканчиваются „прискорбными недоразумѣніями“. Завоеванную силою оружія страну приходится вновь завоевывать дисциплинированіемъ ея „свободныхъ“ учреждений. Создается натянутость положеній, вызывающая особую бдительность верховной власти и вообще усложняющая заботы правительства по охранѣ общественнаго порядка и спокойствія. На одной изъ нашихъ окраинъ, въ Финляндіи, уже давно замѣчается странное броженіе умовъ въ правящихъ сферахъ. Нѣкоторые изъ сенаторовъ путемъ устной и печатной пропаганды стали внушать своимъ согражданамъ совершенно превратныя понятія объ основныхъ законахъ края и его политическихъ отношеніяхъ къ „Имперіи“, т. е. къ остальной Россіи. Такъ сказать, отогрѣтые за пазухой русскаго государства, сбитатели „хладныхъ финскихъ скалъ“ вообразили себя народомъ, создавшимъ самостоятельное политическое цѣлое, соединенное съ „Имперіей“ только личною уніей или единствомъ Государя. Областной сеймъ дошелъ въ этомъ заблужденіи до того, что счелъ себя въ правѣ, въ новомъ уложеніи о наказаніяхъ, сдѣлать рѣзкое разграниченіе между подданствомъ Россіи и великому княжеству Финляндскому. По истинѣ изумительно, что постановленія новаго финляндскаго уголовнаго законодательства, затрогивающія международныя отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, оказываются несогласованными съ началами, принятыми въ законахъ Имперіи, и что въ отношеніи преслѣдованія нѣкоторыхъ преступленій на финляндской территоріи Россія

приравнена къ иностраннымъ державамъ, а ея интересы прямо отдѣлены отъ интересовъ Финляндіи.

* * *

Новымъ финляндскимъ уложеніемъ вовсе не предусмотрънъ случай вооруженнаго сопротивленія финляндцевъ русскимъ военнымъ силамъ, а наказаніе за измѣну Россіи низведено на степень взысканія за маловажный проступокъ; допущено отдѣленіе и какъ бы противоположеніе Финляндіи и Россіи, какъ объекта преступныхъ посягательствъ; въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ внѣшней безопасности опущенъ случай обѣщанія иностранному правительству, даннаго прежде начатія войны оказать содѣйствіе его военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, и ничего не сказано объ отвѣтственности за умышленное употребленіе лицомъ, которому поручено вести дипломатическіе переговоры, оказаннаго ему довѣрія въ явный вредъ Россіи; вовсе не упомянуто объ отвѣтственности за порчу публично выставленныхъ русскаго флага или государственнаго герба, когда это сдѣлано съ цѣлью оказать неуваженіе къ власти; оставлена ненаказуемою поддѣлка подложныхъ знаковъ производителей или торговцевъ Имперіи (а не Финляндіи) и даже поддѣлка нашихъ гербовыхъ и почтовыхъ марокъ, по буквальному смыслу русскаго текста разсматриваемаго закона¹⁾, нужно или признать вовсе ненаказуемою поддѣлку выпускаемыхъ правительствомъ кредитныхъ билетовъ и всякихъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ, или допустить, что выраженія „иностранное правительство“ и „другое государство“ объемлютъ собою какъ иностранныя державы, такъ и Россію, за исключеніемъ Финляндіи. Возмутительно, что за непосредственное насиліе надъ членами Императорскаго Дома назначено простое тюремное заключеніе и допущено лишь условное лишеніе довѣрія согражданъ даже за тягчайшія государственныя преступленія. Оказывается такимъ образомъ, по сличеніи различныхъ статей

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что, по существующему порядку изданія финляндскихъ законовъ, первоначально составляется шведскій текстъ, съ него дѣлается, при гельсингфорскомъ сенатѣ, русскій переводъ, который провѣряется и исправляется въ статсъ-секретаріатѣ, и затѣмъ русскій же текстъ закона подносится на Высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ русскій текстъ юридически становится не переводомъ, а именно текстомъ закона.

*

новаго финляндскаго уложенія, что убійца частнаго лица безусловно лишается довѣрія согражданъ, а виновный въ покушеніи на жизнь Монарха можетъ сохранить довѣріе согражданъ и всѣ права служебныя, если только судъ найдетъ, что „въ свойствахъ преступленія не заключается повода“ лишить злодѣя довѣрія *финляндець*. Въ своихъ возраженіяхъ на извѣстную брошюру Н. С. Таганцева, сенаторъ Монтгомери находитъ совершенно немислимымъ, чтобы лицо судейскаго званія вывело такое невозможное заключеніе. „Но,—замѣчаетъ г. Таганцевъ,—признаюсь, я не вижу здѣсь ничего невозможнаго: законъ предоставляетъ *только* усмотрѣнію судьи назначеніе такихъ послѣдствій и судъ можетъ сослаться, напр., на патріотическія побужденія, какъ на основаніе къ снисхожденію“ ¹⁾.

* * *

Противоположеніе интересовъ Финляндіи и Россіи особенно рѣзко проявилось въ общихъ постановленіяхъ новаго уголовнаго кодекса о пространствѣ его дѣйствія. На основаніи § 1 гл. I-ой, финляндець, учинившій за границею преступленіе противъ Финляндіи или финляндскаго гражданина, подлежитъ наказанію безъ всякихъ ограничительныхъ условій, въ общемъ порядкѣ, а учинившій такое же преступленіе противъ Россіи и русскаго гражданина, наказывается только въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе о судебномъ преслѣдованіи виновнаго; по § 2-му, не финляндскій гражданинъ, совершившій за границею преступленіе противъ Финляндіи или финляндскаго подданнаго, подлежитъ наказанію, если послѣдуетъ повелѣніе Государя Императора и Великаго Князя, но совершившій такое же дѣяніе противъ Россіи или русскихъ гражданъ вовсе не подлежитъ наказанію. По справедливому замѣчанію Н. С. Таганцева, финляндець-убійца, изнасилователь, поджигатель, учинившій за границей эти преступленія противъ жителей Россійской Имперіи, или даже учинившій преступное посягательство на государственннй строй Россіи и бѣжавшій затѣмъ въ Финляндію, можетъ проживать тамъ недѣли и мѣсяцы безпрепятственно, пока не окончится вся, по необходимости сложная, процедура испрошенія сепаратнаго Высочайшаго повелѣнія о привлеченіи виновнаго къ уголов-

¹⁾ „Юрид. Лѣтоп.“, 1891, № 2.

ной отвѣтственности, а иностранецъ, убившій, напр., въ Берлинѣ русскаго и бѣжавшій въ Финляндію, оказывается въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ такой же преступникъ, бѣжавшій въ Данію, такъ какъ онъ не могъ бы за такое дѣяніе судиться въ Финляндіи и не могъ бы быть переданъ для сужденія изъ Финляндіи въ Имперію, за вполнѣ понятнымъ отсутствіемъ не только какихъ-либо по сему предмету договоровъ но и отдѣльныхъ процессуальныхъ постановленій.

Благодаря тому, что составители новаго финляндскаго уложенія усвоили себѣ, для обозначенія пространства дѣйствія этого уложенія, только два термина: „въ краѣ“ (т. е. въ Финляндіи) и „въ краѣ“ (utom landet), вполнѣ возможно извѣтіе изъ подсудности русскимъ учрежденіямъ разныхъ преступленій и проступковъ, совершенныхъ даже въ нашей столицѣ финляндскими уроженцами или простыми жителями Финляндіи, какъ иностранцами, такъ и русскими. По новому уложенію, финляндца, пріѣхавшаго на лайбѣ съ дровами въ Петербургъ и въ пьяномъ видѣ пырнувшаго своего соотечественника со злости ножомъ, не смѣетъ тронуть столичная полиція; еслибы тотъ же финляндецъ обругалъ своего покупателя гдѣ-нибудь у пристани на Невѣ, то мѣстный мировой судья не въ правѣ что-либо рѣшать по жалобѣ оскорбленнаго; дачникъ, кто бы онъ ни былъ, пріѣхавшій изъ Выборга и грубо обратившійся къ кондуктору (финляндскому гражданину) на петербургской станціи финляндской желѣзной дороги, можетъ быть судимъ и наказанъ въ Финляндіи по тамошнимъ законамъ.

Самобытные составители финляндскаго уложенія просто издѣвались и надъ русскимъ государственнымъ правомъ, и надъ основными началами права международнаго. Не могли же въ самомъ дѣлѣ такіе самобытники, какъ сенаторъ Монтгомери, не знать, что преступленія, совершенныя на землѣ русскаго государства или въ его территоріальныхъ водахъ, судятся и подлежатъ уголовной карѣ по русскимъ законамъ, кто бы ни были лица, виновныя въ преступномъ дѣяніи, если только они не пользуются вѣзземельностью, и что признать за такими преступниками право отвѣтственности по финляндскимъ законамъ, когда они принадлежатъ къ числу уроженцевъ княжества или его жителей, значить поставить Россію въ такое же отноженіе къ Финляндіи, въ какомъ стоятъ Турція или Персія къ европейскимъ государствамъ.

* * *

Русскій текстъ новаго уложенія отличается еще и „крайнею неряшливостью изложенія“, какъ выразился Н. С. Таганцевъ. Здѣсь можно встрѣтить такіе стилистическіе перлы: „приговоръ о недостойнствѣ“, „подверженіе доказательно домашнему тѣлесному наказанію“, „если была въ наличіи удручающая бѣда“, „брачный уговоръ“, „опасный для жизни ударяющій предметъ“, „опасность при употребленіи желѣзной дороги“, „опознавательный предметъ“ и т. д. Между тѣмъ французскій переводъ уложенія написанъ вполне правильнымъ и понятнымъ языкомъ. Кромѣ неправильностей въ построеніи рѣчи, русскій текстъ изобилуетъ ошибками, весьма существенными: невѣрно переведены цѣлые десять параграфовъ; за одно изъ преступныхъ дѣяній назначено заключеніе въ смирительномъ домѣ „не менѣе 6 мѣсяцевъ и не свыше двѣнадцати“, вмѣсто 12 лѣтъ; „умалишенный“ переводится словомъ „слабоумный“; вмѣсто „особенно отягчающихъ“ вину обстоятельствъ сказано „при особенно смягчающихъ“; въ одномъ параграфѣ „женатый“ фигурируетъ вмѣсто „неженатаго“.

„Какъ не сказать, — замѣчаетъ г. Таганцевъ, — что одно такое изложеніе русскаго текста уложенія, столь оскорбительное для государственнаго достоинства Россіи, само по себѣ представляло уже вполне достаточное основаніе пріостановленія введенія въ дѣйствіе уложенія“.

* * *

Высочайшимъ повелѣніемъ, обнародованнымъ 1-го декабря 1890 г., пріостановлено введеніе въ дѣйствіе этого безобразнаго, по содержанію и по формѣ, законодательнаго акта, впредь до его пересмотра и надлежащаго исправленія земскими чинами финляндскаго сейма по указаніямъ верховной власти.

„Державная воля Монарха остановила введеніе въ дѣйствіе уже опубликованнаго уложенія, какъ только оказалось, что это введеніе нарушаетъ государственные интересы и достоинство Россіи. Русскій народъ имѣетъ твердое основаніе вѣрить и надѣяться, что та же державная рука остановитъ и въ будущемъ всякое подобное посягательство на интересы государства; совершившееся да будетъ наставленіемъ для будущаго“¹⁾), — урокомъ для всѣхъ насъ и въ особенности для фин-

¹⁾ Н. С. Таганцевъ, въ статьѣ „Высочайшій манифестъ 1/1 декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе“ (*Юрид. Литт.*, 1891, № 2).

ландскихъ самобытниковъ, слишкомъ далеко зашедшихъ въ своихъ стремленіяхъ въ обособленности края отъ остальной Россіи. Но было бы желательно вовсе не встрѣчать необходимости въ урокахъ и избѣгнуть навсегда повторенія назидательныхъ событій. Безспорно, что въ государственномъ, какъ и во всякомъ организмѣ, гораздо важнѣе возможное предупрежденіе болѣзненныхъ явленій, чѣмъ хирургическое или терапевтическое лѣченіе уже созрѣвшихъ язвъ. Прискорбна самая возможность появленія въ одной изъ областей русскаго государства узаконеній, посягающихъ на достоинство Россіи, и отсутствіе дѣйствительной въ этомъ отношеніи охраны. При существующемъ порядкѣ изготовленія законопроектовъ финляндскимъ сеймомъ, вполне обеспечено лишь представительство интересовъ автономнаго края. Настоятельно необходимо создать такой порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія финляндскихъ законопроектовъ, при которомъ въ законодательной дѣятельности края могли бы принимать участіе и центральныя учрежденія Имперіи. Тогда только можно было бы считать интересы Россіи охраненными отъ посягательствъ со стороны финляндскаго законодательства. Желательно, чтобы юридическое начало государственнаго главенства Россіи нашло свое точное и прямое выраженіе въ законахъ и установленіяхъ Финляндіи, чтобы государственные законы этой области были безотлагательно и твердо формулированы сообразно съ дѣйствительнымъ характеромъ ея положенія, какъ части русскаго государства, составляющей съ нимъ единое и нераздѣльное цѣлое.

Таково требованіе, предъявляемое нашими историческими правами и всею совокупностію юридическихъ актовъ, на которыхъ финляндцы основываютъ свое право на самостоятельность внутренняго управленія.

* * *

Сепаратизмъ духовный еще опаснѣе сепаратизма политическаго. Расколъ въ вѣрованіяхъ порождаетъ социальную рознь, отщепенство отъ единого народнаго цѣлага. Такое разрушающее дѣйствіе производитъ новая рационалистическая ересь—штунда, которая, несмотря на противодѣйствіе ея распространенію, дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ нашемъ отечествѣ. Штунда все болѣе и болѣе надвигается съ юга на сѣверъ и появилась уже во Псковѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, священ-

ники-миссіонеры и даже епархіальный епископъ ведутъ собесѣдованія и вступаютъ въ публичныя пренія съ главарями и послѣдователями секты. Штундисты, не находя возраженій на ясныя и основательныя разъясненія вопросовъ съ точки зрѣнія православія, обзываютъ священниковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ разными нелестными именами и позволяютъ себѣ не только развязное, но просто грубое обращеніе съ лицами духовнаго званія, даже занимающими высокое положеніе въ церковной іерархіи. Подобное поведеніе на публичныхъ бесѣдахъ людей невѣжественныхъ несомнѣнно оскорбляетъ религиозное чувство слушающихъ эти бесѣды православныхъ христіанъ и можетъ дѣйствовать на нихъ неблагопріятно. Въ виду этого „Церковныя Вѣдомости“ находятъ, что, при устройствѣ публичныхъ собесѣдованій съ отступившими отъ православной церкви нужно всегда напередъ строго обдумать: не выйдетъ ли изъ этихъ собесѣдованій больше соблазна, чѣмъ пользы. Заботливое религиозное воспитаніе — лучшее предохранительное средство отъ лжеученій. Необходимо вносить свѣтъ въ темное сознаніе простаго народа, непосредственно укрѣплять его въ вѣрѣ отцовъ, чтобы разныя Спиридоновы, при первой же попыткѣ совращенія православныхъ съ пути истиннаго, убѣждались въ тщетѣ своихъ пополановеній. Преосвященный Анатолій, епископъ Уманскій, признаетъ настоятельнымъ: въ зараженные штундою приходы назначать священниковъ опытныхъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, знакомыхъ вполнѣ съ христіанскою апологетикою и безукоризненнаго поведенія; псаломщиковъ назначать преимущественно изъ крестьянъ — учителей министерскихъ народныхъ школъ, толково читающихъ и знающихъ вполнѣ церковное пѣніе; къ пѣнію въ церкви привлекать народъ; рядовое церковное богослуженіе совершать истово, ибо спѣшное и небрежное богослуженіе отталкиваетъ прихожанъ отъ церкви; вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ причтамъ совершать погребеніе какъ можно торжественнѣе, въ виду того, что оно съ особою торжественностію совершается у штундистовъ, съ частымъ чтеніемъ Евангелій и пѣніемъ гимновъ, чѣмъ привлекается масса зрителей изъ среды православныхъ, вызывая похвалу усердію сектантовъ; поминальные обѣды у прихожанъ устраивать въ духѣ древней православной церкви; принять мѣры, чтобы иконы отнюдь не продавались на базарахъ и площадяхъ какъ товаръ; вмѣнить въ обязанность всѣмъ приходскимъ священникамъ заняться катехи-

заціей, такъ какъ въ настоящее время катехизація народа въ упадкѣ; въ народныя школы назначать учителей съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, дабы учителя эти могли быть дѣятельными помощниками приходскихъ священниковъ въ веденіи съ прихожанами вѣбогослужебныхъ собесѣдованій; изъ средствъ кievскаго Свято-Владимірскаго братства оказать пособіе деньгами и книгами всѣмъ школамъ грамоты и церковно-приходскимъ; изъ склада того же братства разослать въ центральные приходы гнѣзда штундистовъ—въ уѣздахъ Сквирскомъ, Васильковскомъ и Тарящанскомъ—по нѣскольку экземпляровъ Библии на русскомъ языкѣ и Новаго Завѣта на церковно-славянскомъ языкѣ для священниковъ и прихожанъ.

Такова предложенная преосвященнымъ Антоніемъ ¹⁾ программа положительнаго воспитанія народа въ духѣ православія. Въ борьбѣ со штундою она имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ публичнымъ изобличеніемъ религіозной лжи на диспутахъ съ фанатиками ереси; но все приходское духовенство зараженныхъ штундою мѣстностей и самъ Уманскій епископъ полагаютъ, что безъ содѣйствія гражданской власти невозможно остановить совращенія православныхъ въ штунду. Эта рационалистическая ересь не есть плодъ одного только религіознаго заблужденія. Въ средѣ темнаго люда совратители имѣютъ успѣхъ главнымъ образомъ потому, что ведутъ пропаганду на почвѣ экономической, стараются разрушить въ сознаніи простолюдина весь складъ его историческаго міровоззрѣнія, измѣнить его житейскій бытъ и внушить ему ложныя понятія о гражданскихъ обязанностяхъ. Все это хорошо извѣстно читателямъ „Русск. Вѣстн.“ изъ ряда статей г. Велицына. Штунда не есть только религіозное заблужденіе, а потому и невозможно достигнуть ея искорененія исключительно тѣми мѣрами, какія приличествуютъ духовенству, и тѣми средствами и силами, какія находятся въ его распоряженіи. Совратительство политическое, обманныя запугиванія и обѣщанія разныхъ матеріальныхъ благъ не могутъ стать объектами обличительныхъ проповѣдей съ церковной кафедрой и духовныхъ бесѣдъ внѣ богослуженія. Кромѣ того, духовенство собственною властью не можетъ принять никакихъ мѣръ про-

¹⁾ Въ докладѣ высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту Кіевскому и Галицкому.

тивъ свободы шатанія ересіарховъ въ народѣ, противъ штундистскихъ сборищъ, школъ, медленности производства дѣлъ о совратителяхъ и проч. Словомъ сказать, для охраны народа отъ разлагающаго вліянія штунды настоятельно необходимо совмѣстное и дружное дѣйствіе православнаго духовенства и гражданскихъ властей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тейфенбахъ, въ Штири, 17 февраля (1 марта) 1891 г.

„Здравствуй, матушка-государыня, на твоей несокрушимой твердости!“

Такъ привѣтствовалъ Потемкинъ Великую Екатерину, и слова его приходятъ намъ на память въ виду приближающагося знаменательнаго дня десятилѣтней годовщины восшествія Государя Императора на прародительскій престолъ. Обнявъ признательнымъ взоромъ минувшее десятилѣтіе и принеся изъ глубины души народной благодареніе Всевышнему, Россія въ правѣ нынѣ воскликнуть, обращая къ Отцу отечества взоръ, полный сыновняго почтенія и любви: „Здравствуй, батюшка-Царь, на твоей несокрушимой твердости!“

Куда ни взглянемъ, всюду видимъ мы вокругъ себя вожделѣнные плоды этой высшей царственной доблести. Возвращенная державною волей къ основнымъ началамъ своего историческаго бытія, къ первоисточникамъ государственной силы и величія, родина наша спокойно, безъ потрясеній, но неуклонно шествуетъ по пути вещественнаго преуспѣянія и совершенствованія нравственнаго. Прошла пора глетворныхъ чужеземныхъ вѣяній, разлагающихъ вліяній извнѣ на наше внутреннее развитіе. Пробудившееся въ правительствѣ и въ обществѣ національное самосознаніе проявляется во всѣхъ развѣтвленіяхъ политической и бытовой жизни русскаго народа. Русскіе люди, дѣятели государственные и общественные, привыкаютъ исключительно по-русски и мыслить, и чувствовать, и дѣйствовать. Благодѣтельныя послѣдствія такого настроенія одинаково сказываются и въ области труда, въ подъемѣ производительныхъ силъ страны и въ дѣятельности чисто духов-

ной, научной, литературной и художественной, но еще виднѣе отражается оно на разнообразныхъ отрасляхъ правительственнаго обихода. Съ тѣхъ поръ какъ Россія обрѣла саму себя, стала жить своимъ умомъ и въ собственныхъ средствахъ искать удовлетворенія насущныхъ нуждъ и пользы своихъ, исчезли мгновенно всѣ черныя точки, омрачавшія нашъ небосклонъ, процвѣли финансы, вооруженныя силы, сухопутныя и морскія, получили грозное развитіе, воздвиглись новыя твердыни, связанныя стратегическими желѣзными дорогами съ сердцемъ имперіи, мощный броненосный флотъ возродился на Черномъ морѣ, государственнй языкъ, общіе для всего Царства законы распространились на всѣ его окраины, одинъ стальной путь уже проникъ въ глубь средне-азиатскихъ степей, другой — по протяженію величайшей въ свѣтѣ — готовится обогнуть полвселенной, служа видимымъ проявленіемъ того могучаго тройнаго обруча, который спаялъ неразрывно разнородныя составныя части необъятнаго цѣлага, именуемаго Россіей, единствомъ вѣры, власти и народности.

Такова великая историческая заслуга нынѣшняго царствованія. Вѣнцомъ ея служить то положеніе, что создало оно нашему отечеству въ международныхъ отношеніяхъ его къ Европѣ, ко всему міру. Внутренняя самобытность послужила неизблемымъ основаніемъ и самостоятельности вышней.

Отнынѣ Россія заботится и промышляетъ лишь о самой себѣ. Она перестала служить слѣпымъ и безсознательнымъ орудіемъ чужихъ цѣлей, подчиняться руководству иностранныхъ государственныхъ людей, какъ то было во времена **Меттерниха**, **Наполеона III** или **Бисмарка**. Русская мысль взвѣшиваетъ и опредѣляетъ потребности государства въ общеніи его съ прочими державами, русское чувство стремится доставить имъ возможно полное удовлетвореніе. При такомъ порядкѣ возможны конечно ошибки и промахи, зависящіе отъ несовершенства чловѣческой природы, но совершенно немислимо отреченіе отъ міроваго призванія Россіи, во имя какихъ бы то ни было отвлеченныхъ началъ.

Первымъ шагомъ императорскаго кабинета на этомъ, новомъ только для нашего поколѣнія, а въ сущности древнемъ, исконномъ, историческомъ пути, — было провозглашеніе необязательности той изъ статей Берлинскаго трактата, которая пыталась ограничить державныя права Россіи въ собственныхъ ея предѣлахъ обращеніемъ Батума въ вольную и исключительно торго-

вую гавань. За этимъ послѣдовало другое проявленіе нашего государственнаго достоинства въ твердомъ отпорѣ притязаній, предъявленныхъ Англіей по вопросу о разграниченіи Афганистана. Наконецъ, выходъ Россіи изъ состава трехдержавнаго союза съ Германіей и Австро-Венгріей возвратилъ ей полную свободу дѣйствій во внѣшней политикѣ и окончательно запечатлѣлъ непоколебимую рѣшимость Русскаго Царя обуславливать свои международныя отношенія исключительно русскими соображеніями.

Европа дивилась и недоумѣвала. Ей долго не вѣрилось, что бы такой переломъ въ политикѣ русскаго двора могъ быть явленіемъ не мимолетнымъ, зависящимъ отъ случайныхъ причинъ, а рѣшеніемъ сознательнымъ и безповоротнымъ. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ возвратить насъ къ прежней податливости, то убѣжденіемъ и ласкою, то страхомъ и угрозой. Всѣ онѣ разбились какъ яростныя волны о незыблемую гранитную скалу.

И странное дѣло! Послѣдствіемъ было не обостреніе отношеній Россіи къ остальнымъ великимъ державамъ, а напротивъ устраненіе изъ нихъ всего, что могло нарушить доброе согласіе съ нами иностранныхъ государствъ. Пока мы подлаживались подъ Европу, тщательнао сглаживая наши народныя особенности и застѣнчиво отрицая существованіе у насъ стремленій противоположныхъ ея интересамъ, намъ то и дѣло выражались притязанія, предъявлялись требованія, которыя мы спѣшили удовлетворить, дабы не подвергать опасности европейскаго мира. Теперь о такихъ притязаніяхъ и требованіяхъ нѣтъ болѣе и помина. Кабинеты великихъ державъ отказались отъ нихъ, потерявъ всякую надежду на удовлетвореніе. По старой привычкѣ случается, что время отъ времени поступаютъ они отъ частныхъ заграничныхъ кружковъ, во имя такъ называемаго общественнаго мнѣнія Западной Европы и притомъ большею частью по домашнимъ нашимъ дѣламъ, отъ вмѣшательства въ которыя повидимому гораздо труднѣе отречься разнымъ политическимъ добровольцамъ, чѣмъ самимъ чужеземнымъ правительствомъ. Чтобы составить себѣ понятіе о глубокомъ различіи между настоящимъ и столь еще недавнимъ прошлымъ, достаточно сопоставить исходъ подобнаго рода домогательствъ во дни оны и въ наши дни. Сравните, на примѣръ, пространныя объясненія, въ которыя счелъ нужнымъ вступить князь Горчаковъ въ 1865 г., когда Бисмарку, тогда еще не князю и даже не графу,

вздумалось прочесть намъ строгое и внушительное наставленіе за обращеніе въ Православіе эстовъ и латышей—съ твердою и достойною отвѣдью оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода на представленія по тому же предмету какого-то Евангелическаго Союза. Еще разительнѣе примѣръ: возвращеніе не вскрытымъ чрезъ посредство великобританскаго кабинета постановленія лондонскаго митинга, состоявшагося въ предсѣдательствѣ лорда-мера и позволившаго себѣ выражать порицаніе законодательнымъ мѣрамъ русскаго правительства въ видахъ огражденія кореннаго населенія отъ эксплуатаціи евреями.

Но быть можетъ Европа въ гордомъ преарѣннн отвернулась отъ насъ, махнувъ рукою на „варварскую“ обособленность Россіи. Ничуть не бывало. По мѣрѣ того, какъ возрастало въ насъ сознаніе національнаго достоинства, росло и уваженіе къ намъ иностранцевъ, множились проявленія ихъ вниманія. Не знаменіе ли времени—интересъ, пробудившійся за послѣдніе годы на Западѣ къ русской литературѣ, наукѣ, искусству? Съ нами знакомятся, насъ изучаютъ, стараются постигнуть, уразумѣть, потому что начинаютъ серьезно считаться съ Россіей. То же видимъ мы и въ области чисто политической. Никогда въ сношеніяхъ съ русскимъ дворомъ иностраннаго правительства не проявляли большей мягкости, любезности, скажемъ прямо—почтительности.

Съ самаго своего воцаренія молодой императоръ германскій пользовался всякимъ случаемъ, чтобы гласно заявить пытаемыя имъ къ Государю Императору чувства личнаго почтенія и родственной привязанности, о которыхъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и двукратное посѣщеніе имъ русской столицы. Изъ безчисленныхъ упрековъ, предъявляемыхъ къ нынѣшней нѣмецкой политикѣ государственнымъ мужемъ, столь долго руководившимъ ею, и который, повидимому никакъ не можетъ помириться съ постигнутою его опалой, ни въ одному не отнеслись въ Берлинѣ столь раздражительно, какъ къ обвиненію въ недостаткѣ заботливости о поддержаніи дружественныхъ отношеній Германіи къ Россіи. Органы печати, поддерживающіе императора противъ нападокъ уволеннаго канцлера, посмѣшили обозвать это обвиненіе гнусною и бездоказательною клеветою, не допуская и мысли о подобной политической ереси.

Съ своей стороны австро-венгерскій дворъ далъ явное доказательство высокой цѣны, придаваемой имъ благорасположе-

нію нашего Государя, побудивъ наследника престола Габсбурговъ, эрцгерцога Франца-Фердинанда Эсте, начать съ Петербурга свой объѣздъ иностранныхъ дворовъ. Въ то же время англійское правительство обращаетъ въ триумфальное шествіе слѣдованіе Цесаревича по британскимъ владѣніямъ въ Индіи. Италия не отстала отъ союзницъ въ предупредительности своей къ русскому двору: ей только не доставало поводовъ къ гласному ихъ проявленію. Сколько намъ извѣстно, отношенія Квиринала къ Зимнему Дворцу, въ особенности послѣ радужнаго приѣма, оказаннаго въ Россіи принцу Неаполитанскому, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Народная гордость наша въ правѣ находить удовлетвореніе въ почестяхъ, воздаваемыхъ Царскому престолу четырьмя великими европейскими монархіями, но нисколько не умаляя ихъ значенія, было бы опаснымъ заблужденіемъ принимать ихъ за доказательства не только уваженія, но и дружбы. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно уяснить себѣ вопросъ: что такое дружба въ политикѣ?

Давно признанная истина, что государства не могутъ быть связаны между собою иною дружбою, чѣмъ та, что зарождается изъ взаимности ихъ нуждъ и потребностей. Это то, что принято называть „солидарностью интересовъ“. Влеченіе чувства не играетъ тутъ никакой роли или вѣрнѣе является не причиною, а послѣдствіемъ. Международная дружба по существу своему своекорытна: начало и конецъ ея обусловливается обоюдною пользою сторонъ. Она прекращается, коль скоро содѣйствіе одного государства другому вмѣсто того, чтобы съ пользою отражаться на немъ самомъ, начинаетъ приносить ему вредъ.

Съ этой точки зрѣнія рассмотримъ естественныя отношенія къ нашему отечеству Германіи, Австро-Венгріи и Англии. Обѣ сопредѣльныя съ нами имперіи, даже гордая владычица морей, часто взывали къ русскому содѣйствію и помощи и получали ихъ. Но оказывали ли онѣ когда-либо намъ содѣйствіе и помощь? Никогда. Мы называли это неблагодарностью, измѣной, предательствомъ, въ сущности же то былъ лишь политическій расчетъ. Россія слишкомъ велика и могущественна, чтобы нѣмцы, австро-мадьяры или англичане, интересы коихъ близко соприкасаются и скрещиваются съ нашими, могли безъ ущерба себѣ содѣйствовать нашему росту и усиленію. У каждой изъ упомянутыхъ державъ есть кромѣ того свои особыя причины не дружить намъ. Англія видитъ въ Россіи могучую соперницу,

которая одна въ силахъ положить предѣлъ ея неутолимой жаждѣ господства въ Азіи. Австро-Венгрія считаетъ насъ главною помѣхою навязаннаго ей Германіей поступательнаго движенія на православный Востокъ. Наконецъ сама Германія зарится на области, волею исторіи ставшія достояніемъ Россіи, въ то время, когда Нѣмецкая земля не являла изъ себя единого государственнаго тѣла и, раздираемая междуособіемъ, не могла доставить удовлетворенія національнымъ вождѣніямъ на счетъ сосѣдей. Въ особенности въ Пруссіи не забыли, что Варшава когда-то была прусскимъ городомъ, что нѣмецкіе рыцари владѣли русскимъ балтійскимъ побережьемъ, что въ самой Ригѣ властвовалъ бранденбургскій маркграфъ, архіепископъ Вильгельмъ VI.

Мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы именно этими цѣлями задавалось въ настоящую минуту современное нѣмецкое правительство. Такой умыселъ при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ былъ бы просто безуміемъ и могъ бы повести къ результатамъ прямо противоположнымъ. Мы даже готовы повѣрить въ совершенную искренность Вильгельма II, когда онъ называетъ пріобрѣтеніе острова Гельголанда присоединеніемъ *постыдней* пяди нѣмецкой земли къ общему отечеству, но не можемъ не замѣтить, что въ явномъ противорѣчьи къ такому утвержденію стоитъ пустившее глубокіе корни въ общественномъ сознаніи нѣмцевъ ученіе объ ограниченіи государственной области Германіи предѣлами распространенія нѣмецкой рѣчи.

Ученіе это рѣдко и всегда довольно осторожно развивается въ современной печати, по весьма понятнымъ политическимъ причинамъ. За то оно давно уже получило полное право гражданства въ наукѣ и литературѣ и господствуетъ въ школѣ отъ университета до начальныхъ училищъ. Этимъ путемъ оно входитъ въ кровь и плоть нарождающихся поколѣній. На видъ оно представляется безвреднымъ и безопаснымъ потому, что яко бы не выходитъ изъ отвлеченности. Но въ томъ-то и дѣло, что это такъ только на первый и поверхностный взглядъ. Въ дѣйствительности, сѣмена даютъ всходы, которые развиваются, растутъ, зрѣютъ и пожинаяются государствомъ, какъ только представляется къ тому удобная минута и болѣе или менѣе благовидный предлогъ.

Политическимъ скептикамъ напомнимъ, что именно такимъ способомъ разрѣшились въ нѣмецкомъ національномъ смыслѣ вопросы объ отторженіи Шлезвига и Голштиніи отъ Даніи,

Эльзаса и Лотарингіи отъ Франціи. Неотъемлемое историческое право Германіи на эти области открыто и громко проповѣдывалось съ кафедръ и въ печати; выражалось сочувствіе и состраданіе къ ихъ нѣмецкому населенію; въ яркихъ краскахъ изображались гоненія, коимъ они подвергались будто-бы за вѣрность родному языку, нравамъ, преданіямъ.

Такъ подготовлялась почва для предъявленія политическихъ притязаній. За это дѣло оба раза взялась Пруссія. Извѣстенъ исходъ. Въ одинъ прекрасный день Эльбскія герцогства и области между Вогезами и Рейномъ очутились въ ея власти. Что посѣяла наука, пожала политика.

Не то же ли происходитъ нынѣ на нашихъ глазахъ въ такъ называемомъ остзейскомъ вопросѣ? Нѣмецкая дипломатія божится и клянется, что не питаетъ ни малѣйшихъ похотливыхъ замысловъ на это достояніе Россіи. Но что говорятъ профессора, ученые, литераты? Они утверждаютъ и доказываютъ, что Прибалтійскій край—наслѣдіе возстановленной Германской имперіи, въ доказательство чего ссылаются на ленную инвеституру, выданную на Ливонію въ началѣ XIII вѣка королемъ Филиппомъ Тевтонскому ордену и подтвержденную нѣсколько лѣтъ спустя императоромъ Фридрихомъ II изъ дома Гогенштауфеновъ. Вѣдь на такомъ же точно основаніи нѣмцы требовали Страсбурга и Меца. Но чего не было въ Эльзасѣ и Лотарингіи и что имѣется теперь на лицо,—это эмиграція остзейскихъ литератовъ. Выдающіеся представители ея не только находятъ въ Германіи пріютъ и убѣжище, но и принимаются тамъ на государственную службу.

Именъ не называемъ, но всякій любопытствующій можетъ ознакомиться съ ними въ спискѣ нѣмецкихъ профессоровъ и даже дипломатовъ. А вопль о преслѣдованіяхъ вѣметчины въ краѣ, завоеванномъ нѣкогда германскимъ мечемъ, наполняетъ уже много лѣтъ столбцы патріотическихъ нѣмецкихъ газетъ.

Намъ, русскимъ людямъ, закрывать на это глаза значитъ предаваться непростительному самообману. Пока опасность не велика. Россія, слава Богу, не Данія и не Бонапартовская Франція: она съумѣетъ постоять за свое исконное наслѣдіе. Но засыпать тоже не слѣдуетъ, а главное не прекращать ни на минуту столь успѣшно начатое дѣло органическаго сліянія окраинъ съ Имперіей.

До какой степени нѣмецкая ученость усердно подыскиваетъ научныя основанія для оправданія политическихъ захватовъ,

доказываетъ слѣдующій примѣръ, сколько намъ извѣстно, не оглашенный еще въ русской печати.

Знаете ли, къ какому выводу привели въ Германіи извѣстныя раскопки и изслѣдованія археолога Шлимана, на берегахъ Геллеспонта, гдѣ возвышалась древняя Троя? Угадать это не легко, да и повѣрить трудно. Выводъ такой: „троянцы или тевктры происходили-де отъ еракійскаго племени; еракійцы же принадлежатъ къ гетскому, готскому, германскому народу; слѣдовательно троянцы составляли первоначально вѣтвь германизма“¹⁾.

Сегодня такое неожиданное открытіе лишено не только историко-археологическаго, но и всякаго смысла. Кто однако поручится за то, что оно не пригодится со временемъ для политическихъ цѣлей и не получитъ практическаго примѣненія? Прусско-нѣмецкая политика неразборчива на доводы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ въ прошедшемъ столѣтіи претензіи Фридриха Великаго на Силезію, а въ наши дни разсужденія коронныхъ юристовъ въ оправданіе посягательства Пруссіи на Голштинію и Шлезвигъ.

Возвести въ научный догматъ, что Троя—нѣмецкій городъ, а троянцы—тѣ же нѣмцы—идея гениальная, несмотря на свою нелѣпость. Гдѣ ужъ послѣ этого Россіи предъявлять какія-либо притязанія на наслѣдство Православной Византіи? Сами римляне и греки неправильно владѣли этою міровою мѣстностью. Она—законное достояніе германизма, по праву перваго занятія. Если присовокупить къ этому, что нѣмцы давно уже приступили къ мирному ея завоеванію; что сама Порта отдала азіатскій берегъ Геллеспонта въ распоряженіе нѣмецкихъ техниковъ, инженеровъ, капиталистовъ; что на пространствѣ Малой Азіи какъ грибы выросли многочисленныя нѣмецкія колоніи земледѣльческія, промышленныя и торговыя; то что же будетъ легче для Германіи, когда пробьетъ наконецъ смертный часъ имперіи султановъ, какъ вступить спокойно и легко во владѣніе этой львиной частью оттоманскаго наслѣдства?

Но Россія никогда не потерпитъ такого захвата, не допустить до него. Вѣримъ и надѣемся, что будетъ такъ. Только для этого нужно: во-первыхъ—предвидѣть опасность; во-вто-

¹⁾ См. вышедшую въ 1884 г. книгу Шлимана: Troja, Ergebnisse meiner neuesten Ausgrabungen.

рыхъ—принять дѣятельныя мѣры къ ея предупрежденію. Кромѣ насъ есть и другія государства, заинтересованныя въ томъ, чтобы не отдавать въ руки нѣмцевъ ключъ отъ нашего дома. Кто онѣ? Не Австро-Венгрія, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока Вѣна и Пешть находятся въ безусловной зависимости отъ Берлина и сама монархія Габсбурговъ является ничѣмъ инымъ, какъ проводникомъ нѣмецкаго вліянія на православномъ Востокѣ; не Англія, которая не только вступила съ Германіей въ полюбовную сдѣлку, но и озаботилась заблаговременнымъ обезпеченіемъ за собою выговореннаго вознагражденія: Египта и большей части Восточной Африки. Охотники до историческихъ обобщеній увидятъ въ этомъ германскую племенную солидарность, выражающуюся въ совокупномъ дѣйствіи трехъ великихъ державъ, принадлежащихъ къ этому племени.

Остаются еще двѣ большія державы, обѣ латинскаго происхожденія: Франція и Италія. Онѣ наши естественныя союзницы въ дѣлѣ противодѣйствія распространенію нѣмецкаго преобладанія на Востокѣ вообще и проникновенію его въ частности въ бассейнъ Средиземнаго моря. Между тѣмъ, первая изъ нихъ недавно лишь договорилась съ нами, вторая и не приступала еще къ уговору. Зависѣло это отъ ненормальности политическихъ сочетаній, долгое время господствовавшихъ въ Европѣ. Пока Россія сама состояла въ союзѣ съ двумя средне-европейскими имперіями, не могло быть и рѣчи о дружбѣ съ нею Франціи, видѣвшей въ ней союзницу наследственнаго врага своего—Германіи, а съ тѣхъ поръ, какъ состоялось сближеніе Франціи съ Россіей, Италія, применувшая къ австро-нѣмецкому союзу, лишена была возможности сойтись съ Россіей и при существованіи натянутыхъ отношеній въ Франціи. Въ первомъ случаѣ французы не могли стать друзьями друзей своихъ враговъ; во второмъ сами мы не могли подружиться съ врагами нашихъ друзей.

Торжественное заявленіе маркизомъ де-Рудини въ итальянской Палатѣ депутатовъ политической программы министерства, смѣнившаго у власти г. Криспи, открываетъ новое поле для будущаго соглашенія по Восточному вопросу между Россіей, Франціей и Италіей, которая по всѣмъ признакамъ не возобновитъ истекающихъ въ будущемъ году союзныхъ обязательствъ, связывающихъ ее съ Германіей и Австро-Венгріей. Тогда настанетъ психологическая минута, воспользо-

*

ваться коею будетъ зависѣть отъ прозорливости и умѣнья русской дипломатіи. Мы не разъ имѣли случай обращать вниманіе читателей на важныя послѣдствія созданія такого противовѣса созвѣздію, образуемому австро-нѣмецкимъ союзомъ въ тѣсной связи съ Англіей. На нашъ взглядъ онъ совершенно устранилъ бы всякое вѣроятіе нарушенія всеобщаго мира тремя этими державами, а еслибы вспыхнула война, то обезпечилъ бы торжество соединенныхъ усилій племенъ славянскаго и латинскаго надъ общимъ ихъ врагомъ германскимъ племенемъ.

Само собою разумѣется, что въ подобной рѣшительной борьбѣ мы подразумеваемъ на сторонѣ Россіи и всѣхъ христіанскія государства Балканскаго полуострова, самостоятельному развитію и существованію которыхъ всего болѣе грозило бы распространеніе нѣмецкаго владычества, прямаго или косвеннаго, до Босфора, Геллеспонта и Эгейскаго моря. Что Россія образуетъ исполнскую плотину, ограждающую родственные ей по вѣрѣ и по крови молодые организмы отъ поглощенія наступающею волною германизма,—въ этомъ вынужденъ былъ согласиться съ нами даже г. Стамбуловъ, политическое поведение котораго, по странной непослѣдовательности, находится въ явномъ противорѣчій съ исповѣдуемымъ имъ убѣжденіемъ. Къ счастью, противорѣчія этого нѣтъ ни въ Цетиньѣ, ни въ Бѣлградѣ, а устранить его разъ навсегда въ Бухарестѣ и Афинахъ зависитъ опять-таки отъ русскихъ дипломатовъ.

Намъ неоднократно доводилось слышать и даже читать въ нѣкоторыхъ органахъ печати довольно распространенное у насъ мнѣніе, что при твердомъ направленіи, данномъ державною рукою отечественной политикѣ, дипломатія отступаетъ на второй планъ и представителямъ ея остается только пожинать плоды, не трудясь надъ обработкою нивы. Такъ разсуждать могутъ только люди, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о существѣ дипломатической дѣятельности. Путь указанъ выше, но слѣдовать имъ неуклонно, устраняя съ него всѣ препятствія, изучать, освѣщать, оберегать его, никогда не теряя изъ виду намѣченной цѣли, развѣ это не прямой и священный долгъ дипломатіи? Успѣшное исполненіе его требуетъ великаго напряженія ума, но едва-ли не большаго еще подъема патріотическаго духа, что обусловливается вѣрою. Была бы вѣра въ Россію, а остальное приложится.

С. ТАТИЩЕВЪ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ)

продаются слѣдующія новыя изданія А. С. Суворина:

Бине и Форе. Животный магнетизмъ. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

Богдановичъ, М. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Изд. 3-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

Бретъ-Гартъ. Безродный. Повѣсть. Переводъ съ англ. Спб. Ц. 60 к.

Во дни оны. (Безъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

Герои и героини греческихъ трагедій въ разказахъ для всѣхъ возрастовъ. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Гюйо, М. Воспитаніе и наследственность. Соціологическій этюдъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчицы. Перев. съ французск. К. Толстой. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Еврипидъ. Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. переводъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библиотека). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 80 к.

Его же. Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греческ. переводъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библиотека). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 80 к.

Его же. Гипполитъ. Трагедія. Съ греческаго перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библиотека). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ переплетѣ 80 к.

Екатерина II. Избранныя сочиненія. Книжка I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разказы.—II. Гражданское начальное ученіе.—III. Сказка о царевнѣ Хлорѣ.—IV. Записки.—V. Сказка о царевнѣ Февеѣ. VI. Инструкція князю Салтыкову. (Дешевая Библиотека). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

Ея же. Избранныя сочиненія. Книжка II. Были и вебылицы. (Дешевая Библиотека). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

Ея же. Избранныя сочиненія. Книжка III. Драматическія сочиненія. О, время!—Г-жа Вѣстникова съ семьей.—Передьявнатнаго боярина.—Горе-богатырь Кос-

метовичъ.—Новгородскій богатырь Бое-славичъ. (Дешевая Библиотека). Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

Историческая портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1800 г., съ краткими ихъ біографіями. Фотогипи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXVII. Спб. 1891 г. Ц. каждаго выпуска 2 р.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Книга эта будетъ выходить выпусками. Всего предполагается 8 выпусковъ съ 16-ю изданными хромолитографированными таблицами, на которыхъ будутъ помѣщены въ живописныхъ группахъ изображенія 49-ти различныхъ видовъ птицъ. Въ текстѣ также будетъ помѣщено много рисунковъ. Выпускъ будетъ выходить съ промежутками времени около 2-хъ мѣсяцевъ. Къ послѣднему выпуску будутъ приложены: заглавная страница, предисловіе автора, оглавленіе, алфавитный указатель и наставленія для переплетчика, относительно порядка размѣщенія таблицъ между страницами текста. Ц. каждаго выпуска 75 к.

Котляревскій М. П. Москаль-Чаривникъ. Малороссійская опера въ одной дѣйствіи. Изданіе 2-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к.

Кронне, В. Д. О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. 3-й. Изд. 3-е, исправлен. и дополн. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Ламартинъ, А. Жанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. (Дешевая Библиотека). Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 32 к.

Ломоносовъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей. Изданіе 3-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 40 к.

Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура.—Скульптура—Живопись.—Музыка. Съ 140 рисунками и портретами. 2-е дополн. изданіе перевода Ф. И. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. М. Иванова. Спб. Ц. 2 р. 60 к.

Львовъ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Ц. 25 р., на веленовой бумагѣ 40 р.

Лѣсная волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к.

- Максимовъ, С. Крылатя слова. Спб. 1890 г. Ц. 8 р.
- Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Лейтенантъ Вълзоръ (Дешевая Библиотека). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 85 к.
- Его же. Ляшникъ. Разказъ партизанскаго офицера. (Дешевая Библиотека). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.
- Его же. Наѣздъ, повѣсть 1613 года.—Измѣнникъ. Иахан. 3-е. (Дешевая Библиотека). Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
- Его же. Страшное гаданіе.—Два вечера на бивуахъ.—Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году. Изд. 3-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
- Его же. Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
- Мейеръ, Монрадъ. Святая. Повѣсть. Переводъ съ вѣмецкаго. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.
- Милюновъ, А. П. Литературныя встрѣчи и знакомства. (Кокосникъ.—Языковъ.—Гоголь.—Введенскій.—Севковскій.—Бутковъ.—Герценъ.—Достоевскій.—Ан. Грыгорьевъ и Мей). Ц. 1 р.
- Мельеръ. Школа женъ. Комедія въ 6-ти актахъ. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. (Дешевая Библиотека). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
- Немировичъ-Данченко, В. М. Летомя и зимомъ на Шибкѣ (1877—1878). Изъ воспоминаній военнаго корреспондента (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
- Одоевскій, В. Ѡ., им. Повѣсти. Книга III. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
- Островская, Н. Разказы для дѣтей. Съ 10-ю рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.
- Потъкинъ, А. А. Послѣ освобожденія. Разказы изъ крестьянскаго быта 3 т. Спб. Ц. за 3 т. 4 р.
- Стивенсонъ, Р. Л. Черная стрѣла. Повѣсть для юношества, время войны Алой и Бѣлой Розы. Перев. съ англійск. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.
- Его же. Клубъ самоубійць. Разказъ. Ц. 50 к.
- Его же. Странная исторія доктора Джиккиа и мистера Хайда. (Strange Case of d-r Jekyll and m-r Hyde). Ц. 50 к.
- Селлогубъ, В. А. Повѣсти и разказы 6 книг. Изд. 2-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 1-3 кв. 20 к., 2-й и 3-й по 15 к.
- Его же. Тарантась. Путевныя впечатлѣнія. Изданіе 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.
- Терпигоревъ, С. Н. (Атака). Разказы (1. Въ раю.—II. Аверьянъ Митѣвъ и его жальцы. (Дешевая Библиотека). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
- Флоберъ, Г. Салимбо. Романъ. Изданіе 2-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к.
- Флоринскій, В. М. Домашняя медицина. Лѣчебникъ для народнаго употребленія. Изд. 4-е, пересмотрѣнное. Ц. 8 р. 50 к.
- Чеховъ, А. П. Дѣтвора.—Вавка.—Событіе.—Кухарка женится.—Въглецъ.—Дома. (Дешевая Библиотека). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
- Шенспиръ, В. Коріоланъ. Трагедія въ 6-ти дѣйствіяхъ. Переводъ А. В. Дружинина. (Дешевая Библиотека). Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.
- Его же. Король Лиръ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. А. В. Дружинина. Изданіе 3-е. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
- Эскиль. Прикованный Прометей. Драма. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библиотека). Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

НОВАЯ БРОШЮРА

ЗОЛОТОЙ БАНКЪ И ЕГО СУДЬБА.

(Эпизодъ изъ исторіи нашего Поземельнаго Кредита).

П. А. М—ѣва.

Цѣна 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, Карбасникова, Попова, Вольфа и у Салаева въ Москвѣ. Выписывающіе брошюру черезъ контору газеты „Свѣтъ“ за пересылку ничего не платятъ.

LIVRES NOUVEAUX

en vente à la librairie de C. RICKER,

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14. Téléphone № 391.

- Annuaire illustré de l'armée française par Roger de Beauvoir 1891. 60 к.
- Becher, W. Robert Koch. Eine biograph. Studie mit Verzeichniss d. Schriften Kochs. 50 к.
- Berger, F. Theorie u. Praxis der Endspiele. Ein Handbuch f. Schachfreunde. 4 p. 50 к.
- Bley, Fr. Deutsche Pionierarbeit in Ostafrika. 1 p. 50 к.
- Brehm, A. E. Vom Nordpol zum Aequator. Populäre Vorträge. Mit vielen Illustr. Geb. 6 p.
- Brialmont, Général. Situation actuelle de la fortification. 60 к.
- Briefe Victor Hehns von 1876 bis zu seinem Tode 28 März 1890 an seinen Freund H. Wichmann. 1 p. 50 к.
- Брикнеръ, А. Материалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина. Томъ I—IV. 15 p.
- Compass, finanzielles Jahrbuch v. Oesterreich-Ungarn 1891, hrsg. v. S. Heller. 5 p.
- Déol, R. P. Jésus Christ 2 vol. 6 p. 40 к.
- Drummond, H. Pax vobiscum. Deutsche Ausgabe. 50 к.
- Eggers, Friedr. u. Karl. Chr. Daniel Rauch. Mit 1 Farbendruck, 128 Lichtdrucktafeln u. d. Phototypie eines Briefes v. Rauch. Band. 5. 15 p.
- Земшларскій, А. В. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г. Биограф. очерки. Т. I и II. 3 p. 20 к.
- Feiner, Fr. Obligatorische Civilehe u. Katholische Kirche. Gekrönte Preisschrift. 50 к.
- Гаршинъ, Вс. Третья книжка рассказовъ. 1 p.
- Гюйо, М. Происхождение идеи времени. Психологич. этюдъ. Перев. съ франц. 75 к.
- Goltz, G. Freiherr von der. Das Volk in Waffen. Ein Buch über Heerwesen u. Kriegführung unserer Zeit. 4 Auflage. 3 p. 50 к.
- Гордонъ, А. Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе. Съ 80 рисунк. 1 p. 75 к.
- Glassfeld, P. Die Erziehung d. Deutschen Jugend. 1 p. 25 к.
- Гур. Ohé! La grande vie!!! 1 p. 40 к.
- Hartmann, Ed. von. Die Geisterhypothese d. Spiritismus u. seine Phantome. 1 p. 50 к.
- Hilber, A. Graf von. Durch das Britische Reich. Südafrika — Neuseeland — Australien — Indien — Ozeanien — Canada. Mit Karte. 3 p. 75 к.
- Jensen, W. Die Kinder vom Oedacker. Roman, 2 Bde. 5 p.
- Iscenbeck, I. Wandlungen. Aus d. Papieren eines preuss. Offiziers. 1 p.
- Kaulen, Fr. Assyrien u. Babylonien, nach den neuesten Entdeckungen. Mit vielen Abbild. u. Karten. 2 p.
- Коршъ, В. Ф. Всеобщая исторія литературы, вып. 25. 1 p. 50 к.
- Leridan, F. Voyages des astronomes français à la recherche de la figure de la terre et de ses dimensions. 1 p. 20 к.
- Максимовъ, С. Сибирь и каторга. 3 т. 5 p.
- Манферсонъ, Диемъ. Поэмы Оссіана. Исхѣдованіе, переводъ и примѣчанія Е. В. Балобановой. 3 p.
- Мессеръ, Яковъ. Звѣздный атласъ для небесныхъ наблюдений. 2 изд. 5 p.
- Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 1—10, на лучш. бумагѣ по 40 к., на обыкн.—по 30 к. (Всѣхъ вып. предполог. болѣе 50).
- Немировичъ-Данченко, В. Сказки дѣйствительности. 2 p.
- Осташевъ, Л. И. Въ тѣни. Разказы и очерки. 1 p. 30 к.
- Peters, H. Kurze Anweisung zur Hausapotheke des Laien. 50 к.
- Прессъ, А. А. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Съ 196 черт. 2 p.
- Пыльицъ, А. И. Исторія русской этнографіи. Т. I и II. Цѣна за IV тома 10 p.
- Шелгуновъ, М. В. Сочиненія въ 2 томахъ съ портретомъ автора 3 p.
- Sembrzycki, F. Die Reise d. Vergerius nach Polen 1556—1557, sein Freundeskreis u. seine Koenigsberger Flugschriften. 90 к.
- Златовратскій, И. Собраніе сочиненій въ 2 томахъ съ портр. автора. 3 p.
- Tatistcheff, C. Alexandre I et Napoléon, d'après leur correspondance inédite. 1801—1812. 8 p.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ И НА ВИТРИНАХЪ ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ КОНТРАГЕНТСТВА
А. СУВОРИНА ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

„НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

П. П. ГНѢДИЧА.

Въ 2 томахъ; цѣна каждаго тома 1 рубль.

Содержаніе Тома I.

Свободныя искусства. — Ворона. — Антикъ. — Изъ галлерей фамильныхъ портретовъ: 1) Тетенька Прасковья Николаевна. 2) Прадѣдушка Ирнархъ Матвѣвичъ. — Веселое представленіе. — Елка.

Содержаніе Тома II.

Сны. — Работа Христіана Богданыча. — Кулисы: 1) Курочкинъ. 2) Онъ и она. — Сѣрое утро. — Буря. — Швейцаръ. — Невозвратное время. — Юбиларъ. — Инженеръ Благодасущенскій.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ», У КНИГОПРОДАВЦА ПОПОВА, ВЪ ЭСТАМПНОМЪ МАГАЗИНѢ БЕГТРОВА ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОРТРЕТЫ М. В. ЩЕЛКИНА.

Большая фотографическая копія съ извѣстнаго портрета работы И. Е. Рѣпина. — Цѣна 2 р. — Кабинетный форматъ — 75 коп.

Портреты продаются въ пользу Общества пособія нуждающихся сценическихъ дѣятелей.

ВОСТОКЪ, РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО.

Сборникъ статей **К. Н. Леонтьева.**

Два тома. (По 1 р. 50 к. за томъ).

Складъ изданія въ конторѣ „Русскаго Вѣстника“ (Б. Морская, 30).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
на 1891 годъ.

== Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1891 году стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15 р. 50 к.**, съ доставкою **16 р.**, съ пересылкою во всея города Россіи **17 р.**

— Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ“, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня.

== Заграницу принимается подписка въ государства, входящая въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — **18 руб.** Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

== Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ (Большая Морская, 30. Редакторъ Фед. Никол. Бергъ принимаетъ тамъ же), въ Книжномъ Магазиנѣ „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Тов. „Общ. Польза“ (Большая Подъяческая, д. 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“—на Страстн. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

— И городскихъ и иногородныхъ просятъ покорнѣйше адресоваться прямо въ Контору „Русскаго Вѣстника“, Спб., Большая Морская, д. 30.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) Перемена адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Контору Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Редакторъ-издатель Ф. Бергъ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Спб., Больш. Подъяч., № 39.

